

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

*Курского
края*

2

Комитет по культуре Администрации Курской области
Курский государственный областной музей археологии

ТОМ ВТОРОЙ

СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
*Курского
края*

А.В. Зорин
А.Г. Шпилев

Курск 2019

**ББК 63.3(2–4Кус)
3–86**

Книга издается в информационных, научных, учебных и культурных целях.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.Ф. Блохин (Брянский университет им. академика И.Г. Петровского)

доктор исторических наук, профессор А.М. Дубровский (Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского)

доктор исторических наук, профессор Н.А. Тропин (Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина)

Зорин, Александр Васильевич.

Страницы истории Курского края [Текст] / А. В. Зорин, А. Г. Шпилев ; Ком. по культуре Адм. Курской обл., Курский гос. обл. музей археологии. — Курск : Издательство ПОЛСТАР Курск, 2019.

Т. 2. — 2019. — 280 с. : ил., цв. ил., карты, портр., факс. — ISBN 978–5–906415–11–0

18+

Книга посвящена прошлому Курского края, охватывая период с конца XVIII до середины XIX вв. Богато иллюстрированное научно–популярное издание представляет читателю всестороннюю и полную картину истории края, основанную на новейших археологических и исторических исследованиях. Предназначена для студентов, преподавателей истории, краеведов и всех интересующихся историей своего Отечества.

ISBN 978–5–906415–11–0

Печать ООО «Издательство ПОЛСТАР Курск»
ИНН 4632156546
Тел.: 8–910–210–21–07
Подписано в печать 30.10.2019 г.
Формат 60х90 1/8
Бумага мелованная
Гарнитура Helios
Печать офсетная. Тираж 570 экз.
Заказ № 53.

© Курский государственный
областной музей археологии,
2019
© Коллектив авторов, 2019
© Дизайн издания
Л.А. Фролова, 2019

Оглавление

Первые правители Курской губернии — П.А. Румянцев–Задунайский и П.С. Свистунов (А.Г. Шпилев)	5
Самозванный Пётр III (А.В. Зорин)	13
Екатерина Великая в Курском наместничестве (12–16 июня 1787 г.) (А.Г. Шпилев)	16
Князь И.И. Барятинский — создатель Марьино (А.Г. Шпилев)	28
Коренная ярмарка (А.В. Зорин)	38
«Колумб российский» (А.В. Зорин)	44
«Первый фундатор» (А.В. Зорин)	51
Куряне в Русской Америке (А.В. Зорин)	57
Полевые: купцы и литераторы (А.В. Зорин)	68
Курские изобретатели и учёные (А.В. Зорин)	75
Театр и актёры (А.Г. Шпилев)	85
Музыканты и композиторы (А.Г. Шпилев)	97
Поэты и писатели (А.Г. Шпилев)	105
Преподобный Серафим Саровский (А.Г. Шпилев)	116
Курские дворяне в первой половине XIX века (А.Г. Шпилев)	125
Корчёмщики (А.В. Зорин)	145
«Кудеяры» и «воропаны». Курские разбойники XVIII — первой половины XIX веков (А.Г. Шпилев)	149
Курские копачи (А.Г. Шпилев)	159
Губернские скандалы (А.В. Зорин)	162
«Большая холера» (А.В. Зорин)	171
Народная школа (А.В. Зорин)	177
Гимназия и гимназисты (А.В. Зорин)	182
Декабристы и Курский край (А.В. Зорин)	190
«Геркулес» и кучер (А.В. Зорин)	197
«На войне взял Костюшку в плен» (А.В. Зорин)	206
Куряне и Отечественная война 1812 года (А.Г. Шпилев)	212
Курск и Крымская война (А.В. Зорин)	228
«Кавказцы» (А.В. Зорин)	235
Победитель Шамиля (А.В. Зорин)	245
Шамиль в Курске (А.В. Зорин)	253
Курские ссыльные (А.В. Зорин)	259
Отмена крепостничества (А.В. Зорин)	268
Курский государственный областной музей археологии (А.Г. Шпилев)	273
Источники и литература	275

Граф Петр Александрович Румянцев.
Настольная медаль. 1774 г. Гравёры И. Егер и П. Бобровщиков.
Создатель и первый наместник Курской губернии

ПЕРВЫЕ ПРАВИТЕЛИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ — П.А. РУМЯНЦЕВ- ЗАДУНАЙСКИЙ И П.С. СВИСТУНОВ

В соответствии с указом императрицы Екатерины II об «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) высшая власть над губерниями (наместничествами) принадлежала двум должностным лицам — генерал-губернатору (государеву наместнику) и губернатору (правителю наместничества). Генерал-губернатор, чья власть обычно распространялась на несколько губерний, осуществлял общее руководство, надзирал за деятельностью должностных лиц и командовал всеми полицейскими и военными силами, размещенными в пределах наместничества. Губернатор правил в одной губернии, осуществляя гражданское управление всеми правительственными учреждениями и сословными судами.

Первым генерал-губернатором учрежденной в 1779 г. Курской губернии (наместничества) стал генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Малороссийской и Слободско-Украинской губерний граф *Пётр Александрович Румянцев-Задунайский* (1725–1796).

Он родился в семье известного русского дипломата, генерал-аншефа, графа (с 1744 г.) Александра Ивановича Румянцева. Семья принадлежала к знатному русскому роду, основателем которого считался живший в XIV в. нижегородский боярин Василий Румянец. В возрасте 15 лет, после непродолжительного пребывания в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе (июль–декабрь 1740 г.), Пётр Румянцев в чине подпоручика отправляется в действующую армию и принимает участие в русско-шведской войне 1741–1743 гг. После её окончания он получает чин полковника и в возрасте 18 лет становится командиром Воронежского пехотного полка. В ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. генерал-майор П.А. Румянцев выдвигается в число лучших русских военачальников, а действия находившихся под его командованием полков обеспечили победу русских войск в сражениях при Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе.

В 1764 г., после отказа К.Г. Разумовского от звания гетмана Малороссии и окончательного упразднения гетманства, Екатерина II назначает П.А. Румянцева Президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором вновь учрежденной Малороссийской губернии с центром в г. Глухове. В секретной инструкции императрица предписывала ему приложить все силы для окончательного слияния этого края с Россией, а «для того необходимо иметь и волчьи зубы, и лисий хвост», т.е. действо-

Граф П.А. Румянцев–Задунайский.
Конец XVIII в. Неизвестный художник

Скульптурная группа с гербом фельдмаршала П.А. Румянцева–Задунайского. Германия. 1774 г.

В память учреждения губерний 1775 г. Настольная медаль. 1790 г. Гравёры Т. Иванов и П. Бобровщиков

вать не только грубой силой, но и хитростью. В 1765 г. П.А. Румянцеву также поручают возглавить и вновь учреждённую Слободскую (Слободско-Украинскую) губернию с центром в г. Харькове, объединив под его властью Киевское Правобережье и все населенные малороссами-украинцами области Днепровского Левобережья.

Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. П.А. Румянцев вновь проявляет себя как выдающийся полководец, одерживая блестящие победы над многократно превосходящими силами противника в сражениях при Ларге и Кагуле, за которые он был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени и удостоен чина генерала-фельдмаршала. В день заключения Кучук-Кайнарджийского мира Екатерина II осыпала военачальника милостями — к его фамилии было присоединено наименование «Задунайский», он стал кавалером высшего российского ордена Св. Андрея Первозванного, получил богатые денежные, имущественные и земельные пожалования.

23 мая 1779 г. Екатерина II приказывает Румянцеву-Задунайскому до конца года создать Курскую губернию, «составя оную из 15 уездов, а именно: Курского, Белгородского, Обоянского, Старооскольского, Рьльского, Путивльского, Новооскольского, Короченского, Судженского, Богатенского, Фатежского, Щигровского, Тимского, Львовского и Дмитриевского».

Подготовительные работы прошли в строгом соответствии с императорским указом, и 27 декабря 1779 г. состоялось её торжественное открытие. С.И. Ларионов в «Описании Курского наместничества» (1786 г.) сообщал, что «при открытии по Высочайшему повелению в Курске Наместничества, был Государев Наместник, его Сиятельство Генерал Фельдмаршал, и разных орденов Кавалер, Граф Петр Александрович Румянцев Задунайский. Правитель наместничества бывшей в Белгороде Губернатором его Превосходительство Генерал-

Герб графов Румянцевых. «Щит, разделенный на четыре части, имеет по середине малый золотой щиток, в коем видны два черных орла, каждый до половины. В первой и четвертой частях в красном поле изображено по одной серебряной кирасе. Во второй и третьей в голубом поле поставлены два дерева золотом означенные. Щит увенчан графскою короною, над которою находится серебряный шлем, окруженный наметом. На шлеме два распростертых чёрных орлиных крыла, между которыми выходит облачённая в латы рука, сжимающая меч. Намет на щите голубой, красный и чёрный подложенный золотом. Щит держат с правой стороны лев, а с левой барс. Внизу щита надпись: «Nonsolum armis» (Не только оружием)»

Герб дворян Свиштуновых. «Щит разделён на четыре части, из коих в первой в голубом поле изображён лев натурального цвета бегущий по серебряной горе с загнутым хвостом. Во второй части в золотом поле означены крестообразно масличная ветвь и шпага, остроконечием обращённая в верх. В третьей части в красном поле по середине на полосе серебром означенной видны две розы и между их меркуриев жезл положенный диагонально чрез полосу. В четвертой части в голубом поле красный гриф, входящий на серебряную крепость. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нём короною и тремя страусовыми перьями. Намёт на щите голубой и серебряный подложенный золотом и красным. Щит держат с правой стороны лев с загнутым хвостом, а с левой гриф смотрящие в стороны»

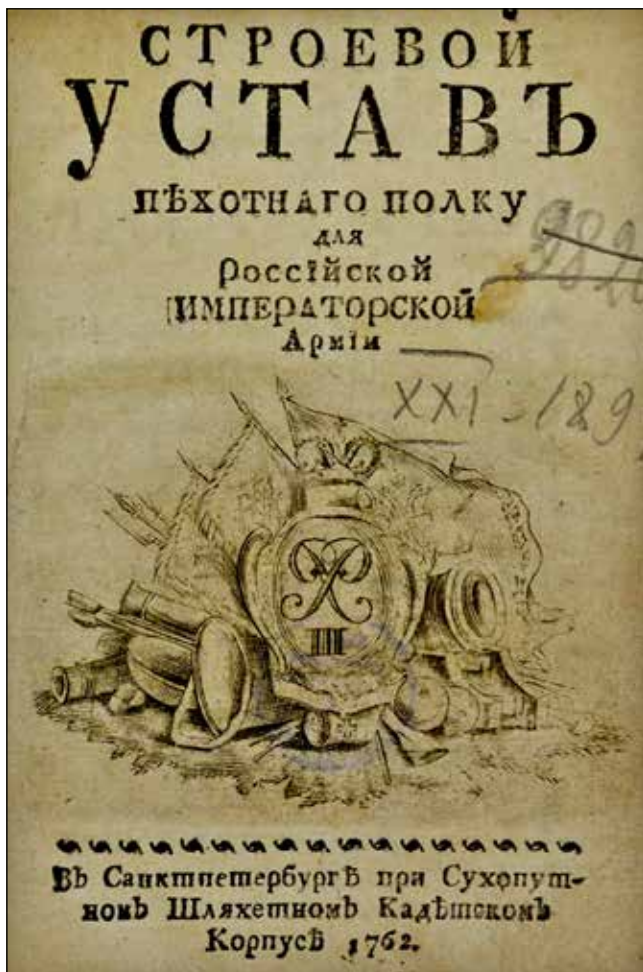
Кадет-мушкетер и кадет-гренадер Кадетского корпуса в царствование императрицы Анны Иоанновны в 1730–1740 гг. Акварель 1833 г.

Титульный лист «Строевого Устава пехотного полку для Российской Императорской Армии» П.С. Свиштунова. 1762 г.

Порутчик и Кавалер, Петр Семенович Свиштунов, Порутчик правителя Бригадир Александр Анисимович Чаплыгин. Открытие Наместничества происходило в 27 день декабря 1779 года, и учрежден Курск первенствующим губернии его городом. Число собравшихся г. Дворян из всех округ сего Наместничества было 389 человек, собственной его округи 61 человек». Торжества закончились праздничным обедом, который наместник дал в своей новой резиденции — двухэтажном деревянном доме, располагавшемся в южной части современного сада им. 1 Мая.

Сообщение об открытии нового наместничества было милостиво принято императрицей, которая 12 января 1780 г. отправляет на имя П.А. Румянцева-Задунайского благодарственное послание следующего содержания: «Граф Петр Александрович! С особливым удовольствием получила я донесения ваши о благополучном открытии Курского наместничества, присланная с директором экономии Башиловым. В сем случае новый подвиг ваш, оказанный по многим прежним в славу и пользу мою и империи моей, приемлю я с тем отличным благоволением и признанием, каковых усердие ваше к службе и благу общему прямо достойно. Приятно мне было видеть тут свидетельство ваше о чувствах благодарности, с каковыми дворянство и все общество тамошнее приняли мое о добре их попечения. Удостоверьте их, что событие сих моих на пользу их намерений есть главнейшее мое желание, а содействие со стороны их точным исполнением всего предписанного — лучшая предо мною и Отечеством жертва. Объявите равным образом удовольствие мое и всем духовным и мирским чинам, в сем деле в пособие ваше трудившимся. Пребываю, впрочем, вам доброжелательная Екатерина».

Согласно В.Б. Степанову, помимо работ по устройству и налаживанию деятельности вновь открытых губернских и уездных учреждений, назначению чиновников, устройству правильного судопроизводства и рассмотрению поданных на его имя прошений первый курский наместник проявлял заботу и о светском просвещении местных жителей. Так, 21 января 1780 года он отдаёт распоряжение наместническому правлению об организации первой общественной школы в г. Курске: «Известно мне, что на здешних обитателей попечительные отцы, стараясь о воспитании детей сво-

Въ Санктпетербургѣ при Сухопут-
номъ Шляхетномъ Кадѣтскомъ
Корпусѣ 1762.

их, сыскивают для обучения их из дальних мест учителей, с потеряннием немалою иждивения, но в одной особе редко сыскиваются все науки потребныя, а при заведении школ весьма уменьшится убыток и облежится забота. При пособии от общества, о коем губернский и уездные предводители с благородным дворянством не отрекутся взять на рассуждение, и при небольшой сумме, определенной в отпуск от казны, можно достигнуть столь преползеного предмета. Сие г. правителю Курского наместничества генерал-поручику П.С. Свистуну в рассуждение его великих о том знаний по прежней службе и долговременному управлению шляхетным [дворянским] кадетским корпусом препоручается».

Пребывание П.А. Румянцева-Задунайского в должности курского наместника оказалось недолгим. Исполнив свои обязанности по устройству Курской губернии и наладив в ней административно-управленческую деятельность, генерал-губернатор 22 февраля 1780 г. уведомил Курское наместническое правление о своем отъезде в Харьков на открытие Харьковского наместничества, образованного после упразднения Слободско-Украинской губернии. В 1781 г. императрица освободила П.А. Румянцева-Задунайского от обязанностей курского генерал-губернатора и назначила на эту должность князя А.А. Прозоровского.

Последние годы жизни П.А. Румянцева-Задунайский провел в своём имении Ташань (современная Киевская область, Украина), где и умер 8 декабря 1796 г. Великий русский полководец и выдающийся администратор был похоронен с воинскими почестями в соборе Успения Пресвятой Богородицы Киево-Печерской Лавры.

Историк Д.Н. Бантыш-Каменский так описывал П.А. Румянцева-Задунайского: «граф... был высокого роста, стан имел стройный, величественный; физиономию привлекательную, чуждую притворства, всегда спокойную; важная походка придавала ей некоторую гордость; отличался превосходною памятью и крепким сложением тела; не забывал никогда, что читал и видел; не знал болезней и на семидесятом году жизни своей мог проехать верхом в день пятьдесят вёрст. Он был набожен без суеверия... с умом прозорливым, основательным... соединял твёрдость, предприимчивость; был неустрашим; не знал препятствий при исполнении военных предназначений; не унывал среди опасностей, одарённый редким присутствием духа».

Постоянным помощником и заместителем П.А. Румянцева-Задунайского в деле организации жизни вновь образованного Курского наместничества стал первый курский правитель (губернатор) *Петр Семёнович Свистунов (1732–1808)*.

По семейному преданию, род Свистуновых происходил от салтана Свистуна, выехавшего из Зо-

лотой Орды сначала в Польшу, а уже оттуда — в Россию, где его сын Истома Салтанович принял православие и крестился. Достоверные сведения о представителях рода Свистуновых в русских документах появляются с 1568 г.

П.С. Свистунов родился в семье лейтенанта русского флота Семёна Степановича Свистунова. В 1745 г. он поступает в Шляхетный кадетский корпус (г. Санкт-Петербург) — элитное учебное заведение, готовившее дворянских детей к военной и гражданской службе.

Во время учёбы Пётр проявляет интерес к литературному творчеству. Он входит в созданное воспитанниками корпуса Общество любителей русской словесности, участвует в театральных постановках под руководством А.П. Сумарокова, переводит французские комедии и сочиняет стихи (подробнее см. «Театр и актёры», «Поэты и писатели»).

После окончания учебы Свистунов 5 сентября 1751 г. производят в прапорщики и оставляют преподавателем при корпусе. 29 сентября 1756 г. ему присваивают чин поручика, 25 ноября 1758 г. — капитан-поручика, 20 марта 1759 г. — капитана.

В это же время Пётр Семёнович становится членом столичной масонской ложи «Молчаливость» (она же «Скромность»). Об этом нам становится известно из донесения М. Олсуфьева, поданного им на имя управлявшего Тайной канцелярией графа А.И. Шувалова не ранее второй половины 1756 г. Среди «гранметров и масонов» ложи Олсуфьев упоминает не только Свистунова, но и его товарищей по театральному кружку (бригадира А.П. Сумарокова, капитана П.И. Мелиссино и Д. Остервальда), комиссара Кадетского корпуса С.В. Перфильева, офицеров Преображенского, Семеновского, Конногвардейского и Ингерманландского полков, а также музыкантов Мадониса, Вилда, Шнурфельда и Вакари, танцмейстера Кадетского корпуса Пеле и купца Миллера. Должность главного «гранметра» ложи занимал генерал-поручик Р.И. Воронцов.

Возможно, любителей русской словесности привлекали в масонстве не только идеи всеобщего братства и любви, но и окружавшие их обряды таинственности и театральности. Вот как, к примеру, Олсуфьев описывал ритуал посвящения в ту ложу, членом которой был Свистунов. Сначала посвящаемого приводили в помещение со стенами, оббитыми черной тканью, украшенной белыми цветами «во образе звездам». В середине комнаты стоял накрытый чёрным сукном стол, на котором были размещены человеческий череп, обнаженная шпага и заряженный пистолет. Человека сжали за стол, «и огонь вынести должно, и оной пришедший сидит против одного стола; а она мертвая голова, вделанная на пружинах, имеет движение, и так до одного касается». Затем, «сняв платья и обобрав

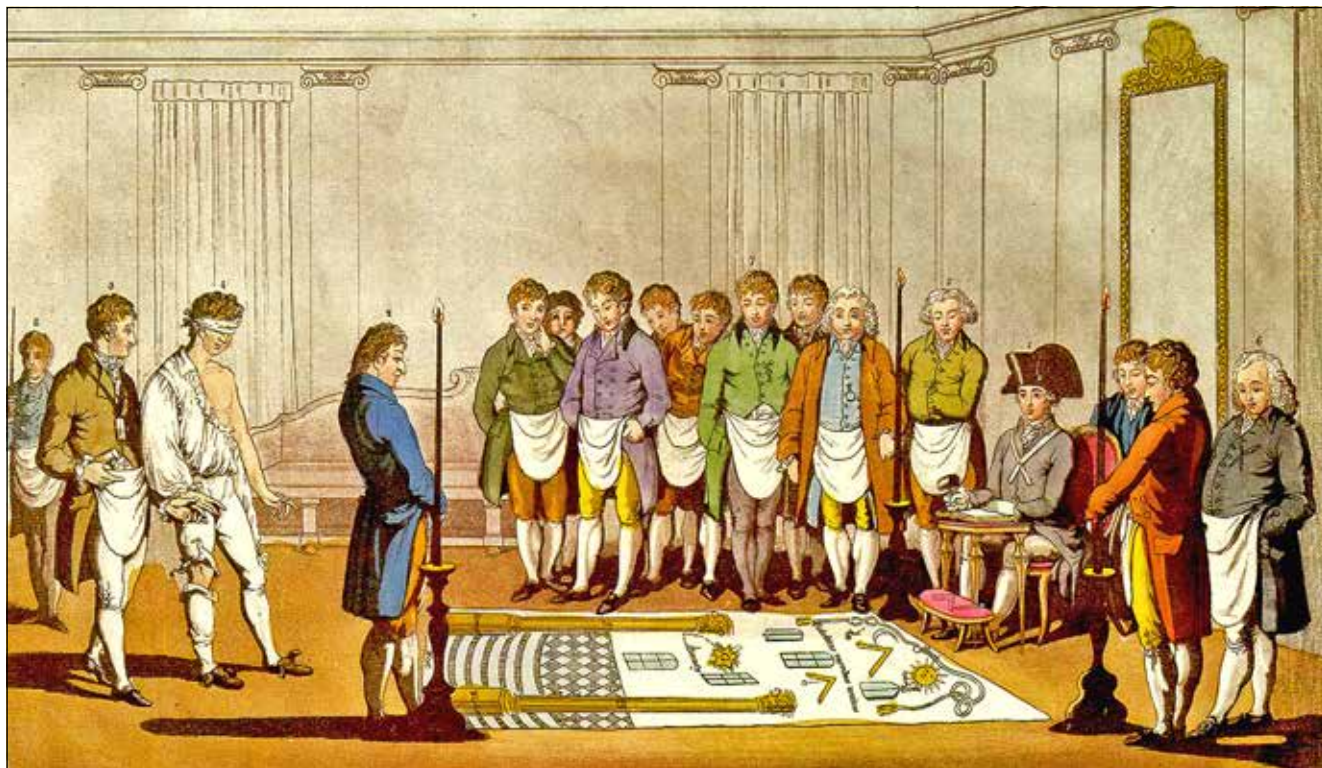
Писатель. Фрагмент наддверного панно
Б.В. Суходольского «Прогулка». 1754 г.

Скульптурная группа «Аллегория поэзии». Германия.
Между 1772 и 1774 гг. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)

Письменный прибор. Франция. XVIII в.

Подвеска с изображением перекрещенных ключей — символа
казначей масонской ложи. 2-я половина XVIII — 1-я половина XIX вв.
д. Белые Берега (Коньшевский район)

Посвящение в масоны. 1803 г. Английская гравюра

всякого звания метал и разув правую ногу и сняв рукав рубахи с левой руки» посвящаемого с связанными глазами подводили ко входу в ложу, где его встречали высокопоставленный представитель ложи («метр») с двумя сопровождающими его рядовыми членами. Они задавали испытуемому разные вопросы («сколько лет и где в службе») и затем, обнажив шпаги, вводили его в ложу и по расстеленной на полу «клеёнке, на которой начертан мелом храм Соломонов», подводили к покрытому пунцовым бархатом столу—«престолу» с лежащими на нём обнажённой шпагой и циркулем. Сидевший за столом «гранметр» ложи приказывал подвергнуть испытуемого трём «мытарствам». Трое сопровождающих с обнажёнными шпагами, взяв его под руки и неся зажженные свечи, обводили его дважды по кругу перед находившимися в комнате членами ложи «с употреблением при том сильном ветре и в воздухе огня, и потом взведя на особливую к тому приготовленную гору, имея повеление от гранметра, дабы оного скинуть с горы; по исполнении сему, оной представляется пред гранметром и присягает оному не иначе как Создателю нашему Христу, с приложением к тому печати Соломоновой, которая кладется на левом плече, и потом, циркулем проколов грудь, стирает сам текущую кровь платком, и, развязав глаза, повелевают у гранметра целовать левую ногу три раза, по окончании же сего доказывая, уверяют, что храм

Соломонов не иначе есть, как святое таинство, и защитник оного силою своею есть гранметр».

В правление императора Петра III (1761–1762 гг.) Пётр Семёнович проявляет себя как военный теоретик, поддерживающий проводимые государем преобразования русского войска по образцу армии прусского короля Фридриха II. Майор Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса Свиштунов создаёт «Строевой Устав пехотного полку для Российской Императорской Армии», призванный закрепить новую систему воинских уложений. Устав был прочитан и одобрен Петром III 27 марта 1762 года, а затем напечатан тиражом 1100 экземпляров. 25 июня 1762 г. его автору было присвоено звание подполковника.

Приход к власти Екатерины II не помешал дальнейшей карьере Свиштунова. В 1770 г. он получает чин генерал-майора, в 1771 г. становится членом Государственной военной коллегии, в 1774 г. входит в состав Комиссии по расчёту претензий с Прусской Камерой.

В 1775 г. Свиштунова производят в генерал-поручики и назначают белгородским губернатором, а после упразднения Белгородской губернии в 1779 г. он становится первым правителем Курского наместничества.

В.Б. Степанов считал, что именно на Петра Семёновича легли все заботы по превращению Курска в столицу новой губернии, поскольку П.А. Ру-

мянцев–Задунайский осуществлял лишь общее административное и организационное руководство. Подтверждением этого является его письмо, отправленное Свистуну в Белгород 6 февраля 1779 г., в котором генерал–губернатор отмечал: «Я должен отдать справедливость вашему неусыпному попечению и трудам, кои вы в мое облегчение к вновь учреждаемому Курскому наместничеству прилагаете. Найденные вами в Курске к употреблению на будущие строения три дома: курского секретаря, протопopa соборной церкви и выстроенный купцами постоялый двор купить по сходной цене за деньги из определенной на таковые надобности двенадцатитысячной суммы».

Несмотря на огромный объем строительных и организационных работ по возведению административных зданий, все они были выполнены в срок. К моменту официального открытия наместничества в Курске были построены наместнический двухэтажный дом и шесть корпусов Присутственных мест для губернской администрации, а в уездных городах — здания для земских судов, дворянских опеков, городских сиротских судов и нижних расправ. В это же время город обзавелся и первыми улицами с каменным покрытием. По указу П.С. Свистунова становившиеся прежде непроходимыми во время дождей городские улицы стали мостить кусками фосфорита или «самородного камня», который добывался местными жителями на берегу р. Тускарь. 1 января 1780 г. П.С. Свистунов за свои труды был награжден орденом Св. Анны.

Посетивший Курск в 1781 г. член Санкт–Петербургской Академии наук В.Ф. Зуев в своих «Путешественных записках» сообщал о его правителе следующее: «На другой день имел я честь быть у г. Губернатора Петра Семеновича Свистунова, известного как по душевным дарованиям, так и сочинениями своими в ученом свете мужа. Ласкою его превосходительства и оказанными во всё время бытности моей в сем городе милостями я был весьма доволен; и как в короткое время нельзя мне было узнать всего того, что до Наместничества сего любопытного касается, то его превосходительство управляя уже несколько лет и Белгородскою прежде губерниею, и Курским ныне наместничеством, не мало мне способствовал, что знать о сих местах было можно. В разсуждении древности сего города, сказывают, что здесь было княжение еще при Олеговых детях, однако в то время город находился будто не на сем месте, на котором стоит ныне. Несчастные случаи много

истребили известий до истории его касающихся, однако рачительный г. Губернатор собрал все сии довольно обстоятельно и надеюсь со временем удовлетворит любопытство Российских историков». Помимо истории П.С. Свистунов также интересовался естественными науками, и В.Ф. Зуев во время своего визита осмотрел собранную им коллекцию заспиртованных паразитов, водившихся в печени домашнего скота.

В январе 1782 г. Свистунова отстраняют от должности и Сенат возбуждает против него дело о совершенных им в губернаторской должности преступлениях. В 1788 г., в поданном Екатерине II прошении он писал, что «страждет невинно шесть лет» по проискам купцов, недовольных его мерами по наведению порядка в г. Курске, и жаловался на недоброжелательство нового генерал–губернатора князя А.А. Прозоровского. Уволенный «по прошению» от службы в 1793 г., после смерти Екатерины II он был обласкан новым императором Павлом I, который в 1796 г. пожаловал его в генерал–аншефы, назначил членом Государственной военной коллегии, а в день коронации наградил орденом Св. Александра Невского.

В 1797 г. П.С. Свистунов получает чин действительного тайного советника и назначается членом Правительствующего Сената.

В 1799–1802 гг. он исполнял обязанности главного директора Государственного Ассигнационного Банка, участвовал в работе Комиссии об учреждении школ (с 1799 г.) и Комитета для просмотра министерских отчетов (с 1803 г.), с 1805 г. «присутствовал» в I департаменте Правительствующего Сената.

Пётр Семёнович скончался в возрасте 76 лет. Смерть его была отмечена вышедшим небольшим тиражом «Излиянием сердечных чувств по случаю кончины его высокопревосходительства господина действительного тайного советника, сенатора и разных орденов кавалера Петра Семеновича Свистунова, последовавшей 1808 года марта 4 числа».

Ставшие первыми руководителями Курской губернии великий полководец и любящий изящную словесность чиновник были непохожи друг на друга характерами, образом жизни и служебными интересами. Но именно их труды заложили основы административно–территориального управления Курским краем в конце XVIII — первой половине XIX вв. и позволили им занять достойные места среди возглавлявших его в разные исторические периоды руководителей.

САМОЗВАННЫЙ ПЁТР III

В июле 1762 г. в России произошёл очередной дворцовый переворот. Император Пётр III был свергнут и вскоре убит. На престол взошла его супруга, которая стала править как императрица Екатерина II. Если дворянство в целом поддержало переворот и смирилось с его итогом, то большая часть простого народа продолжала относиться к новой царице с подозрением и недоверием. Многие не верили в смерть законного царя и ожидали его возвращения. Не случайно эпоха Екатерины II оказалась наполнена многочисленными самозванцами — всего их известно 59. При этом 24 самозванца выдавали себя именно за Петра III.

Первый из этих авантюристов появился уже в 1763 г. на юге Курского края. Это был 29-летний армянский купец Антон Асланбеков. Проторговавшись на пути из Москвы в Нежин, он подделал документы и, получив по ним 16 000 рублей, скрылся в Белгородской губернии. Вначале он проживал в Курске, а затем подался на юг. Скитаясь по сёлам и деревням Обоянского, Суджанского и Миропольского уездов, он вскоре приобрёл известность как умелый лекарь. Необыкновенные способности и таинственность, которой окружал себя смуглый незнакомец, стали порождать слухи о его происхождении. Загадочный лекарь эти слухи не подтверждал, но и не спешил опровергать. В итоге, немало местных жителей все-таки уверовало, что в их хатах скрывается от коварной супруги сам государь император Пётр Фёдорович. Кто и когда пустил этот слух, доискаться так и не удалось. Московский главнокомандующий граф П.С. Салтыков 23 сентября 1764 г. сообщал императрице, что ради этого следует прибегнуть к «пристрастным допросам», но для этого ему требуется высочайший указ.

Однодворец Степан Гречихин позднее сообщал при допросе, что узнал о явлении воскресшего императора от крестьянина Каменева. Тот сообщил ему, что «государь» сейчас проживает в обоянской деревне Башкатово и взялся провести туда Гречихина, пожелавшего «отдать поклон» царю-батюшке и пожаловаться на обиды от местных помещиков. На другой день Гречихин приехал в Башкатово, явился в дом Каменева и вместе с ним *«для отдания поклона пошли к тому называемому бывшему государю, и принес он Гречихин, с собою в почесть ему, Асланбекову две пары птиц, а по приходе сказал, что пришел он для отдания поклона, который, сидя спрашивал не имеет ли какой-нибудь жалобы и какого де звания человек. Почему он, Гречихин и объявил о себе, что он однодворец и жалобы приносит на тамошних помещиков в обиде, а какой точно не выговаривал; на которую просьбу он и сказал, что с ними ворами, будешь делать, и все то означенный Каменев подлинно слышал...»*

Но отнюдь не все были столь же доверчивы. Верный престолу и государыне рейтар Демидов взял подозрительного лекаря под караул и препроводил в Миропольскую воеводскую канцелярию. Затем

Великий князь Пётр Фёдорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна с пажем. 1756 г. Художник А.–Р. Лисевская (де Гаск)

самозванца отвезли в Обоянь, откуда доставили в Белгородскую губернскую канцелярию. Отсюда его направили в Москву, но сторонники самозванца не дремали. В Курске самозванца «скрали из караула» верные ему однодворцы и затем укрыли его на своих пасеках. Благодарный Асланбеков, как потом показывали свидетели, говорил им: «Детки, берегите меня, я де земной ваш бог».

Отсидевшись на однодворческих пасеках, Асланбеков раздобыл новый фальшивый паспорт и решил бежать в Польшу. Проводить его к границе вызвались дочь однодворца деревни Бегичевой Обоянского уезда Алёна Переверзева 25-ти лет, подданный Богородицкого Знаменного монастыря служитель Ермолай Бородин 23-х лет и однодворец села Буянцы Суджанского уезда извозчик Алексей Щетинин 27-ми лет.

Беглецам удалось благополучно добраться до польского рубежа, где они остановились в раскольничьей слободе. Тут их всех и арестовали.

Самозванец и его помощники были доставлены в Киевскую губернскую канцелярию, а потом отосланы в Москву.

На допросах Асланбеков отрицал, что называл себя государем, и уверял, что узнал об этом слухе от помещика отставного капитана Сафонова. Переверзева показывала, что слух о спасшемся государе был ей известен, и открыто заявляла, что Асланбеков и есть Пётр III. Щетинин же утверждал, что о слухе узнал от Переверзевой, поверил ей, рассказал о том своим братьям и другим однодворцам. При этом, однако, он показывал, что Асланбеков угрозами заставил вести его к границе. Бородин сообщил, что узнал о слухе от однодворцев, выкрывших Асланбекова.

Одновременно в Белгородской губернской канцелярии допрашивали 23 однодворца, причастных к этому делу. Они обвинялись в том, что, услышав ложное разглашение, признали его, почитали Асланбекова и друг другу «разглашали», не донося об этом. Некоторых также обвиняли в участии в вывозе Асланбекова из Курска из-под караула.

По итогам следствия 5 января 1765 г. последовал указ императрицы. В нём говорилось, что хотя по законам Асланбеков заслуживал бы казни, но так как преступление совершено им единственно «по его дерзости, а не меньше», лишь потому, что он желал освободиться из-под караула и избавиться от наказания за подчистку в паспорте, и так как «оное ево разглашение по существу самого дела и дальнейшего уважения не заслуживает», то ввиду всего этого, а особенно ради милосердия императрицы, Асланбеков от истязания и от казни освобождается и приговаривается к наказанию плетью там, где он это «разглашение учинил», и ссылке в Нерчинск, в работу.

Щетинина, Переверзеву и Бородина было велено наказывать плетью и отпустить. Остальных задержанных однодворцев, кроме ложно оговоренных, — также наказывать плетью, а тех, кто не знал слуха о Петре III, — батогами. Доказать причастность к делу отставного капитана Сафонова не удалось, и дело о нём было прекращено.

Первый самозванный Пётр III показался властям сравнительно безобидным мошенником. Но это было только начало...

Подвеска с портретом Петра III. 1761 г.

Армянский купец. Гравюра 1845 г.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ В КУРСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ

(12-16 ИЮНЯ 1787 Г.)

В 1786 г. Екатерина II принимает решение совершить путешествие по недавно присоединенным к России землям Таврии (Крым) и раскинувшейся в причерноморских степях Новороссии.

Маршрут движения императрицы и сопровождающих её лиц был продуман в мельчайших подробностях — определены места остановок, обедов и ночлегов, разработан внешний вид и внутреннее убранство путевых дворцов, определены сроки и пункты сбора лошадей, издан путеводитель «Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году», разосланы указы местным властям с повелением подготовить всё необходимое к беспрепятственному и торжественному шествию императрицы по подведомственным им губерниям.

Футляр для «Собрания карт для путешествия Её Императорского Величества в 1787 году»

В канцелярию Орловского и Курского генерал-губернатора *Франца Николаевича Клички* такой указ поступил весной 1786 г. Заверенный собственноручной подписью императрицы рескрипт гласил: «Господин генерал-поручик Кличка! Предпринятое Нами путешествие для осмотра разных Губерний положили Мы с помощью Божою исполнить в Январе будущего 1787 года, в следствии чего дан Нами Указ Сенату о поставке для проезда Нашего потребного числа лошадей по новой Порховской дороге через Смоленск, Мстислав, Новгород-Северский, Чернигов, Киев; отсюда шествие Наше будет до Екатеринослава водой, от Екатеринослава же через Херсон, в Область Таврическую и возвратно через Черкасск, Бахмат, Тор, Изюм, Харьков, Курск, Орел, Тулу и Москву; доставляя при сем маршрут, уверены Мы, что со стороны Вашей все потребные приготовления и распоряжения к выгодному проезду Нашему учинены будут, пребываем в прочем Вам благосклонны. Екатерина. В С.-Петербурге. Марта 2-го 1786 г.».

По Курскому наместничеству для императорской процессии был намечен следующий путь: станция Черемошная — Белгород — постоянный двор Озерово — постоянный двор Ильинского у хутора Покровского — Обоянь — Медвяной Колодезь (Медвянка) — постоянный двор Селихова — Курск — Курасово — у Сороковского Колодезя — Ольховатое — Очки.

Сразу после получения высочайшего указа Ф.Н. Кличка начинает деятельную работу по его выполнению. В направленном 30 марта 1786 г. послании губернскому предводителю дворянства *Василию Аристарховичу Похвисневу* он приказывает, чтобы «пролегающая от Харьковской до Орловской губернии, чрез прописанные в маршруте города и селения дорога была в наилучшее приведена состояние, мосты и гати исправлены бы были со всевозможнейшею удобностью, к проезду на горах и буграх снято бы было столько земли, сколько потребно для выгодного проезда, о сём земские исправники согласясь с предводителями [уездного дворянства] сделали бы положение исправить то жителями казённых и владельческих селений... исполнив всё то непременно в точности нынешнего лета, но в свободное от крестьянской работы время». Также В.А. Похвисневу предлагалось «снести с уездными предводителями как о столбах, которые должно поставить на уездных границах, так и о триумфальных воротах, которые соорудить, кажется нужно, для засвидетельствования благоговейного восхищения чувствуемого верноподданными сердцами от Всемилостивейшего Ея императорского Величества посещения».

По свидетельству новооскольского дворянина И.О. Острожского-Лохвицкого, для претворения этих планов в жизнь с осени 1786 г. среди курских помещиков начался сбор денег на закупку лоша-

дей для проезда императрицы, «на которых с душ, положенных за помещиками, брали по 17 копеек с души, а на постройку триумфальных ворот и прочего по 10 к., дворцы же для ночлега и обеда её величества строены подрядом с казны».

Генерал-губернатором также был разработан и подробный церемониал встречи Екатерины II «во время Высочайшего Ея Императорского Величества шествия в Курском Наместничестве». Однако в самый разгар подготовительных работ Ф.Н. Кличка скоропостижно скончался в Орле 28 октября 1786 г. и начатое им дело было завершено курским наместником *Афанасием Николаевичем Зубовым*.

Царственное путешествие началось в первых числах 1787 г.

И.О. Острожский-Лохвицкий откликнулся на это событие следующей записью в своём дневнике: «1787 г. — Господи благослови! — Генваря 2 Ея Величество Государыня Императрица Екатерина Алексеевна изволила предпринять путь со всею своею свитою из Санкт-Петербурга в Киев, как выше писано. 9 же января в дворянской новооскольской опеке сделан приговор о сборе всему новооскольскому дворянству в город Новый Оскол для расположения на души потребного числа дерева, хворосту, елей и фашин для сделания от Курска к Обояни к шествию её величества дороги, почему в 19 день и были мы все в собрании в дворянской опеки, от 9 часа и до 7 по полудни, располагая, каким бы легчайшим образом те материалы можно было выставить в Курск. А наконец вздумали сделать подряд и поступились дать со всякой души по 10 к. новооскольскому городничему Бабанину, который подрядился толикое число, коликое было потребно, выставить сеи зимы на уречённое место к Курску, с ближней своей к тому месту деревни курской, бревен, в срубе 5 вершков, 700, хворосту 1300 возов, елей 600, фашин 2000, бревен малых 400, кольев 5000».

К началу лета 1787 г., когда Екатерина II отправилась из Крыма в обратный путь, все основные приготовления к приёму на курской земле царственной гостьи были закончены.

Согласно Н.А. Пузанову, на границах губернии с Харьковским и Орловским наместничествами, а также на границах уездов, через которые должна была проезжать императрица, на средства дворян возвели каменные «прекраснейшего вида с гербами губерний и уездов» триумфальные ворота, украшенные зеленью, цветочными гирляндами и хлебными колосьями, а вдоль дороги от р. Сейм до триумфальных ворот в Курске установили верстовые каменные столбы.

Для торжественного сопровождения императрицы в Курске был собран конный отряд из 120 потомственных дворян. Всадники ехали на прекрасных светло-серых лошадях, украшенных оди-

*Фейерверк в честь Екатерины II в 1787 г. Около 1787 г.
Художник Я.-Б. Плерш.*

На картине изображена торжественная иллюминация в честь проезда императрицы через Канев во время её путешествия в Крым

Побеждённый турецкий воин. Германия. Около 1787 г.

Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург). Фигурка входит в «Берлинский десертный сервиз», преподнесённый императрице Екатерине II королем Пруссии Фридрихом II в 1772 г. и прославляющий победы России над Османской империей

наковой сбруей из чёрной кожи с серебряными накладками, немецкими седлами и голубыми чепраками с серебряными галунами и бахромой. Почти все дворяне были отставными военными и носили мундиры по образцу тех, в которых некогда служили. Большая часть — в тёмно-синих легкоконных и светло-зелёных пехотных мундирах с красными воротниками, обшлагами и отворотами, несколько человек — в гусарской форме. Оставшиеся статские были одеты в белые камзолы и застёгивающиеся гладкими белыми пуговицами губернские мундиры алого цвета с голубыми воротниками, обшлагами и отворотами. Дополняли торжественный наряд представителей почётной стражи сабли и шпаги с золотыми темляками.

Было создано 13 станций, на которые согнали 7150 подменных лошадей для императорского поезда. На тех станциях, что были определены для обедов и ночлегов, на казённые средства построили изящные путевые дворцы со всеми необходимыми служебными строениями. Там же, где императорский поезд собирался только менять лошадей, курское

Портрет Екатерины II в дорожном костюме. 1787 г. Художник М. Шибанов. Портрет написан в Киеве во время путешествия императрицы в Крым

Медаль в память путешествия императрицы Екатерины II в Крым. Обратная сторона. 1787 г.

дворянство возвело роскошно убранные галереи.

Для поддержания порядка на всех станциях от дворянства были назначены ответственные офицеры, которые управляли собранными здесь ямщиками, число которых могло достигать двухсот человек, руководили распределением лошадей под экипажи, выдавали ямщикам прогонные деньги, наблюдали за сохранностью находящегося на станции имущества и припасов. История сохранила для нас имена только двух «хозяев» курских станций — заведующего Селиховской станцией капитана И.Я. Белевцева и заведующего станцией в Курасово капитана 2-го ранга Н.А. Каменева.

12 июня 1787 г. Екатерина Великая прибыла на границу Харьковского и Курского наместничеств. Императорский кортеж, состоящий из запряженных 582 лошадьми 14 карет и 105 колясок, в которых размещалась блистательная свита придворных, иностранные послы и более двух сотен слуг, представлял собой величественное зрелище. Помимо пассажирских экипажей, в обозе также находились коляска-аптека, коляска-кофейня, 3 коляски-кондитерские, коляска с напитками, коляска-почивальня, 8 колясок для утренней кухни

и 8 колясок — для вечерней кухни. Эти коляски-кухни всегда отправлялись впереди шествия, и императрицу по прибытию к месту остановки уже ожидали готовые обеды или ужины.

На курской земле императрицу встречали губернатор действительный статский советник А.Н. Зубов, губернский и уездные предводители дворянства, губернский землемер, а также представляющие Белгородский уезд предводитель дворянства подполковник С.Д. Абрютин, судья, исправник, землемер и конный отряд драгун из Белгорода.

По указу сопровождавшего императрицу гофмейстера двора и тайного советника графа А.А. Безбородко курский губернатор передал Екатерине II рапорт о благосостоянии наместничества, который она прочитала и, передав гофмейстеру, с улыбкой приветствовала А.Н. Зубова. Губернский предводитель В.А. Похвиснев от лица курских дворян поздравил государыню с прибытием и также удостоился её милостивой улыбки и благодарности.

Кроме официальных лиц, по обе стороны границы Курского наместничества скопилось огромное

количество народа. Согласно Н.А. Пузанову, «дворянство, купечество, мещане, поселяне, крестьяне и всякого звания люди, с женами и детьми, со всех городов, селений, деревень и хуторов, оставив только самых престарелых, не могших уже ходить, и малолетних детей, все спешили навстречу Императрице и ожидали с восхищением незабвенного дня прибытия Ее в нашу губернию; несколько дней и ночей шли и ехали тысячами во все города и селения, по которым должна была проезжать Императрица; не было ни одного дома и двора, который бы не занят был множеством народа и экипажей».

Согласно воспоминаниям современников, при виде императрицы встречающих охватил благоговейный восторг. Люди непрерывно кричали «Ура!», бросали вверх шляпы, становились на колени и, воздевая к небу руки, благодарили Бога за радость лично видеть государыню. Императрица благодарила и кланялась по сторонам.

По завершении торжественной встречи Екатерина II проследовала на станцию Черемошная, где во временном дворце для неё и свиты был приготовлен торжественный обед. Во время движения перед императорской каретой по два в ряд ехали курские дворяне, а в 50 сажнях от них скакал отряд драгун. По обе стороны дороги непрерывной стеной стояли толпы народа, приветствующие императрицу громкими криками.

После обеда, к которому помимо свиты были приглашены губернатор А.Н. Зубов и губернский предводитель дворянства В.А. Похвиснев, шествие направилось к первому уездному городу Курского наместничества — Белгороду. Согласно Н.А. Пузанову, «за версту от Белгорода встретил по церемониалу императрицу городской магистр, у триумфальных градских ворот при колокольном звоне и громе пушек — купечество с главою и комендант с гарнизонною командою, собравшимся из всех мест дворянством и разного звания народом. Все улицы от ворот до дома помещика Николая Федоровича Озерова, где императрица имела ночлег, были наполнены народом, который при беспрестанном радостном восклицании «ура!» окружал её карету. Никакие полицейские приказания и распоряжения не могли его остановить; колокольный звон и гром пушек не умолкал». Духовенство в торжественном облачении окропляло святой водой путь перед её каретой, а у храма Св. Пророка Ильи императрицу встретил епископ Белгородский и Курский Феохист в сопровождении белого и чёрного духовенства. В 6 часов вечера императрица прибыла в предназначенный для ночлега дом, который до поздней ночи окружали толпы местных жителей. Когда ночь опустилась на город, весь Белгород озарился сиянием огней, освещавших его улицы, дома и церкви до рассвета.

Утром следующего дня сопровождаемая блестящей свитой Екатерина II в великолепной ка-

рете, в которой вместе с ней ехали графиня Е.В. Скавронская, камер-фрейлина А.С. Протасова и фрейлина графиня Е.И. Чернышева, прибыла в кафедральный Свято-Троицкий собор. От дворца до собора все улицы были устланы травою и цветами, а по обочинам дороги непрерывной стеной стояли приветствовавшие императрицу люди. У входа в собор её величество встречал епископ Белгородский и Курский Феохист с тремя архимандритами, внутри храма — местные дворяне и лучшие купцы. Для императрицы было приготовлено кресло под украшенным малиновым бархатом, золотыми шнурами, кистями и бахромой балдахин, увенчанным двуглавым орлом. Позади кресла, на обитой бархатом стене, золотом был вышит императорский вензель. После литургии преосвященный Феохист отслужил благодарственный молебен о благополучном возвращении императрицы после шестимесячного путешествия в пределы древней России. Во время провозглашения протодиакон её величеству и всему августейшему её дому многолетия в городе был произведён пушечный салют.

Всё богослужение государыня прослушала стоя, а после его окончания и приложения к местным святым иконам и чудотворному образу Святителя Николая некоторое время беседовала с владыкой Феохистом в его покоях. Показывая своё жилище проезжавшему через Белгород в 1808 г. Д.Н. Бантыш-Каменскому, епископ вспоминал об этом разговоре так: «В сей самой комнате, где мы теперь находимся, ...сидела и сия великая монархиня; здесь хвалилась она мне прогнанием татар за границу, и на ответ мой, что чрез это сделала она великое благодеяние Малороссии [территория современной центральной и северной Украины], от них много пострадавшей, возразила следующими словами: «что вы мне говорите о Малороссии? производя сие в действие, я не помышляла даже о ней, но думала о благоденствии целой России».

Губернатор А.Н. Зубов и губернский предводитель дворянства В.А. Похвиснев в утренних торжествах участия не принимали, так как с рассветом отправились вперед для осмотра дороги и приготовления ночлега в путевом дворце, построенном у постоялого двора Ильинского, расположенного на Красном Кургане близ хутора Покровского. Сюда же вечером в дорожной карете прибыла и Екатерина II, после прощального обеда покинувшая Белгород 13 июня в 3 часа дня.

И.О. Острожский-Лохвицкий, во время визита Екатерины II остававшийся по служебным делам дома и посетивший Белгород только 20 сентября 1787 г., записал в своём дневнике: «после литургии ходя по городу, рассматривал следы Ея Величества: видел триумфальные, сделанные близ мосту на харьковской дороге, ворота, на коих, сверху

других изображенных знаков усердья, сделана золотистыми литерами надпись такова: «Благоденствуем мы в премудрости твоей». В соборной церкви сделан трон, обитый внутри бархатом малиновым с золотым газом, а на правой стороне к стене корона и вензелем сделанное имя золотым позументом, вокруг же написаны приличные царским жертвоприношениям пункты живописною работою, а на левой стороне на стене портрет Ея Величества. Дом, где Ея Величество изволила пробыть две ночи и один день, выстроен деревянный в каменном квартале, повыше Смоленской церкви, к жилой слободе. Окрашен снаружи зеленою краской, а вокруг двора ограда каменная, равно и флигели каменные. Перед домом щит деревянный обсажен соснами, а внутри в каком уборе, писать не могу, потому что по некоторым причинам я внутри оно не был. На выезде из города две каменные пирамиды».

14 июня в 9 часов утра царственное шествие по курской земле продолжилось.

По свидетельству Н.А. Пузанова, на всём своём протяжении «дорога от границы губернии до губернского города Курска волновалась многочисленными группами людей и экипажами; одни провожали, бежали вслед, другие встречали: радостное ура! от кареты императрицы переходило за несколько верст от одной группы народа до другой; дамы, девицы, поселянки устилали путь императрицы цветами и травой; дети выбегали на дорогу с цветочными венками, которые снимая бросали во сретение [при встрече] императрицы на дорогу, а по проезде её собирали, возлагали на свои головы, резвились, шумели, отнимали один у другого; Государыня радовалась, бросала им из собственных рук на обе стороны деньги. Везде по селениям, где проезжала Императрица, поселянки и их дети подносили ягоды, яйца, сливки, мёд и всё, кто что мог и имел... Государыня с удовольствием принимала их приношения и при них кушала ягоды и сливки и дарила им деньги». Проезжая через лежащие на пути селения, государыня несколько раз приказывала призывать к себе крестьян, лично с ними разговаривала, расспрашивала о нуждах. Убедившись в том, что многие из них бедствуют вследствие бывшего тогда в губернии неурожая, она распорядилась оказать особо нуждавшимся помощь зерном, на покупку которого помимо казённых средств было выделено 10 тысяч рублей из её личного фонда.

На пути к Курску торжественное шествие сделало ещё три остановки.

Первая — в г. Обояни у дворянки А.С. Сафоновой, пожалованной за гостеприимство бриллиантовым перстнем, вторая — в слободе Медвянке (Медвяном Колодезе), где императрица обедала в доме помещицы А.Ф. Черемисиновой, и третья — на расположенной в 16 верстах от Курска почтовой

станции при постоялом дворе Селихова, куда царский поезд прибыл в 4 часа дня.

Для встречи государыни на Селиховых Дворах собралось до 100 000 человек. По словам очевидца, глазам прибывающих представало изумительное зрелище: «не город, потому что там не было ни домов, ни церквей, не военный лагерь многих полков: их так же там не было, а всего более — богатейшая и многолюднейшая ярмарка. Дворянство в лучших парадных экипажах, прислуга в богатых ливреях: везде разбиты были палатки и подвижные домики из парусины, шалаши, сараи; во многих местах гремела музыка, в отдалённых частях стана слышались рожки, хоры песенников; народ с невыразимой радостью ожидал свою императрицу и, прославляя её, веселился».

Здесь государыню торжественно приветствовали губернатор А.Н. Зубов, вице-губернатор А.И. Анненков, губернский и 15 уездных предводителей дворянства, губернский почтмейстер, почтальоны, курская военная команда и отряд из 120 курских дворян. После окончания церемонии Екатерина II была приглашена на праздничное угощение в специально устроенную дворянством галерею, где она отведала приготовленные блюда и милостиво благодарила отвечавшего за приём капитана И.Я. Белевцева.

Затем императрица пересела в запряжённую 12 лошадьми парадную восьмистекольную золоченую карету, и торжественный кортеж медленно направился в сторону Курска.

Согласно церемониалу, в 300 метрах перед каретой государыни по два в ряд скакали почтальоны во главе с почтмейстером, курская штатная воинская команда с офицером, 120 курских дворян, 15 уездных предводителей дворянства и, перед самой каретой, губернский предводитель дворянства.

Погода была превосходной, сияло солнце, на небе не было ни облачка. Окруженный огромными толпами народа, под несмолкающее радостное «Ура!», великолепный императорский кортеж медленно продвигался к столице губернии.

Как только царский поезд переправился через реку Сейм и карета императрицы показалась на городской черте в семи верстах от Курска, раздавшийся выстрел вестовой пушки, а затем гром пушек и колокольный звон возвестили курянам о прибытии венценосной гостьи. У пограничного городского вала Екатерину II приветствовал курский городничий, сопровождаемый отрядом драгун, а стоящие в парадном строю Тульский, Ростовский и Апшеронский мушкетерские полки под общим командованием генерала-аншефа графа М.Ф. Каменского встретили её преклонением знамён, барабанным боем, музыкою и беглым ружейным огнём.

В первых рядах огромной толпы встречающих стояли нарядно одетые девушки, устлавшие путь

Путь следования Екатерины II по Курскому наместничеству 12–16 июня 1787 г.
(по «Собранию карт для путешествия Её Императорского Величества в 1787 году»)

императрицы цветами. От городской заставы до триумфальных Херсонских ворот были выстроены собранные из окрестных селений девушки—крестьянки, а от ворот до Георгиевской площади — купчихи и мещанки с золотыми повязками на головах, в украшенных золотыми галунами парчовых одеждах.

В честь царственной гостьи у перекрестка Херсонской (современная ул. Дзержинского) и Воротней (современная ул. Павлуновского) улиц была воздвигнута каменная триумфальная арка (так называемые Херсонские ворота).

Оказавшийся в Курске в эти дни саратовский богомолец Г.А. Скопин так описал это сооружение: «сделанные от купечества триумфальные ворота: называются Херсонские, весьма изрядные: столбы каменные, выкрашены на подобие мрамора, и высокие; на верху ангел сидящий, держа одною рукою трубу, в которую трубит: под ним в сиянии золотом царский вензель, придерживая ангел его — другою рукою: под вензелем мешец с цветами, сыплющимся из него на землю. И все оное сделано на обе стороны. От оных в поле, поодаль, сажени 4 [около 8,5 м], сделаны каменные ж пирамиды четыре; на верху их сделаны большие яблоки позолоченные: в середине их в золотых полях четырех царств вензели, или гербы: московской, казанской, астраханской и сибирской. И все весьма хорошо сделано. Еще подалее от оных ворот в пол сажень сто или более сделаны так же каменные две высокие пирамиды, на подобие столбов, белые; на верху их поставлены черные двуглавые орлы, обычно держа скипетр и державу, и при них две каменные же сделаны будки; и которое все, сказывали, стоить более 2000 рублей».

Перед аркой шествие встречали городской голова *Иван Ларионович Голиков*, члены городского магистрата и 12 лучших мещан, а между её колонн был собран весь губернский магистрат. По обе стороны дороги у арки рядами стояли купцы, цеховые ремесленники со значками своих управ и ученики народной школы с учителями.

Здесь же находились музыканты и литаврщики, которые начали играть, как только карета императрицы подъехала к триумфальной арке. Екатерина вышла из экипажа, приняла поздравления встречающих и, внимательно осмотрев арку, «с обрадованным народом разделила возвещавшиеся на воротах ангелом славу и торжество свое».

Г.А. Скопин так описывал развернувшиеся в первой половине дня торжественные приготовления курян и саму встречу. «14 числа, поутру улицу, называемую Херсонскую, выслали травую, лавки все запереть приказано, так же и работать публично не велено... Был в монастыре у обедни; певчих не было. И после везде приготавливались к приезду императрицы. И я пошел к воротам Херсонским; там уже давно приготавлились: городничий со свои-

ми драгуны верхами, а дворянство так же верхами выехали в поле далеко, и купеческой голова с лучшими купцами вышел пешком. Не далеко от ворот поставлены были цехи со значками; у самых ворот народного училища дети с учителем. На триумфальных воротах на сделанном месте стояла музыка. В городе по улице, на горе поставлены были купеческие лучшие молодницы сто, а на другой стороне купеческих девиц — двести, и все в лучшей купеческой одежде; и всякого народа великое множество. Солдаты... стоящих в серых зипунах на публичных местах отгоняли далее. Во втором часу пополудни начался благовест в большой колокол в монастыре и священство начали собираться к монастырю в лучшей одежде. То правда: на редком увидишь суконную ряску, а все шелковые и плисовые, а хотя на редких и суконные, то самого лучшего сукна. Собравшись, все и архимандрит вышли и стали недалеко от дворца, на дороге, в лучших ризах с одним только крестом; а придворные беспрерывно ехали в 4, в 6 и 8 лошадей. На начале 5 часа из вестовой пушки выпалили и тотчас началась пушечная пальба и во всех церквях звон; и в лагерях стоящие три полка (палили) из ружей беглым огнем, мимо которых было шествие. Я вдруг испугался и обрадовался, так что из глаз потекли слезы. Тут уже и солдаты перестали отгонять и всякой себе избирал лучшее место к смотрению, где кто хотел. Я стал недалеко от церкви, мимо которой близко будет шествие. Прежде ехали драгуны по два в ряд — со своими трубами, и с ними — городничий; а потом — дворянство так же по два в ряд верхами в штатном платье; ехали тихо. Потом ея величества карета, под которой заложено 12 лошадей белых, весьма тихо ехала. Приблизилась к одной церкви где я стоял, близко. Священник с диаконом встретили с крестом и поднесли к самой карете. Она изволила приложиться из кареты в окошко, где и я сподобился очень близко видеть в лицо. По счастью моему, что я стоял с левой стороны, на которой она изволила сидеть в карете. Их всего сидело 5 человек: с нею рядом сидела одна женщина по правую сторону, а она изволила сидеть по левую сторону, а на против их сидело две женщины да один мужского пола. И простой народ — даром что в серых кафтанах — уцепились за карету, бегут за нею и заглядывают ей в лицо: тут никто не смел отогнать до самого дворца».

В 7 часов вечера двигавшийся по засыпанной травой и цветами дороге торжественный кортеж прибыл к назначенному для императорского ночлега дворцу курского генерал-губернатора, располагавшемуся в пределах современного городского парка им. 1 Мая. Построенное в 1779 г. двухэтажное деревянное здание выглядело очень внушительно, а его фасад, обращенный в сторону Стрелецкой слободы, украшали балкон и фронтон

Герб дворян Зубовых. «Щит четверчастный. В первой золотой части, черный лук с натянутой тетивой и продетым между ними таковым же колчаном со стрелами. Во второй червлёной части, рядом поставленные в пояс, серебряный полумесяц рогами вправо и таковая же звезда о пяти лучах. В третьей лазуревой части, выходящая с правого бока щита рука в серебряных латах, держащая серебряный же с золотою рукояткою восточный меч. В четвертой золотой части, три лазуревые лилии в пояс. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, из коих среднее золотое, правое — червлёное, а левое — лазуревое. Намет: справа червлёный с золотом, слева — лазуревый с золотом. Щитодержатели: два казака в своем одеянии и вооружении»

главного входа с колоннадой. От городской суеты дворец с трех сторон отделял густой тенистый сад. Для охраны императрицы в карауле у дворца стояла рота Апшеронского пехотного полка и отряд из 8 кавалеристов штатной команды с капралом и офицером—ординарцем.

У самого дворца Екатерина Великая была встречена губернатором и всеми чинами губернского Правления, палат и судов, расставленных по старшинству, которые представились и принесли ей торжественные поздравления. Согласно церемониалу, каждый начальник присутственного места имел при себе рапорты и ведомости о работе своего ведомства, которые при необходимости он должен был предоставить сопровождавшим императрицу сановникам.

Как только Екатерина II удалилась в свои покои, звон колоколов и грохот пушек смолкли. Однако «народу у дворца было великое множество до самой ночи, и почти в самые окошки смотрят, но никто отогнать не смел... В вечер было всеобщее бдение... и город весь иллюминирован фонарями и плашками; по большой улице поставлены были плашки по обе стороны на земле через два сажня плашка от плашки; у иных дворянских дворов поделаны были вензеля царские и другие фигуры, так же у магистрата городского — вензель с плашками и надпись у многих: «усердие и радость».

15 июня утром Екатерина II со свитой при колокольном звоне и приветственных криках собравшегося народа пешком проследовала к Знаменскому собору для поклонения курской святыне — Курской Коренной иконе Божией Матери «Знамение».

Согласно Н.А. Пузанову, от генерал-губернаторского дворца к монастырю дорога была засыпана травой и цветами, а от ворот монастыря до храма — застелена красным сукном. Перед входом в собор императрицу встретили монахи монастыря во главе с архимандритом Амвросием и многочисленное белое духовенство. Настоятель держал в руках крест, который императрица поцеловала, после чего была окроплена святой водой из чаши. В храме августейшая путешественница приложилась к поднесённой архимандритом чудотворной иконе и после краткого благодарственного молебна наградила архимандрита с братией 1 000 рублей, игуменьям Курского и Белгородского женских монастырей было пожертвовано по 200 рублей, их монахиням — 400 рублей, Курскому духовному училищу — 200 рублей и Белгородской семинарии — 800 рублей.

При возвращении государыни во дворец горожане поднесли ей хлеб—соль, а один житель подгородней слободы — прекраснейшие яблоки, сбереженные им от прошлогоднего урожая. Этот сорт был выведен им самим недавно и ещё не имел названия. Императрица с благожелательной улыбкой всё это приняла и милостиво со всеми разговаривала. Хозяина, принесшего яблоки, назвала добрым крестьянином и пожаловала ему 100 рублей. С того времени эти яблоки получили название «Добрый крестьянин» и все стали их разводить, заслуженно хваля за вид, вкус, урожайность и длительность хранения. Екатерина Великая очень хвалила понравившийся ей богатый народный курский женский наряд и поручила городскому голове доставить его полный убор, который потом приказала взять с собой, заплатив за него курской купчихе Сушковой в несколько раз больше, чем он ей стоил и, сверх того, подарила ей дорогие серьги.

После молебна и встречи с народом во дворце был устроен торжественный приём. Императрица сидела на сооружённом в одном из залов троне с

балдахин, украшенном императорскими гербами, малиновым бархатом, дорогими тканями, золотой бахромой, шнурами и кистями. Трон стоял на возвышении, к которому вело несколько ступенек, обитых персидскими коврами. Вокруг трона стояли придворные в затканых золотом нарядах, в зале находились сопровождавшие императрицу иностранные послы, знатные сановники, высшее руководство губернии, представители дворян, чиновничество и командование расквартированных под Курском пехотных полков.

Перед началом приема архимандрит Амвросий произнёс благодарственную речь, в конце которой поднес государыне икону и хлеб. Затем Екатерине II были представлены генерал-аншеф М.Ф. Каменский, генерал-поручик В.В. Нащокин и генерал-майор П.А. Мельгунов, под чьим командованием находились расположенные в лагерях под Курском Севский, Елецкий, Белевский, Апшеронский и Тульский мушкетерские полки, штаб- и обер-офицеры этих полков, затем курский губернатор с чиновниками, губернский и уездные предводители дворянства и городской голова с лучшими купцами. Все представлявшиеся преклоняли перед императрицей колени, целовали руку, удостоивались вопроса или улыбки.

По окончании представления повелительница в ответной речи благодарила всех курян за их усердие, труды и распоряжения по обеспечению её проезда через Курское наместничество и осы-

Екатерина II, путешествующая в своём государстве в 1787 году. Конец XVIII в. Неизвестный художник

Афанасий Николаевич Зубов. Первая половина XIX в. Неизвестный художник.

На портрете А.Н. Зубов изображён с орденом Св. Владимира 2-й степени, полученным при посещении Екатериной II Курского наместничества в 1787 г. «за найденный в наместническом правлении порядок и благоустройство в губернии»

пала их милостями и наградами. «За найденный в наместническом правлении порядок и благоустройство в губернии» губернатор А.Н. Зубов был пожалован орденом св. Владимира 2-й степени Большого креста, вице-губернатор А.И. Анненков — орденом св. Владимира 3-й степени, губернский предводитель дворянства В.А. Похвиснев и ряд чиновников — орденом св. Владимира 4-й степени. Уездные предводители дворянства получили бриллиантовые перстни, белгородский комендант, все городничие и капитан-исправники тех городов, по которым проезжала императрица — золотые часы или табакерки. Курскому городскому магистрату навечно была подарена казенная мельница на р. Тускари, на нужды народных училищ отпущено 2200 рублей, курскому купечеству в течение 20 лет дозволено пользоваться доходами с Коренной ярмарки для устройства там каменного гостиного двора, а всем нижним чинам стоящих под Курском полков пожаловано по рублю.

После приёма в тронной зале государыне во внутренних покоях дворца были представлены дамы курских дворян и чиновников, одетые в губернские мундиры «из гарнитура пунцового цвета, распашные, с небольшим от талии вдоль вырезом, длиной немного короче юбки, назади со сборами, с длинными рукавами, с отложными из такой же материи голубого цвета воротниками и обшлагами, с большими серебряными по обе стороны до пояса пуговицами, края от пуговиц и кругом всего этого платья обшиты накладкой из той же материи; несколько полос одна уже другой, высеченные зубцами, наложены одна на другую; под эти мундиры надевались: гарнитурные белого цвета, с такою же по краям накладкою, юбка и открытый корсаж, украшенный аграфами [застёжками] вроде петель, посередине их, с серебряными гладкими пуговицами; вверху корсажа прикалывался из белой атласной ленты бант, а на нём вкось в левую сторону прикреплялась маленькая золотая шпалка, многие дамы имели на шее жемчуга и бриллианты. Мундир на одну последнюю пуговицу застёгивался так, что белый корсаж и юбка были видны; белые шелковые чулки и белые атласные башмаки на высоких каблучках. Головы убраны были высокими, с пуклями, напудренными причёсками, между пуклями в разных местах бриллиантами и другими драгоценными камнями и золотыми гребнями, большие бриллиантовые серьги довершали весь этот наряд».

От имени императрицы был дан роскошный, на золоте, со всей придворной пышностью, обед. За столом сидели Екатерина II, члены её свиты и иностранные послы, генералы, полковники, губернатор с вице-губернатором, губернский и уездные предводители дворянства, гражданские чиновники первых пяти классов «Табели о рангах», знатные курские дворяне. Играла полковая музыка,

устроенные в зале галереи были заполнены дворянами обою пола, тосты за здоровье августейшей правительницы сопровождалась пушечными выстрелами.

Дворец со всех сторон был окружён толпами людей, заглядывавших внутрь через открытые окна. Среди любопытных был и Г.А. Скопин, видевший «как изволила садиться кушать с прочими и водку как наливала, поднесённую с подносом и кушала. От сей радости, что всё сие видел, и я пошёл за здоровье ея величества выпил на 3 коп. вина... Выпивши, смотрел с прочими парадную карету и называемую линейку круглую: все вызолочено и обито бархатом, называемый «рытый золотой», и обе покрыты белым холстом».

По окончании обеда в 1 часу дня Екатерина II покинула наместнический дворец. Впереди шествия скакал почётный дворянский караул, затем в запряженном белыми лошадьми позолоченном экипаже ехала императрица с тремя дамами, а следом двигался остальной кортеж. Карету государыни сопровождали верхами дежурный генерал-адъютант, шталмейстер, генералы и офицеры.

Всё пространство вдоль засыпанной травой и цветами Московской улицы (современная ул. Ленина) было заполнено провожающим государыню народом. Н.А. Пузанов сообщал, что «от дворца и по всей улице, по обе стороны, выстроены были батальоны пехотных полков, которые при проезде её, сделав на караул, с барабанным боем, преклоняли знамёна. Все окна домов, крыши и заборы наполнены были народом, пламенно желавшим видеть проезд императрицы». Среди провожающих был и Г.А. Скопин, записавший: «И началась пальба из пушек и звон во всех церквях; и провожаема была так же драгунами, дворянами, купечеством и цехами за воротами со значками. И все так же было, как и при встрече, только не было детей, девиц и молодежи, а смотрели всяк по своей воле».

В конце Московской улицы на средства курского дворянства были воздвигнуты ещё одни триумфальные ворота — Московские. По свидетельству Г.А. Скопина, они представляли собой «столбы деревянные, выкрашены на подобие мрамора: у столбов по обе стороны на досках вырезаны и написаны языческие боги с их надписями... Одадь так же сделаны две пирамиды каменные с орлами и будками».

За воротами императрицу поджидал отряд курских драгун, присоединившийся к шествию и сопровождавший его до границы Фатежского уезда. Здесь, у триумфальных ворот, Екатерину II торжественно встретили представители местной власти, которые сопровождали её до Ольховатки, где в путевом дворце для государыни был приготовлен ужин и ночлег. На всём пути следования императрицы от Курска до Ольховатки дорога была усея-

Парадная карета XVIII века. Фарфор

на толпами ликующего народа, на обочинах непрерывной цепью стояли экипажи. При приближении императрицы местные помещики с жёнами и детьми выходили на дорогу, а девицы и дети устилали царский путь цветами и венками, бросая их перед её каретой.

16 июня в 9 часов утра государыня отправилась из Ольховатского дворца далее и вскоре достигла пределов Курского наместничества. Здесь, около деревни Очки, шествие остановилось и все сопровождавшие его куряне попрощались с императрицей, которая благодарила их за усердие и гостеприимство.

После прощания Екатерина II пересекла курскую границу и была торжественно встречена нетерпеливо ожидавшими её появления правителем

Орловского наместничества, местными дворянами, чиновниками и множеством простого народа.

В этот же день императрица прибыла в г. Орёл, откуда 18 июня 1787 г. прислала курскому губернатору А.Н. Зубову следующее благодарственное письмо: «Господин правитель курского наместничества Зубов! В проезд наш чрез Курское наместничество, видели мы в губернском и уездных городах и вообще по губернии надлежащее устройство и старание в точном исполнении должностей. Труды ваши приемля со удовольствием, поручаем вам объявить как чинам вам подчиненным, так дворянскому и гражданскому обществам наше благоволение, усердием и радением каждого приобретаемое. Пребываем в протчем к вам благосклонны. Екатерина. В Орле 18 июня 1787 года».

КНЯЗЬ И.И. БАРЯТИНСКИЙ — СОЗДАТЕЛЬ МАРЬИНО

Одним из самых замечательных образцов русской дворянской усадьбы начала XIX в. и самым известным поместьем Курского края является расположенное под г. Рыльском Марьино.

Оно было построено князем *Иваном Ивановичем Барятинским* (17.10.1772–13.06.1825), который принадлежал к одной из ветвей древнего русского княжеского рода Рюриковичей. Предком Барятинских считается князь Александр Андреевич Мезецкий, живший в первой половине XV века и владевший волостью Барятино в современной Калужской области России, по имени которой он и его потомки стали зваться Барятинскими.

Родителями Ивана Ивановича были генерал–поручик князь Иван Сергеевич Барятинский и принцесса Екатерина Петровна Голштейн–Бекская, принадлежавшая к Гольштейн–Зондербургской линии Ольденбургской династии и состоявшая в дальнем родстве с русским императором Петром III. По матери принцесса была правнучкой графа Ф.А. Головина, курские владения которого (Ивановское, Снагость и др.) она принесла И.С. Барятинскому в качестве приданого. По свидетельству князя П.В. Долгорукова: «Екатерина Петровна была женщиной весьма гордой и необыкновенно чванной; она беспрестанно давала чувствовать мужу своему, что оказала ему величайшую честь, сочетавшись с ним браком; терпеть не могла, чтобы её именовали княгиней и титуловали сиятельством, а требовала, чтобы её именовали принцессой и титуловали светлостью. Сына своего князя Ивана воспитала она в таком понятии, что он поставлен рождением на какую–то совершенно особенную степень величия, по крайней мере, наравне с великими князьями. Едва ли не внушали ему, что Господь Бог, создав Адама в шестой день и отдохнув в седьмой день, в восьмой день уже создал предка князя Ивана Ивановича».

*Офицер мушкетерской роты лейб–гвардии Семёновского полка. 1793 г.
Художник Г. Гейслер*

Князь И.И. Барятинский. 1800 г.
Художник Э.–Л. Виже–Лебрен

Герб князей Барятинских. «В щите разделенном перпендикулярно на две части изображены: в правой в голубом поле ангел в сребротканой одежде, держащий в правой руке обнаженный серебряный меч, а в левой золотый щит. В левой части черный орел в золотой на главе короне с распростертыми крылами, имеющий в лапе позлащенный крест. Щит покрыт мантией и шапкою, принадлежащими княжескому достоинству»

Вероятно, свои первые годы жизни княжич провел в Париже, где его отец исполнял обязанности русского посла в 1773–1786 гг.

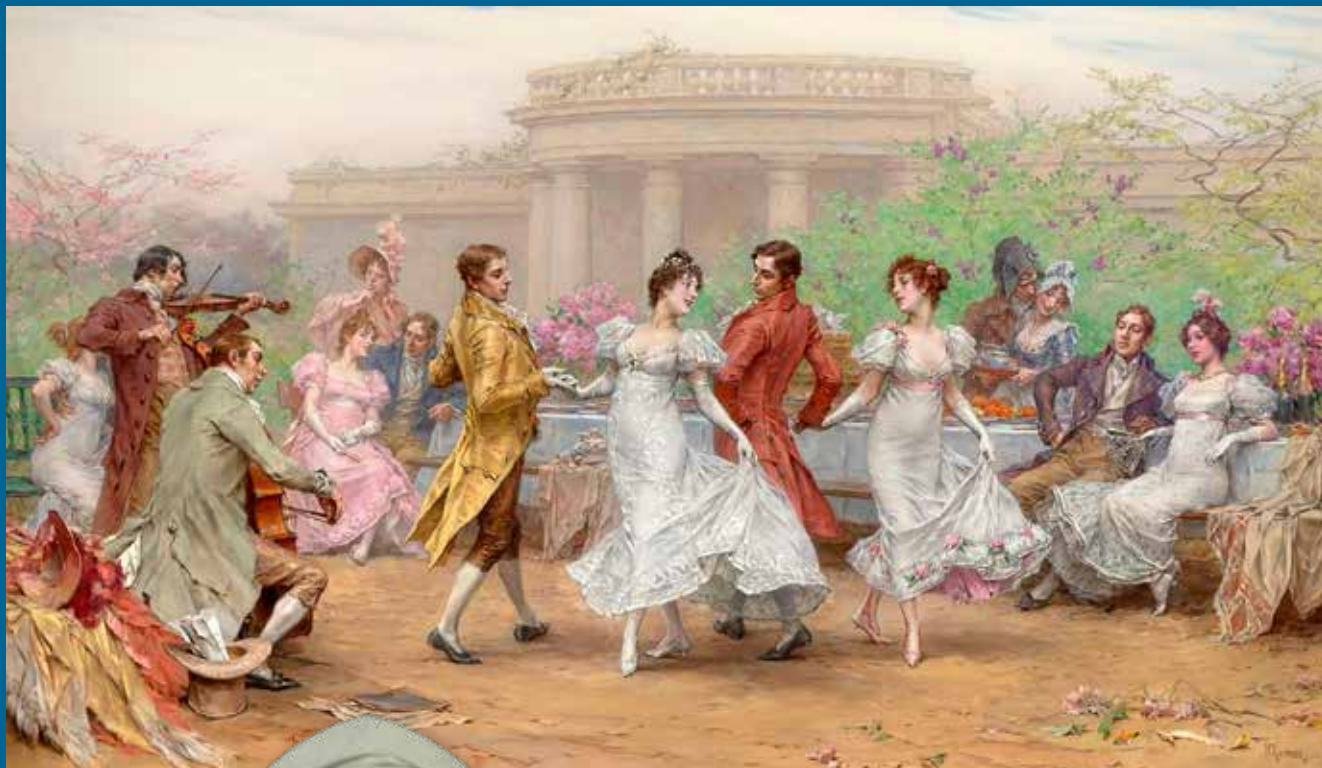
В 1780 г. его записывают на службу в Новотроицкий кирасирский полк. Затем он поступает в Пажеский корпус, из которого выпускается в 1790 г. «в армию поручиком».

Вскоре Барятинского жалуют в камер–юнкеры и переводят в лейб–гвардии Семёновский полк. В 1793 г. 21–летний знатный юноша уже имеет чин капитана.

В последние годы царствования Екатерины Великой молодой князь Барятинский становится одним из самых блестящих представителей высшего придворного общества. Описывая светскую жизнь Санкт–Петербурга этого времени князь, А.Е. Чарторыйский отмечал, что «среди видной молодежи двое Голицыных, получивших воспитание в Париже, особенно выделялись тем саркастическим умом, который всегда забавляет и привлекает. К ним можно еще прибавить и князя Барятинского, воспитывавшегося так же, как и они, за границей. Это трио было ареопагом гостиных. Горе было

тому, кто попадал им на зубок. Бедный простачок, на которого они обрушивались, скоро становился в глазах всех полным глупцом».

В 1794 г. придворная жизнь князя ненадолго прерывается из–за громкого скандала, вспыхнувшего среди прикомандированных к великому князю Павлу Петровичу камер–юнкеров. Его инициатором стал Ф.В. Ростопчин, который в письме к обер–камергеру двора наследника И.И. Шувалову пожаловался на пренебрегающих своими обязанностями сослуживцев и обозвал некоторых из них негодьями. Содержание письма стало известно в столичном обществе, и упоминавшиеся в нём камер–юнкеры потребовали извинений или удовлетворения обиды на дуэли. Узнавшая о конфликте Екатерина II временно отлучила его участников от двора. В.Ф. Ростопчин на год уехал в орловское имение отца, а князь И.И. Барятинский был отослан к А.В. Суворову в Польшу, принял участие в войне с возглавляемыми Т. Костюшко повстанцами, за «усердную службу и отличное мужество, оказанное 24–го октября при взятии приступом сильно укрепленного Варшавского предместья,

Минует. Художник Ф.Х. Каммерер

Надгробие княгини Фрэнсис Мэри Барятинской. Скульптор Д. Бэкон–младший. Церковь Св. Марии Магдалины (Шерборн, Глостершир, Великобритания)

Княгиня М.Ф. Барятинская. 1807 г.
Художник В.Л. Боровиковский

Князь И.И. Барятинский. Между 1802–1805 гг.
Художник Э.–Л. Вижэ–Либрен

Портрет княгини М.Ф. Барятинской с сыном Владимиром.
1818 г. Неизвестный художник

именуемого Прага» 1 января 1795 г. был награжден орденом Св. Георгия 4–й степени и возвратился ко двору после окончания победоносной для русских кампании.

Занявший русский престол в 1796 г. Павел I сначала благоволил князю. 31 декабря 1796 г. он производит его из камер–юнкеров в церемоний–мастеры, а в 1799 г. жалует родовым командорством Мальтийского ордена. Однако расположение сумасбродного императора, обладавшего вспыльчивым и переменчивым нравом, не ограждало даже приближенных к нему людей от страха внезапной опалы, поводом для которой могла послужить любая, даже незначительная провинность. Жившая в это время в Санкт–Петербурге французская художница Вижэ–Либрен в своих «Воспоминаниях» описывает один такой случай, в котором неправильная причёска И.И. Барятинского могла роковым образом повлиять на судьбу и карьеру этого родовитого вельможи. «Все обязаны были пудрить волосы. Когда вышел сей указ, я занималась портретом молодого князя Барятинского, который по моей просьбе приходил ненапудренным. Однажды он явился бледный как смерть. Я спросила: «Что с вами?» Он, всё ещё дрожа, отвечал: «По дороге к вам я встретил императора и едва успел спрятаться в подворотне, но боюсь, он всё–таки узнал меня». Ужас князя Барятинского совсем не удивителен, его испытывали люди любого состояния, ибо ни один житель Санкт–Петербурга, встав поутру, не был уверен, что проведёт следующую ночь в своей постели».

Вскоре Барятинский был удален от двора и лишь после восшествия на престол Александра I он снова возвращается на службу. В 1801 г. император жалует князю чин действительного камергера и назначает секретарем русского посольства в Лондоне, а в 1804 г. производит его в тайные советники.

В Британии Иван Иванович 26 апреля 1806 г. женится на 28–летней дочери Джеймса Даттона, 1–го лорда Шэрборна — *Фрэнсис Мэри Даттон*. Прожив в браке всего 11 месяцев княгиня Барятинская умерла в Санкт–Петербурге 22 марта 1807 г. при родах дочери. 13 мая этого же года тело усопшей на фрегате «L'Amiable» было доставлено в Англию и похоронено в родовой усыпальнице церкви Св. Марии Магдалины (Шерборн, Глостершир). Маленькая княжна Екатерина Елизавета Лу-

Жатва. Между 1821–1823 гг. Художник А.О. Бруни

иза Мария Фрэнсис Барятинская была передана деду и прожила в Англии до самой смерти.

В 1808 г. И.И. Барятинского назначают послом при дворе баварского короля в Мюнхене (Германия). Видевший его в это время Г.Ф. Граббе вспоминал, что это был «высокий, видный, тонкий мужчина, с нравственными, приятными чертами лица, волосы с проседью, коротко подстриженные; жест скорый, нетерпеливый. Общее выражение светского человека и знатности».

В декабре 1811 г. умирает отец Ивана Ивановича и он оставляет дипломатическую службу, чтобы посвятить свою жизнь устройству полученных им в наследство обширных владений.

Из курских имений князь выделяет третью часть своей единственной сестре Анне, вышедшей в 1787 г. замуж за обер-гофмаршала графа Николая Александровича Толстого. Под именем Деревеньки это имение перешло к её сыну гофмаршалу графу Александру Николаевичу Толстому, однако, последний умер бездетным и Нижние Деревеньки

в конце 1860-х годов были возвращены Барятинскими в родовое владение.

В 1813 г. князь Барятинский вторым браком женится на Марии Федоровне Келлер (1792 или 1793–1858) — дочери прусского дипломата графа Доротея Людвиг Христора фон Келлера. От этого брака родилось 7 детей — четыре сына (Александр, Владимир, Анатолий, Виктор) и три дочери (Ольга, Леонилла, Мария).

Для постоянного проживания Иван Иванович выбирает старое поместье в с. Ивановском (современный Рыльский район). Его облик мы можем представить благодаря составленному в 1790 г. «Плану господскому дому состоящему Льговской округи в селе Ивановском», на котором изображены большой двор, два каменных здания жилых палат с разбитыми перед ними цветниками, служебные каменные и деревянные постройки, расположенные вдоль окружавшей усадьбу кирпичной стены. С северной стороны находился обширный фруктовый сад с тремя специально выкопанными

прудами, в которых разводилась «рыба саженовая». Пруды были соединены протоками с перекинутыми через них горбатыми мостиками и имели островки с беседками для уединения.

Однако старинная усадьба не устроила князя, и он решает построить для себя и своих близких величественный дворец. Место для него было выбрано на правом возвышенном берегу небольшой речки Избица, примерно в 2,5 км южнее Ивановского. Проект дворцового комплекса был заказан курскому архитектору *Карлу Ивановичу Гофману*, закончившему его к концу 1811 г.

Согласно С.И. Федорову, изначально возводившийся дворец именовался «*Избицким домом*», но уже во время строительства его начали называть «*Марьино*», по имени первой и второй жен князя. В октябре 1817 г. Иван Иванович писал К.И. Гофману из Парижа: «Благодарю вас за известия, касающиеся до Избицкого Дома. Благодарю вас так же за то, что вы называете уже оное место Марьиным; надеюсь, что имя сие войдёт у нас в употребление, ибо оно мне весьма приятно».

Суммы, отпускаемые князем на строительство, были огромны. Так, 20 декабря 1816 г. главноуправляющий имениями *Фёдор Александрович Голубцов* сообщал ему о планируемых тратах на следующий 1817 г.: «для совершенного окончания большого каменного дома с принадлежащими к оному строениями потребно... 318,791 [рублей], на построение близ дому через реку Избицу большого моста 13,896 [рублей] да сверх того предположено ещё от вас построить: лавки в два ряда длиною на 115 сажень [около 245 м], богадельню, больницу и аптеку на 30 саженьях. Признаюсь вашему сиятельству, что вы затеяли столько строений, что оборот ваш в деньгах по мнению моему затруднится». Однако большие расходы не смущали И.И. Барятинского и не останавливали его, если он считал их необходимыми.

Всё время, пока строилось Марьино, князь с семьёй путешествовал по Европе, однако очень внимательно следил за ходом строительства, давая конкретные указания архитектору и управляющим, что и как строить, какие употреблять материалы, как отделывать помещения, какие вещи приобретать, какие деревья высаживать и каким профессиям обучать необходимый для обслуживания поместья и княжеской семьи персонал.

Примеры такой предусмотрительной заботливости князя находим мы в опубликованном С.И. Федоровым письме, которое он написал К.И. Гофману из Германии в декабре 1817 г.: «Имея здесь случай в непрерывных поездках моих видеть много хороших строений и домов, и осматривая оныя всякий раз с особенным любопытством и подробностью, я нахожу, что во французских домах нигде не делается теперь деревянных у стен панелей, а просто гладкие стены;

почему прошу вас, Карл Иванович, сделать мне одолжение и у меня так же в бельэтаже таковых деревянных панелей не делать. Так же мною замечено, что здесь везде в нижних этажах, кухнях и особенно в коридорах и сенях вместо деревянных полов вымощиваются комнаты камнями; за неимением коего у нас с великою пользою употребить для сего можно кирпич несколько потолще обыкновенного; таковой каменный пол смазывается однажды на несколько лет известковым раствором... Полы сии великие имеют преимущества перед нашими деревянными: они красивы, всегда чисты, безопасны от пожара и не позволяют крысам водиться в комнатах... Вы меня много обяжете, Карл Иванович, если прикажете чтобы у меня так же в нижнем этаже, в кухнях, в людских и кондитерских комнатах, а наипаче в коридорах и сенях везде поделаны были кирпичные полы на манер здешних и смазаны известковым составом. Во всех домах в Англии... оконные рамы делаются чугунные, кои будучи гораздо тоньше деревянных требуют стекол большей величины и через то содействуют немало к светлости и красе комнат, а при том таковые рамы вечны, никогда уже не покоребятся и не пропадут подобно деревянным; на них же наводят лак. Сделайте одолжение, Карл Иванович, закажите такие же и у меня в доме сделать на пробу несколько таковых чугунных рамок. Вообще мне желательно бы было чтобы сколько возможно меньше было в доме моем деревянных поделок».

Согласно М.С. Тарасовой, одновременно со строительством Марьино князь активнейшим образом приобретает картины и предметы для украшения дворца — нередко заочно, через третьих лиц. «Из переписки князя с многочисленными управляющими, — пишет исследовательница, — и в особенности — с поверенным в его делах Ф.А. Голубцовым следует, что уже на ранних этапах строительства дворца И.И. Барятинский имел четкие представления о том, какими вещами и какими картинами русских и зарубежных художников будут украшены его интерьеры. Он заказывал работы сам или через посредников, покупал целые коллекции в Италии, Франции и Германии». Для создания декоративных панно в Марьино был приглашен известный живописец *Антон Осипович Бруни*, работавший там в конце 1821 — первой половине 1823 гг. Сегодня в Марьино можно увидеть четыре настенных панно этого замечательного мастера: «Битва Петра Великого», «Триумф Петра Великого», «Молитва» и «Жертвоприношение Минерве».

К лету 1818 г. основные строительные работы во дворце были завершены, а в начале 1820-х годов Барятинские переезжают в Марьино, ставшее одной из великолепнейших загородных дворянских усадеб России.

Портрет старшего сына князя И.И. Барятинского Александра в детстве. 1817 г. Художник М.-Л. Шардон

Портрет княгини М.Ф. Барятинской с дочерью Ольгой. 1817 г. Художник Р. Лефевр

Гостиная в усадьбе князей Барятинских Марьино. 1871 г. Художник Н.К. Брезе

Её центром было трехэтажное здание дворца с боковыми одноэтажными флигелями, образующими по обеим сторонам парадного двора два хозяйственных двора, соединенных с ним проездными арками. На Большом пруду устроили два островка, на одном соорудили круглый павильон–ротонду, а на другом — кирху в псевдогоготическом стиле для сохранившей лютеранство жены князя. В кирхе служил специально приглашенный в Ивановское пастор Рейнгардт.

Графиня Софья Михайловна Соллогуб (урожденная Виельгорская) так описала его в своих воспоминаниях: «Всякое воскресенье он совершал богослужение в специально устроенной князем часовне, обедал за общим столом, любил играть на бильярде и импровизировать на фортепиано. Папа [граф М.Ю. Виельгорский] очень смешил нас рассказами о том, как этот почтенный и добрый старик восторгался своим талантом. Он не имел никакого понятия о гармонии, но выучившись брать некоторые аккорды и играть арпеджио, смело бряцал по клавишам и пробегал по всей клавиатуре стремительными пассажами, производя такой оглушительный шум и такие невообразимые звуки, что отец помирал от смеху — особенно когда пастор, побесновавшись с четверть часа, наконец оставлял в покое инструмент, изрѣкши: «Lauter Phantasie» [«Это просто так — игра воображения» (нем.)]». Его женой была маленькая уродливая горбунья, очень умная, живая и поэтичная. После смерти своего мужа она некоторое время жила у Виельгорских, а затем уехала в Германию.

А.Л. Зиссерман сообщал, что «князь Иван Иванович жил открыто; к нему безпрестанно съезжались гости из разных слоев общества; в доме был постоянный театр, в котором игрались пьесы на Русском и Французском языках, первые большею частью дворовыми людьми, а вторые разными лицами, членами семейства, гувернерами, гувернантками и соседними помещиками. Кроме того, был оркестр из 40 или 50 музыкантов, составленный из крепостных людей. Давались концерты, в которых принимали участие жившие тогда в соседстве известные меломаны графы Михаил и Матвей Юрьевичи Виельгорские. Сам князь Иван Иванович страстно любил музыку и так увлекался ею, что часто упрекал себя в потере времени, вследствие чего строго запретил преподавание музыки своим четырем сыновьям, что и было свято исполнено».

Идеалом русского дворянина для И.И. Барятинского являлся не военный, дипломат или придворный, а заботящийся о своем имении помещик. Проведенные в Англии годы превратили князя в закоренелого англомана, а образцом для него стал богатый и образованный родовитый английский землевладелец—«лендлорд», заботящийся о своём хозяйстве и просвещении проживающего

в его владениях народа. В составленных в 1821 г. «Наставлениях» он, обращаясь к старшему сыну Александру, пишет: «Какое призвание может быть лучше для человека богатого, который употребляет свое состояние на процветание своего государства, улучшая земледелие, вводя искусства и ремесла, доставляющие довольство и счастье обществу, и который своим примером цивилизует родную страну? Какой досуг благороднее заботы по украшению своих нив прекрасными фермами, хорошими сельскими постройками, хорошими жилищами, в которых дышат довольствие и чистота, покрывать свои поля прекрасными урожаями и улучшать их каждый год систематическими поле-разделениями? Все радуется просвещенного агронома! Вот что я желаю, чтоб из тебя вышло, мое дорогое дитя, как для твоего собственного счастья, так и из любви к моему отечеству».

Для привития юному Александру практических навыков земледелия князь в составленной при его рождении в 1815 г. программе воспитания указывал: «Я желаю так же, чтобы в его распоряжение предоставили несколько десятин земли [1 десятина — 1,09 га], на которых он бы производил агрономические опыты... Ему следует дать легкий и хороший плуг, так же борону, маленькую сеяльную машину и т.д. ...Неприменно нужно будет освоить его со всеми этими инструментами, научить его размежеванию полей, заставлять его анализировать состав почв, научить его отличать разные травы лугов, заставлять его вести по-русски списки о посевах и урожае его пашни... На землю, назначенную ему, следует смотреть, как на разсадник хлебных растений, имеющую двойную цель: обучать его и в то же время оставлять значительное количество зерна, в виду лучшей эксплуатации моих земель... Вырученная им с своих полевых работ сумма денег будет предназначена в пользу бедных. Он должен будет сам распределять их между ними».

Не оставались в стороне от занятий сельским хозяйством и другие дети И.И. Барятинского. По свидетельству В.А. Инсарского, в дворцовом парке устроены были «поэтические «Кашары», носящие имена дочерей князя, из которых каждая имела в своем заведывании отдельный роскошный сад и среди него поэтический домик, где находилось несколько коров самой возвышенной породы и все принадлежности молочного хозяйства».

Зримым воплощением идеалов князя по приобретению своих детей к сельскому хозяйству и агрономии являлись созданные А.О. Бруни картины «Посев» и «Жатва», украшавшие парадную лестницу марьинского дворца.

Сохранилось авторское описание этих картин, приводимое М.С. Тарасовой: «Первая картина — Посев. Изображена балюстрада, на которой находятся многочисленные фигуры женщин и мужчин

в русских костюмах. Они окружают юную княжну Ольгу, любимую дочь князя; с лопатой в руках она собирается возделывать свой сад. В центре можно видеть бонну, держащую на руках маленькую княжну Марию, которая играет с голубем. Позади — большое поле, на переднем плане которого изображен князь Александр, старший сын князя, вспахивающий землю плугом, запряженным двойкой лошадей. На равнине видны фигуры множества крестьян, возделывающих и засевающих поля. Дальний план картины изображает озеро, остров, храм, катальные горы, качели, карусель и несколько павильонов. Вторая — Жатва. Эта картина изображает семью князя, окруженную дворовыми крестьянами и работниками, готовыми начать сбор зерна. Часть их окружает юного князя Александра, который любит букетом колосьев. Маленький князь Владимир и княжна Леонилла рассматривают полевые цветы. В правой части картины можно видеть кормилицу с младенцем Анатолием, камеристку и других слуг, которые стоят на балюстраде и смотрят на жнецов, собирающих хлеб и перевозящих его на груженных повозках. Вид дворца Марьино служит фоном картины. Все фигуры величны натуральной, портреты писаны с натуры».

Местонахождение «Посева» неизвестно, «Жатва» же в 1937 г. была передана из музея в селе Ивановском в Курский областной краеведческий музей и выставлена сейчас в одном из его залов. На основании архивных документов М.С. Тарасова пришла к заключению, что картина была создана А.О. Бруни во время его пребывания у Барятинских в конце 1821 — первой половине 1823 гг.

В своих «Воспоминаниях» В.А. Инсарский пишет, что «князь И.И. Барятинский был вообще человек замечательного ума и дарований. Лично управляя имением, он ввел в нем устройство, доходившее до совершенства и составившее ему славу знаменитого агронома. Я сам видел медали, полученные им от разных агрономических обществ за разные сельскохозяйственные улучшения, в которых осушение болот и вообще обращение мест бесплодных в плодородные занимали первое место».

Страстный земледелец, владелец Марьино старался привлечь к своим занятиям не только родных, но и своих соседей. Так, в опубликованном М.С. Тарасовой отрывке датированного 1817 г. письма князь просит львовского предводителя дворянства Алексея Ивановича Мошкина «оказать нам дружбу, княгине и мне, когда-нибудь осенью съездить ко мне в Избицу с Надеждой Лукиничной [женой А.И. Мошкина] и попросить г-на Броуна [англичанина-садовника] чтобы он дал вам посадить клумб из сирени, или какого-либо другого кустарника, дабы мы могли хвастаться, что наши дорогие и любезные соседи Алексей Иванович и

Надежда Лукинична удостоили украсить сад наш; почтенный Емельян Федорович Дурнов, также Василий Иванович Тютчев и другие соседи в оном уже участвовали».

Окруженный всеобщим почетом и уважением, князь умер в своем поместье 13 июня 1825 г. О его смерти А.Я. Булгаков сообщал в письме брату следующее: «Он умер почти на руках у графини Потемкиной... Долго был болен расслаблением в желудке, не ел ничего, был поражен смертью живописца Бруни, страдавшего одною с ним болью, наконец, подагра основалась в желудке. Доктор князя прислал сюда эстафету, кн. Дм. Вл. (Голицын) приехал сию минуту в Москву к Гаазу делать заочный консилиум, а больной между тем умер».

Князь И.И. Барятинский был погребен в фамильном склепе Покровской церкви села Ивановского. Спустя два месяца его юный наследник князь Александр принимал в Марьино императора Александра I, ехавшего из Петербурга на юг и пожелавшего по дороге навестить вдову Барятинского и выразить ей свои соболезнования.

Воспоминания о Марьино после смерти И.И. Барятинского сохранились в записках С.М. Соллогуб. Её семья, жившая в это время на мызе Луизино в с. Фатеевка Дмитриевского уезда, часто посещала вдовствующую княгиню и подолгу гостила у неё.

«Жизнь в Ивановском была чрезвычайно приятна. В чудесном саду и великолепном парке скрывалось множество милых уголков; гулять там никогда не наскучивало. Широкая терраса спускалась к самому пруду, который зимой превращался в каток. Все встречались за столом в большой двухсветной зале. Обедать нередко садилось не менее сорока человек: немецкий пастор Рейнгардт с женой (он совершал богослужения в домашней часовне, ибо княгиня и в замужестве осталась лютеранкой), доктор и его семейство, вдова старого управителя с детьми, м-ль Гино (гувернантка старших детей), мисс Мэри (бонна маленьких), соседи со всеми детьми, бонной и гувернером, а также лица, обязательно жившие в домах больших русских бар, — секретарь, землемер, библиотекарь, дирижер домашнего оркестра, художники, получавшие пособие от хозяев, девушки-сироты, за коими при выходе замуж княгиня давала приданое, и проч. и проч. ...Хорошо подобранная библиотека, великолепный бильярд, содержавшиеся в образцовом порядке конюшни довершали разнообразие развлечений в Ивановском».

В начале 1830-х гг. Барятинские покидают Марьино и переезжают в Петербург. Они время от времени посещают своё имение, но уже не живут там постоянно, управляя родовыми землями при помощи наёмных управляющих. Один из таких управляющих, *Василий Антонович Инсарский*, так описывал Марьино 1840-х гг.: «Дворец этот пользовался большой известностью в России. И

действительно, трудно представить себе из частных владений что-нибудь более роскошное и грандиозное... Я не помню числа комнат в этом дворце, но помню, что они считались сотнями. В этой массе покоев сосредоточено было все, что громадное богатство, соединенное с утонченным вкусом, могло придумать, начиная с оригинальных произведений знаменитейших мастеров живописи и скульптуры. При дворце состояли сотни обойщиков, слесарей, каретников, штукатуров, лепщиков, живописцев, позолотчиков, резчиков, столяров и т.п. мастеров, независимо от управителей, дворецких, кастелянш и прочих чиновных людей. Там были лица, заведующие егермейстерской частью; лица, заведующие речной частью, т.е. лодками и всем, что сюда относится. Садовников была бездна, потому что в необъятном и роскошном парке было множество оранжерей и других садовых затей. Там был зверинец со стадами оленей и коз... И в мое время село Ивановское, столица владений князей Барятинских, с церквями, училищами, больницами, богадельнями, фабриками, где было возведено и Марьино, было ещё благодатным центром для всей Курской губернии. Каждый, кому нужно было заказать хороший экипаж, прочную мебель; кто отделявал дом, имел надобность в слесарях, обойщиках, малярах и других мастерах; каждый, кто желал украсить свои комнаты ценными деревьями или кому нужно приобрести какого-нибудь теленка или барана возвышенной породы, — ехал в Ивановское с уверенностью найти там все желаемое... Отношения крестьян к владельцу установлены были на самых разумных началах, которых дальнейшие распорядители не дерзали касаться, не будучи в состоянии придумать ничего лучшего. Имение князей Барятинских в административном отношении было разделено на четыре удела: Ивановский, Снаготский, Крупецкий и Ковенский. Каждый удел образован был из нескольких селений и деревень, в центре которого находилось большое село, которое и давало название уделу. Каждым уделом управлял особый частный управитель. Ивановский управитель... был в то же время и главным местным управителем на том основании, что Ивановское... было столицей имений, где и сосредотачивалось все центральное управление».

Перестройки, которым подвергли Марьино потомки князя И.И. Барятинского, внесли изменения в первоначальный облик дворца. Однако до сих пор расположенный под Рыльском дворцово-парковый ансамбль несёт на себе явный отпечаток своего первого владельца, являясь своеобразным памятником своему создателю — русскому аристократу, дипломату и патриоту.

Княгиня М.Ф. Барятинская. 1819–1825 гг.
Скульптор Б. Торвальдсен

КОРЕННАЯ ЯРМАРКА

Достоверно неизвестно, когда именно зародилась Коренная ярмарка, ставшая знаменитой не только в пределах Курской губернии, но и во всей России. Секретарь этнографического отделения Русского Географического общества В.Н. Майнов в 1899 г. даже утверждал, будто «возникновение её относится к исходу XIII столетия». Более сдержан был автор первого описания края, прокурор верхней расправы Курского наместничества С.И. Ларионов. В своей книге, изданной в 1787 г., он просто писал, что ярмарка «продолжается уже около двух сот лет». Таким образом, он относил время её возникновения к исходу XVI в. Однако, как отмечали позднее историки, подобная датировка весьма недостоверна, поскольку в то время «условия жизни на южных окраинах Московского государства исключали такую возможность». Скорее всего, ярмарка возникла в середине XVII в., когда уже была возведена Белгородская Черта и присоединена Левобережная Украина, а жизнь на курских землях стала приобретать большую безопасность и упорядоченность.

Но в любом случае остаётся несомненной прочная связь ярмарки с монастырём, от которого она и получила своё название. Множество богомольцев стекалось к берегам Тускаря в Коренную пустынь на поклонение иконе Знамения, и это не могло остаться без последствий. Уже первое достоверное упоминание о Коренной ярмарке свидетельствует о её тесных связях с обителью. В 1708 г. некий Одинцов, один из жителей Курска, подал на царское имя челобитную, в которой говорилось:

«В пустыни в 20-ти верстах от Курска бывает богомолье и мирской съезд повсягодни во время Петрова поста и курские таможенные и кабацкие бурмистры ездят в те времена в тое пустыню для продажи вина и мёду и сбора пошлинных денег, а того ж богомолья и съезду и сбору государевой денежной казны бывает по три дни; а сколько в той пустыни таможенных пошли и прибылей в сборе бывает и того сборщики именно в книгах не пишут, знатно сборною государевою денежной казною корыстуются они, бурмистры, себе».

Время проведения ярмарки было чётко привязано к традиционному крестному ходу в девятую после Пасхи пятницу, когда из курского Знаменского монастыря в Коренную пустынь торжественно переносили икону Знамения Божьей Матери. Первоначально икона

после переноса оставалась в Коренной пустыни три дня, а с 1726 г. стала задерживаться уже на неделю. Огромное скопление людей привлекало торговцев, сами богомольцы пользовались случаем, чтобы сбыть изделия своих домашних промыслов. Другой причиной расширения торгового дела стала отмена в 1753 г. таможенной черты между российскими и малороссийскими территориями.

С годами крестный ход становился всё многочисленнее, а ярмарка приобретала всё больший размах. Однако раздоры между монахами двух монастырей привели к тому, что в 1767 г. указом Святейшего Синода крестный ход был запрещён. Разрешение на его возобновление было дано лишь в 1791 г. Но традиция проводить в это время у стен монастыря ярмарку уже настолько упрочилась, что купцы и покупатели по-прежнему из года в год продолжали съезжаться в Коренную пустынь.

«При пустыне сей или монастыре бывает единожды в год ярмонка, начинающаяся за неделю пред девятою пятницую по пасхе и продолжающаяся потом чрез несколько дней после оной, куда наезжают премоножество купечества со всякими иностранными и Российскими товарами из ближних Наместнических городов и из Москвы, — писал в 1787 г. С.И. Ларионов. — Лавок торговых тамо деревянных 337 и много делаемых на

Крестный ход в Курской губернии. 1880–1883 гг. Художник И.Е. Репин

Иконка нательная двухсторонняя с изображением Божьей Матери и Св. Николая Угодника. Серебро. Конец XIX — начало XX вв., г. Курск. Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии

Серьга. Бронза, перламутр, стекло. XVIII в., с. Плоское (Солнцевский район). Дар Н.Я. Вовка

Турецкая курительная трубка («тахта-чубук»). Глина. XVIII — начало XIX вв., г. Курск. Раскопки Н.А. Тихомирова

Часть расписного сосуда. Стекло. 2-я половина XVII–XVIII вв., д. Нижний Даймен (Золотухинский район). Дар В.Н. Катышева

Конёк-свистулька. Глина. XIX в., д. Малютина (Октябрьский район)

Курский государственный областной музей археологии

тот случай, а по прожектированному плану, будут они строиться каменные; доходу от сей ярмонки короне приносится до 4000 рублей. Начало заведения ея было, что по стекающемуся множеству богомолцов, окрестные дворяне стали лошадех пригонять для продажи; купцы ж для вымену их и для нужных покупок помещикам разныя товары привозили...
Благородное общество дворянство из окружных мест, а многия и из дали наезжают туда, редкой год бывает менее фамилий ста; которяя расположася там, устанавливают полатки свои и шатры, и иныя делают и домики из досок или плетня глиною обмазанныя, с снаружи чем нибудь украшенныя, внутри же конечно не безпокойныя. Сие составляет очень приятной вид и особливаго совсем роду селения, положение ж места красиво есть; не большой лесок при реке, по большой части разставлены тамо ставки сии входом на открытыя поля, чрез которяя множество селений кажутся в дали и придают лучшее еще украшение сим приятным местам. Народ туда собирается в великом количестве и много имеет различных увеселений».

Академик В.Ф. Зуев, посетивший ярмарку в 1781 г., отмечал, что «на неё съезжаются не только из российских городов купцы, но из Польши, Молдавии, Валахии, Немецкой земли, Греции и Крыму, и привозят всяких товаров миллиона на три рублей, более и менее смотря по обстоятельствам». Он же подробно описал, как выглядел этот «знаменитый пустырь, известный в российской торговле», как был организован торг.

«Пустырь, где торг производится, окружён с трёх сторон, ибо с четвёртой река Тускарь подходит, глубоким рвом и складенным из дёрну валом; две вала стороны закладены наглухо, а третья к западу прорублена тремя воротами, плетнём загораживаемыми, из коих первые с приезде из Москвы называются Московскими, средние Хвитицкими, а к Курску — Курские; у всех их по сторонам имеются для караула и осмотра будки, а на валу складены дерновые пирамиды. Внутри сего пустыря стоит теперь несколько пустых сараев для ло-

шадей и несколько жилых изб; лавки становятся при наступлении ярмарки; прочие ж приезжие как из купцов, так и господ во время ярмарки все живут по чистому полю в палатках, занимая пространство вокруг вёрст на шесть. Ярмарка начинается обыкновенно в девятую после Пасхи пятницу и продолжается несколько дней сряду, а с приездом и разъездом считая недели две».

Со временем пустырь с несколькими сараями перестал удовлетворять потребностям процветавшей ярмарки. В 1785 г. правительство предложило купцам за свой счёт выстроить здесь по данному из столицы плану каменный гостиный двор. Участники строительства получали на десять лет освобождение от поземельного налога за свои лавки. Однако эти условия не соблазнили торговцев. Они ожидали большей выгоды.

В 1787 г., посетив Курск во время своего возвращения из путешествия в Крым, Екатерина II встретила с городским головой И.Л. Голиковым. Знаменитый купец поднёс императрице прошение, в котором излагались более выгодные для курян условия. Итогом встречи стал рескрипт от 17 июня 1787 г., гласивший: «...чтобы строение гостиного двора для бывающей близ Курска Коренной ярмарки по утверждённому от нас плану удобнее в действие произведено могло быть, повелеваем оное предоставить городскому обществу сего города с тем, чтобы они выстроили означенный двор гостиный каменный по плану и за то пользовались с лавок и других тут мест доходом, не платя казне нашей поземельных денег в течение 20 лет».

Правда, несмотря на полученные льготы, к строительству Гостиного двора купцы приступили только в 1793 г., после вмешательства Сената. Само же строительство завершилось лишь в 1812 г. Автором проекта здания считается знаменитый архитектор Джакомо Кваренги. Оно представляло прямоугольник, ориентированный по линии север–юг. Главный вход был обращён в сторону Курска. По обе стороны от него симметрично располагались резиденции губернатора и коменданта. Широкий проезд с одноэтажными лавками по сторонам приводил на овальную площадь, способную вместить до 50 000 человек. Здесь, напротив входа, возвышалось двухэтажное главное здание ярмарки, украшенное колоннами, нишами и высокой башней с часами. Двухэтажные крылья расходились от него в обе стороны, охватывая северную сторону площади, а с южной стороны находились одноэтажные корпуса. Внутри корпусов шли широкие длинные коридоры, обставленные с обеих сторон арками, под каждой из которых размещалась купеческая лавка. Всего в Гостином дворе насчитывалось 466 лавок. В центре обширного двора, образуемого тыльным фасадом главного здания и тремя внешними корпусами, стояла «важня» — казён-

ные весы в восьмигранном павильоне. Под новые строения была отведена площадь в 64 десятины.

Расцвет ярмарки приходится на первую половину XIX в. Именно тогда она получила международное признание как одна из крупнейших в России. В царском манифесте об устройстве гильдий и торговле от 11 ноября 1824 г. даже было объявлено, что иностранцам запрещается высылать товары для продажи в другие российские города, кроме «трёх главных ярмарок: Коренной, Нижегородской и Ирбитской». Курянин–драматург И.А. Купчинский в своих воспоминаниях рассказывал:

«Самое цветущее время ярмарки были 20, 30 и 40 годы... на ней можно было встретить, кроме русских, бухарцев, татар, армян, жителей Кавказа, персов, венгерцев, представителей торговых фирм Кенигсберга, Львова, Лейпцига и других заграничных рынков. По улицам и площадям ярмарки то и дело тянулись нескончаемые обозы; тут были щеголеватые троечники, одноконные извозчики, малороссы на волах и проч., попадались даже инородцы с верблюдами.

На ярмарку съезжались также во множестве помещики Курской, Орловской, Воронежской и других губерний; они съезжались с семьями. Многие из них приезжали с хозяйственными целями, но другие являлись просто для приятного времяпровождения, а также для того, чтобы посмотреть или показать невест. Ярмарка начиналась накануне Троицына дня и продолжалась главным образом до 9 пятницы после Пасхи, дня переноса иконы Знамения из Курска. По этот день шла большей частью оптовая торговля, но с того времени преобладающее значение получала розничная, и наступал разгул, по трактирам гремели оркестры музыки, пели цыгане и русские песенники, шли представления в театре, цирке и балаганах.

В продолжение же всего дня на ярмарочной площади сновала бесчисленная толпа самой разношерстной публики. Панская линия — каменная, крытая галерея с лучшими магазинами по обеим сторонам ее — каждый день устилалась зеленой травой и поливалась, отчего здесь было прохладно, и воздух был чистый. Посреди ее играл оркестр военной музыки, а по всей линии раздавалось пение соловьев, клетки с которыми висели над дверями магазинов.

На ярмарку съезжались со всех концов России десятки тысяч народу, а с приносом иконы, Коренная пустынь переполнялась им, так как с иконой приходило иногда более сотни тысяч человек; бывали года, когда число богомольцев доходило до 150 тысяч. В праздничные дни ярмарка оглашалась хороводными песнями: это девушки и парни в праздничных нарядах из окрестных деревень вереницами являлись на ярмарку и были не прочь щегольнуть перед горожанами танцевальным искусством...».

Базар в провинции. Художник К.А. Трутовский

Кувшин. Глина. XIX в., с. Соколье (Тимский район).

Дар В.Н. Катышева. Курский государственный областной музей археологии

Ярмарка была настоящим праздником и для курского дворянства. Князь И.М. Долгоруков, посетивший её в 1810 г., писал: «все почти дворяне тутошние и приобывшие для надобностей своих сюда ездят, возят с собою шатры с разными подвижными домиками... с флагами и гербами... Здесь много благородного народа. Всё это бродит, покупает, мотает. А к вечеру критикуют роскошь. Публика здесь большая; карет до пятисот около Гостиного двора покрывало площадь. Как странно видеть такую картину на открытом поле! Чтоб иметь идею о Коренной ярмарке, вообразите, что кто-нибудь, вырезав из Москвы Ильинку со всеми её окрестностями, тут поставил».

На ярмарке покупателям предлагался огромный выбор ткани, разными видами которой торговали в 195 из 466 лавочных номеров Гостиного двора. Тут можно было найти ткани шерстяные и суконные, шелковые и полотняные, набойку, тафту, пестрядь, крашенину, китайские и бухарские материи. Тут имелся богатый выбор москательных товаров и бакалеи, можно было купить овощи, муку, шерсть, кожи, смушки, меха, воск,

деготь, пеньку, овёс и сено, ювелирные изделия, свежую и солёную рыбу, паток и вино, пиво и мёд.

Особенно славилась Коренная ярмарка своим конским рынком. Сюда во множестве съезжались любители лошадей, коннозаводчики, ремонтёры из гвардейских и армейских кавалерийских полков. Все они, по воспоминаниям современников, «безумно сорили деньгами». Лошадьми торговали на Конной площади, где был установлен длинный ряд невысоких столбов. Подле них и проходил смотр, заключались сделки. Один из посетителей ярмарки с восхищением описывал увиденное: «бесконечный ряд лоснящихся на солнце крупов всевозможных лошадей обращен был к дороге, на которую продавцы то и дело выводили на показ лошадей. По другую сторону дороги в громадных загородах из крепких жердей находились степные дикие лошади. Тут зрелище было гораздо любопытнее. Таких изгородей было немало и покупатели то и дело подходили к продавцам». Кроме того, каждый вечер на ярмарке устраивались конские состязания: бега рысаков и соревнования тяжело-возов.

За Конным рынком торговали колоколами, которые развешивали на прочных перекладинах между столбами. Отсюда над всей ярмаркой разносился непрерывный гул и звон — покупатели проверяли качество товара. В другом месте, уже в тишине, заключались сделки совсем иного рода — тут торговали людьми. Помещики, нуждавшиеся в деньгах, продавали «на вывод», без земли, своих крепостных. Известный мемуарист Ф.Ф. Вигель, служивший в 1828 г. в Керчи, писал: «Больно было для русского сердца моего слышать о жестоком обращении простых, ничтожных греков с русскими крепостными их людьми, как скот купленными на Коренной ярмарке. Ни один из них не имел права владеть ими, ибо купчие крепости совершены были на чужие имена людей, коих права были столь же сомнительны». В этом случае Ф.Ф. Вигелю через суд удалось добиться освобождения крепостных,

благодаря чему «более чем сотнею душ умножилось русское керченское народонаселение». Но гораздо больше подобных сделок совершалось на ярмарке с соблюдением всех правил и оспорить их не было возможно ни в одном суде империи.

За порядком на ярмарке следили назначенные для этого полицейские и военные. Так, например, в 1811 г. по приказу губернатора из Курска сюда были посланы два частных пристава, два квартальных надзирателя, восемь конных драгун под командованием унтер-офицера, а также 40 солдат внутреннего губернского полубатальона при пяти унтер-офицерах и двух обер-офицерах. На время ярмарки выезжал сюда и земский исправник с двумя заседателями, а также три чиновника земского суда. За соблюдением санитарных норм и для помощи больным следил один из членов курской врачебной управы. На случай пожара здесь находились два брандмейстера с «нужным числом принадлежащих к тому инструментов».

Во второй половине XIX в. начинается упадок Коренной ярмарки. Обороты её резко сокращаются, разнообразие товаров оскудевает. Причиной тому было развитие торговых путей внутри государства и строительство железных дорог. Ярмарки, подобные Коренной, теряют своё значение и перестают играть назначенную им роль. Тем временем уже с 1819 г. представители курского купечества начинают обращаться к властям с прошениями о переносе ярмарки из Коренной пустыни в Курск. Обосновывали они это возможностью сократить издержки и дать толчок экономическому развитию города. Обсуждение этого вопроса тянулось не один год и даже не одно десятилетие. Наконец в 1878 г. перевод торговли в Курск всё же состоялся. С этого времени торжище у Коренной пустыни быстро превращается в рядовую сельскую ярмарку, одну из многих в Курской губернии, а затем и вовсе исчезает. Возрождение ярмарки на новом уровне, как Межрегиональной универсальной оптово-розничной, состоялось только в 2001 г.

«КОЛУМБ РОССИЙСКИЙ»

В августе 1732 г. бот «Св. Гавриил» под командованием Ивана Фёдорова и Михаила Гвоздева приблизился к берегам Аляски — «Большой Земли», как её называли чукчи, — и с тех пор на протяжении 135 лет продолжалось открытие и освоение русскими людьми Американского континента. В 1741 г. Северо-Западное побережье Америки посетили суда 2-й Камчатской экспедиции под руководством В.И. Беринга и А.П. Чирикова, а в 1743–1744 гг. плавание сержанта Е.С. Басова открыло русским зверопромышленникам богатейшие промысловые угодья на северотихоокеанских островах, где запасы пушнины казались неисчерпаемыми.

В 1745–1747 гг. мореход М.В. Неводчиков открывает ближайшую к Камчатке группу Алеутских островов — Атту, Агатту, Семичи. Их так и назвали — Ближние острова. В 1759–1762 гг. С.Г. Гловтов открывает острова Лисьей гряды, крупнейшими из которых были Умнак, Унимак и Уналашка. В 1761 г. исследуются Андреяновские острова (Адах, Атха Канага и пр.), а в 1763 г. тот же Степан Гловтов подходит к берегам знаменитого позднее острова Кадьяк. Слухи о несметных богатствах американских островов, сулящих быструю наживу, влекли за океан не только сибиряков и поморов, но и обитателей чернозёмной российской глубинки.

Памятник Г.И. Шелихову в Рывльске. 1957 г. Скульптор В.И. Ингал. Памятник был установлен взамен уничтоженной в 1928 г. скульптуры работы И. Гинцбурга (1903 г.)

Наибольшую известность снискала деятельность рыльского купца Григория Ивановича Шелихова, его родственников и компаньонов, энергия, предприимчивость и капиталы которых легли в основу того удивительного феномена, что получил имя *Русской Америки*.

Григорий Иванович был старшим сыном в многодетной семье рыльского мещанина Ивана Афанасьевича Шелихова и супруги его, мелкопоместной дворянки Агриппины Ивановны Бырдиной.

Родился он, судя по архивным данным, в январе 1749 г. Вслед за своими предшественниками из числа курян молодой купец в 1773 г. отправляется в Сибирь и в Охотске поступает в приказчики к вологодскому купцу Оконишникову.

Однако вскоре он находит более выгодное место — у курского купца Ивана Ларионовича Голикова, который в те годы держал винные откупа в Иркутской губернии. Новый хозяин Шелихова был личностью весьма примечательной. Он был известен своим крутым нравом, тесными родственными связями с видными купеческими фамилиями, своей предприимчивостью, энергией и дальновидностью. Его двоюродный брат Иван Иванович Голиков прославился как историк, автор многотомных «Деяний Петра Великого», а сам Иван Ларионович приложил немало усилий, пытаясь основать в Курске училище для малоимущих купеческих и мещанских детей. Второй его двоюродный брат, Михаил Сергеевич, также энергичный купец и винный откупщик, умел снискать расположение всеильного фаворита Екатерины II князя Г.А. Потёмкина, который произвёл его в чин капитана 2-го Оренбургского драгунского полка. Он был известным меценатом, и Г.Р. Державин посвятил ему одно из своих стихотворений.

Иван Ларионович отличался вниманием к своим родственникам и охотно помогал им стать на ноги. Именно он вывел в люди своего племянника Алексея Евсевьевича Полевого, ставшего затем одним из деятельных участников основания Российско-Американской компании (РАК). Сын А.Е. Полевого, Николай, которому отец привил с детства любовь к литературе, прославился затем в качестве журналиста, историка и писателя.

В 1775 г. Г.И. Шелихов предпринимает первые самостоятельные шаги в сибирской коммерции и вступает в брак с 13-летней Натальей Алексеевной, ставшей ему надёжной спутницей в странствиях и помощницей в делах. Спустя два года у них родился первенец, сын Иван, который, однако, не прожил и двух лет. Всего же брак принёс супругам десять детей, часть из которых умерла в малолетстве.

Состояние и влияние Г.И. Шелихова быстро росли. И.Л. Голиков относился к нему с возрастающим уважением и в 1781 г. предложил стать из приказчика своим полноправным партнёром. По-

сле переговоров, которые прошли в Петербурге, была создана компания сроком на 10 лет для ведения промысла на уже известных и ещё не открытых американских островах.

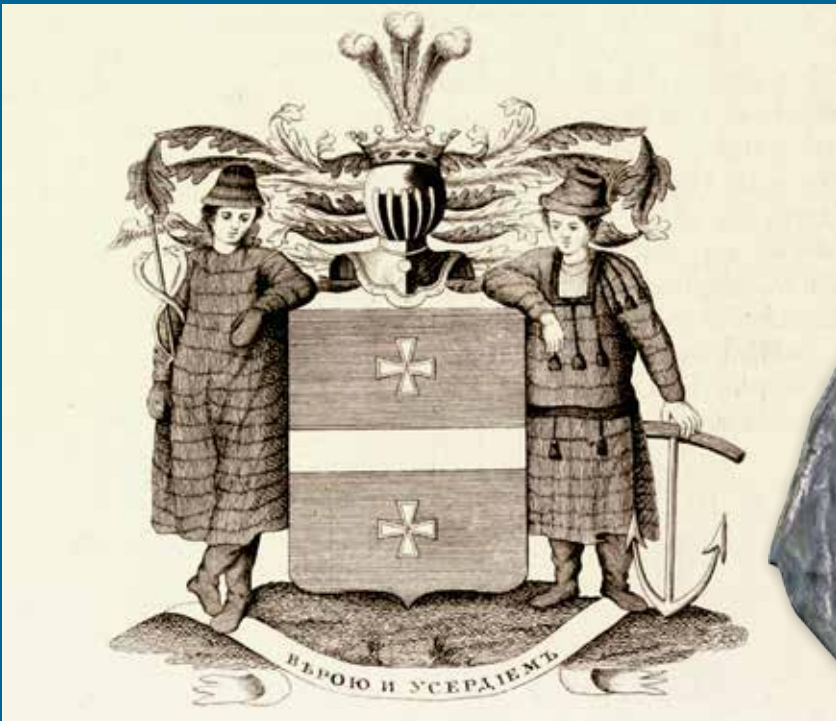
Наибольшие паи внесли Иван Ларионович и Михаил Сергеевич Голиковы. На долю Григория Ивановича выпало лично возглавить экспедицию и обеспечить компаньонам наибольшие прибыли.

Спустя два года, в августе 1783 г., Г.И. Шелихов вывел из Охотского порта свою флотилию. В её состав входили галиоты «Три Святителя», «Св. Симеон Богоприимец и Анна Пророчица» и «Св. Архистратиг Михаил». Вместе с Григорием Ивановичем в путь отправились его жена вместе с маленьким сыном Михаилом, его 13-летний двоюродный брат Сидор Андреевич и представитель другой ветви рода Шелиховых, 22-летний Василий Потапович.

Вскоре разразился шторм, во время которого был потерян «Св. Михаил» (его унесло к о. Уналашка, и о судьбе команды Шелихов узнал лишь спустя три года). Перезимовав на Командорских островах, экспедиция продолжила путь, и в начале августа высадилась на о. Кадьяк. В распоряжении Г.И. Шелихова было всего 130 человек, однако он решительно взялся за дело, стремясь прочно обосноваться на суровых берегах неисследованного острова.

По установившейся среди русских мореходов традиции он потребовал от аборигенов Кадьяка, чтобы они выдали ему заложников — *аманатов* — детей местных старшин. Кадьякцы отказались и укрылись в крепости на вершине прибрежного утёса. Отсюда они совершали набеги на лагерь пришельцев. Взяв с собой 70 человек, Г.И. Шелихов повёл их на штурм утёса. Подступивши к скале, промышленные «произвели из ружей пальбу; но как она ничем им не вредила, то они против нас жестокостью делали стрелами своими отпор». Тогда русские прибегли к помощи своих пяти двухфунтовых пушек. Шелихов велел наводить их на скалы и жилища — каменные осколки, разлетаясь, увеличивали поражающую силу огня, а в землянках прятались семьи воинов. Затем промышленные ринулись на приступ. Служивший Шелихову эскимос-переводчик Кашпак указал проход, ведущий к островку по отмели во время отлива. Потери шелиховцев в ходе боя составили всего шесть человек раненых, но в ходе штурма было перебито от 150 до 200 кадьякцев, чьи тела остались лежать на вершине скалы. Это заставило окрестные селения островитян выдать заложников, но стычки с аборигенами не прекращались и позднее.

Любое сопротивление своей воле Г.И. Шелихов подавлял, не останавливаясь ни перед какими жестокостями. Это касалось не только кадьякцев, но и его собственных работных людей, выражавших порой недовольство. Тут он также в полной

Герб дворян Шелиховых. Утверждён 1 апреля 1799 г.

«В щите, имеющем голубое поле, изображены два серебряные креста, один вверху, а другой в низу, и между ими по средине щита находится серебряная полоса. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нём короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный серебром. По сторонам щита поставлены два американца, держащие в руках с правой стороны меркурьев жезл, а с левой — якорь. Под щитом девиз — «ВЕРЮЮ И УСЕРДИЕМ»

Григорий Иванович Шелихов.

Бронзовый портретный барельеф на мраморном надгробии, установленном в 1800 г. (Иркутск, Знаменский монастырь). Учитывая обстоятельства возведения памятника, можно считать, что данное изображение наиболее достоверно передаёт его облик

Карта путешествия Г.И. Шелихова на о. Кадьяк в 1783–1784 гг.

Остров Уналашка. 1778 г. Художник У. Уэйд

Алеуты. 1862 г. Художник Г.-Ф. Х. Паули

мере проявил присущие ему решительность и жесткость. Для начала он «объявил себя таковою важною персоною, что он имеет власть не только островитян, но и... верно-подданных нашей всемилостивейшей государыни людей казнить и вешать». Промышленные не рискнули оспаривать это заявление или требовать каких-либо к тому письменных подтверждений: крутой нрав хозяина был им уже известен.

Но Григорий Иванович прекрасно понимал, что малочисленные русские поселенцы не смогут удержаться тут одной лишь силой оружия. Он задумал широкие планы освоения новых земель и ради этого стремился установить с «замирёнными» аборигенами как можно более дружественные отношения. Опорой тут, по его замыслу, должны были стать дети-аманаты, получавшие русское православное воспитание в устроенной для них школе. Уже покидая Кадьяк, Шелихов оставил там «учащихся грамоте 25 мальчиков, которые гораздо охотнее желают быть с россиянами, нежели с дикими их отцами». Сохранились имена некоторых из этих первых в истории эскимосских школьников — Атунока (Роман) и Кауток (Степан) из Карлуцкого жила, Казимр (Семён) из Ирикского жила, Каугей (Пётр) из Тугидацкого жила. Об этом своём начинании Григорий Иванович не забывал и позднее. В инструкциях начальнику поселения на Кадьяке К.А. Самойлову он наказывал «заведенное мною российской грамоте здешних обитателей детское училище умножить», обещая выслать из Охотска все необходимые книги. Ближайшей

*Колумбы Россіе презрѣвъ угрюмый рокъ,
Междь льдами новый путь открывъ на Вослѣкъ,
И наша достигнетъ въ Америку держава,
И твою вѣсть концы достигнетъ Россю въ слава.*

Алеут в байдарке. 1775 г.

Рисунок Т.И. Шмалёва на карте Алеутских островов

Встреча русских торговцев с островитянами. Рисунок на фронтисписе первого издания книги Г.И. Шелихова (1791 г.)

целью было создание кадров переводчиков: «ибо обучившиеся грамоте могут быть в переводе исправныя, а без совершенных переводчиков никакого установления сделать невозможно»

Весной 1786 г. Г.И. Шелихов покинул основанное им поселение на Кадьяке. Вернувшись в Россию, он сразу разворачивает энергичную деятельность, стремясь обеспечить своим планам государственную поддержку.

Предприимчивый купец ведёт активную деловую переписку с приказчиками, проверяет документацию, составляет рапорт генерал-губернатору И.В. Якоби, пишет И.Л. Голикову, посылая ему отчёт о своих достижениях и карту плавания. Привезённые им в Иркутск 15 молодых кадьякцев производят в здешнем обществе фурор — на балу у местного предводителя дворянства они «делали собранию удовольствие по своим обычаям производить при вокальной музыке свой танец». Двух мальчиков из их числа, Алахана и Кияка, Шелихов подарит затем И.Л. Голикову.

Уходя в плавание младшим компаньоном солидных купцов, Григорий Иванович вернулся человеком, уверенным в своих силах, несколько ожесточившимся, напористым, с твёрдым намерением взять всё дело в свои руки, хотя бы ради этого пришлось бы оттеснить прочих пайщиков компании. Америка стала уже в глазах Шелихова его вотчиной. Он её выстрадал за месяцы голодных зим и цинги, полил своей и чужой кровью. Делиться ею с кем-либо ещё он не собирался. В записке на имя генерал-губернатора И.В. Якоби он разворачивает широкий план деятельности компании под его, Якоби, покровительством: с постоянными селениями в Америке, с собственными вооружёнными силами численностью до 100 человек, с отправкой в колонии православных священников, с правом приводить в подданство аборигенов, заводить «хлебопашество, заводы и фабрики». Конкурентам, отечественным или иностранным, там, по мнению Шелихова, делать было нечего.

Намечая план по оттеснению компаньонов от руководства компанией, Шелихов привлёк на свою сторону человека, казалось, всем обязанного И.Л. Голикову — его племянника по жене А.Е. Полевого. Воспоминания детей Алексея Евсеевича донесли до нас идеализированный облик любимого отца. Реально же этот тогда ещё молодой человек, сын разорившегося купца, оказавшись на доходном месте доверенного приказчика богатого родственника, не церемонясь злоупотреблял его доверием, присваивал деньги и влезал в долги. Это не укрылось от внимания Григория Ивановича. Вскоре Полевой уже был, фактически, агентом Шелихова в ближайшем окружении Ивана Ларионовича.

Но время открытой борьбы ещё не пришло. От компаньонов требовались слаженные усилия в

Им удаётся получить аудиенцию у Екатерины II, но императрица сдержанно отнеслась к затее «сдать в монополию Шелихову Тихий океан». Оба купца получили в награду лишь золотые медали и шпаги, а Григорию Ивановичу вскоре даже пришлось бороться с выдвинутыми против него обвинениями в жестокости и «беззаконных поступках». Однако и без царской поддержки деятельность Шелихова приобретала всё больший размах.

Часть прибыли шла в приращение капитала, часть сразу же вкладывалась в создание новых, «дочерних» компаний. Они получали свои имена от мест ведения промысла и от названий кораблей: Северо-Восточная (1790 г.), Предтеченская (1790 г.), Уналашкинская (1791 г.), Северная (1794 г.), Курильская (1795 г.). В 1791–1792 гг. были опубликованы книги о плаваниях самого Г.И. Шелихова и его мореходов Д.И. Бочарова и Г.Г. Измайлова. Имя Григория Ивановича приобретало всё большую известность. В те же годы с помощью младшего брата Василия и своих приказчиков он осуществляет торговые операции практически на всех сибирских ярмарках и в Кяхте, где в 1792 г. после почти семилетнего перерыва вновь открылся торг с китайцами, активно скупавшими пушнину. Здесь его доверенным представителем являлся надёжный приказчик Ф.П. Щегорин. Открытие огромного китайского рынка сулило столь же огромные барыши.

В 1794 г. благодаря стараниям компаньонов в Америку была послана первая православная миссия во главе с архимандритом Иоасафом. Одновременно, заручившись тайной поддержкой А.Е. Полевого, Г.И. Шелихов прилагал все усилия, чтобы оттеснить Голиковых от руководства компанией. Надёжными помощниками в делах были для Григория Ивановича его жена, младший брат Василий и родственники — Иван Петрович, Сидор и Семён Андреевичи Шелиховы. Важных союзников приобретает он и путём брачных связей. Мужем дочери Анны стал Н.П. Резанов, позднее камергер двора и обер-прокурор Синода, дочь Авдотья вышла за богатого устюжского купца М.М. Булдакова, ставшего затем первенствующим директором РАК.

Последние годы жизни Г.И. Шелихова были заполнены бурной деятельностью. Вольное Экономическое Общество делает его 9 апреля 1793 г.

своим членом-корреспондентом. Он по-прежнему не теряет надежды убедить правительство в необходимости усилить проникновение России в бассейне Тихого океана. Помощь в этом ему активно оказывает иркутский генерал-губернатор И.А. Пиль. В сентябре 1793 г. им был подан на высочайшее имя рапорт с описанием успешной деятельности Шелихова в Америке и на Курилах. В результате 19 декабря 1793 г. Совет при Высочайшем дворе изъявил своё согласие на посылку в Америку за компанейский счёт поселенцев. Затем, 31 декабря 1793 г., последовал указ, позволяющий Шелихову вывезти для работ на корабельной верфи у мыса Св. Ильи до 20 человек мастеровых, а для заведения хлебопашества в американских владениях ещё до 10 семей. Заинтересовавшись активностью предприимчивого купца, Екатерина II повелела, чтобы впредь ей регулярно доносили о деятельности компании Голикова — Шелихова.

В разгаре дел, не закончив множество планов, 20 июля 1795 года Г.И. Шелихов внезапно скончался после скоротечной болезни. Обстоятельства смерти его до конца не выяснены и по сей день. Наталья Алексеевна объявила причиной смерти мужа «простудную горячку», которая, якобы, терзала его целых 25 дней и свела, наконец, в могилу. Однако, по словам очевидца, у него «сделалась чрезвычайная боль в животе и такое воспаление, что он, дабы хоть на мгновение утолить огонь, можно сказать, глотал льду по целой тарелке» — симптомы, довольно нетипичные для простуды. Внезапность и неясные обстоятельства смерти видного купца, оставившего немалое наследство, вызвали в Иркутске разнообразнейшие толки. Поговаривали даже об отравлении. В настоящее время нет данных, которые позволили бы безоговорочно принять или отвергнуть какую-либо из этих версий. Смерть Григория Ивановича по-прежнему окутана покровом тайны.

Григорий Иванович Шелихов был погребен в Иркутске в Знаменском женском монастыре против церковного алтаря. В 1800 г. на могиле стараниями супруги был установлен мраморный памятник с бронзовым барельефом покойного. Но главным памятником Григорию Ивановичу, его жизни и трудам, стала созданная на основе его замыслов Российско-Американская компания.

«ПЕРВЫЙ ФУНДАТОР»

В отличие от разветвлённых старинных купеческих родов Курска — Лоскутовых, Бесходарных, Фатеевых, Полевых, Хлопониных и многих других, — фамилия Голиковых во второй половине XVIII в. была представлена в Курске потомством одного лишь Ермолая Алексеева сына Голикова, выходца из крестьян Знаменского монастыря, зачисленных в 1649 г. в курские посадские люди. Но каждая ветвь его потомства дала людей ярких и незаурядных. Иван Иванович Голиков прославился как историк, автор многотомных «Деяний Петра Великого»; Михаил Сергеевич и Иван Ларионович более преуспели на коммерческом поприще.

Основные факты биографии И.Л. Голикова известны. Курский первостатейный купец и винный откупщик Иван Ларионович Голиков родился 22 ноября 1735 г. в семье Лариона Ермолаевича и Марии Панкратьевны Голиковых. Отец его держал москательную лавку в Троицкой слободе Курска. Здесь, за рекой Кур, уже в 1677 г. владел своим двором дед Ивана Ларионовича, Ермолай.

Получив, вероятно, обычное для своего сословия домашнее образование, Иван Ларионович первоначально занимал в Курске должность публичного нотариуса. Он получил её согласно указу Правительствующего Сената от 2 июня 1759 г. в компенсацию долга казны его родственнику, курскому купцу Ивану Никифоровичу Лоскутову. Казна осталась должна Лоскутову 8000 рублей за вывезенный им из Персии алмаз, который в апреле 1758 г. был приобретён «в комнату Ея Императорского Величества». Ожидая «по сему делу резолюции», Иван Никифорович «почти лишился купеческого своего промысла», умер, не дождавшись расчёта, и по духовной грамоте «поручил свои долги заплатить зятю, курскому купцу Ивану Голикову». Положение нотариуса должно было помочь наследнику долгов покойного выйти из этой затруднительной ситуации. Кроме того, согласно тому же указу, дом Ивана Ларионовича был освобождён от постоя.

Позднее И.Л. Голиков занимает должность ратмана городского магистрата и наконец достигает положения городского головы. В Курске жил в приходе Нижней Троицкой церкви, владел недвижимостью в Курске и Иркутске (в 1790–х гг., по оценке самого хозяина, на 150 000 рублей). С лета 1775 г. Иван Ларионович держал винный откуп в Тобольске. С 1779 по 1783 гг. вместе с М.С. Голиковым, в качестве «коронного поверенного», держал винный откуп в обеих столицах. В 1784 г. получил права на винный откуп в Иркутской губернии.

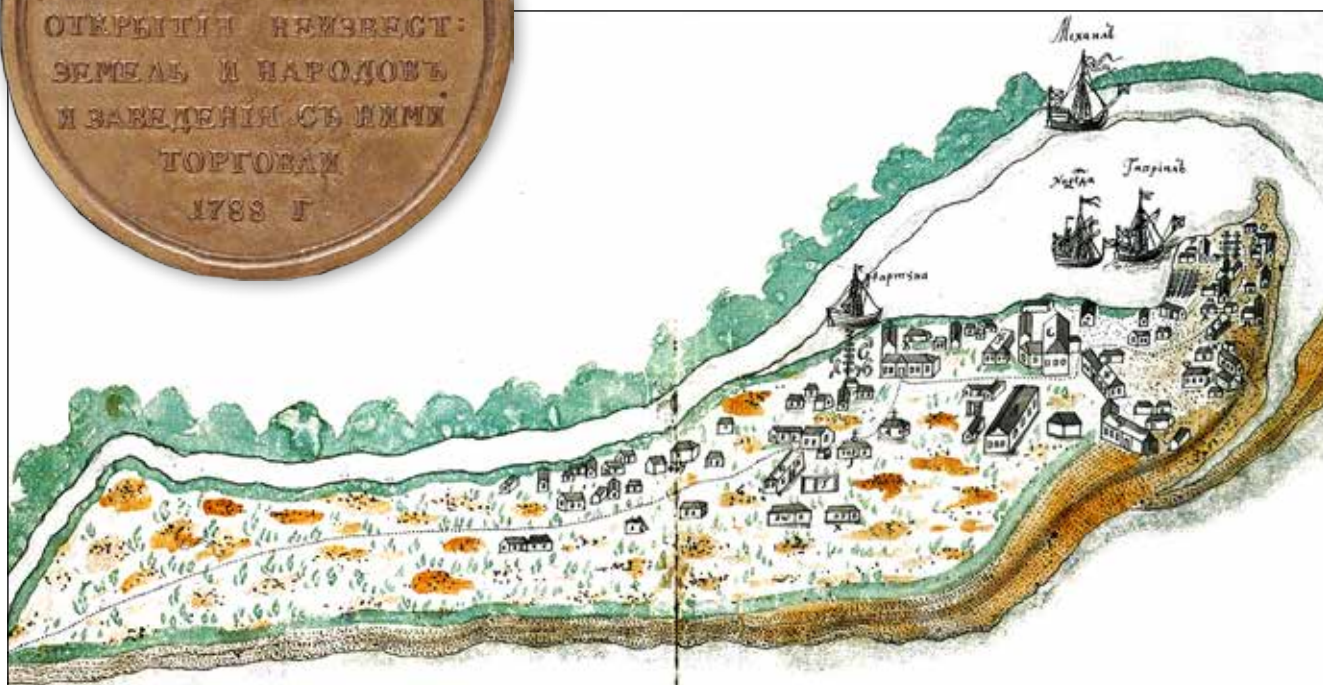
Однако не винные откупа и не внутрироссийские торговые предприятия обеспечили И.Л. Голикову место в истории. Местом этим он обязан той роли, что довелось ему сыграть в деле освоения русскими людьми Аляски и Алеутских островов. Именно он, являясь старшим компаньоном, обеспечил прочную финансовую

базу для экспедиции Г.И. Шелихова, положив начало новому этапу в освоении Русской Америки.

С 1777 г., действуя совместно с Г.И. Шелиховым, Иван Ларионович начал снаряжать и отправлять в Тихий океан промысловые суда. Позднее совместно с семьей Шелиховых он владел Северо-Восточной Американской, Северной и Курильской компаниями. Расширяя дело, И.Л. Голиков объединил свои капиталы с компанией иркутских купцов Мыльниковых (18 июля 1797 г.), а несколько позже возникла новая «Американская Голикова, Шелихова и Мыльникова компания». Он был одним из основателей и совладельцем Соединенной американской компании (учреждена в Иркутске 3 августа 1798 г.), числился среди крупнейших акционеров Российско-Американской компании (РАК, учреждена Высочайшим указом Правительствующему Сенату 8 июля 1799 г.). При этом отнюдь не случайно Иван Ларионович после создания РАК именовал себя её «первым фундатором», основоположником — в основание монопольной американской компании действительно было вложено немало его сил, энергии и средств. Да и сама идея такой компании была впервые высказана именно им.

Однако уже с первых лет сотрудничества наметился различный подход к новому предприятию со стороны И.Л. Голикова и Г.И. Шелихова. Дела совместной Американской компании, конечно, интересовали Ивана Ларионовича. Он специально просил в письме своего иркутского приказчика курского купца И.И. Скорнякова: «какия слухи будут ино-

Золотая медаль, пожалованная И.Л. Голикову. Копия. Государственный исторический музей (Москва).

Две медали, для награждения «за усердие к пользе государственной распространением открытия неизвестных земель и народов и заведение с ними торговли», были отчеканены по распоряжению Екатерины II в сентябре 1788 г. и 11 октября вручены И.Л. Голикову и Г.И. Шелихову

Охотск. Чертёж 1737 г.

гда о заведении компании нашей в Америке старайся обо оных уведомлять писать появственней нынешнего осенью не будет ли судов в приход со островов и с ними не будет ли от наших писем как Григорий Иванович и ожидает». Проявлялся этот интерес и более своеобразно. В 1788 г., после возвращения из плавания в Америку, Г.И. Шелихов привёз в Россию 15 молодых аборигенов с острова Кадьяк. Это сразу заинтересовало Ивана Ларионовича. Из Петербурга он пишет 24 сентября 1788 г. в Иркутск И.И. Скорнякову: «Из Охотска американцы когда прибудут в Иркутск из них высмотреть надобна хорошенько согласны ли они остаться в России и кои к тому будут способнейши мужеска полу и женска хоша по два человека (или хоша и по одному) высылай в Москву при оказии или хоша бы при возах в Ырбит отпустить». Вскоре в Курск было привезено из их числа двое мальчиков, Алахан и Кияк.

В Курске «дикие американцы» произвели сильное впечатление. В качестве «дядьки и воспитателя» к ним был приставлен калмык Панфил Иванов. Он заодно обучал своих подопечных и русскому языку. Именно он, по их неграмотности, поставил подпись под прошением о «присоединении к Православной грекороссийской Церкви» в 1789 г. В этом прошении говорилось: «Родились мы, нижепоименованные, на отдалённейших новонайденных один из нас на островах, а другой на берегах американских, где живучи по образу жизни тамо обитающих диких народов, незнающих никакой веры и закона и не имеющих о каком-либо Божестве ни малейшаго понятия возрасли в сущем неведении истиннаго Бога.

Минувшаго же 1787 года попечением и коштом именитаго гражданина курскаго купца Ивана Иларионова г. Голикова вывезены мы из оных мест в Россию, где, пребывая более уже двух лет, научились российскому языку и живучи в доме г. Голикова нередко слышали от него между домашним наставлением, что есть Высочайшее Божество, Которое всемогуществом Своим как свет, землю и народы, так и всё видимое творение премудро устроило ко благу человеческому и промышленя наипаче о человеке, обязало его святейшим законом, повелевая ему, что творить и чего, яко зловерднаго и богопротивнаго, удаляться, обнадёживая за исполнение закона кроме временных добр, вечною блаженною жизнью.

Сему внимаая, мы от частых его чинимых нам наставлений и почитая уже нужным и спасительным христианский закон и веру, восчувствовали в себе сильное движение искреннаго и непреклоннаго желания быть в числе просвещённого человечества и присоединиться к Православной грекороссийской Церкви Божественными таинствами. А как приуготовления к оным предварили себя и выучением Символа веры и других христианских молитв, то и

просим покорно сие правление познавши нас совершенно оное злочестивое неверие просветить святым крещением и присовокупить к христианскому обществу».

Торжественную церемонию крещения провёл протоиерей Иоанн Златницкий, а восприемниками выступали сам Иван Ларионович и его дочери Мария Гарденина и Александра. Алахан получил имя Петра, Кияк стал Павлом. О крещении «диких американцев» было сообщено особым рапортом епископу белгородскому и курскому Феоктисту, который «почёл это обстоятельство заслуживающим внимания высшей церковной власти и довёл до сведения св. Синода». Позднее оба кадьякца числились комиссионерами по делам компании Голикова, но «постоянное жительство имели в Курске».

В 1787 г., воспользовавшись возвращением Г.И. Шелихова из «американского вояжа», компаньоны попытались вывести свои дела на новый, более высокий уровень. Обстоятельства этому, казалось, благоприятствовали. В качестве городского головы Иван Ларионович должен был встречать императрицу, обратный путь которой из Крыма пролегал через Курск, и тем самым ему предоставлялась возможность лично представить свои замыслы непосредственно ей самой. Готовясь к встрече Екатерины II, курское дворянство «при содействии городского головы Ивана Илларионовича Голикова и курских граждан» возвело в конце Херсонской улицы каменные триумфальные ворота, ставшие надолго одной из главных городских достопримечательностей. Иван Ларионович, как городской голова, встречал царицу во главе почётных курских граждан, членов городского магистрата, учеников и преподавателей Главного народного училища. При встрече с царицей Иван Ларионович преподнёс ей карту «Шелехова странствия». Императрица проявила интерес к купцам-мореплавателям, и компаньоны получают официальное приглашение ко Двору. Хлопоча о своих нуждах, Голиков не забыл и о городских потребностях: вследствие именно его ходатайства уже 17 июня 1787 г. последовал царский указ на имя правителя курскаго наместничества графа А.И. Зубова, согласно которому была разрешена постройка на Коренной ярмарке Гостиного двора. При этом городскому обществу передавались ярмарочные доходы в течение 20 лет. Встреча с императрицей, несомненно, стала звёздным часом в жизни и карьере курскаго купца. Вслед за успехом, достигнутым в Курске, он вместе с Г.И. Шелиховым отправляется в Санкт-Петербург с прошением на царское имя, чтобы ходатайствовать о привилегиях и государственной ссуде для своей компании. Здесь их достижения, несмотря на внешний блеск, оказались более скромными.

12 октября 1788 г. И.Л. Голиков получил из Сената похвальную грамоту Императрицы Екатерины II

Ружьё. Россия. 1789 г.

Калан и район его промысла во второй половине XVIII в. на карте И.И. Шмалёва. 1775 г.

от 1 октября 1788 г.: «...вы обще с рыльским купцом Григорием Шелиховым для открытия неизвестных островов и заведения новой торговли на благо Отечества, согласясь и построив мореходные суда собственным коштом, отправились в восточное море и к берегам Северной Америки, где преодолев многия опасности и затруднения, наконец достигли до предпринятого намерения, и не только сыскали несколько неизвестных земель и народов и завели с ними к пользе Государственной торговые промыслы, но и привел жителей в подданство Наше, за что Мы и повелеваем в знак отличности и благоволения Нашего дать вам от Сената медали и шпаги. Но сверх сего и еще Мы не можем оставить без изъявления вам за сию Нам и Государству услугу Нашего Монаршего благоволения и сею Нашею грамотою похваляем оное...».

Однако, наградив купцов, императрица отвергла их предложение о создании единой торгово-промышленной компании с монопольными правами на освоение американских земель.

В последующие годы в делах Американской компании Иван Ларионович Голиков постепенно всё более отходил в тень, хотя именно он принимал участие в закупке товаров для компании в Москве и Петербурге, давая указания о постройке того или иного судна. Дело, видимо, было в том, что для И.Л. Голикова американская компания, при всей её важности и прибыльности, оставалась всегда лишь одним из его многочисленных коммерческих предприятий. Для Г.И. Шелихова же Американская компания всегда оставалась главным делом. Кроме того, он пользовался тем, что его компаньон жил в стороне от средоточия компанейской деятельности и полностью доверял своим приказчикам, которые, по различным причинам, не всегда это доверие оправдывали.

Наиболее доверенным лицом И.Л. Голикова был его племянник Алексей Евсевьевич Полевой. Именно Иван Ларионович «вывел в люди» своего обедневшего родственника, поддерживая его, несмотря на все доставляемые им ему неприятности. Но А.Е. Полевой, запутавшийся в денежных делах, вошёл в тайные сношения с Г.И. Шелиховым. В итоге их совместных финансовых

В погребке. 1850 г. Художник В.Е. Астрахов

Штоф винный с изображением влюблённой пары. Стекло, эмаль. Россия. 1752 г.

махинаций на счёт Ивана Ларионовича зачастую относились выплаты по векселям, а доля его в прибылях уменьшалась. По утверждению Ивана Ларионовича, «они, то есть Полевой и Шелихов, согласавшись между собою, тайно составили новую Компанию, в которой половину его и самые документы изтребили вовсе». В итоге к 1794 г. компания оказалась практически целиком в руках Шелихова.

После смерти Г.И. Шелихова начинается упорная борьба за контроль над компанией, в ходе которой верх одерживают наследники Григория Ивановича. Возвышение Шелиховых означало крах для Голикова. Он, правда, ещё сохранял силу и влияние, пользовался благосклонностью властей — император Павел I даже пожаловал ему «золотой с царским гербом и бриллиантами ковш». Однако финансовые махинации Шелиховых и Полевого лишили Ивана Ларионовича половины капитала. Часть потерь удалось возместить лишь после вмешательства своего знатного зятя — сенатора князя К.А. Багратиона. В конечном итоге,

Скульптурная группа «Пьяницы, или Воскресный день». Россия. 1870–1890-е гг.

Весёлая пирушка. Фрагмент русского лубка XVIII века «Пётр I в гостях у А.Д. Меншикова»

после смерти отца в 1805 г., Николай Иванович Голиков вынужден был постепенно распродавать оставшиеся у него акции компании и большую часть недвижимости.

В итоге И.Л. Голиков лишился не только своих прибылей, но и своего заслуженного места в истории Русской Америки. В последующей историографии фигура Г.И. Шелихова всё более заслоняла собой его современников, внёсших немалый вклад в дело создания русско-американского феномена.

Умер И.Л. Голиков 17 ноября 1805 г. и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. «С 17-го на 18-е число прошедшего ноября 1805 г. скончался в Санктпетербурге Курский Именитый Гражданин ГОЛИКОВ на 73-м году от рождения, — говорилось в «некрологии», опубликованной в 1-й части петербургской «Минервы» за 1806 г. — Он второй из тех, которые прославили свою фамилию. Голиков, написавший Историю ПЕТРА ВЕЛИКОГО в 30 томах, был ему племянник. Добродетельный муж, к сожалению добрых людей, кончивший жизнь свою, принадлежит к числу Россиян, украсивших конец осмнадцатого века... В последние дни жизни он представлял редкий пример упования на Промысл. Никакия огорчения не сильны были довести его до роптания. Бедные потеряли в нем благодетеля, несчастные истинного друга».

Хвалебные строки официального некролога имели за собой немало истины, хотя, конечно, не раскрывали всей колоритной фигуры Ивана Ларионовича. Человек суровый, вспыльчивый, но отходчивый в гневе, предприимчивый, с обширным кругозором и широким взглядом на вещи, не чурающийся идей просвещения, но хранящий верность устоявшимся обычаям, дальновидный, но не утративший привычку доверять людям, мелочный обладатель огромных капиталов, подчас ценящий выгоду превыше закона, но использующий закон, чтобы не упустить своей выгоды, — он был человеком своего времени, своего сословия, но при этом стоял на ступень выше и смотрел дальше своего окружения. Этим он и заслужил своё место в истории.

КУРЯНЕ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Участие курян в освоении Аляски вовсе не ограничивалось одной лишь деятельностью знаменитого Григория Шелихова. На протяжении всего времени существования Российско-Американской компании на её различных должностях продолжали служить представители семьи, стоявшей у истоков компании: И.П. Шелихов и его сын В.И. Шелихов, братья В.П. и В.П. Шелиховы, П.И. Шелихов и его сын Н.П. Шелихов, С.А. Шелихов. Но и помимо них в Русской Америке встречались выходцы из курского купечества, мещанства, крестьянства. Не все они были людьми выдающимися, но именно они были теми, кто непосредственно «осваивал» далёкие земли, чьё присутствие делало их частью России. В иных курских купеческих родах занятие морскими пушными промыслами у берегов Америки стало своеобразной семейной традицией. Примером тому может служить разветвлённый род Дружининых, имя которого до сих пор сохранилось в названии одной из улиц Курска.

Алексей Дружинин ходил к Алеутским островам на борту судна «Борис и Глеб» в 1752 г., терпел крушение на скалах острова Беринга, промышлял на выстроенном из обломков новом судне и благополучно вернулся назад с богатой добычей. В 1759–1763 гг. ходил он на «Владимире» и бился с алеутами на островке Сигдак, после чего за жестокость с аборигенами попал под суд в Охотске и был отстранён от участия в заморских плаваниях. Пётр Дружинин, квартирмейстер Охотского порта, командовал судном «Захария и Елисавета» и погиб

Трубка курительная. Камень. XIX в. Архипелаг Александра (Аляска). Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого

Ново-Архангельск 20 июля 1837 года. Художник А. Ольгин

Русский промышленный на службе Российско-Американской компании. 1-я половина XIX в.

Реконструкция А.В. Зорина. Художник И.Г. Василенко

от рук восставших алеутов в 1763 г. Дмитрий Дружинин прибыл на Кадьяк вместе с Г.И. Шелиховым и с тех пор многие годы служил его компании, в то время как другой представитель этого же рода успешно действовал на стороне главного шелиховского конкурента, служа старостой в одной из артелей П.С. Лебедева-Ласточкина.

Семён Полевой, передовщик с «Владимира», погиб в 1760 г. на острове Сигдак от рук алеутов. На Камчатке и в Америке закончили свои дни Иван Осипович и Василий Полевые. Афанасия Логачева убили в 1770 г. враждебный алеут на острове Адах, а вот Афанасий Овсяников, напротив, благополучно совершил два «заморских вояжа» и участвовал в марте 1766 года в походе знаменитого своей жестокостью тобольского купца-морехода И.М. Соловьёва против восставших алеутов Лисьих островов.

После смерти Г.И. Шелихова начались долгие споры между его наследниками и компаньонами. Итогом борьбы стало осуществление давней мечты рыльского купца — создание единой Российско-Американской компании, находящейся под царским покровительством и обладающей монопольными правами на освоение американских земель. В её деятельности курские купцы также приняли самое активное участие. Одним из них был Николай Иванович Мухин. Он происходил из старинного курского купеческого рода. Дом его отца, Ивана Ивановича, находился в приходе Ниж-

Флаг Российско–Американской компании.
Утверждён императорским указом от 28 сентября 1806 г.

Акция Российско–Американской компании. 1845 г.

Тлинкитский воин в боевых доспехах. 1–я половина XIX в.
Реконструкция А.В. Зорина. Художник И.Г. Василенко

не–Троицкой церкви, а его старший брат, Василий, был женат на Пелагее Ивановне Голиковой — дочери И.И. Голикова, автора известного исторического труда «Деяния Петра Великого». Видимо, при посредстве Ивана Ивановича и Ивана Ларионовича Голиковых и поступил 33–летний Николай на службу в Американскую компанию. Произошло это около 1797 г. Он отправился в колонии, главный правитель которых, А.А. Баранов, вскоре вполне оценил его «способность к деятельному начальству и расторопности». В мае 1799 г. Н.И. Мухин был назначен начальником поселенцев в заливе Якутат.

Поселение в Якутате задумывалось не просто как очередная торговая фактория или промысловая база, но как будущая столица края. Для него было даже заготовлено претенциозное название «Славороссия» (хотя чаще использовалось имя Новороссийск или просто Якутатская крепость). Кроме промышленных, занятых промыслом морского зверя, в Якутате было оставлено и несколько семей поселщиков — поселенцев, которые должны были заниматься скотоводством, земледелием, ремёслами и положить начало прочному освоению края.

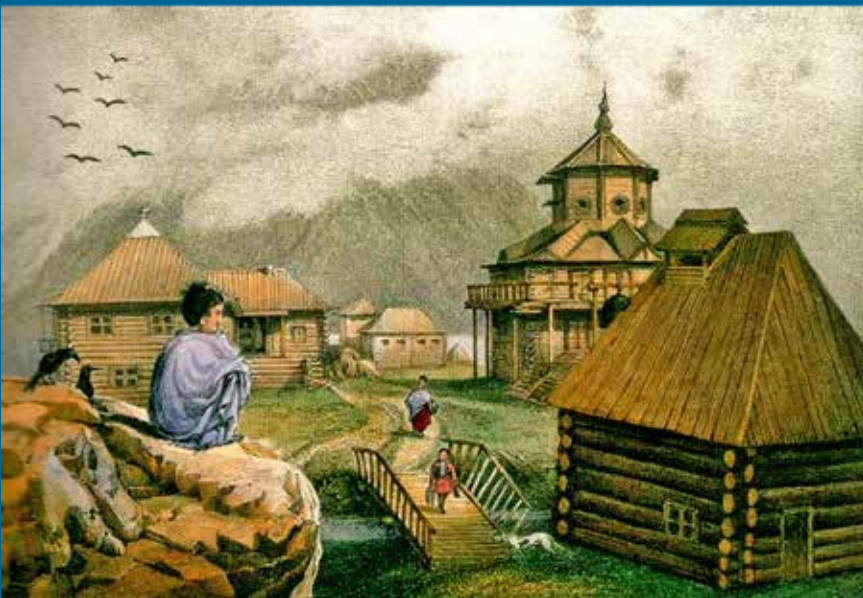
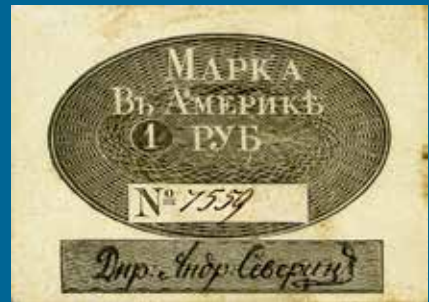
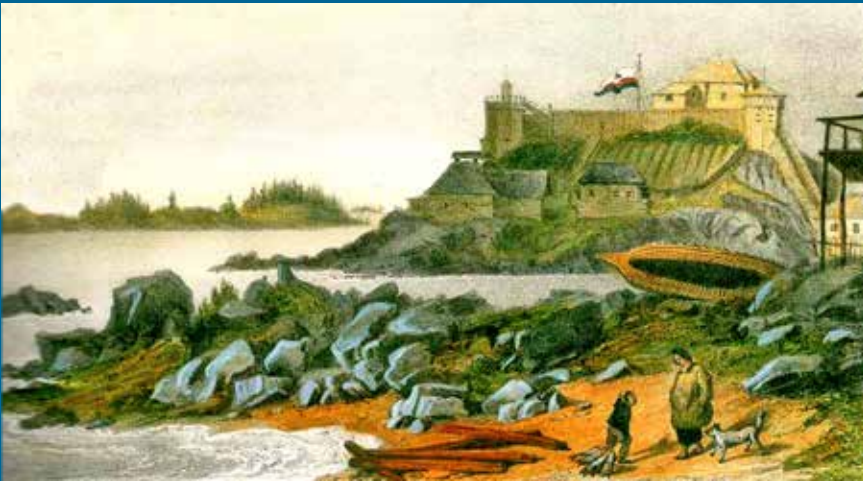
Промышленными начальствовал С.Ф. Ларионов, поселщиками — И.Г. Поломошный, человек сварливый и неуживчивый, хотя и пользовавшийся благосклонностью Г.И. Шелихова. Его дрязги, спо-

АЛЯСКА И АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

Кадьякские охотники и тлинкитские воины. 1818 г.
Художник М.Т. Тиханов

Ново-Архангельск 21 сентября 1827 г. Художник П. Михайлов

Ново-Архангельск — центр Русской Америки. 1826 г. Художник Ф. фон Киттлиц

Постройки Ново-Архангельска. 1826 г.
Художник Ф. фон Киттлиц

Марки Российско-Американской компании.
Печатались на тюленьей коже и заменяли деньги во внутренних расчётах в пределах колоний

Боевой кинжал тлинкитов. XIX в. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург)

Селение Росс. 1841 г. Художник И.Г. Вознесенский

ры о старшинстве, подозрительность, дошедшая до настоящей мании преследования, ещё более усугубляли тяжёлое положение колонии среди недружелюбного населения, сурового климата, при постоянной угрозе голода и болезней.

Положение колонии уже после первой зимовки 1796–1797 гг. стало просто плачевным. От цинги умерло 23 человека, многие ослабели от болезней, остановилось строительство, а Поломошный был целиком поглощён спорами о старшинстве. Ему было не до нужд поселенцев. В результате А.А. Баранов сместил Поломошного, найдя ему замену в лице способного и расторопного курского купца. Ему досталось нелёгкое наследство.

Якутатская крепость была первым русским поселением в стране индейцев–тлинкитов — одного из наиболее могущественных и воинственных племён Северо–Западного побережья Северной Америки. Деревянные и кожаные доспехи тлинкитских воинов надёжно защищали их тела от стрел, копий, ножей и даже мушкетных пуль. В огромных, украшенных причудливой резьбой боевых каноэ они совершали далёкие набеги, наводя страх на соседей и обращая в рабство захваченных в бою пленников. После первых неурядиц якутатским поселенцам удалось наладить довольно дружественные отношения с индейцами, особенно с кланом тлухеди.

Вождем его был Танух (Зуб Морского Льва). Индейские предания сообщают о его дружбе с начальником русской крепости, которая была скреплена взаимным обменом подарками. Вождь вручил русскому начальнику боевой кинжал, а в ответ получил трость со спрятанной внутри шпагой. Танух был частым гостем в крепости и всегда беспрепятственно пропускаться часовыми, знавшими о его дружбе с начальником.

Однако мало–помалу поступки русских колонистов стали вызывать всё большее раздражение индейцев. Особенно их возмущал хищнический лов русскими рыбы и грубое обхождение с тлинкитскими вождями. Наконец Танух задумал избавиться от нежеланных пришельцев и призвал воинов своего клана поддержать его план.

Для осуществления замысла вождя тлухеди избрали день 20 августа 1805 г., когда большинство обитателей крепости отправились на рыбную ловлю. Танух вошёл к начальнику крепости, отвлек его разговором и внезапно бросился на него с ножом.

Первый удар пришёлся по лежавшей в кармане металлической табакерке. Клинок скользнул по металлу, оставив глубокую вмятину. Между бывшими друзьями завязалась упорная борьба. Безоружному русскому почти удалось вырвать кинжал из рук противника, но вождь оказался сильнее.

Покончив со своим противником, Танух подал условленный знак, и тогда «каждый индеец убил своего человека». Перебив всех, находившихся в селении, тлухеди подстерегли и уничтожили возвращавшихся рыбаков.

Спасти от общей резни удалось немногим. Поселение в Якутате русскими больше не возобновлялось. Табакерка, хранящая на себе след от удара ножа Тануха, и по сей день хранится среди родовых реликвий якутатских тлинкитов.

Николай Мухин, однако, счастливо избежал общей судьбы поселенцев Якутата. Пока неясно, когда он покинул страну тлинкитов и какова была причина того. Так или иначе, но из Якутата Мухин возвращается на Кадьяк, и следующие упоминания его имени в компанейских документах относятся уже к последним годам следующего десятилетия. Обременённый большим семейством и

Калифорнийские индейцы. 1822 г. Художник Л.А. Хорис

План построек крепости Росс. 1812–1841 гг.

Калифорнийский индеец в церемониальном одеянии из перьев кондора. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург)

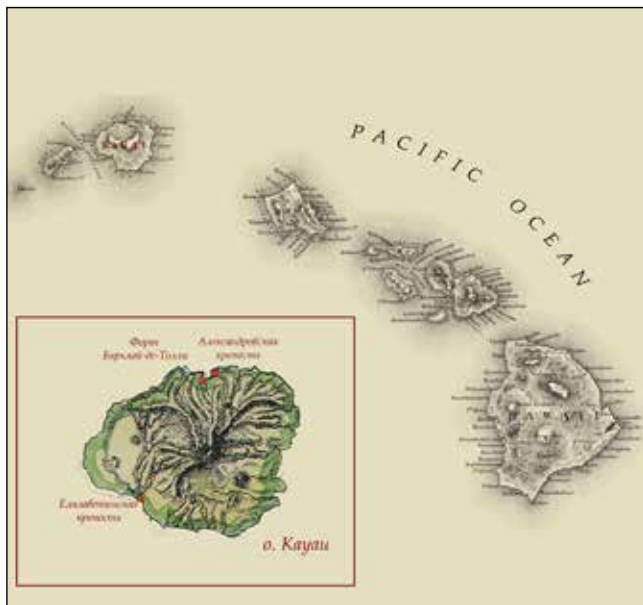

долгами, он служит «содержателем общественного магазина», а в 1819 г. назначается на должность лекаря. Видимо, он обладал ещё и какими-то познаниями в медицине. На Кадьяке, судя по всему, он и закончил свои дни.

В поисках счастья, богатства и приключений в Америку из Курска отправлялись не только купцы. Искали там воли и крепостные. Крещёные крепостные калмыки И.Л. Голикова участвовали в плавании Г.И. Шелихова в 1783–1787 гг., также как и Филипп Осетров — крепостной человек самого Григория Ивановича; голиковские крепостные Кашеваровы были посланы на Кадьяк в 1794 г., и младший из них, Филипп Артамонович, с 13 лет постигал морское дело у англичанина Дж. Шильдса, служившего в РАК. Ему довелось пережить шторма и кораблекрушения, он участвовал в поисках пропавшего миссионера Ювеналия и в промысле морского зверя. В 15 лет ему было доверено командование морским судном. Однако мореходом Филипп так и не стал. Большую часть жизни он проработал учителем в школе на Кадьяке и на Ситке, но его сыновья, Иван и Александр, получили образование в штурманской школе в Кронштадте и стали известными мореплавателями и полярными исследователями.

Ещё интереснее судьба другого курского крепостного — Тимофея Никитича Тараканова. Родившись в 1774 г., он был одним из дворовых людей крупного помещика и винного откупщика Н.И. Переверзева, имевшего, судя по всему, деловые связи с И.Л. Голиковым. Около 1797 г. Тараканов отправляется в Америку и становится одним из руководителей промысловых артелей на Кадьяке.

Гавайский архипелаг и остров Кауаи – владения короля Каумуалии (Томари)

Елизаветинская крепость на о. Кауаи. Одна из трёх крепостей, выстроенных на острове Е.Н. Шеффером, названная в честь императрицы Елизаветы Алексеевны

Вождь Бокки с о. Оаху на борту шлюпа «Камчатка». 1818 г. Художник М.Т. Тиханов.

На вожде и его спутнике надеты плащи и шлемы из перьев, служившие символом принадлежности к высшему слою гавайской знати

В 1802 г. индейцы–тлинкиты уничтожают русскую крепость на острове Ситка и закрывают свои земли для артелей Российско–Американской компании. Компания терпела огромные убытки. Выходом из тупика могло стать открытие новых и безопасных промысловых угодий. Итогом поисков стало соглашение с американским шкипером Дж. О'Кейном, кому было доверено командование морским судном. Поход русских в Калифорнию оказался удачен и проложил дорогу для последующих экспедиций. В 1806–1807 годах Тараканов совершает новое путешествие в те края совместно с американским капитаном Оливером Кимболлом. В следующем году главный правитель колоний А.А. Баранов решает основать в Калифорнии постоянное русское поселение.

С этой целью к берегам испанских владений направляются бриг «Кадьяк» и шхуна «Св. Николай». Тимофей Тараканов назначается на борт «Св. Николая» судовым старостой.

Шхуна под командованием штурмана Н.И. Булыгина покинула порт Ново–Архангельска 29 сентября 1808 г. «Кадьяк» должен был отплыть чуть позже и сойтись со «Св. Николаем» в бухте Гавр де Грей. Но шхуна попала в шторм, потерпела крушение и 1 ноября была выброшена на берег близ устья Квилеут–Ривер в современном американском штате Вашингтон.

Посоветовавшись, Булыгин и Тараканов решили пешком добраться до места условленной встречи с «Кадьяком». Но на пути стало немало преград. Местные индейцы встретили потерпевших крушение враждебно.

С первого дня начались столкновения. При переправе через одну из рек пришлось выдерживать

настоящий бой. Один матрос был убит, несколько человек попали к индейцам в плен. Среди пленников оказалась и Анна Петровна — жена капитана Булыгина. Сломленный навалившимися невзгодами, Н.И. Булыгин временно сложил с себя обязанности командира, которые были единогласно переданы Т.Н. Тарakanову.

После долгих скитаний и стычек с враждебно настроенными индейцами русским пришлось здесь зазимовать. Весной они продолжили путешествие, намереваясь достичь мест, часто посещаемых европейскими мореплавателями.

Тимофей Никитич предлагал отправиться на восток и обогнуть владения враждебных прибрежных племён. Но Булыгин, вернувшись к руководству командой, рассудил иначе, решив попытаться освободить из плена свою супругу. Он вывел отряд к месту прошлогодней схватки на переправе, и там русским удалось захватить сестру индейского вождя. Индейцы согласились на обмен и привели Анну Петровну. Однако жена капитана наотрез отказалась присоединяться к мужу в скитаниях по дебрям и предложила своим бывшим спутникам самим сдаться индейцам. Поднялись жаркие споры, и в итоге Т.Н. Тараканов и несколько его товарищей действительно предпочли добровольно сдаться индейцам на договорных условиях. Остальные были чуть позднее захвачены в плен уже без всяких условий.

Оказавшись в плену, Тимофей Никитич сумел занять среди индейцев—мака довольно видное положение, что использовал для помощи своим товарищам по несчастью. Индейцы уважали Тимофея Никитича как искусного мастера, меткого стрелка, рассудительного и знающего собеседника. Он жил на положении не столько пленника, сколько гостя, и наконец, как вспоминал позднее он сам, «старшины в общем собрании положили, что человек, столь искусный, как я, должен непременно быть сам старшиной или тоёном. После сего меня везде звали в гости вместе с моим хозяином и угощали во всём наравне со своими старшинами». Наконец, в мае 1810 г. уцелевшие скитальцы были выкуплены и доставлены на Ситку американским шкипером Т. Брауном. Не прошло и месяца после возвращения из индейского плена, как Тараканов вновь направляется в плавание к берегам Калифорнии.

Активный русский промысел всё более тревожил испанские колониальные власти, однако экспедиция завершилась благополучно, и в середине августа 1811 г. партия с большим грузом пушнины вернулась на Ситку. В следующем году в Калифорнии основывается постоянное русское поселение, ставшее базой для ведения морского промысла. В январе 1814 г. сюда посылается судно «Ильмена», на борту которого находилась партия во главе с Т.Н. Таракановым. Эта экспедиция оказалась от-

мечена рядом столкновений с испанцами и местными индейцами. Несколько человек из команды Тараканова попали в плен к испанцам. В апреле 1816 г. судно отплывает обратно на Ситку, однако по пути из—за повреждений корпуса заходит на Гавайские острова. Здесь партия Тараканова попадает в подчинение к доктору Е.Н. Шефферу — поверенному РАК, который пытался тогда добиться присоединения Гавайев к России.

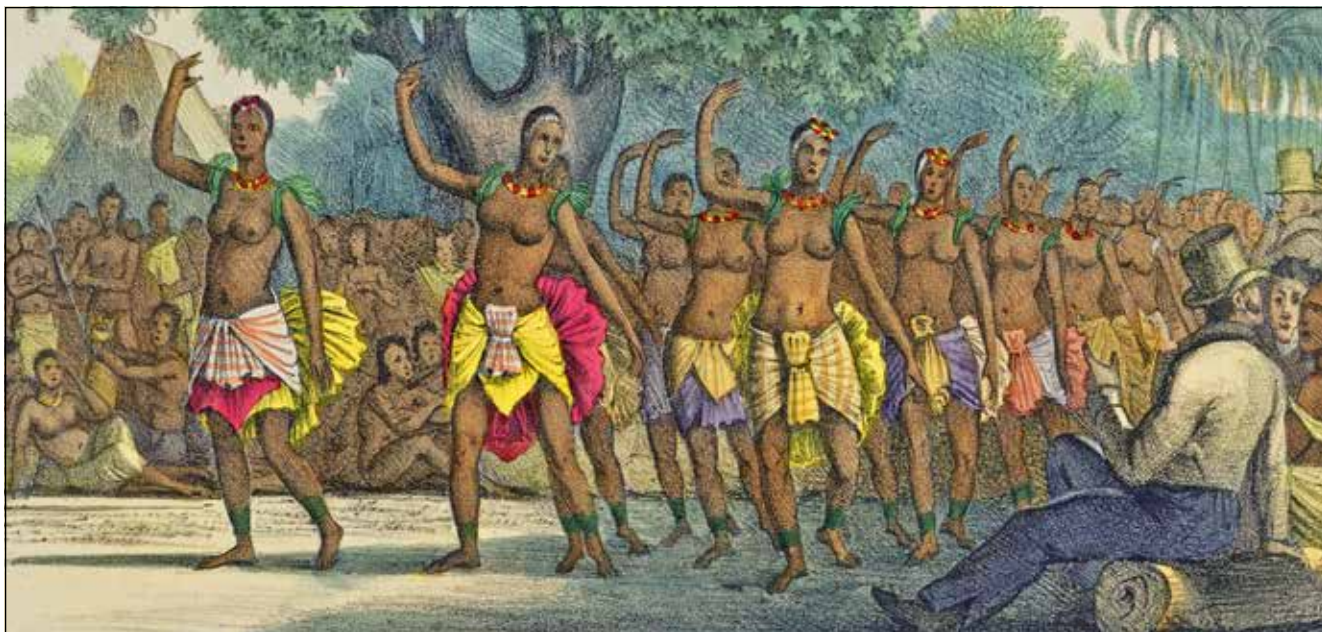
Оказавшись на острове Кауаи, Тараканов становится вторым лицом в экспедиции Шеффера, хотя личные отношения между ним и доктором отнюдь не всегда оставались гладкими. Значимость положения Тараканова подчёркивает то, что местный король Каумуалии пожаловал ему селение в 13 семейств и поручил обучать русскому языку своего младшего сына.

Но в июне 1817 г. гавайская авантюра Шеффера окончилась крахом. Сам доктор едва спасся бегством в Кантон. Тараканов и ещё 63 человека остались на Гавайях. На Тимофее Никитиче лежала теперь ответственность и за людей, и за компанейское имущество. Команда терпела нужду и голод. Наконец, договорившись с одним из американских капитанов, он отправил часть людей к берегам Калифорнии, а сам позднее вернулся в Ново—Архангельск на судне другого шкипера.

Здесь в 1818 г. он оформил свою вольную и был записан в курское мещанство, здесь в феврале 1819 г. родился его сын Алексей. Последние годы своей компанейской службы Тараканов проводит в проливах архипелага Александра. Он возглавляет промысловые партии, добывавшие шкуры каланов. Это было весьма опасным занятием, поскольку индейцы—тлинкиты всеми силами противились вторжениям в свои охотничьи угодья. Русские артели не раз оказывались под угрозой нападения индейских воинов. В апреле 1820 г. Т.Н. Тараканов покидает компанейскую службу и со всей семьёй отправляется в Россию.

В мае 1825 г. Курская казённая палата окончательно оформляет зачисление его в курское мещанство, однако Тимофей Никитич не окончил свои дни в Курске. Где—то между 1834 и 1844 гг. он вместе с сыном покидает город. Возможно, они вернулись в Америку, вновь поступив на службу РАК.

К целому ряду заметных и значимых событий в истории Русской Америки был причастен курский купец Михаил Тимофеевич Бакадоров. На службу в Северо—Восточную Американскую компанию Шелихова и Голикова Михаил Бакадоров поступил ещё в 1794 г. В апреле 1798 г. имя его упоминается в списке служащих компании с пометкой «задолжен господином Полевым». В этом, впрочем, он был отнюдь не одинок, и долги не стали ему помехой в продвижении по службе. Уже в 1799 г., отправляясь на Ситку для основания новой русской крепости,

Гавайские женщины танцуют перед членами экипажа брига «Рюрик». 1822 г. Художник Л.А. Хорис

Идол гавайского бога войны Ку. 1780–1820-е гг. Музей естественной и культурной истории штата Гавайи им. Бернис Пауаи Бишоп (Гонолулу)

главный правитель колоний А.А. Баранов оставил временным правителем компанейских владений на Кадьяке именно М.Т. Бакадоров. Правда, стоит отметить, что этот опыт самостоятельного управления оказался для Михаила Тимофеевича неудачным. Воспользовавшись слабостью Бакадорова, мореход подпоручик Г.Т. Талин, считавший ниже своего достоинства повиноваться купцу Баранову, при поддержке монахов православной миссии и переводчика Осипа Прянишников фактически захватил власть на Кадьяке. Оперу себе они пытались найти среди аборигенов, которых обещали освободить от работы на Компанию. Итогом подобных действий было фактическое прекращение промысловой деятельности, что должно было повлечь огромные убытки. Лишь возвращение А.А. Баранова смогло переломить ситуацию. Бакадоров явно не справился с порученным ему ответственным заданием, но Баранов, похоже, не держал на него за это зла. Он просто постарался найти Михаилу Тимофеевичу новое применение.

В июне 1805 г. Михаил Бакадоров был поставлен во главе промысловой партии из 300 байдарок, которая выступила на охоту за каланами под прикрытием двух компанейских парусников, «Ермака» и «Ростислава». Подобное прикрытия было необходимо, поскольку промысел партии вела в проливах архипелага Александра, где ей повсюду угрожала опасность со стороны враждебно настроенных индейцев–тлинкитов. Поход оказался успешным, хотя подробности этого опасного плаванья, детали стычек с отлично вооружёнными враждебными индейцами, к сожалению, остаются пока неизвестными.

Вероятно, успешное завершение промысла сыграло не последнюю роль в том, что Михаил Тимофеевич оказался среди тех служащих компании, которые получили в том же году из

рук Н.П. Резанова серебряные медали, отчеканенные в честь коронации императора Александра I. Этот момент, пожалуй, можно по праву назвать звёздным часом в жизни Бакадорова.

В августе 1806 г. М.Т. Бакадоров назначается на судно «Эклипс» американского шкипера Джозефа О'Кейна, который предложил свои услуги в продаже пушнины. На борт «Эклипса» загрузили «знатное число пушных зверей» общей стоимостью на 310 000 рублей. Зайдя по пути на Гавайские острова, О'Кейн прибыл, наконец, в китайский порт Кантон (Гуанчжоу). Тут вскоре выяснилось, что американец пытается поживиться за счёт Компании. Помогло лишь вмешательство шведского консула Андерса Люнгстеда, представлявшего тут и российские интересы. По его сведениям, О'Кейн якобы намеревался отправиться в Батавию, «дабы там подвергнуть русских [приказчиков] опасности и даже смерти, чтобы затем распорядиться грузом по своему усмотрению». Однако Люнгстедт вынудил его продать пушнину в Кантоне и тем самым спас часть средств Компании.

Покинув Кантон, «Эклипс» направился в Нагасаки, куда прибыл 6 июля 1807 г. и где неудачно пытался наладить торговлю с японцами. Отсюда О'Кейн ушёл на Камчатку и, возвращаясь на Кадьяк, потерпел крушение и погиб. Но и после провальной экспедиции на «Эклипсе» М.Т. Бакадоров не покидает компанейской службы. Он продолжает исполнять по мере своих сил и везения различные поручения в разных частях российских колоний. Так, в начале 1812 г. он сопровождает американского капитана Джорджа Вашингтона Эйрса во время очередного его плавания к берегам Калифорнии. Этот шкипер был одним из нескольких американских мореходов, активно сотрудничавших с РАК. С их поддержкой компания вела промысел морского зверя у берегов испанской Калифорнии.

В апреле 1815 г. М.Т. Бакадоров был послан на Уналашку на борту судна «Суворов» под командованием лейтенанта М.П. Лазарева. Однако добраться до места назначения Михаилу Тимофеевичу на сей раз не удалось: он скончался поутру 27 апреля и тогда же был похоронен «с приличной почестью» среди волн Тихого океана. Так закончилась жизнь одного из курян-первопроходцев, одного из многих рядовых тружеников Русской Америки, несмотря ни на что скромно и упорно делавшего своё дело.

Не все из курян прославились в американских колониях открытиями или честным исполнением своего долга. Иные запомнились совершенно по другим причинам. Так, например, курский мещанин Иван Иванович Фатеев был в 1823 г. уличён в двоежёнстве. Имея в Курске законную супругу и сына, он вторично женился на Кадьяке, оправдываясь тем, что «он при живой жене вступил во второй брак будто бы по вынужденным обстоя-

тельствам». Впрочем, в этом он был не одинок. Многие служащие, начиная с самого главного правителя А.А. Баранова, вступали в брак с туземками, невзирая на свои оставленные в России семьи.

Мещанин Фёдор Алексеевич Выходцев из рыльской купеческой семьи служил приказчиком Г.И. Шелихова на Камчатке в 1780–1790-х гг., был комиссионером РАК в Петропавловске, и на всех постах отличался «склонностью к мошенничеству», из-за чего не раз попадал под суд и был даже лишён купеческого звания. Его сын Пётр, рождённый в браке с камчадалкой, также состоял на службе РАК и в 1825 г. был назначен помощником правителя Атхинской конторы. Унаследовав худшие качества своего родителя, он отличался «небрежностью своею к исполнению обязанности и нетрезвым поведением допустил весьма многия там беспорядки». Исключительной скупостью прославил себя Сидор Андреевич Шелихов, избранный в конечном итоге одним из директоров РАК. Павел Иванович Шелихов, служащий московской конторы РАК, вёл дела так, что по его вине Компания понесла в 1821 г. крупные убытки. В искупление вины он подал прошение о переводе его в колонии. В январе 1823 г. он прибывает на Ситку на бриге «Рюрик», а в 1825 г. назначается правителем колонии Росс в Калифорнии. Позднее П.И. Шелихов состоял чиновником для особых поручений при главном правителе колоний Ф.П. Врангеле.

Среди служащих РАК был и рыльский мещанин Пётр Иванович Овчинников, который занимал пост начальника «общественного магазина» в Павловской Гавани на Кадьяке, а с 1831 г. по май 1832 г. начальствовал в Озёрском редуте на Ситке. Следующие два года П.И. Овчинников служил помощником начальника Ново-Александровского редута, в 1834–1836 гг. заведовал Кускоквимской одиночкой, затем снова служил на Ситке и на Кадьяке. Попадали в Русскую Америку и курские однодворцы. Один из них, Семён Швыков, провёл на службе РАК девять лет — с 1833 по 1842 г. Другой, Андрей Алексеевич Гудов, уроженец с. Гудово Путивльского уезда, поступил на службу РАК в 1838 г. В Америке он занимал различные должности, в 1845–1851 гг. был содержателем «общественного магазина» (склада). Здесь же он обзавёлся семьёй, женившись в 1844 г. на креолке Татьяне Павловне Чикишевой. В 1851 г., однако, А.А. Гудов вернулся в Россию. В первой половине 1840-х гг. оказался на Ситке и курский крестьянин Павел Шумаков.

Это были простые люди, которые, как правило, скромно и без громких слов делали большое дело. Куряне по праву занимают видное место среди тех русских людей, которые положили начало освоению и колонизации Аляски, Алеутских островов и Калифорнии. Их вклад высоко оценивается как отечественными, так и зарубежными учёными.

ПОЛЕВЫЕ: КУПЦЫ И ЛИТЕРАТОРЫ

Среди многочисленных семейств курских Полевых особенно выделялась та семья, что носила уличное прозвание *Осиповы* — по имени патриарха фамилии, Осипа Фёдоровича Полевого. По словам его правнука, известного литератора Н.А. Полевого, его род был «одним из старинных и почётных посадских родов в Курске, наряду с Климовыми, Голиковыми и другими почётными Курчанами». Осип Фёдорович, родившийся ещё в 1688 г., «был известен по своему благочестию и считался большим начётчиком духовных книг... Он вёл большие торговые дела, но в старости устранился он от всех дел, поручил их детям, ходил только к церкви божией и жил в комнатке подле бани, стоявшей на огороде старинного его дома. Дом этот находился против бывшего в Курске верхнего Троицкого монастыря на высоком берегу живописной Тускори... Впрочем, предки наши не умели наслаждаться живописными видами; дома их строились внутри дворов, обнесённых на улицу заборами, ворота которых днём и ночью были заперты. Прадед был одним из богатых людей в Курске; у него была каменная *палатка* для складки товаров, которые вывозил он из Персии, куда ездил торговать, а таких палаток в целом Курске было только две».

Всё, казалось, шло к дальнейшему процветанию рода, особенно если учесть выгодные брачные узы следующего поколения Полевых: Евсей Осипович взял себе в жёны Пелагею Климову, сестра которой была замужем за богатейшим Иваном Ларионовичем Голиковым. Но произошли события, подкосившие благосостояние семьи. Грянули они в далёкой от Курска стороне — в Персии. Здесь в 1736 г. вспыхнули кровавые междоусобицы, связанные с захватом власти Тахмас-Кули-ханом. Немало русских купцов лишилось при этом не только товаров, но и жизни. Среди погибших был брат Е.О. Полевого. Второй его брат, Иван Осипович, «отправился искать счастья в Америке» и погиб на Камчатке. Его племянник Василий отправился следом, чтобы получить оставшееся от дяди наследство, и тоже сгинул без следа. Евсей Осипович ещё держался на плаву, но, отправившись по торговым делам в Оренбург, он угодил в бурлящий водоворот Пугачёвщины. Остававшиеся в Курске жена и дети оказались на грани нищеты.

«Дед мой был в числе сидевших в Оренбургской полугодовой осаде 1773 года, — пишет Н.А. Полевой. — Участь его была долго неизвестна бедному семейству его. Отец мой был тогда лет 13-ти (он родился в 1759 году), выучен

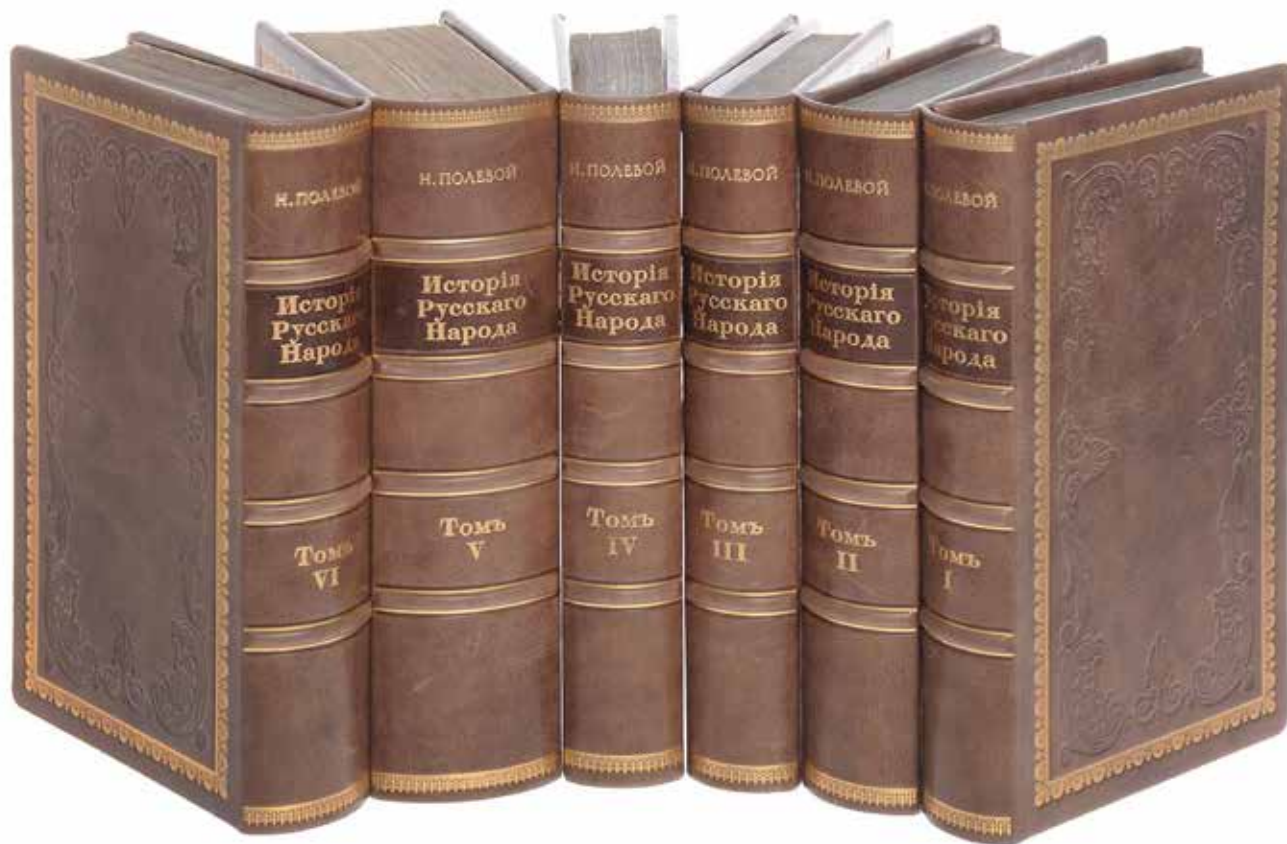
Портрет купеческой семьи. 1830–е гг. Неизвестный художник

Портрет молодого купца с книгой. 1847 г. Неизвестный художник

уже грамоте у дьячка, и бабушка посылала его торговать мелочами на Курском базаре. Между тем Голиков сделался откупщиком в Сибири; бабушка просила его принять сироту, племянника Алексея, и дать ему местечко. Голиков велел отправить его в Сибирь и отец мой отправился в Тобольск. Он видел мимоходом пожарище Казани, сожжённой Пугачёвым... Вскоре был он отличён хозяевами. Ему поручали дела в Москве, Петербурге, Казани, Тобольске».

Алексей Евсевьевич не знал иностранных языков, но был большим книголюбом. В нём отмечали «память чрезвычайную, привычку мыслить, любопытство безграничное, живость юноши даже в преклонных летах, вспылчивый характер при младенческом сердце, умное благородное лицо с голубыми глазами, стройность тела при некоторой тучности, весёлость, дар слова». Но при этом А.Е. Полевому были присущи склонность к рискованным и непродуманным финансовым махинациям, привычка свободно обращаться с чужими деньгами, явная неблагодарность по отношению к своим благодетелям и способности ловкого интригана. Всё это сполна проявилось в деятельности Алексея Евсевьевича как помощника И.Л. Го-

Н.А. Полевой. История русского народа. 6 томов. Первое издание

Николай Алексеевич Полевой

ликова, особенно в период борьбы за наследство Шелихова.

С начала 1780-х гг. А.Е. Полевой прочно обосновался в Иркутске, будучи представителем своего дяди, И.Л. Голикова. Здесь он женился на мещанке Наталье Ивановне Верховцевой, здесь же принимал активное участие в организации морских промысловых экспедиций на Тихий океан. В Иркутске он числился иногородним купцом 2-й гильдии, владел двумя лавками в гостином дворе, двухэтажным деревянным домом в приходе Чудотворской церкви, усадьбой на реке Ушаковке.

Живя в Иркутске, А.Е. Полевой близко сошёлся с Г.И. Шелиховым, который использовал это для вытеснения И.Л. Голикова из общего дела. В конечном итоге в отношениях между компаньонами стало обычным делом, когда на счёт Ивана Ларионовича относились выплаты по вексялям, а доля его в прибылях необъяснимо уменьшалась. Немалую роль сыграл во всём этом его хитроумный племянник.

Но провести старого купца было не так уж просто. После отправки в Америку очередной промысловой экспедиции осенью 1790 г. А.Е. Полевой выехал из Охотска в Курск. Тут его уже поджидал разгневанный дядюшка. После жёсткого и прямо-

го разговора Алексей Евсевьевич вынужден был признаться в злоупотреблении доверием Ивана Ларионовича. Он каялся и слёзно умолял о прощении: «Признаюсь, что сделал Вам зла, досады и огорчения выше человечества. Но, напротив, Вы и ныне ещё делаете такие милости, какие я и от родителя своего никогда не ощущал». Но раскаяние, смягчившее И.Л. Голикова, оказалось на поверку сплошным лицемерием. Вернувшись в Иркутск, Полевой возобновил свои козни. Позже И.Л. Голиков жаловался, рассказывая о том, как он в 1793 г., «дабы не испытать опять опасности и не быть Шелихова жертвою, уполномочил письменно племянника своего курского купца Полевого, прикащиком для отправления компанейских дел; но сей в отсутствие Голикова из Сибири зделал более ему Голикову оскорблений, нежели самый Шелихов».

После внезапной смерти Г.И. Шелихова и начала борьбы за его наследство А.Е. Полевой активно поддержал создание коммерческой компании иркутских купцов во главе с Н.П. Мыльниковым и даже предоставил им под контору половину своего дома. Но в ходе жёсткой борьбы Алексей Евсевьевич потерпел неудачу и был фактически отстранён от дел созданной в 1799 г. Российско-Американской компании (РАК). Пытаясь поправить дела, вложил все деньги в винные откупа, но и здесь его ждал крах. В 1802 г. управлял делами Охотской конторы РАК, а с 1804 г. недолго был правителем дел её Иркутской конторы. В 1807 г. организовал фарфоро-фаянсовое производство в своей усадьбе на Ушаковке, но дело пошло плохо, и фабрику в 1811 г. пришлось продать иркутскому купцу Я.П. Солдатову. В 1812 г. он с семьёй переехал в Москву, затем в Арзамас, снова в Иркутск и наконец вернулся в родной Курск. Он пытался организовать сахароделательное производство, открывал водочный завод, занимался продажей рыбы, но все его начинания неизменно проваливались.

В частной жизни А.Е. Полевой слыл гостеприимным хозяином. Его дом посещали просвещённые купцы, учёные, чиновники, морские офицеры. У него была одна из лучших библиотек в Иркутске. Мемуарист Ф. Вигель писал: «Полевой занимался европейской политикой гораздо более, чем азиатской своей торговлей. В нем была заметна склонность к тому, чему тогда не было еще имени и что ныне называется либерализмом и он выписывал все газеты, на русском языке тогда выходившие». Всё это наложило отпечаток на воспитание его детей, ставших известными писателями, журналистами, литературными критиками. Наибольшей известности из них добился сын Николай.

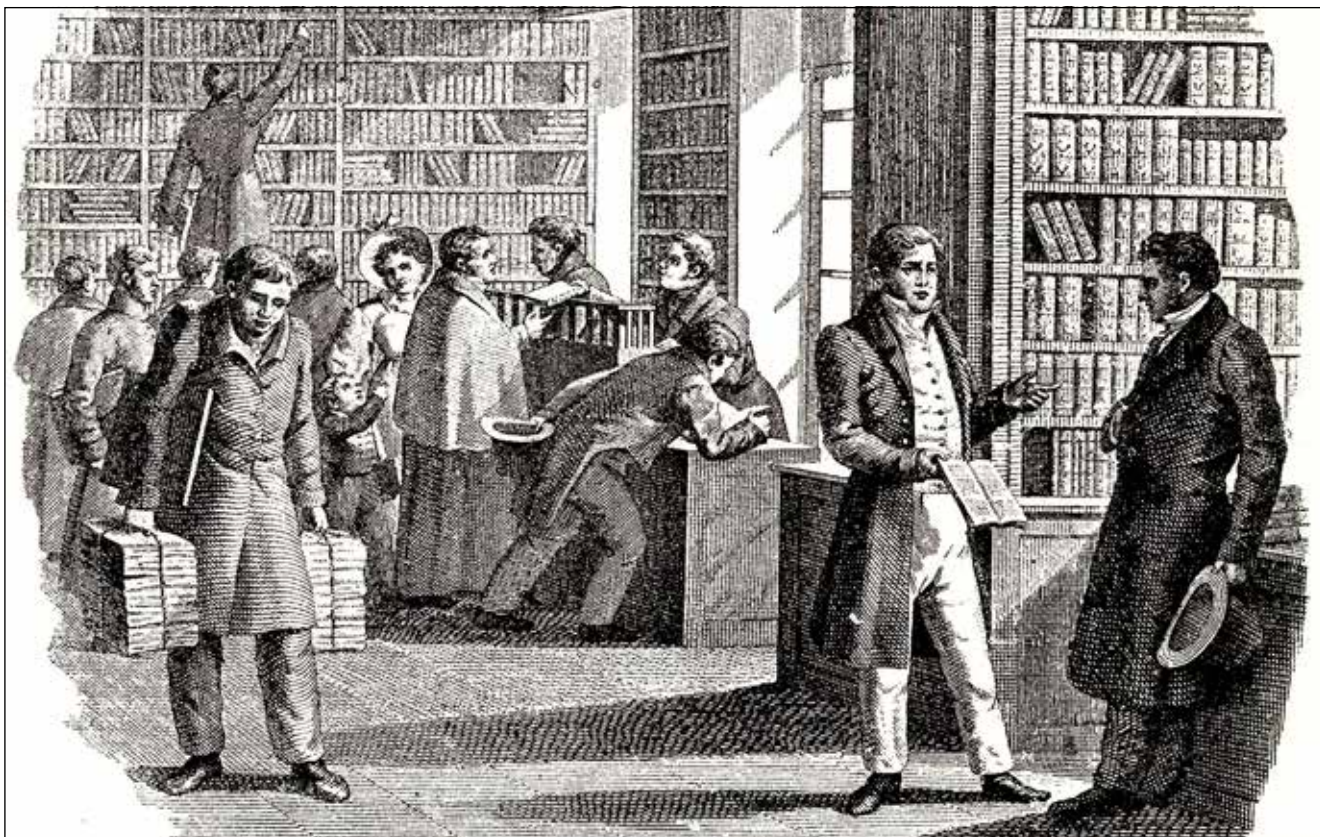
Николай Алексеевич Полевой родился в Иркутске 22 июня 1796 г. и детство провёл в загородной отцовской усадьбе. Его брат Ксенофонт вспоминал, что «это была совершенно особенная

жизнь, какой не встречал я ни в одном семействе. Отделённые от города и всех его развлечений, мы видели только то, что было в нашем доме и в обширных, принадлежавших к нему заведени-ях; но как в семействе нашем были необходимою принадлежностью книги, журналы, газеты, и к отцу нашему приезжали почти все образованные жители города, то мы лучше знали, что делалось в Европе, в Индии, в Америке, нежели в Иркутске. Мы знали все подробности о современном герое Наполеоне, рассуждали о древней истории, о мифологии, а не знали улиц Иркутска и никаких городских отношений».

Уже в детские годы Николай начал пробовать писать стихи и прозу, даже издавал домашний журнал «Друг Муз». Позднее он писал, что даже не помнит себя неграмотным. В 1811 г. отец отправляет его в Москву, чтобы с его помощью через посредничество княгини Багратион (дочери И.Л. Голикова) разрешить, наконец, свои давние и запутанные денежные дела с дядей. Кроме того, Николай Алексеевич вёз с собой письмо, адресованное самому Н.М. Карамзину, содержащее просьбу оценить его способности и дать советы. Через несколько месяцев вслед за ним двинулась в Москву и вся семья Полевых. Проведя в Москве год, Николай Алексеевич посещал театры, лекции в университете, покупал книги и сам писал стихи, драмы и повести, не решив, правда, никаких порученных ему дел и даже не вручив письма Карамзину.

Полевые прибыли в Москву в июле 1812 г., и вскоре им пришлось бежать из древней столицы, к стенам которой приближалась армия Наполеона. В последующие годы Николай помогал отцу в его неудачных коммерческих начинаниях, оказывал посильную помощь в конторе старого друга семьи, курского купца А.П. Баушева, попутно овладевая немецким языком — Баушев вёл дела с Лейпцигом и Бреслау. В 1817 г., наконец, в печати появляется первое сочинение Н.А. Полевого — журнал «Русский Вестник» публикует его рассказ о посещении Курска императором Александром I. Это сделало автора курской знаменитостью, он стал вхож в дом губернатора А.С. Кожухова, ставшего его покровителем.

В 1820 г. Н.А. Полевой вновь отправляется в Москву, где активно начинает заниматься литературной деятельностью. Его стихи, очерки, переводы появляются в «Отечественных записках», «Северном архиве», «Сыне Отечества», в альманахе «Мнемозина». Кроме того, именно в это время Николай Алексеевич вводит в оборот новое слово, которое с тех пор прочно заняло своё место в русском языке — «журналистика». А в 1825 г. он начинает издавать собственный журнал — «Московский телеграф». Здесь появляются статьи, посвящённые литературе, истории, этнографии, промышленно-

Книжная лавка А.Ф. Смирдина в Санкт-Петербурге. 1834 г. Гравюра по рисунку А.П. Сапожникова

Ксенофонт Алексеевич Полевой

сти, издавались сочинения Виктора Гюго, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина. Журнал пользовался огромной популярностью. Даже гоголевский Хлестаков, хвастаясь перед провинциальными барышнями, уверял их, будто именно он «написал Московский телеграф». Но в 1834 г. по личному распоряжению Николая I издание было закрыто. Причиной стала опубликованная там резкая рецензия на бездарную, но официально одобренную пьесу Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Пьеса была посвящена избранию династии Романовых на царство, и её критика расценивалась как неслыханное вольнодумство. В обществе тотчас появилась едкая эпиграмма:

*Рука всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого задушила.*

Но и после закрытия «Московского телеграфа» Н.А. Полевой не оставил литературной и журналистской деятельности. В 1835–1844 гг. он издаёт иллюстрированный ежегодник «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний

знаменитых людей», в 1837–1838 заведует литературным отделом газеты «Северная пчела», в 1838–1840 гг. работает редактором «Сына Отечества», а в 1842–1844 гг. становится редактором «Русского Вестника».

Кроме того, Н.А. Полевой снискал известность своими историческими трудами. В противоположность «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина он задумал создать «Историю русского народа», отразив в ней не жизнь правителей, не ход войн, а развитие самого народа, используя при этом последние достижения европейской исторической мысли. Однако большинство читателей расценило эту работу лишь как неудачную попытку соперничества с Карамзиным, а историк М.П. Погодин вообще нашёл в книге Полевого только «самохвальство, дерзость, невежество, шарлатанство, высокопарные и бессмысленные фразы». Вдобавок работа над изданием затянулась, из запланированных 12 томов вышло только шесть, и это расценили как мошенничество — ведь средства на издание Полевой собирал по подписке.

Гораздо успешнее шли дела Николая Алексеевича как писателя. Его перу принадлежат снискавшие известность повести, романы и пьесы: «Блаженство безумия» (1833), «Живописец» (1833), «Эмма» (1834), романа «Аббадонна» (1834), «Клятва при гробе Господнем» (1832), «Уголино» (1837), «Симеон Кирдяпа» (1828), «Краковский замок» (1829) и многие другие.

В 1836 г. Н.А. Полевой переезжает в Петербург, где и проводит оставшуюся жизнь в окружении своей многочисленной семьи — жены Натальи Францевны Терренберг и десяти детей, обеспечить которую он мог только неустанным литературным трудом. Поглощённый работой, постоянно в долгах, преследуемый кредиторами, Полевой в отчаянии сравнивал себя с «самопишущей машиной, которую кто-нибудь заведёт, а она пишет, что угодно: драму, повесть, критику». 22 февраля 1846 г. Николай Алексеевич Полевой скончался и был похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Старшая сестра Николая, Екатерина Алексеевна, также отличалась «пылким умом, и любовью к чтению». Именно она обучила грамоте своих младших братьев. О ней говорили, что она, будучи «страстно преданной чтению, перечитала буквально всё, что было напечатано по-русски», хотя оставалась при этом «весь свой век полуграмотной и даже писала не иначе, как печатными буквами». В 14 лет её выдали замуж за иркутского купца Петра Петровича Авдеева, который скончался уже в 1815 г. Овдовев в 26 лет, Екатерина Алексеевна осталась с пятью детьми на руках. Больше замуж она не выходила. В 1820 г. продав дом в Иркутске, она с детьми выехала в Курск, прожила там

до 1830 г. Затем, когда дети выросли и разъехались по всей стране, Екатерина Алексеевна жила в Одессе, Москве, Петербурге, Дерпте, занималась литературной деятельностью.

Её перу принадлежат интересные «Записки и замечания о Сибири», включающие в себя важные этнографические наблюдения, а также заметки о старинном быте Курска. «Пройдет еще несколько десятков лет, — писала Е.А. Авдеева-Полевая, — и не останется следа старины, но почему не сохранить нам в памяти своих родных преданий, событий и быта русского?.. Мы ищем у иностранцев описание России, а не пользуемся своими родными источниками. Руководимая истинной любовью к Отечеству, я приношу только ему свой бедный лепет».

Издавала она также повести и литературно обработанные народные сказки. Сборник «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой» пользовался большим успехом и выдержал восемь переизданий. Ещё большую популярность приобрела составленная ею «Поваренная книга русской опытной хозяйки».

Умерла Екатерина Алексеевна Авдеева-Полевая 21 июля 1865 г. в Дерпте, где жила вместе с семьёй своей дочери, супруги М.П. Розберга, профессора Дерптского университета.

Не остался в стороне от литературной жизни и младший из Полевых, Ксенофонт Алексеевич. Родившийся в Иркутске 20 июля 1801 г., он всегда был другом и помощником старшего брата. Сам Николай писал: «Я нашел в то время друга, с которым мог делиться своими надеждами, моими мечтами, с которым потом пошли мы по дороге жизни, рука в руку, которому одолжен я уверенностью, что дружба не мечта поэзии, но точно святой дар неба, существующий на земле: этот друг был брат мой Ксенофонт».

Ксенофонт Алексеевич участвовал в издании «Московского телеграфа», публиковал там критические статьи, рецензии, переводы. Одновременно он, по собственным словам, «с особенной ревностью старался усовершенствовать себя в знании иностранных языков, читал, изучал великих писателей: история вообще и военная в особенности была с малолетства моею страстью, теория и история искусств — также; по всем этим вопросам я писал и переводил для нашего журнала».

Запрещение «Московского телеграфа» тяжело ударило по братьям. Ксенофонт Алексеевич пережил этот удар несколько легче, поскольку главным объектом преследований был Николай. Тем не менее он тоже был поставлен в очень жёсткие рамки. Ксенофонту Алексеевичу не было позволено приобрести право на издание «Московского наблюдателя» в 1835 г., а в 1841 г. не было разрешено взять на себя издание «Библиотеки для чтения».

Екатерина Алексеевна Авдеева (Полевая)

Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. Обложка издания 1837 г.

В 1849 г. Ксенофонт Полевой переезжает в Петербург и становится сотрудником «Северной пчелы», а также издаёт собственный иллюстрированный журнал «Живописная русская библиотека». Однако в печати продолжают нападки на него, и, в конце концов, ему приходится оставить журналистику. Занимаясь самостоятельной издательской деятельностью, К.А. Полевой также был автором биографии М.В. Ломоносова и баснописца И.И. Хемницера. Большое значение имело издание им «Горе от ума» А.С. Грибоедова с приложением статьи об авторе, где Ксенофонт Алексеевич делился своими личными воспоминаниями о встречах с поэтом. Интересные биографические и исторические сведения содержатся в «Записках о жизни и сочинениях Н.А. Полевого».

В 1867 г. Ксенофонт Полевой умер в смоленском именье, «заживо похороненный врагами и забытый друзьями минувшего времени».

Подводя итог, следует сказать, что ко всем Полевым в полной мере можно применить слова, сказанные о Николае Алексеевиче его родственником и одним из сотрудников «Московского телеграфа», профессором Дерптского университета М.П. Розбергом: «Он, несмотря на свои уклонения, ошибки и промахи, один из самых необходимых людей России, и Отечество может им гордиться. Позже ему отдадут более справедливости, нежели теперь. Одушевленный каким-то чутьем, хотя не всегда отчетливым, истины, новизны, свежести, он на многое указал, многое предчувствовал, многое прекрасно исполнил, проложил смело несколько до него у нас неведомых путей, и сделался ярким воплощением всей нашей современной образованности, с ее преимуществами и недостатками. Хвала ему! Мысль о Полевом перейдет к потомству».

КУРСКИЕ ИЗОБРЕТАТЕЛИ И УЧЁНЫЕ

Курск не имел своего университета. Гимназия, дававшая современное по тому времени образование, также появилась тут лишь в начале XIX в. Тем не менее целый ряд курян сумел внести свой немалый вклад в развитие отечественной науки.

Первым из них следует назвать Ивана Ивановича Голикова. Выходец из знаменитой курской купеческой семьи, он родился около 1734 г. и приходился племянником Ивану Ларионовичу Голикову — богатейшему винному откупщику, курскому городскому голове и старшему компаньону Г.И. Шелихова. В отличие от дяди, известность Ивану Ивановичу принесли исторические изыскания, которым он посвятил большую часть жизни. Его монументальный труд «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» в 15 томах и «Дополнения к деяниям Петра Великого» в 18 томах заложили основу для будущего изучения петровской эпохи.

Путь к славе у Ивана Ивановича был нелёгок и причудлив. По его собственным словам, родился он во времена, когда «не было ещё у нас ни народных училищ, ниже в самой древней Российской столице Университета», обучался у церковного дьячка, постигнув науку «читать церковную печать, да кое-как писать, что и составляло весь круг моего воспитания. Не говоря уже о других науках, у нас в Курске не имели тогда понятия и о самых первых арифметических правилах». Отец

*Иван Иванович Голиков.
Около 1829 г. Гравёр С.-К. Цеттер*

его, Иван Ларионович, происходил из посадских людей курской Троицкой слободы и принадлежал к числу «богатейших и знатнейших курских купцов». Однако, как вспоминал Иван Иванович, «в юности моей, различными несчастиями по его торговле, приведен был в крайнее разорение, так что вошёл в неоплатные долги». Отрабатывать эти долги должен был сын. Десять лет служил Иван Иванович сначала мальчиком, помощником приказчика и, наконец, приказчиком у видного московского купца И.Р. Журавлёва (на вдове его позднее женится дядя молодого купеческого сына, И.Л. Голиков). По торговым делам Иван нередко посещал Оренбург, где близко познакомился с академиком П.И. Рычковым и губернатором И.И. Неплюевым, которые делились с ним своими сведениями об эпохе Петра I.

С 1761 г., получив от Журавлёвых «пристойное вознаграждение», он открывает собственное дело в Петербурге. В 1762 г. избирается депутатом от Белгородской провинции в Уложенную комиссию и участвует в составлении нового Уложения «О состоянии подданных вообще». При этом он постоянно поддерживает связь с переехавшим в столицу И.И. Неплюевым — «имея счастье быть им любимым и более 20 лет жил с ним почти неразлучно, в течении которых почти ежедневно наслаждался утренними его с собой разговорами и рассуждениями, открывавшими мне все чувствования души его». Посчастливилось Ивану Ивановичу познакомиться также с адмиралами А.И. Нагаевым и С.И. Мордвиновым, с З.Д. Мишуковым — бывшим денщиком Петра I, и, наконец, с «арапом Петра Великого» — А.П. Ганнибалом. Ивану Ивановичу удалось собрать библиотеку «до полуторы тысячи русских печатных и рукописных книг, в коих разсыпано было, так сказать, премножество дел Петровых».

Интерес к жизни Петра Великого сопровождал Ивана Ивановича всю жизнь. «Ещё в юности моей, дому покойного отца моего знаком был один умный и почтенный монах. Настоятель Курского Знаменского монастыря, отец Архимандрит Михаил, служивший при Петре I полковым священником и бывший очевидным свидетелем многих великих дел сего Государя, из которых знаменитейшие вносил он в памятные свои тетради; особенно ж Полтавская победа и Мазепина измена описаны им были со всеми подробностями. Оригинальные ль сии тетради, или список с оных был и у моего отца, которые он мне давал читать, когда я уж научился разбирать письменную грамоту. Сии самые записные тетради толь сильное во мне сделали впечатление, что, не смотря на моё малолетство, тогда ж возбудили во мне крайнюю охоту узнать больше о сём Государе». Оказавшись в Москве, Иван Иванович принялся искать и собирать книги, относящиеся к истории Петра, как печатные, так и

рукописные: «С какой жадностию читал я сии книги, и каким они мне казались тогда сокровищем, я изобразить не могу; скажу только, что они воспламенили во мне непреодолимое желание к исканию и собиранию всего, относящегося до Истории Петра Великого, которого каждое отеческое деяние наполняло душу и сердце моё беспредельным к нему благоговением».

Но книги были «для души», а на жизнь приходилось зарабатывать совсем иными способами. С 1778 г. вместе со своим двоюродным братом Михаилом Сергеевичем Голиковым Иван Иванович входит в компанию шести купцов, взявших в Сенате винный откуп на Петербург и Москву. Они обязались «содержать в столицах и во всех подсудственных к ним местах (кроме Ладоги)... винную, водочную, пивную и медовую продажи... также сбор с казенных и наемных питейных домов с 1 января 1779 по 1 января 1783 из платежа в казну по 2 миллиона 320 тысяч рублей».

В 1781 г. на рижской таможне была арестована крупная партия французской водки, провозимая Голиковыми контрабандой. На следствии И.И. Голиков по уговору с компаньонами взял вину на себя (его обнадёжили «наградением, а между прочим и выдачею векселя безденежно»). Провёл год в тюрьме, был по суду приговорён к лишению чести, конфискации имущества и ссылке в Сибирь. Но по манифесту 7 августа 1782 г. по случаю открытия в Санкт-Петербурге памятника Петру I Иван Иванович был помилован и освобожден из тюрьмы в самый день открытия знаменитого монумента (не исключено ходатайство президента Коммерц-коллегии графа А.Р. Воронцова). Согласно легенде, освобождённый колодник явился на площадь и дал перед «Медным Всадником» обет написать историю Петра Великого. Так это или иначе, но после освобождения Иван Иванович действительно всерьёз занялся собиранием документов и рукописей, относящихся ко времени Петра I, начав упорную работу над многотомным трудом, который был опубликован в 1788–1789 гг.

Последние годы Иван Иванович провёл в с. Анашкино Звенигородского уезда Московской губернии — имении своего зятя генерал-майора Г.И. Бланкеннагеля, где продолжал работать над своим историческим трудом. Георгий Иванович Бланкеннагель был человеком энергичным, просвещённым и предприимчивым. В 1793–1794 гг. он совершил путешествие в Хиву, о чём оставил богатый разнообразными сведениями отчёт. Помимо того, именно он возглавлял работы по «пропуску реки Неглинной в канал», будучи членом комиссии, производимых в пользу города Москвы водяных работ. А в 1802 г. он открыл первый в России завод, вырабатывавший сахар из сахарной свёклы. Дочь Ивана Ивановича, Пелагея, вышла за Бланкеннагеля вторым браком — первым её мужем

был купец В.И. Мухин (его младший брат Николай стал одним из первопроходцев Русской Америки). После смерти Мухина Пелагея Ивановна осталась вдовой с дочерью Александрой на руках. Бланкеннагель воспитывал её как свою дочь, и позднее она вышла замуж за В.Н. Каразина — основателя Харьковского университета.

Село Анашкино в 200 душ крепостных давало доход 1 500 рублей. Однако эти средства не могли покрыть расходов Голиковых и Бланкеннагелей. Село пришлось заложить. Денег на издание новых томов исторического труда Ивана Ивановича не хватало. Он собирал пожертвования, и подчас они бывали довольно крупными. На издание книг И.И. Голикова жертвовали свои средства Н.Н. Демидова, давшая 1500 рублей, и Г.И. Шелихов, от которого историк получил 2000 рублей. Наконец, в 1790–1797 гг. вышли ещё 18 томов «Дополнений» к истории Петра Великого. Это стало настоящим событием в российской историографии. Даже в середине XIX в. литературовед А.В. Старчевский отмечал: «Из всех прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого, достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова... 30 томов остались памятником его благородного рвения». Обширные материалы, собранные И.И. Голиковым, использовал в том числе и А.С. Пушкин.

Титанический труд курского купца не остался незамеченным: в 1800 г. по Указу Императора Павла I И.И. Голиков получил чин надворного советника и потомственное дворянство. Но Ивану Ивановичу недолго пришлось радоваться признанию и обретенному дворянству — он скончался 12 марта 1801 г.

К первой половине XIX в. относятся и первые попытки археологического изучения Курского края. Их предпринимает один из немногих тогдашних энтузиастов-краеведов — учитель Суджанского уездного училища Алексей Иванович Дмитриюков.

Сын суджанского мещанина, А.И. Дмитриюков родился в 1795 г., окончил Курскую губернскую гимназию и на протяжении 1812–1815 гг. посещал в качестве вольнослушателя по классу математики Харьковский университет. После этого в течение нескольких десятилетий он преподавал математику в уездных училищах Курской губернии. «Любимая мною должность руководителя детей к их пользам и к пользам государства», — так отзывался Алексей Иванович о своей работе. Ему не раз выносились благодарности, как «за прилежание и успехи учащихся», так и «за неутомимое усердие и ревность к учительской должности». Он служил в Ахтырке, Судже, Щиграх, а в 1844 г. был назначен смотрителем Рыльских училищ «для исправления в них беспорядков». В 1852 г. двадцать пять лет беспорочной службы принесли ему орден Св. Владимира 4-й степени. В родную Суджу

А.И. Дмитриюков вернулся в 1858 г., где доживал свои последние годы, скончавшись около 1870 г.

Дослужившись к 1838 г. до чина коллежского асессора, что равнялось званию майора в армии, находясь на должности училищного смотрителя и будучи обременён большим семейством (пять дочерей и двое сыновей), Алексей Иванович тем не менее находил время и средства для занятий самообразованием, для этнографических и археологических изысканий. Он состоял членом-сотрудником Императорского Географического общества и регулярно снабжал отделение этнографии сообщениями о народных традициях и суевериях, обрядах и обычаях Суджанского и Рыльского уездов, а также о различных явлениях, представляющих научный интерес. Так, например, он получил официальную признательность Академии наук за описание метеоров, «кои были наблюдаемы в ночи от 31 октября 1831 г.». А в 1857 г. Алексей Иванович удостоился благодарности Географического общества за содействие в составлении «Путеводителя по России». «Желательно, чтобы почтенные особы, занимающие звания учителей, в городах губернских и уездных, так хорошо составляли поставленные им в обязанности статистические описания места их жительства, как составил его г-н Дмитриюков», — писал Н.А. Полевой, в журнале которого «Московский телеграф» печатались статьи Алексея Ивановича. Посещая архивы уездных присутственных мест и монастырей, А.И. Дмитриюков делал выписки из древних документов, стремясь отыскать сведения, «указывающие на пребывание в сих местах неизвестного нам народа, в большом селении жившего». Пробудился в нём также интерес и к археологии.

«Быв на должности в городе Судже, — объяснял причины своей любознательности Алексей Иванович, — я обращал внимание на находящиеся там и в смежных уездах различного вида насыпи, известные под общим названием «могилы». Рассказы старожилов об этих могилах не удовлетворили моему любопытству, тем более что эти рассказы относили все разные виды насыпи к временам татарского владычества».

Возбуждали интерес и предания о разбойничьих кладах, якобы спрятанных в древних курганах. В молодости Алексей Иванович, по собственному его выражению, «поддался неточной молве» и с парой товарищей отправился искать «скарб» знаменитого атамана Кулика: «Как не поверить молве, а особливо обещающей богатство!» Суджанский преподаватель не устоял перед соблазном, тем более что имелась и записка, поясняющая местонахождение клада, составленная якобы со слов одного из старых разбойников.

Вскоре кладоискатели были уже в двух верстах от Суджи на самой границе с тогдашним Рыльским уездом: «Рано утром... был я на кургане и согласно

указаниям записки стал лицом на восход солнца, сошёл с кургана, отступил три шага, начал рыть продолговатый ров, но вырывши в аршин глубиной, огибая курган с северо-востока к югу... там ничего не нашёл, а разрывая сам курган, нашёл глиняную расколотую черепушку, в которой обыкновенно простолоудины трут табак».

Дальнейшие раскопки окончательно подорвали доверие к подобным легендам. Вскрыв курган, известный под названием «Крестище», стоявший в 13 верстах от Суджи по большой дороге на Мирополье, Дмитриюков обнаружил там один лишь костяк, «положенный не в углублении, а на одном уровне с окружающей плоскостью», хотя легенда повествовала, будто там «погребены многие малороссийские казаки... павшие в сражении с Татарами». Из сопровождающего инвентаря в погребении нашёлся лишь фрагмент острого конца серпа.

«Не всегда должно полагаться на народное предание», — пришёл к выводу начинающий археолог. Поэтому — то он столь скептически отнёсся и к преданиям горнальских поселян: «О большом городище молва говорит, что там жила какая то царица и предание указывало жителям с. Горнали место в ближнем к городищу овраге, в котором, будто бы находится погреб с сокровищами, но или они не нашли этого места, или действительно там ничего не было, только по разрытии разных мест в логу никаких признаков погреба, или чего либо другого примечательного не оказалось. Притом нельзя полагаться на молву, будто там жила какая то царица; потому что жители села Горнали, малороссияне, суть поселенцы не более двух веков назад, а жительство какого то народа, бывшего в этих местах и притом многолюдного, восходит до древнейших времён нашей истории».

Критически оценив горнальские легенды, А.И. Дмитриюков приступил к собственным исследованиям и стал тем человеком, что открыл для науки целый комплекс важных археологических памятников.

Археологический комплекс у с. Горналь, протянувшийся на пять километров по прибрежным мысам реки Псёл, включает в себя два городища, большое селище, курганный могильник, ряд отдельно стоящих курганов и 12 неукреплённых поселений. В первую очередь внимание исследователя привлекли именно курганы.

В 1829–1830 гг. им было исследовано двенадцать могильных насыпей. В четырёх из них при раскопках обнаружались славянские захоронения, совершенные по обряду трупосожжения. Сожжение покойников производилось на месте, затем кости вместе с пеплом были сложены в грубые лепные толстостенные плохо обожженные сосуды, установленные на уровне древней поверхности. Остальные содержали захоронения по обряду трупоположения. Покойники лежали на спине на уров-

не древней поверхности, головой на запад. Среди погребального инвентаря Алексей Иванович обнаружил бронзовые бубенчики, золотостеклянные и серебростеклянные бусы, спиральные восточные кольца, бронзовые проволочные перстни, бусы зеленого стекла, налобный венчик. Часть находок он отослал в 1831 г. Императорской Академии наук, а часть подарил знакомым.

Исследовал А.И. Дмитриюков и Горнальские городища, а также археологические памятники Рыльска и его окрестностей. Стоит отметить, что методика курского археолога вполне соответствовала тогдашнему научному уровню. По собственным его словам, исследуя курганы, он «не перерезывал их крестообразным рвом, но, отмерив наверху пространство в квадратную сажень, углублялся до основания кургана». Подобный способ раскопок «колодцем» практиковался позднее практически всеми археологами вплоть до начала XX в.

Если горнальские крестьяне летом 1829 г. провозжали недоумёнными взглядами странного барина, подбирающего на пахоте «черепья каких то сосудов», взбирающегося на крутые мысы и обмеряющего поросшие лесом курганы, то не менее странно для жителей губернского Курска выглядел спустя десять лет прилично одетый господин, разгуливавший с надутым воздухом бычьим пузырьком на верёвочке. И это был вовсе не городской сумасшедший, а всем известный и уважаемый преподаватель математики, физики и химии Курской гимназии Андрей Матвеевич Снегирёв.

Родившись в 1814 г., он окончил Харьковско-ский университет, с ноября 1833 г. работал учителем физики и математики в Харьковской гимназии, а в апреле 1837 г. переехал на ту же должность в Курскую гимназию. Здесь он проработал семь лет, получая благодарности, премии и дослужившись до чина надворного советника, что соответствовало в армии званию подполковника.

Но А.М. Снегирёв не ограничивался лишь своими служебными обязанностями. Его захватила идея сооружения управляемого летательного аппарата. Обычный воздушный шар полностью зависел от направления ветра. Но если его снабдить сверху плоскостью, способной менять угол своего наклона, то, по мнению Андрея Матвеевича, человек смог бы управлять полётом аэростата. А если установить там особый баллон с водородом и насос, то стало бы возможно управлять и высотой полёта. Для этого газ из баллона следовало бы по мере необходимости подкачивать в оболочку шара или же, наоборот, откачивать из неё. Для проверки своей теории А.М. Снегирёв, как и подобает истинному естествоиспытателю, произвёл эксперимент: «приготовил из сусальной кожицы аэростат вершков шести в диаметре, наполнил его чистым водородом и наверх сего прикрепил значительной величины наклонную плоскость, тоже из сусаль-

ной кожицы, растянутой в лёгких рамках». Опытный образец успешно взлетел и «полетел вверх, уклоняясь от отвесной линии на тридцать четыре градуса».

Свои взгляды и результаты экспериментов А.М. Снегирёв изложил в диссертации под названием «Опыты над преобразованием аэростата», которую в январе 1841 г. представил на рассмотрение Академии наук. Академики Э.Х. Ленц и Б.С. Якоби внимательно изучили сочинение провинциального учителя. Они отметили, что у автора «нельзя отрицать здравого суждения и остроумия», что идея о рулевых плоскостях «сама по себе справедлива и, сколько нам известно, нова», а идея о регулировании высоты полёта вообще «ещё не была никем выражена». При этом они отметили, что практическое воплощение идеи может столкнуться с рядом трудностей, поскольку силы одного человека у насоса будет недостаточно для свободного управления полётом: «воздухоплавание можно будет совершать только при благоприятном ветре, и, следовательно, главная цель, которую имел в виду автор, двигаться вперёд при каждом направлении ветра в любую сторону, не достигнута».

Получив этот отзыв, Андрей Матвеевич не прекратил своих опытов. В феврале 1841 г. он публикует в журнале «Маяк» статью «Русская теория воздухоплавания и аэростатов», которая должна была привлечь внимание общества к его идеям. Там он предложил придать аэростату сигарообразную форму, а оболочку изготовить из тонкой резины, «обложив её с обеих сторон тонкой тафтой, и посредством пресса сильно сжать». Помимо того, им была усовершенствована схема регулирования подъёмной силы аэростата, при котором водород практически не расходуется, а балласт и вовсе не используется. Для этого он предлагал установить в гондоле аэростата металлический резервуар со сжатым водородом, соединённый с оболочкой аэростата каучуковой трубой. В трубу следует вмонтировать кран и нагнетательный насос, который при спуске аэростата будет перекачивать водород из оболочки в резервуар, уменьшая объём оболочки и снижая подъёмную силу аэростата, а при подъёме полость оболочки будет резко увеличиваться благодаря впуску в нее сжатого водорода через кран. Более того, с помощью этого же насоса можно будет поворачивать и крылья.

Однако на практике воплотить замыслы курского учителя так и не удалось. Его идеи, как и он сам, были забыты, а сигарообразные дирижабли, движущиеся вне зависимости от направления и силы ветра, были повторно изобретены лишь в начале XX в.

В апреле 1844 г. А.М. Снегирёв уволился из гимназии и, женившись на помещице А.К. Струковой, перебрался на жительство в д. Большой Коло-

дезь Щигровского уезда. В октябре следующего, 1845 г., он, правда, вернулся в Курск, поступив на службу в Управление государственных имуществ, где проработал пять с половиной лет. Дальнейшая судьба Андрея Матвеевича пока неизвестна.

В семье приходского священника в Обояни родился 8 июля 1761 г. выдающийся физик и электротехник Василий Владимирович Петров. Окончив Харьковский коллегиум, он продолжил образование в Санкт-Петербургской учительской семинарии. В 1788 г. его назначают преподавателем физики, математики, русского слога и латыни в Колывано-Воскресенское горное училище в Барнауле. Здесь он встречается и сотрудничает с талантливыми механиками отцом и сыном Фроловыми, работавшими на местных рудниках. Спустя три года в 1791 г. Василий Петров возвращается в столицу. Теперь он преподаёт математику и физику в Инженерно-кадетском училище, а затем в Медико-хирургическом училище, преобразованном вскоре в Медико-хирургическую академию. Здесь он получает звание экстраординарного профессора кафедры физики, создаёт физический кабинет, ставший под его началом подлинным научным центром. В кабинете было собрано более шестисот приборов, 198 из которых предназначались для исследования электричества. Наиболее примечательным из них была «огромная батарея, состоявшая из 4200 медных и цинковых кружков» — крупнейший в мире вольтов столб длиной около 13,5 м.

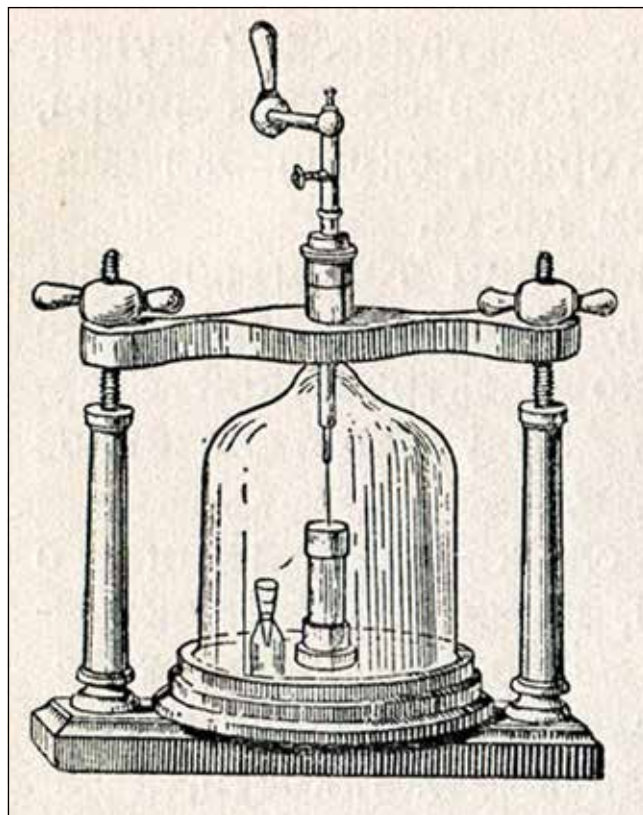
В 1801 г. выходит первая научная работа Василия Владимировича: «Собрание физико-химических новых опытов и наблюдений», а в 1803 г. издаётся его второй труд: «Известие о гальвани-вольтовых опытах». В результате в том же году В.В. Петров избирается членом-корреспондентом Российской Академии наук, а спустя 12 лет становится её действительным членом. В 1810 г. своим почётным членом избирает его немецкое физико-математическое общество Эрлангена.

В ходе исследования электропроводимости льда в 1802 г. Василий Владимирович совершил своё главное открытие. Положив два уголька на стеклянную пластину, он соединил их с разными концами батареи, в результате чего между угольками проскочила ослепительно яркая искра. Это была электрическая дуга, открытие которой легло в основу изобретения лампы накаливания. Именно Петров первым употребил термин «сопротивление» в качестве обозначения физической величины, именно ему принадлежит идея изоляции проводников — он первым стал покрывать проволоку слоем сургуча или воска, оставляя открытым только самый кончик, «посредством коего гальвани-вольтовская жидкость может переходить в состав таких тел, которые должны заключаемы быть в стеклянные с водой трубки». Своим открытиям

Василий Владимирович Петров

Прибор Петрова для исследования действия тока на разреженный газ

он видел и практическое применение, положив своими опытами начало электрометаллургии:

«Когда вместо одного угля будет употреблена изолированная и сообщённая с одним полюсом огромной батареи проволока с припаянным к одному её концу того же или особого металла маленьким конусом или закруглённым концом, а к нему приспособлены чрез легчайшее орошение его чистой водою куски листового олова, серебра, золота и цинка, так, чтобы они висели в воздухе, а после будут подносимы к углю, положенному на стеклянную плитку... и сообщённому, посредством цепочки или шурка из серебряной кнippели с другим полюсом батареи, то между ними является больше или меньше яркое пламя, от которого сии металлы иногда мгновенно расплавляются, сгорают также с пламенем и превращаются в оксид».

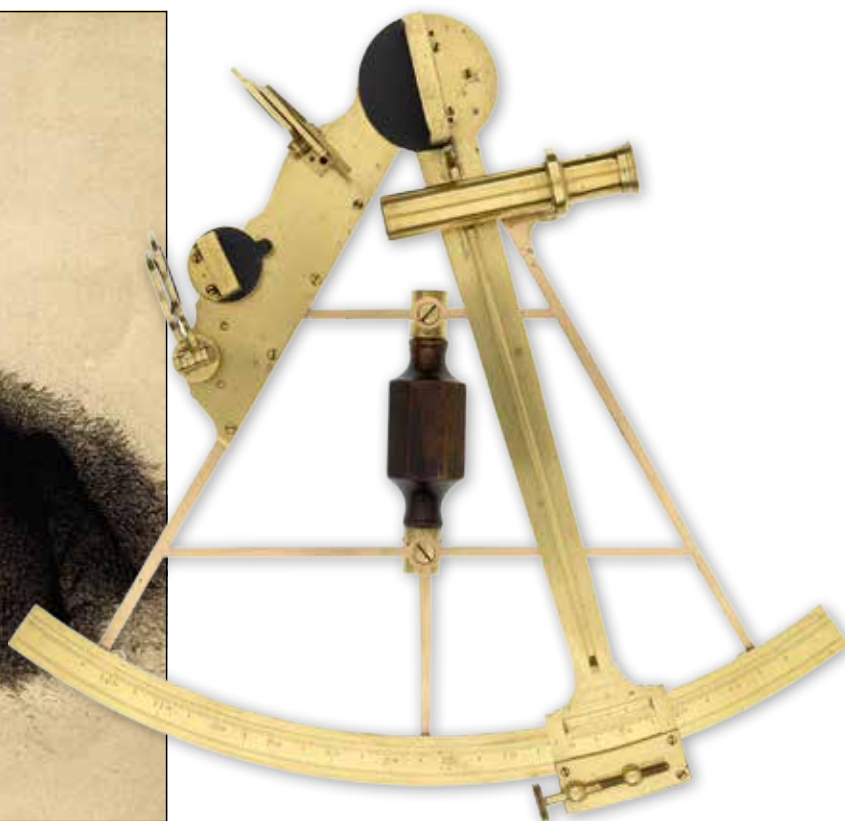
Прослужив в Медико–хирургической академии сорок лет, В.В. Петров был в феврале 1833 г. уволен с пенсией в 5000 рублей в год и вскоре после этого, 22 июля 1834 г., скончался. Имя его ныне носит центральная площадь Обояни.

Самый, пожалуй, известный из курских учёных XIX века, не получивший систематического образования, но достигший при этом всеобщего

признания, Фёдор Алексеевич Семёнов, родился 10 апреля 1794 г. в семье купца Алексея Никоновича Семёнова и жены его Екатерины Семёновны. «Родители мои, хотя имели в то время многих детей мужского пола, но они умирали в самом младенчестве, и я только остался из них один, — вспоминал позднее сам Фёдор Алексеевич. — В малолетстве моём, как я только могу себе припомнить, с подобными мне детьми в детских играх почти не занимался, ибо они мне не нравились, но настоящее занятие моё в то время было в художествах, делал маленькие ветряные мельницы и другие машинки... Имел великую охоту ловить певчих птичек».

Грамоте Фёдор обучался у попадьи Фроловской церкви, а затем у «иногороднего учителя» Иосифа Ивановича: «Этот добрый и почётный человек научил меня за три месяца чтению и письму, а в дополнение к этому таблицам умножения».

В 1806 г. Семёнов выменял у фатежского мещанина Фёдора Чернышёва «Месяцеслов», изданный Академией наук. Из этой книги он узнал, что возможно предсказывать солнечные и лунные затмения, предвидеть перемену погоды. Год спустя, получив от своего родственника И.И. Филипцова в подарок театральную подзорную трубу, он вместе

Фёдор Алексеевич Семёнов

Секстант. Около 1790 г. Англия

со всей семьёй уже следит за появившейся в небе над Курском кометой. Познакомившись с академическим «Месяцесловом», Ф.А. Семёнов начинает настоящую охоту за подобными изданиями, тщательно просматривая книжные развалы на Коренной ярмарке. Так он приобретает «Начертание Естественной истории», а затем и первую книгу по астрономии — «Телескоп астрономический». Тут он обнаруживает сведения о размерах небесных тел, узнаёт, как вести наблюдение звёздного неба.

Отец, торговавший мясом, старался вырастить из Фёдора своего преемника, пытался приобщить его к торговым делам. Весной он посылал сына вместе с приказчиком на ярмарки закупать скот, осенью отправлял вместе с работниками на бойню. Фёдор исполнял поручаемые ему дела, но был к ним полностью равнодушен. Но избежать рутины купеческой жизни ему, казалось, было не суждено. В 1815 г. он женится на Анне Ветровой, купеческой дочери родом из Ямской слободы, и все видят в нём молодого купца, готового принять в свои руки отцовское дело.

Однако Семёнова всё больше и больше привлекают вовсе не торговые дела. В 1816 г. он знакомится с другим странным купеческим сыном, Николаем Алексеевичем Полевым, который в это

время служит в конторе курского купца А.П. Баушева. Они беседуют о науках, литературе, обсуждают книгу профессора Галле «Открытие тайн древних магов и чародеев». Не ограничиваясь такими беседами, Фёдор Алексеевич сам делает себе токарный станок для вытачивания деталей к своим приборам, учится отливать медные детали, а затем начинает собирать диковинные аппараты: электрические машины и лампы, электрофоры, электрометры, барометры. Раздобыв книгу по химии, он устраивает себе маленькую лабораторию и производит там химические опыты.

В 1817 г. умирает отец. Занятия науками приходится отставить. В наследство Фёдору Алексеевичу помимо торгового дела достались и отцовские долги. Много средств и сил ушло на то, чтобы к 1821 г. после судебных тяжб выкупить землю, принадлежавшую отцу, в селе Гнездилово и деревне Потапово. Здесь Фёдор Алексеевич завёл свой хутор, устроил плодовый сад. Постепенно возвращался он и к научным занятиям. Толчок тому дал приезд в Курск в 1820 г. астронома К.И. Вермана. В 1823 г. Ф.А. Семёнов изготавливает станок для точения, шлифования и изготовления оптических стекол и начинает работу над телескопом. В это время ему приходит приглашение занять вакант-

*Дом Ф.А. Семёнова (г. Курск, ул. Семеновская, д. 14). Фотография А.А. Шпилева.
Сейчас в здании размещается «Мемориальный дом-музей Ф.А. Семёнова и А.Г. Уфимцева»*

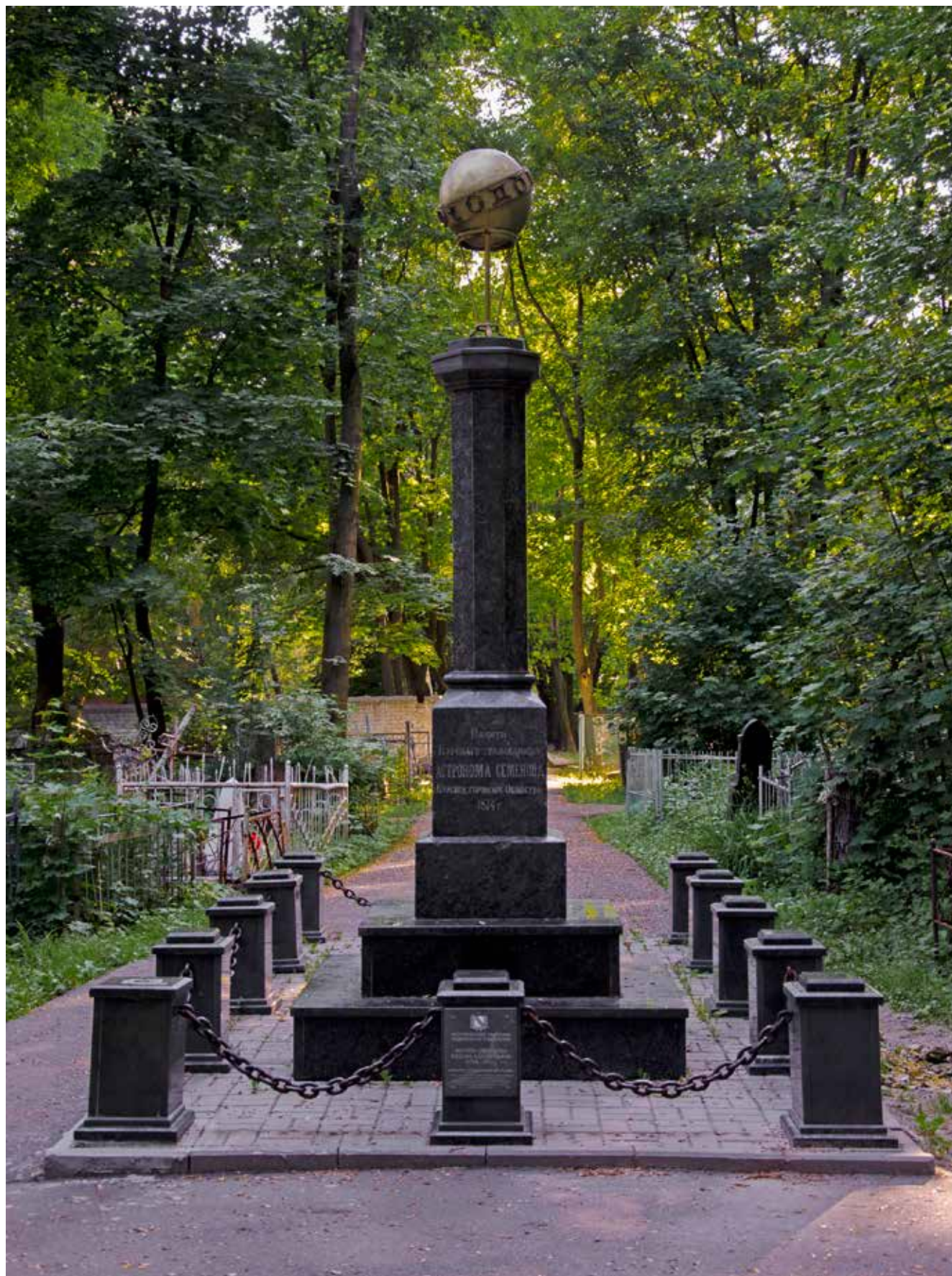
ное место лаборанта химической лаборатории Петербургской медико-хирургической академии. Однако, будучи поглощён работой над телескопом и астрономическими исследованиями, Фёдор Алексеевич отказывается от этого лестного предложения. Наконец в 1825 г. телескоп был готов. Он имел в длину 3,5 метра и увеличивал в 40 раз. Этот год вообще был удачен для Семёнова — его избирают старшиной от Курского мещанского общества, что свидетельствует о растущем уважении к нему среди земляков.

В 1828 г. Фёдор Алексеевич посещает Москву. Тут его встречает Н.А. Полевой, который приводит астронома-самоучку в Московский университет. Здесь он знакомится с историком М.П. Погодиным, профессорами С.Н. Глинкой, М.А. Максимовичем, И.М. Снегиревым, с астрономом Д.М. Перевощиковым, физиком М.Г. Павловым, писателем С.Т. Аксаковым, актером М.С. Щепкиным. Эта поездка помогает Семёнову вступить в российское научное сообщество. В 1829 г. его новый знакомый и коллега Д.М. Перевощиков, основатель обсерватории Московского университета, публикует в журнале «Новый магазин естественной истории, физики,

химии и сведений экономических» статью, посвящённую курскому самоучке.

С этого времени, оставив многочисленные прежние увлечения, Фёдор Алексеевич начинает целеустремлённо заниматься астрономией. В 1832 г. он публикует в «Московском телеграфе» свою первую научную работу — «Теории лунных затмений». Постепенно признание находит его в родном городе. Немалую роль в этом сыграло знакомство Ф.А. Семёнова с губернатором М.Н. Муравьёвым. Сам Фёдор Алексеевич писал об этом так: «Перед приездом в Курск Его Императорского Величества Императора Николая Павловича в 1835 г. октября 18-го дня утром, его Превосходительство Господин Курский Военный Губернатор Михаил Николаевич Муравьев призвал меня к себе через капитана жандармов Н. Н. Волкова. Войдя я в комнаты его Превосходительства, он принял меня ласково и сказал: «Я слышал от многих, что вы занимаетесь благородными науками, а особливо астрономией, и желал давно иметь с вами знакомство».

Фёдор Алексеевич рассказал губернатору о наблюдении им кометы Галлея, после чего тот при-

Надгробный памятник на могиле Ф.А. Семёнова. Никитское кладбище г. Курска. Установлен Курским городским обществом в 1874 г. Фотография А.А. Шпилева

гласил его пройти в кабинет, где уже находились генерал А.А. Саблуков и его супруга: «В кабинете сидели мы вчетвером, Их Превосходительство расспрашивали меня как я начал заниматься науками и какие имел к этому способы. Я отвечал об этом кратко, так как оно и было. Потом после многих разговоров, касающихся астрономии Михаил Николаевич сказал, желаю ли я, что бы он представил меня Государю Императору. Тут я несколько смешавшись отвечал, что если ему так угодно, то я не против... и поблагодарил Михаила Николаевича от всех моих чувств».

С той поры учёный стал нередким гостем в доме губернатора, а М.Н. Муравьёв рекомендовал его многим дворянам и курским купцам. Это знакомство, как отмечал сам Семёнов, «открыло мне новый свет и уважение вообще от курских жителей». Именно по предложению М.Н. Муравьёва астроном начал с 1838 г. регулярно печатать в «Курских губернских ведомостях» свои метеорологические наблюдения.

В 1836 г. Фёдор Алексеевич завершил работу над составлением «Таблиц для затмения Солнца и Луны», а в следующем году его, как местную знаменитость, представили проезжавшему через Курск наследнику престола, будущему императору Александру II. Дом астронома посетил воспитатель цесаревича, знаменитый поэт В.А. Жуковский. В том же году Фёдора Алексеевича избрали членом–корреспондентом Вольного Экономического Общества и наградили медалью за успехи в садоводстве. В 1839 г. Ф.А. Семёнов посещает Санкт–Петербург, устраивая там на учение своих сыновей. Один из них был принят в Технологический институт, а другой — в Училище гражданских землемеров. Оба учились на личные средства великой княгини Елены Павловны. Помимо того Фё-

дор Алексеевич передал свои метеорологические наблюдения в Академию наук, получив для проведения дальнейших исследований барометр, термометр, психрометр и дождемер. Так было положено начало Курской метеорологической станции.

В 1856 г. Ф.А. Семёнов издал в «Записках Географического Общества» свой главный труд — «Таблицы показания времени лунных и солнечных затмений с 1840 по 2001 гг. на Московском меридиане по старому стилю», а спустя два года был награжден золотой медалью Географического Общества. Все учёные отмечали удивительную точность расчётов Семёнова, которые он производил при помощи обыкновенных конторских счётов. Благодаря этой тщательности вычислений Семёнову удалось выиграть в научном споре с известным французским астрономом Домиником Франсуа Жаном Араго. На очередном заседании Парижской Академии наук тот заявил, что полное затмение Солнца 1842 года было последним затмением в Европе для XIX века. Чтобы увидеть полное затмение в 1851 году, надо будет ехать в Северную Африку или Сибирь, в 1861 году в Сахару, а в 1870 году — в Алжир. Семёнов выступил с опровержением расчётов Араго, привёл вычисления четырех полных затмений вплоть до 1900 г. и указал список мест, где их можно будет наблюдать. Затмение 1851 г. подтвердило правоту Фёдора Алексеевича.

Скончался Фёдор Алексеевич от рака печени 18 апреля 1860 г. Тысячи жителей Курска собрались у его дома. Умершего отпели в церкви Фрола и Лавра, после чего похоронили на Никитском кладбище, где состоялись гражданская панихида и похороны. Позднее в честь Семёнова в Курске были названы двухклассное училище и городская публичная библиотека.

ТЕАТР И АКТЁРЫ

Первоначальные шаги русского театра были неразрывно связаны с культурой и образом жизни русских дворян второй половины XVIII в. Согласно В.О. Ключевскому, «с тех пор как дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя на досуге, оно стало стараться наполнить этот досуг, занять скучающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветками заимствованной культуры.

Отсюда развился среди него усиленный спрос на изящные украшения жизни, на эстетические развлечения. Случилось так, что вступление на престол императрицы Елизаветы было концом иноземного немецкого владычества при русском дворе, но это иноземное немецкое владычество сменилось другим, иноземным же, только французским влиянием. Французские вкусы, моды, костюмы, манеры в царствование Елизаветы стали водворяться при петербургском дворе и в высшем русском обществе. В числе этих французских мод и развлечений и театр стал тогда

серьезным житейским делом, страсть к спектаклям усиливается и при дворе, и в высшем обществе. Усиленный спрос на драматические развлечения вызвал рядом с французским и немецким театром и театр русский, который тогда впервые завелся в Петербурге. Припомните, что то было время первых русских драматургов и артистов, время Сумарокова и Дмитриевского. Вслед за столичным стали появляться и русские театры по провинциям».

*Театральное представление. 1772 г.
Фрагмент картины художника М. Марциолы
«Итальянская комедия в Вероне»*

Мужской и женский костюмы для балетных представлений. Франция. 1778–1787 гг.

Некоторые из проживающих в Курске в конце XVIII — начале XIX вв. людей сыграли большую роль в становлении и развитии отечественного театра. Среди них особенно заметны губернатор П.С. Свистунов, князь П.В. Мещерский и актёр М.С. Щепкин.

Первый курский губернатор *Пётр Семёнович Свистунов* (1732–1808 гг.), обучаясь во второй половине 1740–х годов в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, стал активным участником «Общества любителей Русской словесности», в котором кадеты читали друг другу свои сочинения и переводы. Согласно Н.Н. Мельницкому, «один из членов общества кадет Сумароков, прельщенный звучными стихами первоклассных французских трагиков, начал писать в подражание им русские трагедии правильными, шестистопными, александрийскими стихами. Трагедии Сумарокова до того понравились его товарищам, что они не только находили удовольствие в чтении их, но и декламировали его стихи, сперва отдельными сценами, а после и целыми пьесами. Наконец в 1749 году, на святках, кадеты — члены Общества любителей Русской словесности вздумали сыграть трагедию Сумарокова «Хорев» и сыграли ее прекрасно. Автор, произведенный за несколько месяцев перед тем в офицеры, присутствовал при представлении. Подстрекаемый авторским самолюбием и восхищенный искусною игрою бывших своих товарищей, Сумароков рассказал о корпусном спектакле графу А.Г. Разумовскому, своему покровителю, а граф счел долгом довести о такой новости до сведения Императрицы. Любопытствуя видеть представления Русских трагедий, Государыня повелела, чтобы те же кадеты представили трагедию «Хорев» во дворце, в присутствии автора. Пьеса была дана на придворном театре 8 января 1750 года. Главные роли занимали: Мелисино, Свистунов и Бекетов. Императрица приказала выдать юным актерам из царской кладовой богатые одежды и Сама изволила убирать Свистунова, занимавшего роль Оснельды. Успех превзошел ожидания. Сумароков удостоился благоволения Государыни и был предметом общих похвал. После того представления часто повторялись в Корпусе и при Дворе и так всем понравились, что Императрица вскоре повелела учредить Российский театр, назначив директором театра Сумарокова. Первые выписанные в С.–Петербург актеры были помещены в Корпусе и образовались под руководством Мелисино, Свистунова и Остервальда, которые, по производстве в офицеры, были оставлены при Корпусе. Таким образом, в стенах Сухопутного Кадетского Корпуса (ныне 1–й Кадетский) положено было основание Русскому театру».

Необходимо отметить, что участие в любительских театральных представлениях рассматривалось дворянами того времени как одна из сторон

светской жизни и поэтому не считалось чем-то недостойным или порочащим их звание, в отличие от занятий актерским искусством за деньги. Среди выступавших на сцене актёров-любителей были и представители самых высших слоев русской знати того времени. Так, в 1764 г. в представленном на сцене эрмитажного театра балете «Галатее и Ацис» великий князь Павел Петрович в образе бога Гименея «удивлял всех зрителей искусными и благородными танцами», а вместе с ним танцевали знатные дамы, девицы и кавалеры из высшего общества.

Одним из известнейших русских актёров-любителей второй половины XVIII — начала XIX веков был князь *Прокопий Васильевич Мещерский* (1736–1818) — курский помещик, военный, царедворец и государственный деятель.

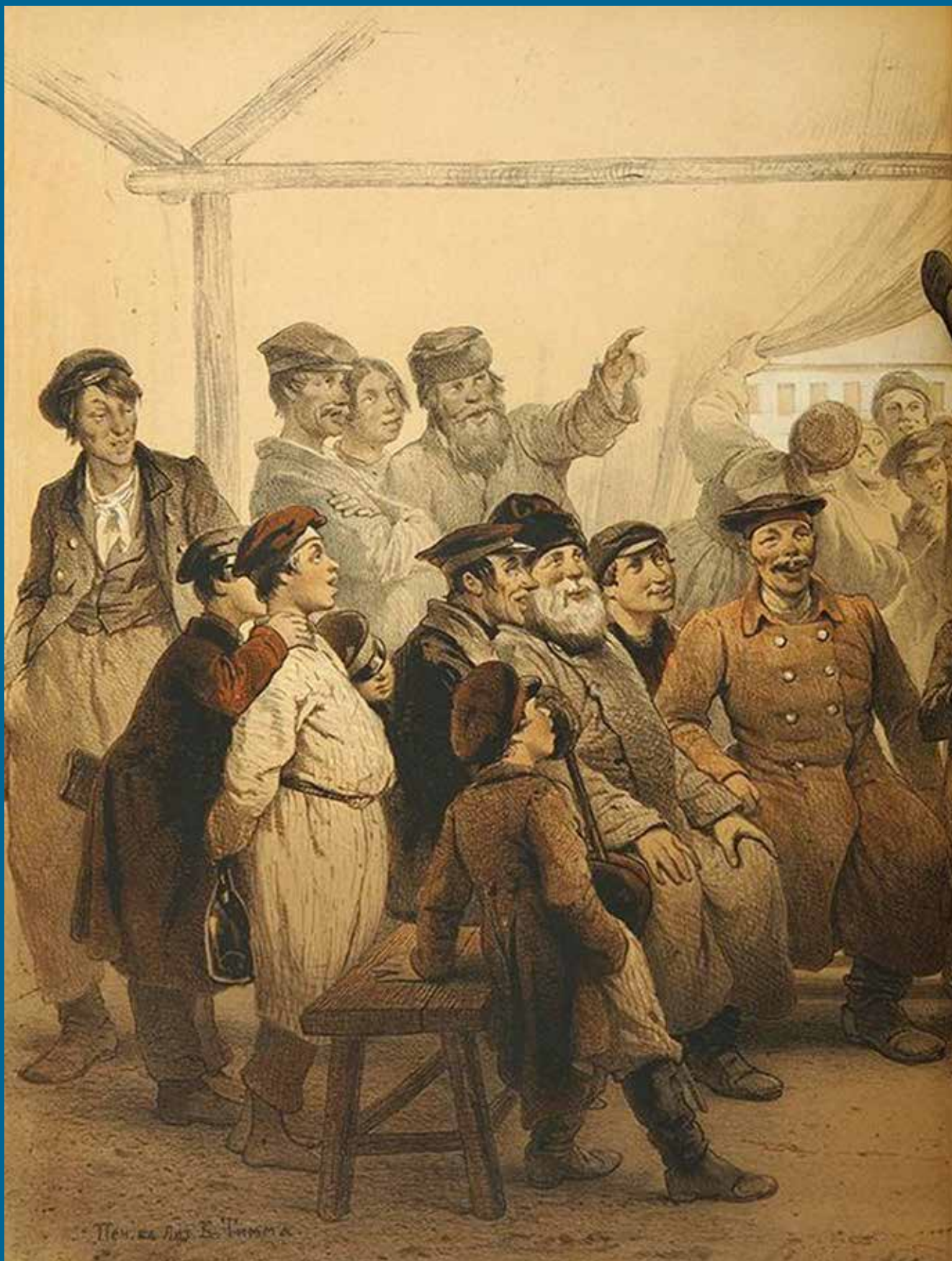
Знаменитый русский актер М.С. Щепкин вспоминал, что в 1810 г. видел его «играющего в Сумароковой комедии «Приданое обманом» роль Салидара. Это было в Юноковке, в доме князя Голицына, на домашнем спектакле, в котором участвовали также и другие любители театра... Но вот я в театре, вот оркестр заиграл симфонию, вот поднялся занавес, и передо мною князь... но нет! это не князь, а Салидар скупой! Так страшно изменилась вся фигура князя: исчезло благородное выражение его лица, и скупость скареда резко выразилась на нем... В продолжение всей роли, где только шло дело о деньгах, вам видно было, что это касалось самого больного места души его, и в этот миг вы забывали всех актеров. Страх смерти и боязнь расстаться с деньгами были поразительно верны и ужасны в игре князя, и простота, с которою он говорил, нисколько не мешала его игре. Чем далее шла пьеса, тем больше я увлекался... кроме князя, я никого уже не видал; я, так сказать, прирос к нему. Его страдания, его звуки отзывались в душе моей; каждое слово его своею естественностью приводило меня в восторг и вместе с тем терзало меня. В сцене, где открылся обман и Салидар узнал, что фальшивым образом выманили у него завещание, я испугался за князя; я думал, что он умрет, ибо при такой сильной любви к деньгам, какую князь имел к ним в Салидаре, невозможно было, потеряв их, жить ни минуты. Пьеса кончилась. Все были в восторге, все хохотали, а я заливался слезами, что всегда было со мною от сильных потрясений... Все, что я приобрел впоследствии, все, что из меня вышло, всем этим я обязан ему; потому что он первый посеял во мне верное понятие об искусстве и показал мне, что искусство настолько высоко, насколько близко к природе. К этому рассказу мне остается только прибавить, что по прошествии пятнадцати лет я узнал уже в Москве от покойного князя А.А. Шаховского, что этим не я один был одолжен князю Мещерскому, а весь театр русский; потому что князь Мещерский первый в России заговорил на сцене

просто, тогда как вся прежняя школа, школа Дмитриевского, состояла из чтецов и декламаторов».

Надо отметить, что обычная для того времени манера актерской игры была бы достаточно непривычной для современного зрителя. Вот как её описывал М.С. Щепкин, вспоминая свои первые выступления на сцене курского театра в начале XIX в.: «По тогдашним понятиям, превосходство игры... видели в том, когда никто не говорил своим голосом, когда игра состояла из крайне изуродованной декламации, слова произносились как можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно в ролях любовника декламировали так страстно, что вспомнить смешно; слова любовь, страсть, измена выкрикивались так громко, как только доставало силы в человеке; но игра физиономии не помогала актеру: она оставалась в том же натянутом, неестественном положении, в каком являлась на сцену. Или еще: когда, например, актер оканчивал какой-нибудь сильный монолог, после которого должен был уходить, то принято было в то время за правило поднимать правую руку вверх и таким образом удаляться со сцены... Не могу пересказать всех нелепостей, какие тогда существовали на сцене, — это скучно и бесполезно. Между прочим, во всех нелепостях всегда проглядывало желание возвысить искусство: так, например, актер на сцене, говоря с другим лицом и чувствуя, что ему предстоит сказать блестящую фразу, бросал того, с кем говорил, выступал вперед на авансцену и обращался уже не к действующему лицу, а дарил публику этой фразой; а публика, со своей стороны, за такой сюрприз аплодировала неистово. Вот чем был театр в провинции сорок лет назад и вот чем можно было удовлетворить публику».

Однако почувствовать себя равным со своими зрителями из обеспеченных слоев общества профессиональный актёр того времени мог только на сцене. Его повседневная жизнь была полна лишений и трудностей, а главным его предназначением считалось увеселение и развлечение более счастливых людей. Вне сцены даже вольный актер презирался как низшее существо, недостойное равного положения с порядочными людьми. Вот как об этом вспоминал в своих «Записках» М.С. Щепкин: «В половине ноября [1805 г.] актриса Пелагея Гавриловна Лыкова приехала к господам с бенефисной афишей. Граф взял у ней билет в кресло, заплатил 10 руб. ассигнациями — это по-тогдашнему была значительная плата, потому что в обыкновенные спектакли цена креслам была полтора рубля ассигнациями, — и тут же, обратясь ко мне, сказал: «Миша, проводи г-жу Лыкову в чайную и скажи Параше, чтобы она напоила ее кофеем». В то время не было в провинции в обычае сажать и угощать актрис в гостиной».

Для своей забавы и развлечения гостей состоятельные курские помещики нередко создавали

Балаган странствующих комедиантов в уездном городе Курской губернии. 1862 г. Художник К.А. Трутовский. Рисунок сделан на ярмарке в г. Обояни

*Балет на Озерках 1851 года 4 июля (Наяда и рыбак).
Литография с акварели И.И. Шарлеманя*

Любовь Ивановна Острякова–Млотковская.
Известная русская провинциальная актриса. Родилась в г. Курске, племянница создателей курского театра братьев Барсовых. Первые роли сыграла в курской труппе И.Ф. Штейна

целые домашние театры. Так, о владевшем Марьино (Рыльский район) князе *И.И. Барятинском* А.Л. Зиссерман сообщал, что в начале XIX в. у него «в доме был постоянный театр, в котором игрались пьесы на Русском и Французском языках, первые большею частью дворовыми людьми, а вторые разными лицами, членами семейства, гувернерами, гувернантками и соседними помещиками». Свои крепостные театры существовали также в поместьях *Г.С. Волькенштейна*, *А.И. Нелидова*, *Ф. Ширкова* и других курских дворян.

Интересные воспоминания оставил актер Дмитрийенко (Бут) о находившемся в слободе Головчино–Спасское (современный Грайворонский район Белгородской области) театре курского помещика *Ивана Осиповича Хорвата*, который он посетил 15 октября 1846 года. «Со сцены он [И.О. Хорват] провел меня из закулисы через ложи в зал театра. Театрик небольшой, чистенький, аккуратненький, просто игрушечка; мест в нем 10 или 12 лож без средней и в зале до

60 стульев. Ложи устроены бельэтажем так, что под ними в зале стоят стулья. Бенуара вовсе нет... Зал театра... был освещен чудо, как светло! Посредине горело 24 свечи в бронзовой люстре, по бокам на барьерах лож горели лампы. Сцена (рампа и кулисы) освещалась тоже лампами. В этот вечер представляли пьесу «Сиротка Сусанна» (гг. Скляров, Безматный 1-й и Яковлев. Г-жи Душина, Погребницкая и Каськова) и танцы (г-жи Козодавлева, Верная и Безматный 2-й). Пьеса прошла очень удовлетворительно, особенно хороши были «Сусанна» (Душина) и «Интрепид» (Яковлев). Танцы публика восторженно принимала, но еще восторженней и с большим энтузиазмом в антрактах принимала от подававших лакеев разные лакомства, как-то: разнородные фрукты, виноград, арбузы, дыни и мороженое. Желавшие пить водку или вина требовали, и им подавалось в кресла, не желавшие прилично пьянствовать, выходили в буфет и там зря, что нравилось, пили и закусывали. Во время представления соблюдалась между зрителями тишина, окромя аплодисментов, в антрактах же кресла с ложами громко разговаривали, только в зале не курили. Это меня так же немало удивило, что при таком свободном обращении и вольности пьют, едят, разговаривают вслух и не курят, я спросил, и мне сказали: «Всегда, когда бывает Генеральша или Софья Николаевна — не курят». А что это за личности? — «Генеральша старуха 90 лет, мать, а Софья Николаевна — жена Ив. Осиповича». Спектакль кончился. Посетителей было в креслах до 30 человек — панив [дворян]. И 5 лож, исключая средней — генеральшиной. Публика состояла из грайворонских панив-помещиков и панов-служащих, крючков сиречь чиновников. Было человек 7 или 8 драгунских офицеров, полка расположенного тогда в Белгородском уезде».

По свидетельству Дмитриенко, в спектаклях участвовали не только приглашённые вольные актёры, но и крепостные актрисы. Они жили в отдельном флигеле рядом с большим домом «по комнатам, каждая отдельно... Пройдя переднюю и другую комнату, вошли мы в зал, он [Хорват] велел позвать актрис, называя оных по имени и отчеству, а иных: примерно, Маша Кучерявенкова или Аня Глазова и т. п. Звавшиеся по имени и отчеству (я узнал после) были таланты по сцене и старше по летам, а по имени и фамилиям — молодые девочки лет в 16».

Зимой, когда многие курские помещики съезжались в губернскую столицу, они привозили с собой и своих крепостных артистов, для выступления которых в здании Благородного собрания на средства дворян в 1792 г. были устроены сцена и зрительный зал, имевший 26 лож, 115 кресел и стульев в партере, а также галерею на 150 мест.

В 1797 г. временная сцена была преобразована в Курский городской театр. Его первым руководителем стал крепостной актёр курского дворянина-мецената П.И. Анненкова — *Михаил Егорович*

Барсов, которому помогали братья Александр и Пётр. Здание театра и большая часть его имущества, — как и многие актёры, певчие и музыканты, — оставались собственностью дворян-учредителей, однако у Барсовых были «свои костюмы, своя библиотека и валовые оперные ноты, и потому они пользовались особым правом распорядителей и званием антрепренеров». Барсовы также были опытными и талантливыми актёрами — Михаил исполнял «первые амплуа» в трагедиях и мелодрамах, а Пётр прекрасно пел и играл на сцене.

Летом постоянные зрители разъезжались по своим поместьям и курская труппа отправлялась на гастроли. Особенно привлекательна в это время для актёров была Коренная ярмарка, на которую собиралось множество людей. Князь И.М. Долгоруков, посетивший её в 1810 г., так вспоминал увиденное им представление курских артистов: «Я с утра взял билеты в креслы по 2 руб. 50 коп.; каждой ложе цена 20 рублей. Плата большая, зато и ярмарка один раз в год. Сюда приезжает труппа курских актеров. Они играли «Влюбленного Шекспира» и оперу «Князь трубочист». Что сказать об опере? Ни на что не похоже! Однако, съезд огромный. Публика жадничает веселиться, бросается даром и за деньги всюду, где может ожидать забавы. Здесь до того было тесно, что многие возвращались домой. Человек до 500 зала поместить может. Все преимущества театра, т. е. декорация, одежда, музыка, соблюдены с достаточною правильностью, но талантов ниже посредственных нет. Одна из актрис очень силится перенять известную Сандунову, но весьма неудачно; однако, и та нравится. Я признаюсь, что я не энтузиаст ее методы: мне жеманство на театре никогда не нравится, потому что его нет в натуре. Актёр должен глядеть в природу, как в зеркало, и брать одни ее краски. Буфф в опере изрядной, то есть дурачится изо всей мочи: это и надобно! Публика здесь, как и везде, любит скоморошество; мало ей посмеяться, все бы хохотать! Чувствительные места не имеют цены, острые шутки теряются на языке актера. Они не вняты; правда, что и выражать их некому: актеры мелют как-нибудь, лишь бы заиграть свои деньги, а зрители глядят по верхам, толкуют о товарах, модах, рысаках, историях и оборачиваются к театру лицом тогда, как трубочист весь в саже лезет из камина и утирается Княжескими кружевами: тогда шум, крик, затопают ноги, застучат все трости, и ничего уж не слышать. Какая сильная причина для восторгов! Обиняки соблазнительные также не пропадают. Оперу поют дурно; голосов нежных нет; словом, спектакль ярмарочный! Но можно ли ручаться, чтоб его так стремились увидеть, если бы он был лучше? Не знаю. Одно еще, и очень действующее на обоняние, неудобство то, что весь театр освещен салом, и чад от свеч и плошек преужасный: нос чувствительную терпит муку. Театр поставлен между рядов на пока-

*Театральная труппа на дороге. 1818 г.
Художник Э. Делакруа*

*Николай Хрисанович Рыбаков (справа) в роли
Несчастливцева («Лес» А.Н. Островского). 1872 г.
Известный русский провинциальный актёр. Родился
в г. Курске. Первые роли сыграл в курской труппе
И.Ф. Штейна*

тости горы: следовательно, приезд тесен; полиции при разъезде карет и дрожек мало; площадь почти не освещена».

О примерном репертуаре курского театра первой половины XIX в. мы можем судить из помещённого в № 3 «Курских губернских ведомостей» за 1840 г. очерка Симиона Щура «О курских весёлостях». «27 Декабря услужливые актеры пригласили нас в театр и завели в лес на «Два слова». Эти «Два слова» разыграны были, право, хорошо, если припомним, что это провинция, что таланты — редкость на всём земном шаре, не только на Курском театре... Тут же представили нам «Отца, каких мало» — этот оригинально-прелестный водевиль... В заключение спектакля был дан «Сивильский цирюльник». Говорят, что танцевали хорошо, даже очень хорошо; быть может: о вкусах не спорят! Но я от балета требую больших условий, с выполнением которых можно сказать, что балет выполнен хорошо. 29-го нас позвали поглядеть на диво дивное, чудо чудное,

Офицер и танцующая цыганка. 1-я половина XIX в. Художник К.К. Гампельн

на урода Принца, с хохлом, с горбом, с бельмом — этот вечер был весёлый вечер, и нас столько занимали шутки всех актеров хороших и нехороших, что выходя из театра, мы возымали охоту почаще заворачивать сюда; мы даже забыли неподвижность некоторых действующих лиц, когда глядели «Жениха на расхват» и от души смеялись над Гого, Мяу Крику и пр... Новый год мы встретили в «Яме» комической оперы и в «Барышне-крестьянке». Обе пиесы сыграны были отчётливо и удовлетворительно хорошо, особенно последняя, которая по своему содержанию имеет столько достоинств и прелестей на своей стороне. В заключение праздника началось пение, игра и танцевание. Мы отчаивались уже видеть когда либо хорошую русскую пляску на Курском театре, после первой неудачной попытки Легиньковского с Каськовой, но здесь увидели тщету своих опасений: г-жа Душина развеяла наши

страхи свою шалью, с которою она волновалась так красноречиво-выразительно, что аплодисманы заглушали музыку. За ней Безмашной 1-й с Каськовой явились на сцену с венком — и чуть ли не с лавровым! Потом казацкие и цыганские пляски; она здесь гораздо удачнее всех возможных балетов и перуетов: в них забудешь и толщину ног и ширину талий и высоту поднятых плеч, — живость и разнообразие движений подкупает глаза и вызывает охоту к аплодисману».

Культурные развлечения, доступные жителям курских уездов, были менее изысканными и возвышенными. А.И. Дмитриюков, рассказывая о г. Судже в первой трети XIX в., писал, что «публичные забавы были в Судже два раза в зимнее время, в прошлых 1826 и 1827 годах, и состояли в танцах, игре в карты, а для общественного проведения времени летом нет в городе публичного

места. Концерты весьма редко дают здесь приезжающие иногородние артисты. По временам увеселяют дворянство, чиновников и чернь заезжие фигляры, паяцы, эквилибристы и доход их бывает иногда весьма значительный. Цыгане–плясуны часто навещают Суджу, и в свою очередь вывозят порядочное награждение, получая его однакож более от квартирующих в уезде военных».

Интересную оценку курского театра и играющим на его сцене артистам мы находим в газете «Курские губернские ведомости» за 1851 г.: «Курск в последнее время видимо пришел в движение и жизнь общественная развилась в публичных увеселениях... Благодаря особенной заботливости и попечению г. Губернского Предводителя Дворянства А.А. Нелидова, зала Дворянского собрания и театр приняли новый, изящный вид и стали несравненно удобнее для посетителей. В особенности театр совершенно обновлён: из холодного, нечистого, доступного сквозному ветру, — сделан теплым и чистым. Прекрасный оркестр, исполняющий в антрактах пиесы лучших композиторов, хорошие декорации, достаточное освещение и довольно удовлетворительная игра актеров — могут всякому, после служебных занятий, доставить несколько часов приятного отдыха и развлечения. Нет сомнений, что со временем, когда публика поддержит частым посещением материальные средства, появятся и лучшие актеры. В настоящее время обращают на себя внимание: г–жа Лебедева, исполняющая всегда верно и отчётливо роли благородных матерей; г–жа Данилова, довольно удачно играющая молодых, кокетливых женщин; г. Bravo, обладающий хорошим комизмом, только жаль, что иногда берёт роли, не соответствующие своему амплу; г. Большаковский, молодой человек, приятной наружности, играющий удовлетворительно молодых людей, обещает многое при дальнейшем старательном изучении ролей и сцены, и наконец г. Павлов, не имеющий особенного амплу, но исполняющий довольно удачно некоторые роли, когда не вдается в фарс и манерность, вредящие даже и хорошему таланту. Некоторые посетители театра хотят видеть в провинциальных актерах людей с большими талантами и совершенно уничтожают спектакли. Требование это несколько взыскательно. Если бы провинциальный актер имел блестящий талант, он верно нашёл бы себе занятие на столичной сцене. В утешение взыскательным господам, мы советуем взглядывать иногда во время пиесы на публику, и они увидят, что очень многие восхищаются от души. По нашему мнению, должно требовать от провинциального актёра, чтобы он добросовестно знал свою роль и по возможности, передавал характер действующего лица, и смотреть снисходительно на его недостатки, как на человека, жертвующего собою для нашего удовольствия».

Впрочем, несмотря на частые обвинения курского театра в «провинциальности», на его сцене выступали артисты, чьи имена вписаны в золотой фонд русского театрального искусства. Среди них были и наши земляки–куряне: *Любовь Ивановна Острякова–Млотковская* (1804–1866), *Николай Хрисанович Рыбаков* (1811–1876), *Корнелий Николаевич Полтавцев* (1823–1865).

На курской сцене свои первые профессиональные роли исполнил и один из величайших русских актёров XIX в., основоположник реализма в русском театральном искусстве — *Михаил Семёнович Щепкин* (1788–1863).

Он родился в с. Красное Обоянского уезда Курской губернии (современная Белгородская область), в семье крепостных графа Г.С. Волькенштейна, а свою первую роль — слуги Розмарина в школьной постановке комедии А.П. Сумарокова «Вздорщина» — Щепкин сыграл в возрасте 11 лет, во время учёбы в Суджанском уездном училище.

В 1802 г. Михаил поступает в Курское Народное губернское училище. Здесь он становится постоянным зрителем постановок театра Барсовых. Сначала мальчик проникал на представления переноса инструменты игравших в театре крепостных музыкантов своего хозяина, затем устроился в него переписчиком ролей и суфлером. Летом, когда граф с семьёй возвращался в своё имение, Михаил играл в постановках домашнего театра Волькенштейнов, исполняя роли помещика Фирюлина в пьесе Я.Б. Княжина «Несчастье от кареты» и инфанта в комической опере В. Мартина–и–Солера «Редкая вещь».

В конце 1805 г. Щепкин впервые выходит на профессиональную сцену. Во время бенефиса актрисы П.Г. Лыковой он заменяет запившего актёра Арепьева, с успехом сыграв вместо него роль Андрея–почтаря в драме «Зоя». С этого времени М.С. Щепкин становится полноправным членом труппы братьев Барсовых, исполняя ведущие роли и получая самое большое среди актёров жалование в 350 рублей ассигнациями.

В 1816 г., когда курский театр был закрыт в связи с перестройкой Благородного собрания, актёр получает приглашение от П.Е. Барсова поступить вместе с ним в харьковскую труппу Штейна и Калиновского. Получив разрешение хозяев, Щепкин уезжает в Харьков. Через два года труппа перебирается в Полтаву, куда артистов приглашает малороссийский генерал–губернатор князь Н.Г. Репнин. Будучи завзятым театралом он устроил в своей резиденции театр, руководителем которого был назначен известный поэт, писатель и драматург И.П. Котляревский. Однако, поскольку театральные сборы в Полтаве не покрывали всех расходов, труппе пришлось много гастролировать по южнорусским городам, выступая на провинциальных сценах и ярмарочных подмостках.

*В московской гостиной в 1840-х годах.
Художник Б.М. Кустодиев.
Крайним слева изображён М.С. Щепкин*

Михаил Семёнович Щепкин. 1862 г. Художник Н.В. Неврев

Благодаря своему таланту Михаил Семенович быстро становится ведущим актёром и любимцем публики. Его участие в спектаклях привлекает зрителей и обеспечивает театру значительные сборы, он получает самое большое среди актёров труппы жалованье в 1 500 рублей в год. Однако Щепкин по-прежнему оставался крепостным графов Волькенштейнов и в любой момент мог быть призван ими обратно на службу.

В 1818 г. покровитель актёра князь Н.Г. Репнин решил, «в награду таланта актёра Щепкина и для основания его участи», устроить подписку с целью выкупа Щепкина из крепостного состояния. По свидетельству актёра, «С.М. Кочубей подписал 500; полковник Таптыков играл в карты на мое счастье и половину выигрыша подписал — 1 100 руб., ...собранных денег оказалось налицо 5500 руб., остальные недостающие деньги [3 000 руб.] князь положил свои». В конце года Щепкин был продан вместе со всей семьёй князю за 8 000 рублей, но окончательно свободным человеком он стал лишь в 1821 г. Его близкие получили волю значительно позже, когда актёр заплатил за них князю-меценату 4 000 рублей.

М.С. Щепкин с дочерью Александрой в пьесе «Матрос». 1838 г. Рисунок К. А. Даниенберга

После распада полтавского театра в 1821 г. Щепкин переезжает в Тулу, а уже через год его приглашают в труппу Императорского Московского театра (с 1824 г. — Малого театра), где он прослужит до самой смерти. Невестка актёра А.В. Щепкина вспоминала, что «играть М.С. Щепкину приходилось очень часто, почти ежедневно. Он никогда не отказывался от предложенных ему ролей. Но маленькие и безсодержательные роли тяготили его. Зато как одушевлялся он каждою хорошо, характерною и богатою содержанием ролью. Такое одушевление легко передавалось и слушавшей его публике; его осмысленная, живая игра, казалось, электризовала её. При выходе на сцену, он сразу приковывал к себе внимание зрителей, и они глядели на него в нетерпеливом ожидании тех впечатлений, которые уже не раз испытывали от его игры».

Актёрская деятельность позволила Щепкину познакомиться с многими выдающимися людьми того времени. Круг его знакомых был чрезвычайно широк. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, А.С. Грибоедов, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, С.Т. Аксаков, Т.Г. Шевченко, И.С. Тургенев, Н.Х. Кетчер, Т.Г. Грановский — вот далеко не полный список знаменитых и известных личностей, с

которыми была связана его жизнь в Москве. По свидетельству А.В. Щепкиной, «его одинаково радушно принимали во всех слоях Московского общества; он оживлял компанию множеством рассказов из прошлого и передавал все замечательные происшествия, сохранившиеся в его памяти... Говоря о привычках и обычаях того времени, он утверждал всегда, что все заметно улучшается на его глазах, и эта мысль об улучшении нравов постоянно радовала его. На ней он основывал надежду на улучшение многого в России».

Последние спектакли великого русского актёра прошли в Крыму. Летом 1863 г., в возрасте 75 лет, он приезжает сюда для выступлений перед отдыхающей публикой и восстановления пошатнувшегося здоровья. Однако во время чтения на открытом воздухе одной из пьес Н.В. Гоголя Щепкин простудился и 12 августа его не стало. Отпевание, на котором присутствовал таврический губернатор генерал-лейтенант Г.В. Жуковский, прошло через два дня в храме Святого Иоанна Златоуста в Ялте. Тело было доставлено в Москву, и 22 сентября 1863 г. его предали земле на Пятницком кладбище. На могиле был установлен памятник из большого серого камня с эпитафией: «Михаилу Семеновичу Щепкину, артисту и человеку».

МУЗЫКАНТЫ И КОМПОЗИТОРЫ

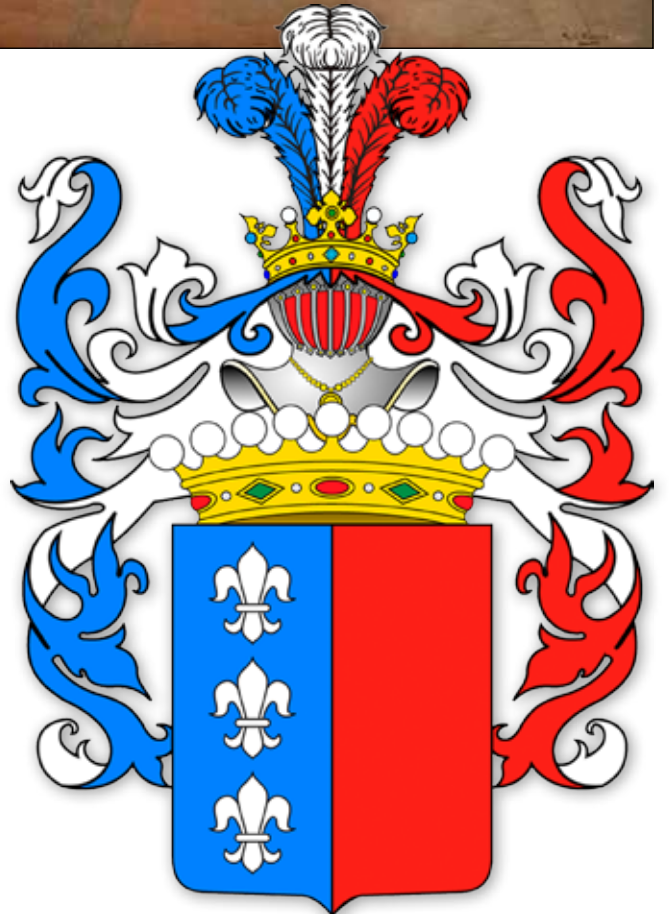
Для музыкального сопровождения театральных постановок или самостоятельного исполнения музыкальных и вокальных произведений у многих курских помещиков в их имениях существовали целые оркестры и хоры из крепостных крестьян.

Самое первое из известных нам описаний курского крепостного хора находится в воспоминаниях Гавриила Ивановича Добрынина. Описывая приём, устроенный в 1770 г. действительным камергером *М.И. Сафоновым* в сл. Терны Путивльского уезда в честь епископа Севского и Брянского К. Флиоринского, он сообщал: «С началом стола загремела вокальная и инструментальная музыка. Музыканты одеты были чисто, певцы в белом одеянии и большею частию похожи то на мопсов, то на борзых; брюнетки были, как мухи в сметане, а блондинки, — как сыр в молоке... Они начали концертом, кладки г—на Рачинского «Радуйтесь Богу помощнику нашему», играли и пели прекрасно. Я слушал и зевал с восхищением, потому что зрелище сие было для меня ещё новое в таком совершенстве».

Из документов и воспоминаний конца XVIII — начала XIX вв. известно о крепостных оркестрах и хорах курских дворян *Анненковых, Барятинских, Волькенштейнов,*

Музыкант. Фарфор. Конец XVIII в. Дания

Музыкальный дом. Художник Р.А. Хогер

Портрет графа Матвея Юрьевича Виельгорского. 1828 г.
Художник К. Брюллов

Герб графов Виельгорских. «В щите наполе разделённом, с золотою окраиною и графскою короною, в правой части три серебряные лилии вертикально в голубом поле, а в левой одно красное поле. Над графскою короною шлем, увенчанный, с золотыми решётками и такою же медалью, на цепи висящую; в навершие шлема три страусовых пера, правое, крайнее, голубого, а левое красного цвета. Намет с правой стороны голубой, а с левой красный, оба подложенные серебром»

Музыкальный вечер у графа Виельгорского. 1840–е гг.
Литография Р. Рорбаха.

Сидят справа налево: Маурер, Вильд, Матвей Виельгорский, Михаил Виельгорский, князь Львов, генерал Анреп и граф Строганов

Портрет графа Михаила Юрьевича Виельгорского.
1840–е гг. Художник П.Ф. Соколов

Согласно графу В.А. Соллогубу, его тесть «был личностью необыкновенной: философ, критик, лингвист, медик, теолог, герметик, почетный член всех масонских лож, душа всех обществ, семьянин, эпикуреец, царедворец, сановник, артист, музыкант, товарищ, судья, он был живой энциклопедией самых глубоких познаний, образцом самых нежных чувств и самого ирривого ума»

Денисьевых, Нелидовых, Полторацких, Сафоновых, Хорватов, Ширковых и других.

Уровень входивших в состав этих коллективов артистов мог быть очень высок.

Так, описывая крепостной хор новооскольского помещика 1-й половины XIX в. *Фёдора Марковича Полторацкого*, бытописатель Н. Решетов сообщал о его певчих, что «некоторые из них учились в Москве у знаменитого в то время Варламова. Солиеты и хор были очень хороши; кроме Русских романсов они пели и из Итальянских опер, непременно по-итальянски. До сих пор сохранились ноты, где под Итальянским текстом слова написаны русскими буквами рукою Полторацкого».

Впрочем, крепостные музыканты и певцы были совершенно бесправны и должны были безропотно выполнять любое желание своих хозяев. Так, по воспоминаниям современников, рыльский помещик *Пётр Алексеевич Денисьев* (1774–1845) на свои именины в день Петра и Павла ежегодно давал в принадлежавшем ему поместье Софроново роскошный бал, и если не все рыльские дворяне являлись к нему на праздник, то он «сердился и в дурном расположении духа нередко становил весь свой оркестр из 60 музыкантов на колени».

Многие владельцы крепостных оркестров сами были прекрасными музыкантами.

Рассказывая о князе *Иване Ивановиче Бярятинском*, А.Л. Зиссерман писал, что в его поместье «давались концерты, в которых принимали участие жившие тогда в соседстве известные меломаны графы Михаил и Матвей Юрьевичи Виельгорские. Сам князь Иван Иванович страстно любил музыку и так увлекался ею, что часто упрекал себя в потере времени, вследствие чего строго запретил преподавание музыки своим четырем сыновьям, что и было свято исполнено».

Согласно Н.А. Синянской, среди документов архива князей Бярятинских находится обширная нотная библиотека Ивана Ивановича, состоящая из 556 наименований. Она включает в себя произведения для оркестра, инструментальные ансамбли, произведения для голоса с оркестром (гитарой, фортепиано), произведения для гитары и фортепиано соло; хоровые духовные сочинения; театральные произведения в сопровождении оркестра небольших составов. В составе музыкального архива есть и три музыкальных сочинения самого князя. Самое крупное из них — «Увертюра реми-нор для большого оркестра» состоит из 27 страниц рукописной партитуры. Увертюра свидетельствует об основательной музыкальной образованности князя и его незаурядной композиторской одарённости, прекрасном знании и свободном владении оркестром, о восприимчивости стиля современных ему композиторов (в частности, К.–В. Глюка и Дж. Россини) и тяготении к образам драматическо-патетического характера.

Самыми знаменитыми среди проживавших в пределах Курской губернии в первой половине XIX в. дворян-меломанов были графы *Михаил и Матвей Юрьевичи Виельгорские*, обитавшие на мызе Луизино в с. Фатеевке (современный Дмитриевский район).

Они происходили из знатного польского рода, перешедшего на русскую службу в конце XVIII в. После смерти своей первой жены старший из братьев, Михаил, в 1816 г. сочетался браком с её сестрой Луизой Карловной Бирон. Этот брак вызвал недовольство императора Александра I и части русской аристократии, так как по религиозным представлениям они являлись близкими родственниками и не могли заключить брачный союз. Молодая чета на время уехала из Санкт-Петербурга в курское имение жены. В 1821 г. к ним присоединился и младший брат М.Ю. Виельгорского — Матвей. В Луизино Виельгорские прожили до 1826 г., когда после воцарения Николая I Михаил Юрьевич получил прощение и вновь вернулся ко двору.

По воспоминаниям графини С.М. Соллогуб, её отец и дядя «оба были натурами широкими, открытыми, возвышенными, великодушными, правдивыми, не способными к мелочности и зависти, по врождённому благородству любившими всё доброе и справедливое; они понимали, дополняли, поддерживали друг друга в радости и в горе». «Привыкнув с самого нежного возраста видеть в доме музыкантов, каждый из них стал учиться играть на каком-нибудь инструменте и очень скоро умел аккомпанировать отцу, исполнявшему партию первой скрипки в квартетах Роде, Гайдна и др. Таким образом развился необыкновенный талант дяди Матвея, снискавшего своей виртуозной игрой европейскую известность. Помимо других драгоценных инструментов, ему принадлежали полный квартет и контрабас работы Страдивариуса. Известно, что за всю свою жизнь этот мастер сделал только два контрабаса. Отец, ещё более музыкально одарённый, чем дядя, играл на всех инструментах, но ни в чём не достиг совершенства. Он предпочёл исполнению музыкальных сочинений их любительское сочинение».

Со своим соседом князем И.И. Бярятинским графы Виельгорские поддерживали самые дружественные отношения, а поводом для сближения послужили общие знакомства и взаимная страсть к музыке.

По мнению Н.А. Синянской, о постоянных контактах между Ивановским и Луизино говорит не только интенсивная переписка Бярятинского и Виельгорских за 1822–1823 гг., но и находящиеся в архиве Бярятинских программы домашних концертов в Луизино, некоторые из которых были собственноручно написаны графами Михаилом и Матвеем. «Интенсивности концертной жизни в Луизино, — пишет исследовательница, — сегодня можно лишь удивляться. На протяжении более года концерты, включающие крупные и серьёзные инструментальные и вокально-хоровые

*Цыганский хор Ильи Соколова. 1833 г.
Рисунок Г.Г. Гагарина.*

Илья Осипович Соколов (1777–1848) — знаменитый руководитель цыганского хора, певец, танцор, гитарист. «Хоревод, знаменитый Илья, — весь пламя, молния, а не человек. Он запекает, аккомпанирует на гитаре, бьет в такт ногами, приплясывает, дрожит, воспаляет, жжет словами и припевами. В нем демон, в нем беснующаяся мелодия... Смотри на него и слушая его, чувствуете, что все нервы в вас трепещут, а в сердце кипит что-то невыразимое»

Цыганка Любаша. Рисунок Г.Г. Гагарина.
Солистка цыганского хора И.О. Соколова. В.А. Инсарский, видевший её на Коренной ярмарке в 1840–х гг., писал: «В то время особенно славилась и, действительно, восхищала публику цыганка Любаша. Девушка эта, немножко косоглазая, имела в себе много какого-то благородства и была симпатична в высшей степени. Недостаток в её глазах не только не портил её, но, напротив, придавал ей особую прелесть. Пела она превосходно и приводила в неистовый восторг любителей... Она великолепно заключила свою цыганскую карьеру, выйдя замуж за кирасирского полковника, не то Огарева, не то Офросимова. Спустя много лет, я видел её в ложе московского театра барыней, окруженной двумя или тремя детьми»

сочинения западных композиторов и самого графа Михаила, проходили регулярно, 2–3 раза в неделю. Приводим программы концертов конца февраля — начала марта 1822 г.: 28 февраля — Симфония Гайдна Ре-мажор; 4-й концерт для скрипки Роде; Героическая симфония Бетховена. 3 марта — Симфония Рейха ор. 42; Нонет для скрипки, альты, виолончели, контрабаса, флейты, гобоя, кларнета, фагота и валторны, сочинение Шпора; Симфония Риса в Ре-мажоре; Ларго и Полонез для скрипки Ромберга «в исп. Графа Матвея»; увертюра «Джиневра» Паэра. 7 марта — Симфония К.-М. Вебера в Домажоре; 2-й концерт де ла Мара для виолончели «исп. Гр. Матвей»; увертюра «Так поступают все» Моцарта; Симфония Кроммера в Ре-мажоре 2-я часть; Увертюра Мюллера». По мнению Н.А. Синянской, «то обстоятельство, что программы концертов в Луизино оказались в марьянском архиве, говорит либо о том, что князь Барятинский бывал гостем графов Виельгорских, либо — что более вероятно — что произведения, звучавшие в Фатеевке, любезно предлагались просвещённому вниманию Его Сиятельства».

Не менее популярными, чем крепостные оркестры, у курских дворян в первой половине XIX в. становятся приезжие цыганские хоры.

Вот как описывал их в своих воспоминаниях щигровский помещик Е.Л. Марков: «Первое духовное наслаждение помещиков в Коренной — цыганки. Я помню ещё, когда приезжал сюда ежегодно знаменитый Ильюшка Соколов с своими Любашами и Стёшами. Ночи напролёт хор заливался своими песнями; Ильюша топал и свистал, Стёша отплясывала с старым цыганом одной ей ведомые танцы, а шампанское лилось кругом рекою, расходившиеся отцы мирных и многочисленных фамилий подпевали дикими голосами, стучали по столу кулаками и стаканами, офицеры обнимали цыганок, дым от трубок и дешёвых деревенских сигар выедал всем очи. И как же любили наши истые помещики все эти лихие романсы, заставляющие их хоть на несколько минут забывать своё хозяйство, свои пятидесятилетние отяжелевшие животы, многочисленных барчуков, визгом наполняющих детские. Как долго и чутко помнились все эти «Я пойду косить», «Вечерком красна девица», «Кубок янтарный». Но мало и редко говорилось впоследствии об этих удовольствиях, особенно при супругах, относившихся вообще крайне недружелюбно к подобным препровождениям времени».

Иногда организаторы концертов устраивали настоящие музыкальные состязания между приезжавшими на Коренную ярмарку хорами.

Об одном из таких выступлений упоминает в своих воспоминаниях В.А. Инсарский, описывая своё посещение Коренной ярмарки в 1840–х годах.

«Я помню, наш кружок, между прочим, затеял дать великолепный обед по подписке в 100 р. асс. [рублей ассигнациями] с каждого, что в то время

составляло вовсе не маловажную сумму... Разумеется, цыгане составляли главную статью и были предметом многообразных соображений. Надобно сказать, что незадолго перед тем, знаменитый хор знаменитого Ильи, по каким-то внутренним раздорам, распался на двое: лучшая часть, под командою известного Ивана Васильева, отделилась и составила особый и лучший хор. Другая часть, руководимая Ильею, образовала другой хор, значительно слабейший. Наши распорядители недоумевали, который из них пригласить на наш обед... [Решено было пригласить оба]... Трудно изобразить меру того восторга, который объял всех, когда эти два хора соединились и, под командою исторического Ильи, грянули песню... После обеда образовалось множество групп, но самая шумная и многочисленная группа окружала прелесную Любашу [солистку хора], которая, поместившись в уголку, с гитарою в руках, была предметом общего обожания и общих просьб. Один просил поцелуя, другой — песни. Она ко всем была мила и благосклонна. Я помню, что гитара её, наполняясь золотом и ассигнациями, несколько раз была опоражниваема и потом снова наполнялась. Эти приношения, под наименованием «уголковых», у многих решительно опустошили карманы и долго жили в памяти курских помещиков».

Рядом с дворянской музыкальной культурой, почти с ней не пересекаясь, существовала и процветала музыкальная культура народная, пронизывающая буквально все уголки крестьянской жизни.

Курский археолог и этнограф *Алексей Иванович Дмитриуков* в «Статистическом описании Суджи и уезда сего города» (1828 г.) о музыке и танцах местных крестьян сообщал, что «песни здешних русских большею частью однообразны в голосе. Женщины под сии песни, с звуками гудка, а иногда с аккомпаниментом сделанных из тростника разной длины дудочек, называемых здесь *кувичками*, пляшут медленно и тихо. В их песнях часто упоминается *Дид, Ладо и Лель*, или *люли*».

Необходимо отметить, что ещё в первой половине XIX в. русские обрядовые песни и сопровождаемые ими ритуалы сохраняли отчётливые следы древней, ещё дохристианской культуры. Вспоминая проведённое в д. Макаровке Льговского уезда детство, *Валериан Фёдорович Ширков* (1805–1856) так описывал в стихах одну из местных достопримечательностей: «Вот перевоз, вот подале обрывы / А под обрывами в чаще гремучий колодезь / Ночью, когда поселяне на память Купалы / Бочки с смолою зажгут, а мальчишки толпою / Прыгают через вязанки горячей соломы / Бабы и девки идут хороводом к колодцу: / Песнями Леля и Ладу и Дида возносят / Не понимая, кто Ладо, не зная, что Лелю / Каждая служит конечно и верой и правдой / Все погружают в колодезь с надеждой и страхом / В дар — кто кольцо, кто монеты, кто медные серьги / Даже хлеб, иль от свадьбы кусок каравая / Тайные мысли ключу поверяя с мольбой».

*Хоровод в Курской губернии. 1860 г. Художник К.А. Трутовский
Танцующий мужчина. Фарфор. Россия. 1843–1861 гг.*

О праздничных гуляниях русских крестьян Обоянского уезда член–корреспондент Императорского Русского географического общества *Алексей Степанович Машкин* в 1862 году писал, что «в праздничные дни молодёжь, одевшись в нарядное платье, собирается на улицу; по сборе составляется хоровод, по здешнему карагот. Девки и молодые бабы становятся в кружок, взявшись за руки, ходят кругом, поют хороводные песни, пристукивая ногами в такт песни, а молодые парни в середине круга, закинув шапку набекрень, пляшут, выказывая друг перед другом своё искусство. Сюда собираются так же сельские музыканты, и после пения в хороводах, начинается пляска под музыку. Употребительные здесь музыкальные орудия: дудка, рожок, балалайка, скрипка, гармония, гудок и кувички».

Упоминаемые Машкиным «кувички», также известные как «кугиклы» или «тростянки», обычно использовались женщинами, мужчины же предпочитали «дудки» («свирели», «сопели») — трубки–флейты с игральными отверстиями и свистковым приспособлением.

Вот как в очерке «Весна в Курской губернии» (1871 г.) описывал эти духовые инструменты и игру на них А. Мордвинов, побывавший на пасхальных гуляниях русских крестьян, живших по берегам р. Реут в пределах современного Медвенского района: «Собрались девушки и молодухи, взяли за руки, и стали в круг — водить хоровод. В середине хоровода поместились музыканты, парни с дудками, а женщи-

Куряне, играющие на дудке и кувичках (по А. Мордвинову, 1871 г.)

ны и девушки с «кувичками». Кувички состоят из пяти тростниковых дудочек, одна короче другой, нижняя часть которых плотно заделана. Они ничем не связаны между собой, но играющая, подбирая их по тону (так как каждая из них тоном выше другой) держит в руке перед губами и в такт какой-нибудь плясовой песни, наигрываемой на нескольких дудках, придувает в них и прикрикивает, быстро передвигая их от одного угла рта к другому. Фиту–вить, фитю–вить, громко и резко выходят звуки, то выше, то ниже, а на дудках отчётливо наигрывают мотив песни; при этой музыке песен не поют, лишь раздаётся дружный топот трепака. Бойко отплясывает детина перед своей красавицей, та же гордо плывет перед ним, пома-

хивая платочком. Звуки нельзя описать, а нужно их слышать, чтобы ценить».

Музыкальная культура проживавших в южных курских уездах *малороссов*–украинцев отличалась от русской. Согласно А.И. Дмитриюкову, «напев малороссиян приятен и трогает сердце. В песнях их, реже нежели у русских, встречаются языческие боги, каковы суть: *Ладо* и *Лель*, или, по просторечию, *люли*. Обыкновенный музыкальный инструмент мужчин есть *балалайка*, на которой играют весьма многие молодые люди; на *скрипке* так же играют некоторые, самоучкою. Женщины и девки употребляют железные *варганы* для аккомпанемана песен, приставляя оные к зубам, и двигая с различной скоростью язычек варгана».

ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ

Несмотря на широкую распространённость «изящной словестности» среди русских образованных людей во второй половине XVIII — первой половине XIX вв., сведения о живших тогда в пределах Курского края поэтах и писателях неполны и отрывисты.

Из источников известно, что правивший Курском в 1779–1782 гг. губернатор *Пётр Семёнович Свистунов* помимо успехов на театральной сцене был также известен как серьёзный поэт, писатель и переводчик. Н.И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) характеризовал его творческое наследие так: «в молодых своих летах много написал элегий, песен и других мелких стихотворений, много похвальных; но они не напечатаны. Так же сказывают, что сочинил он трагедию, и начал писать Российскую историю и которые по известиям весьма хороши: но он в свет их не выдал. Он перевел несколько комедий для Российского театра и Детское училище в 4 частях состоящее. Переводы его весьма похваляются за чистоту и приятность слога». Среди созданных Петром Семёновичем произведений были и песни, одна из которых — широко известная в то время «Полно, свет мой, не гордись...».

Согласно П.Р. Заборову, среди переведённых Свистуновым пьес были сочинения Ж.–Б. Мольера («Амфитрион», «Мещанин во дворянстве» и «Лекарь поневоле»), Ф.–М. Вольтера («Нескромный»), Ж.–Б. Колле де Мессина («Паша Смирнский»), Ж.–Ф. Пуллена де Сен-Фуа («Оракул») и М.–А. Леграна («Слепой видущий»). Все переводы были выполнены в прозе, очень тщательно, стилистически верно и лишь изредка с незначительной русификацией первоначального текста. Пьесы имели успех на сцене, часть из них была тогда же издана («Нескромный» — 1760 г., «Амфитрион» — 1761 г., «Паша Смирнский» — 1767 г.).

Аллегорическая фигура «Поэзия». Фарфор. Германия. 1770–1772 гг. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)

Сольный концерт. Художник А. Риччи

В 1788 г. Н.И. Новиков «вторым тиснением» выпускает «Амфитриона», а также печатает «Лекаря поневоле», «Мещанина во дворянстве» и «Слепого видущего». Это вызвало неудовольствие Петра Семёновича, поместившего в «Санкт-Петербургских ведомостях» гневную заметку следующего содержания: «Переводивший комедии: Мещанин во дворянстве и Слепый ведущий, увидя оные напечатанными сего 1788 года без его на то согласия, и нашед в них множество ошибок типографских и против его перевода, да таких, чрез которые в некоторых местах совсем потерян смысл речей, а особливо в первой, нашёл себя принуждённым просить почтенную публику, чтобы она не приписывала оных ошибок переводчику, но отнесла б их на счёт тому, который вздумав воспользоваться чужими трудами, не хотел и того труда употребить, чтоб издавая оные в свет, сберечь в них смысл, согласно с переводом и через то избавить переводчика от безвинного нареkania, а комедии от безобразия, которого почтенная публика, видя их неоднократно представленными, прежде в них не находила».

В 1792 г. в Курске появляется собственная типография, в которой кроме официальных документов издаются различные художественные произведения, в том числе и творения местных авторов.

В первый год её работы были напечатаны ода «Скупость, сочинённая в Курске и посвящённая всем богатым скупцам» ассессора Курской Казенной Палаты Семёна Семёновича Пестова (1763–1827) и ода «Графу Суворову» протоиерея Троицкой церкви о. Иоанна Злотницкого.

Спустя два года, в 1794 г., увидел свет сборник «Торжество курских муз, или Подробное описание празднества, бывшего при освящении нового каменного дома Главного народного училища, от Приказа общественного призрения сооруженного». Он состоял из сочинённых курскими преподавателями и чиновниками торжественных од, таких как «Речь о силе воспитания и просвещения» учителя Павла Кондратьева, «Разговор о пользе наук» регистратора Григория Зеленского, «Престань Парнасс днесь возноситься» учителя Михаила Лаврова, «В благовей-

нейшее прославление Е. И. В., в честь наук и учениям и в воздаяние справедливости пекущихся о них начальникам А.А. Беклешеву и С.Д. Бурнашеву» советника Курской Палаты гражданского суда *Ивана Васильевича Коростовцева* (1745–1814). «Торжество» также включало сочиненную М. Лавровым аллегорическую картину в лицах, в которой Правдолюб и Здравосуд оспаривают измышления Малодума и Легкомысла.

Среди преподававших в Курске людей были не только любители русской словесности.

Один из первых украинских поэтов–романтиков, баснописец, фольклорист, переводчик и этнограф *Лев Иванович Боровиковский* (1806–1889) жил в Курске в 1831–1837 гг., преподавая ученикам Курской мужской гимназии историю, географию и латинский язык. За это время он написал несколько стихотворных баллад («Журба», «Чародейка», «Козак», «Заманка», «Вищба», «Убийство»), рассказов–притч, стихотворных «баек и прибауток» на русском и украинском языках. Для произведений Боровиковского было характерно сочетание просветительских и романтических идей, обращение к народному наследию и популяризация украинской поэтической культуры. Сам Лев Иванович отмечал, что в его творчестве «публика заметит и ту новость, которая, кажется, доселе была неприступна для малороссийских поэтов — это серьезность, противная несправедливому мнению, что на малороссийском языке, кроме шуточного, смешного — писать нельзя».

Ярким образцом поэта–курянина XIX века был *Николай Любимов* (1810–1873). Он родился в 1810 г. в с. Снижа Дмитриевского уезда. Окончил Московский государственный университет, некоторое время находился на военной службе, давал частные уроки. Знал французский, английский, итальянский и польский языки. Был редактором неофициальной части «Курских губернских ведомостей», на страницах которых опубликовал ряд своих произведений.

Так, в 1851 г. «Курские губернские ведомости» печатают его стихотворение «На 22 августа 1851 года». Оно посвящалось 25–летию со дня коронации императора Николая I и начиналось такими строками: «Вспарил орёл под облака / И мощны крыла расширяя, / Он осеняет с высока / Главу Монарха НИКОЛАЯ! / С НИМ верный весь ЕГО народ, / Благодареньем пламенея, / Душою русскою живёт / В день вожделенный юбилея...».

В 1856 г. Н.А. Любимов публикует в газете «Встречу курскому ополчению», посвящённую возвращению участвовавших в Крымской войне дружин — «Привет Вам, земляки–герои! / Добро пожаловать к родным! / К Царю с любовью святою / И на груди с крестом святым...».

Поэт также выпустил два сборника своих произведений.

Первый, «Стихотворения Николая Любимова», был издан московской типографией А. Семена в 1842 г. Книга состояла из стихов совершенно разного содержания — романтических «Небо, море, очи и сердце», «Элегия» и «Листок», философских «Признание» и «Падение» и иронического «Две сцены из военного быта».

Вторые «Стихотворения Николая Любимова» вышли спустя 30 лет, за год до смерти автора. Книга была напечатана курской типографией Н. Домарева в 1872 г. Согласно И.З. Баскевичу, «на этот раз в ней было больше реалистических зарисовок из жизни и быта канцелярских служителей, не чуждых сатире».

Среди произведений 1870–х гг. у Любимова есть и стихи, посвящённые курским рекам.

В биографической «К Свапе» поэт писал: «К твоим брегам, река родная, / Уж боле мне не приходиться. / И на струи твои, взирая / Воспоминаний не будить. / Скиталец по свету, без цели / На юг я север променял / И звук пастушечьей свирели / На моря гул... ».

А после разлива Кура 13 июня 1871 года, во время которого погибло несколько человек, появилось такое стихотворение: «Вот штуку выкинул наш Кур, / Как будто Волга иль Амур, ... / Взбесился и засвирепел, / Как море, пеной закипел, / Залив жилища бедняков, / И даже, господа, каков! / Не пощадил и кабаков. / Но вот за то–б его плетми, / Что женщину с двумя детьми / В своей пучине схоронил...».

Часть произведений курских поэтов и писателей второй половины XVIII — первой половины XIX вв. при их жизни напечатана не была и дошла до нас в рукописных списках или альбомных записях.

Таковыми были «Стихи на прибытие в Курск малороссийского генерала–губернатора князя Алексея Борисовича Куракина для обозрения дел и некоторых следствий в апреле 1806 года» курского помещика князя *Прокопия (Прокофия) Васильевича Мещерского* (1736–1818).

Князь происходил из обрусевшего старинного татарского рода, основателем которого считается ордынский князь Ширинский Бахмет (Мухамед) Усейнович. Согласно семейным преданиям, в 1298 г. он завоевал лежащую по берегам Цны и в низовьях Мокши Мещерскую землю и стал её самовластным правителем. В конце XIV–XV вв. князь Мещерские признают над собой власть московских правителей и входят в господствующий слой Русского государства.

Прокопий Васильевич родился в семье генерал–провиантмейстера князя Василия Ивановича Мещерского и его супруги Натальи Андреевны — старшей дочери графа А.А. Матвеева. По матери приходился двоюродным братом знаменитому русскому полководцу XVIII столетия фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву–Задунайскому.

Лев Иванович Боровиковский
Чернильница. Франция. Начало XIX в.

Согласно историку Я.Н. Длуголенскому, в 1753 г. юный князь Прокопий был зачислен на армейскую службу, в действительности же служить начал лишь в 1758 г. в составе одного из пехотных (не гвардейских) полков.

Принимал участие в Семилетней войне, после окончания которой в 1764 г. вышел в отставку в чине капитана. Однако уже спустя пару лет, в 1766 году Прокопий Васильевич вновь возвращается на службу.

В 1768–1774 гг. он воюет с турками в составе Астраханского пехотного полка: участвует в походе на Крым (1769 г.), за сражение при Кагуле (1770 г.) получает чин премьер-майора, в 1771 г. в звании подполковника командует сводным егерским батальоном, в 1773 г. участвует во взятии турецкой крепости Туртукай под командованием генерал-майора А.В. Суворова.

В 1776 г. Прокопий Васильевич получает годовой отпуск, а затем покидает службу, подав прошение об отставке в 1778 г. Возможной причиной ухода князя из армии могло стать упоминаемое им в документах разных лет сквозное ранение в правый бок навывлет, из-за которого он лишился «шестнадцати костей из спины».

Мещерский возвращается в строй незадолго до начала очередной русско-турецкой войны (1787–1791). Но на этот раз служба его протекает не совсем гладко, и в 1790 г. он вновь уходит в отставку, которая могла быть вызвана конфликтом с вышестоящим руководством. Об этом свидетельствует направленное против президента Военной коллегии Н.И. Салтыкова стихотворение «Молитва от Истины к Богу, внегда скорбети ей» (до 1793 г., распространялось в списках). В нём князь жаловался, что «Во бранях воин отличенный, / Двумя крестами хоть почтен, / По чину места став лишенный, / Оставить службу принужден. / А юный родственник вельможе, / Быв в двадцать лет, имеет полк...».

Помимо сочинения стихов князь Мещерский был заядлым театралом и с огромным успехом выступал на сцене. Некоторые современники даже считали его лучшим актёром-любителем своего времени (см. «Театр и актеры»).

В 1792 г. Прокопий Васильевич возвращается на службу — сначала в расквартированных на территории Могилевского наместничества частях под руководством генерал-губернатора С.К. Вязмитинова, затем на русско-казахском пограничье полковником Оренбургского драгунского полка в 1793–1795 гг. В 1796 г. князь Мещерский живёт в Москве, числясь сверх комплекта полковником при Киевском карабинерном полку.

С восшествием на русский престол Павла I начинается придворный этап карьеры Прокопия Васильевича.

В конце 1796 г. князь вновь подает жалобу о несправедливости к нему начальства. В адресован-

Литературное чтение. 1866 г. Художник В.Е. Маковский

ном императору прощени он пишет, что более молодых и менее заслуженных офицеров назначают командирами полков, его же, ветерана, начавшего солдатский путь ещё в 1758 году, с подобным назначением обходят. Павел I не оставляет челобитную Мещерского без внимания и начинает продвигать её автора по служебной лестнице — жалуёт его чином генерал-майора и назначает командиром лейб-гвардии Кирасирского полка (30.12.1796 — 21.10.1797), затем — шефом Санкт-Петербургского драгунского полка (21.10.1797 — 27.07.1798), в августе 1798 г. определяет в личную свиту, а в сентябре этого же года производит в генерал-лейтенанты и назначает членом Военной Коллегии.

7 марта 1800 г. Прокопий Васильевич получает должность гражданского губернатора Санкт-Петербурга, но спустя три месяца, 1 июня 1800 года теряет её за определение без ведома Синода десяти семинаристов в статскую службу. Впрочем, уже через несколько месяцев он попадает под амнистию, а затем получает придворный чин гофмаршала и должность управляющего театральной дирекцией (30.11.1800 — 17.03.1801).

Павловское царствование отразилось в творчестве Мещерского целой чередой торжественных

од, в которых «верноподданный» князь с «благодарением» воспевал своего благодетеля — «На победы Суворова в Италии» (1799), «На победы во всевожденнейший день рождения его императорского величества» (1799), «На начало XIX-го столетия» (1800), «На случай всемилостивейшаго прощени отставных и исключенных, последовавшаго при всерадостном и вожденном вшествии его императорского величества в Санктпетербург из города Гатчина ноября 1го 1800 года» (1800), «На случай освящения церкви в Михайловском замке в присутствии его императорского величества» (1800).

Убийство Павла I заговорщиками 11 марта 1801 г. разрушило блестящую карьеру князя Мещерского. Вскоре после своего восшествия на трон новый император Александр I смещает его с должности руководителя театральной дирекции, и Прокопий Васильевич уезжает в Курск.

Видевший его в «курский» период жизни будущий известный русский артист М.С. Щепкин вспоминал, что князь был «человек, по своему веку, весьма образованный. Он знал много языков и был еще художником: занимался живописью, скульптурою, резьбою, токарным и даже слесарным искус-

В библиотеке. Художник П. Риччи

ством... Надобно сказать, что князю было уже лет за семьдесят, но такой красивой старости я другой уже не припомню: благороднее лица нельзя выдумать, и притом в речах и во всех движениях его виден был вельможа в полном смысле».

Если у Щепкина остались о Прокопии Васильевиче самые хорошие воспоминания, то у курских чиновников его личность вызывала совершенно другие чувства. Ко многим из них князь испытывал презрение, которое привычно облакал в стихотворные формы. Об этом свидетельствуют распространенные в рукописных списках «Стихи на прибытие в Курск малороссийского генерала-губернатора князя Алексея Борисовича Куракина для обозрения дел и некоторых следствий в апреле 1806 года». В них автор сначала описывает распространенное среди курских чиновников мздоимство и алчность, а заканчивает своё обличительное творение радостным — «Гряди! гряди! к нам, муж почтенный! / Благою волю совершай, / Лучом небесным озаренный, / Покой стране сей возвращай. / Да правда пред тобой предыдет, / Фемида здесь на трон свой взыдет / И зло во узы заключит. / С весельем честь тебя встречает, / Порок со страхом ожидает, / Народ — твой вход благословит!».

Последние шесть лет своей жизни князь Мещерский посвятил «духовным упражнениям». Он занимался ими в Курском Знаменском мужском монастыре, в котором поселился 27 января 1813 г. и, не успев принять постриг, умер во второй половине 1818 г.

Самым известным среди живших в Курске писателей и поэтов середины XVIII — первой полови-

О Д А
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВСЕМИЛОСТИВЪЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,
ПАВЛУ ПЕРВОМУ,
ИМПЕРАТОРУ И САМОДЕРЖЦУ
ВСЕРОССИЙСКОМУ,
Н а п о б ъ д ы
В О В С Е В О Ж Д Е Л Ь Н Ы Й Ш И Й Д Е Н Ъ
Р О Ж Д Е Н И Я
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛ И Ч Е С Т В А .

Съ благоговѣнїемъ посвящаетъ

Князь Мещерскій 2-й.

Герб князей Мещерских

Пуговица ливрейная с гербом князей Мещерских. XIX в. Россия

Титульный лист одной из од князя П.В. Мещерского

ны XIX веков был *Ипполит Фёдорович Богданович* (23.12.1743 — 6.01.1803).

Он родился в местечке Переволочна (совр. Полтавская область, Украина) в небогатой дворянской семье. Согласно автобиографии, в возрасте 10 лет был определён 21 марта 1754 г. юнкером Юстиц–коллегии в Москве, но «к приказной службе склонности не оказал». Его начальник, Н.М. Желябужский заметил в юном Ипполите особенную склонность к наукам и дозволил ему учиться в математическом училище при Сенатской конторе, где тот «считался между (первыми) отличнейшими учениками».

С детства Богданович «любил чтение книг, рисование, музыку и стихотворство, к которому особливо получил вкус чтением стихотворных сочинений Михаила Васильевича Ломоносова». Поэзия разбудила в нём любовь к театру и желание выходить на сцену. Н.М. Карамзин писал, что «пылкий молодой человек, увидев в первый раз драматические представления, сии живые картины страстей, так пленился ими, что готов был сделать безрассудность. Однажды является к директору Московского театра мальчик лет пятнадцати, скромный, даже застенчивый, и говорит ему, что он дворянин и желает быть — актером! Директор, разговаривая с ним, узнает его охоту к учению и стихотворству; доказывает ему неприличность актерского звания для благородного человека; записывает его в университет и берет жить к себе в дом. Сей мальчик был Ипполит Богданович, а директор театра (что не менее достойно замечания) — Михайло Матвеевич Херасков».

Президент Юстиц–коллегии Желябужский по просьбе дружившего с Херасковым князя М.И. Дашкова дозволяет своему подчинённому юнкеру Богдановичу отлучаться с рабочего места и обучаться в недавно созданном Московском университете.

После окончания учебного курса 29 октября 1761 г. Ипполит Фёдорович сенатским указом получает чин прапорщика с причислением к Навагинскому полку и принимается на службу в Московский университет «к надзору над классами».

Общение с Херасковым способствовало развитию литературного дарования Богдановича, в 1760–1762 гг. публиковавшего в журнале «Полезное увеселение» разнообразные поэтические произведения собственного сочинения и переводы с французского.

Во время подготовки к коронации Екатерины II друзья добились включения юноши в Комиссию о строении торжественных ворот, через которые должна была следовать императрица. С 19 июля по 22 октября 1762 г. Богданович пребывал в составе комиссии и сочинял надписи для украшения этих ворот.

В это же время Ипполит обращает на себя внимание часто бывавшей в доме М.М. Хераскова

княгини Е.Р. Дашковой, которая в 1763 г. помогает ему попасть в свиту генерал–аншефа графа П.И. Панина. Вскоре он переезжает в Санкт–Петербург и 30 апреля 1764 г. получает должность переводчика в Коллегии иностранных дел.

В 1765 г. И.Ф. Богданович издает свою первую поэму «Сугубое блаженство», посвященную великому князю Павлу Петровичу и содержавшую своеобразные наставления наследнику престола. Однако читатели приняли произведение холодно. По словам митрополита Евгения, поэма «не имела ощутительного впечатления в публике, потому что важный предмет оной требовал зрелости дарований».

В 1766 г. Ипполит Фёдорович был назначен на должность секретаря русского посольства к саксонскому двору и отправился с князем А.М. Белосельским в Дрезден. Согласно Н.М. Карамзину, «любезность сего посланника, блестящие собрания в его доме, хорошие знакомства, живописные окрестности города и драгоценности искусств, в нем соединенные, сделали тамошнюю жизнь весьма приятною для Богдановича; так что он всегда любил вспоминать об ней: она, без сомнения, имела счастливое влияние и на самый пиитический талант его. Но, гуляя по цветущим берегам Эльбы и мечтая о нимфах, которых они достойны; пленясь одушевленною кистью Корреджио, Рубенса, Беронеза и собирая в их картинах милые черты для своей «Душеньки», которая уже занимала его воображение, он в то же время описывал конституцию Германии и соглашал удовольствия человека светского, любителя искусств, поэта с должностию ученого–дипломата».

Возвратясь из Дрездена в марте 1769 г., Богданович полностью посвящает всё своё свободное время литературной деятельности.

Н.И. Новиков в 1772 г. характеризовал его творчество так: «Богданович Ипполит, государственной коллегии иностранных дел переводчик, человек молодой, но искусный во словесных науках, так же во Французском, Италианском и Российском языках. Сочинил поему Сугубое блаженство, довольно торжественных, духовных и анакреонтических од, епистол, стансов, басен, сказок, сонетов, еклог, элегий, идиллий, эпиграмм, писем и других сатирических сочинений, которые все напечатаны в ежемесячных сочинениях Полезном увеселении 1760, 1761, 1762 г. в Москве и других книгах. Перевёл с Италианского языка г. Мишеля Анжело Жианети песнь, Ея Императорскому Величеству, с совершенным искусством. Означенные его поэма, песнь и некоторые оды напечатаны в Санкт–Петербурге и похваляются много знающими людьми».

В 1775 г. Ипполит Фёдорович сочиняет поэму «Душенька», пересказывавшую античную историю любви смертной девушки Психеи (Душеньки) и сына богини любви Амура. Поэма имела нео-

Ипполит Фёдорович Богданович. 1790–е — начало 1800–х гг. Художник Л. Гуттенбрунн (по А.В. Петрушкевичу)

Герб дворян Богдановичей. «В щите, имеющем красное поле, изображены золотой крест и серебряная подкова шипами вниз. По сторонам подковы две серебряные стрелы летящие вверх, а внизу два рога того ж металла. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой виден коронованный лев с мечом. Намет на щите красный, подложенный серебром»

быкновенный успех и поставила её создателя в ряд с первыми русскими поэтами того времени. В 1803 г. Н.М. Карамзин писал, что «шесть или семь листов, с беспечно брошенных в свет, переменили обстоятельства и жизнь автора. Екатерина царствовала в России: она читала «Душеньку» с удовольствием и сказала о том сочинителю: что могло быть для него лестнее? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели государей, старались изъявлять ему знаки своего уважения и твердили наизусть места, замеченные монархинею. Тогдашние стихотворцы писали эпистолы, оды, мадригалы в честь и славу творца «Душеньки». Он был на розах, как говорят французы... Но многие блестящие знакомства отвлекли Богдановича от жертвенника муз в самое цветущее время таланта — и венки «Душеньки» остался единственным на голове его. Хотя он и неувядаем, однако и любители дарований не перестанут жалеть, что поэт наш им удовольствовался и не захотел новых. Он доказал, к несчастью, что авторское славобие может иметь пределы! Правда, что Богданович еще писал, но мало или с небрежением, как будто бы нехотя или в дремоте гения... От 1775 до 1789 году он сочинил «Историческое изображе-

ние России», часть I (опыт легкий, несовершенный, но довольно приятный), лирическую комедию «Радость Душеньки», драму «Славяне» и две маленькие театральные пиесы из русских пословиц. Сама Екатерина ободряла Богдановича писать для театра и в знак своего благоволения пожаловала ему табакерку за «Радость Душеньки», а за драму «Славяне» — перстень... Исполняя также волю сей монархини, он издал «Русские пословицы», в которых сохранились драгоценные остатки ума наших предков, их истинные понятия о добре и мудрых правила жизни. Мы должны еще упомянуть о мелких его стихотворениях, напечатанных в «Собеседнике»: некоторые из них отличаются замыслом и вкусом. Но некоторая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: «Мне минуло пятнадцать лет». Она сделалась народною, и доныне — несмотря на множество новых любимых песен — сохраняет свое достоинство. В ней есть истинная затейливость и нежная простота, которые равняют ее с лучшими французскими песнями».

Успех «Душеньки» способствовал автору и на службе. В 1780 г. он был определен в новоучрежденный тогда Государственный Санкт-Петербур-

*Душенька в аду у супругов Плутона и Прозерпины, берет волшебный горшок для Венеры.
Иллюстрация Ф.П. Толстого к поэме И.Ф. Богдановича «Душенька». 1820–1833 гг.*

Серия гравюр Ф.П. Толстого вызвала восхищение современников, один из которых отразил всеобщий восторг в следующей эпиграмме: «Наш Богданович милую поэму написал, / Но Пушкина стихи ее убили. / К ней граф Толстой рисунки начертал, / И Душеньку рисунки воскресили»

*Памятник Ф.П. Богдановичу у Городского сада г. Курска.
Дореволюционная фотография*

бургский архив и в 1788 г. дослужился до должности его председателя.

1 мая 1795 г., после 41 года службы, Ипполит Фёдорович уходит в отставку с полным жалованьем и 31 января 1796 г. уезжает из столицы в г. Сумы (современная Украина), к своему младшему брату Ивану.

В 1798 г. он переезжает из Сум в Курск. Один из его курских соседей вспоминал о поэте так: «Сделавшись владельцем своего наследственного имения, он тотчас подарил оное своей сестре, а сам жил одним пенсионом, из казны получаемым. Он был весьма добродушен и кроток в обращении с людьми, и никогда не слышали, чтобы он сказал своим слугам грубое слово. Он даже гневался на своих знакомых, если замечал, что они дурно обращаются со своими служителями... Будучи виртуозом на скрипке, он всегда возил её с собой и любил играть и петь у себя дома и в гостях».

Интересные подробности о курском периоде жизни Ипполита Фёдоровича содержат и «Записки» М.С. Щепкина, которому тот разрешил пользоваться своей библиотекой: «Это произошло случайно: однажды в воскресенье Богданович

приехал к графу Волькенштейну; вошедши в залу, он увидел меня с книгой в руках и тотчас обратился ко мне с вопросом: «Ты, душенька, любишь читать?» — и на ответ «да», он взял у меня книгу из рук и прочитал заглавие: «Мальчик у ручья». — «Да! это довольно мило, но тебе, душенька, в эти годы надо читать книги, которые бы научали тебя, развивали бы твой ум; или, может быть, они скучны?» — Я в ответ: «Читаю то, что даст книгопродавец». — «Ну, так приходи ко мне, я тебе буду давать книги; только будь аккуратен, не держи долго, не рви и не пачкай». Я в этот же день был у него, и он мне дал, как теперь помню, «Ядро российской истории» и велел расписаться. Когда по прочтении я принес книгу обратно, он, осмотревши ее, сказал: «Вот умница, бережешь книги». Потом расспросил, что я упомянул, и как при моей памяти я рассказал ему обо многом из нее, то он поцеловал меня в голову и сказал: «Хорошо, душенька, учись, учись! Это и в крепостном состоянии пригодится». С тех пор он постоянно наделял меня книгами, с такою же аккуратностью всегда спрашивая отчет о содержании прочитанного. «Если чего не поймешь, — говаривал он мне, — ты, душенька, не стыдись спросить у меня, я тебе, может быть, и помогу». Но все это длилось очень недолго: Богданович сделался нездоров и умер... Одно меня долго удивляло: при жизни еще Богдановича я несколько раз просил у него прочитать его «Душеньку», но он всегда отказывал, приговаривая: «После, после, душенька! Еще успеешь». С кончиною его чтение мое не прекратилось; я лишился только указателя, о смерти которого горевал долго».

В Курске Ипполитом Фёдоровичем было написано его последнее стихотворение — ода «На случай коронавания его императорского величества государя императора Александра Павловича...» (15 сентября 1801 г.). В ней он славил монарха и выражал уверенность, что отныне на троне «правда воцарится и ввеки мудрость водворится», а также предвещал под скипетром Александра расцвет

и блаженство всей России. Император оду оценил и в знак своей признательности подарил её создателью перстень.

О последних днях жизни поэта Н.М. Карамзин сообщает следующее: «В начале декабря 1802 году Богданович занемог, быв всегда некрепкого сложения; томился четыре недели и кончил жизнь 6 января, к горести родных, друзей и всех любителей русской словесности: ибо он еще не дожил до глубокой, маститой старости, которая бывает последним знаком небесного благоволения к земным странникам, облегчая их переход в вечность».

Эти сведения дополняет записанное Т.И. Вержбицким свидетельство А.Н. Машниной, в доме бабушки которой поэт снимал комнаты перед смертью. Дом находился на углу Троицкой (современная ул. Пионеров) и Пастуховской (современная ул. Белинского) улиц, на его месте впоследствии было выстроено духовное училище. «И.Ф. был в большой дружбе с тогдашним курским губернатором Александром Матвеевичем Веревкиным, у которого даже столовался. Во время тяжелой болезни И.Ф. Богдановича, по рассказу А.Н. Машниной, дали знать А.М. Веревкину, который немедленно прибыл в квартиру Богдановича. Приглашенный им, А.М. Веревкиным, настоятель Троицкой церкви напутствовал умирающего поэта и, затем, похоронил на Херсонском кладбище».

Сначала могилу Богдановича отмечал лишь небольшой надгробный камень. Только в 1831 г. на личные средства курского губернатора П.Н. Демидова над погребением был установлен памятник в виде белой мраморной пирамиды, стоящей на огражденном чугунной решеткой чёрном пьедестале. В 1834 г. П.Н. Демидов заменил его стоящей на высоком пьедестале белой мраморной Психеей, держащей в руках сосуд со «стигийским сном». Статуя не сохранилась, а постамент надгробия с надписью «Поэту Ипполиту Федоровичу Богдановичу» можно увидеть на Херсонском кладбище и сейчас.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Преподобный Серафим Саровский. Икона. 1880–е гг.

Одним из самых прославленных и почитаемых русских святых является преподобный Серафим Саровский. Он родился в Курске, в семье купца Исидора (Сидора) Ивановича и Агафьи Фотиевны Машниных и при крещении получил имя Прохор. В составленной архимандритом Серафимом (Чичаговым) «Летописи Серафимо–Дивеевского монастыря» указывается, что отец преподобного Серафима «имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройками каменных зданий, церквей и домов». Согласно Ю.В. Озерову, усадьба Машниных располагалась в самом начале Можаяевской улицы г. Курска.

Иеромонах Сергей в первом жизнеописании преподобного («Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саратовской пустыни иеромонаха и затворника». М., 1841) указывает, что он родился 19 июля 1759 г. Однако эта дата была оспорена курским историком А.А. Танковым, который в 1903 г. опубликовал выдержки из исповедальной книги Ильинской церкви г. Курска, прихожанами которой являлись родители Прохора. Относящийся к 1768 г. документ указывал, что вдове Агафье Машниной было в это время 50 лет и у нее имелось трое детей — Алексей, 17 лет, Прохор, 14 лет, и Прасковья, 19 лет. Таким образом, год рождения будущего святого определяется как 1754. Эта же дата была подтверждена современным нижегородским историком В.А. Степашкиным

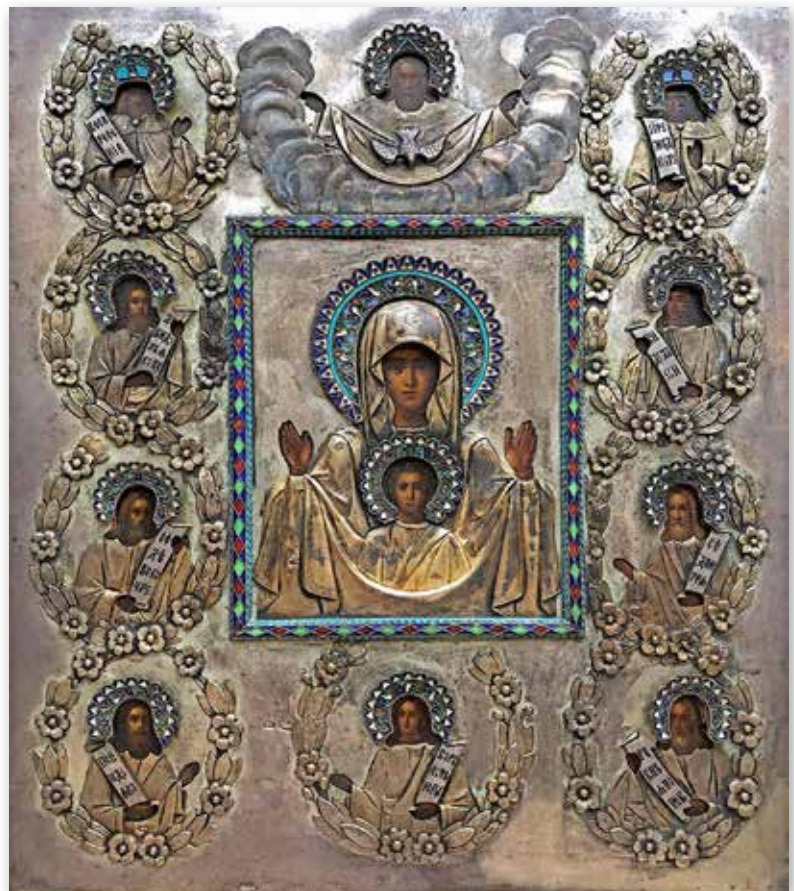
Процессия с иконой. 1801 г. Художник Г. Гейслер. Из русского быта 1790–х гг.

Икона Богородицы Знамение Курская Коренная в серебряном окладе, украшенном полихромными эмалью. XIX в.

на основании исследований архивных материалов Саровской пустыни и принята Русской Православной Церковью, торжественно отметившей в 2004 г. 250-летие со дня рождения святого.

Спустя шесть лет после рождения Прохора, 10 мая 1760 г., его отец скончался, оставив незаконченным строительство заложенного в 1752 г. Сергиево-Казанского собора. После смерти мужа обязанности по подряду приняла на себя его вдова, под надзором которой строительство храма и было завершено в 1778 г.

Поскольку строящийся собор находился вблизи от её дома, Агафья Фотиевна лично следила за ходом работ и часто посещала строительную площадку. Нередко вместе с ней к недостроенному храму приходил и её младший сын Прохор. В 1761 г. одно из таких посещений чуть не закончилось трагедией. 7-летний мальчик упал со стены недостроенного здания и лишь чудом остался жив.

Саровская пустынь в 1860–е годы. Художник Ж. Лемерсье

Под благовест. Художник М.В. Нестеров

«Летопись Серафимо–Дивеевского монастыря» сообщает, что в детстве будущий святой отличался крепким телосложением, остротой ума, быстрой памятью, кротостью и смирением. Его начали обучать чтению и письму, однако занятия были прерваны тяжёлой и продолжительной болезнью.

Положение казалось безнадежным, но в самый критический момент болезни Прохору во сне явилась Божия Матерь с обещанием лично прийти к нему и исцелить.

Действительно, вскоре в Курске был устроен крестный ход в котором несли чудотворную икону Знамения Божией Матери. Вдруг пошел сильный дождь, и процессия свернула на соседнюю улицу, пройдя для сокращения пути через двор Машинной. Пользуясь этим случаем, Агафья Фотиевна вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под её осенение. Вскоре Прохор совершенно выздоровел и продолжил обучение — изучил Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Его старший брат Алексей занимался торговлей и имел в Курске собственную лавку. Малолетнего Прохора также начали приучать к торговле, заставляя работать в лавке у брата. Впоследствии

он рассказывал в Сарове Н.А. Мотовилову: «Я родом из курских купцов, и, когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше барыша дает». Предметом торговли были вещи, необходимые в крестьянском быту: ремни, деготь, бечёвки, дуги, шлеи, лапти, железо и т. п.

Однако сердце Прохора не лежало к торговле.

Юноша всё сильнее начал склоняться к уходу из мирской жизни и принятию монашеского пострига в одной из русских православных обителей.

Поддержанный матерью, он отправился в Киев, где в Свято-Троицком Китаевском монастыре получил благословение от старца Досифея: «Гряди, чадо Божие и пребуди в Саровской обители. Место сие тебе будет во спасение. С помощью Божией там окончишь ты свое земное странствование. В Сарове Святой Дух, сокровище всех благих, управит дух твой во святыне».

7 декабря 1781 г. Прохор Машнин получает от курского городского магистрата отпускной аттестат, позволяющий ему стать послушником: «По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая, и прочая. Из Курска городского магистрата дан сей аттестат курскому купцу Прохору Сидорову, сыну Машнину, по прошению ево за имеющимися в нем показавшихся по свидетельству лекаря Петра Горбатовского лмотною в ногах и головною болезнями, от которых он в мирской жизни быть и мирских общенародных тягостей нести не способен по определению онаго магистрата, а по приговору курскаго купечества и мещанства уволен по желанию вечно к пострижению в монашеский чин Владимирской Епархии в Саровской пустыни или где возможно будет. А капитальныя и протчия государственныя подати по смерти ево обязались платить курское купечество и мещанство. Оный же Машнин состояния добраго, в штрафах и подозрениях и ни в каких наперед сего пороках не бывал, также казенных и партикулярных долгов и ничего и ничем не состоит, почему к восприятию монашескаго чина препятствий не имеется. А если по власти Божией во оной обители окончит жизнь свою, то для показания об оном впредь при ревизии сей магистрат той обители уведомить письменно, во верность чего из курскаго городского магистрата сей аттестат с приложением печати и за подписанием присутствующих ему, Машнину, дан декабря 7-го дня 1781 году. На подлинном подписали: ратман Иван Полевой, ратман Федор Попков, ратман Михайла Полевой, ратман Тимофей Мосветин, канцелярист Григорий Борзенков. Печать приложена из красног сургуча».

Придя в Свято-Успенский мужской монастырь (Саровскую пустынь), Прохор был ласково принят его настоятелем старцем Пахомием, который до принятия пострига был курским купцом Борисом

Назаровичем Леоновым и хорошо знал родителей будущего святого. Духовником Прохора отец Пахомий назначил казначея обители, иеромонаха Иосифа, под началом которого тот и проходил послушания — был келейником, трудился в столярне, пёк хлеб и просфоры, исполнял обязанности пономаря.

По примеру иноков, удаляющихся из обители в лес для моления, Прохор испросил для себя такое разрешение у старца Иосифа и с тех пор часто уединялся в лесной глуши и творил молитвы Всевышнему. С молитвами он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не ел никакой пищи, а в другие дни недели принимал её только один раз.

Среди назначаемых Прохору испытаний было одно, позволившее ему ещё раз побывать на родине. В качестве сборщика средств на воздвигаемую в монастыре больницу с церковью Прохор посетил Курск, собирал здесь пожертвования, среди которых значительным был и взнос его брата Алексея.

После достижения утверждённого «Духовным регламентом» возраста 31-летний послушник Прохор получил разрешение на постриг. 10 декабря 1785 г. настоятель Саровского монастыря строитель Пахомий получает указ Владимирской духовной консистории, в котором сообщалось, что «курского купца Прохора Машнина, уволенного курским городовым магистратом... постричь дозволяется». Интересно отметить, что разрешение на постриг Прохору выдавала Владимирская консистория, а не Тамбовская, в пределах которой располагалась Саровская пустынь. Это объясняется тем, что по документам он числился среди послушников Вязниковского Гороховского Николаевского монастыря и только в январе 1788 г. был официально зачислен в штат Саровской обители.

13 августа 1786 г. Прохор принял иночество с именем Серафим («Пламенный»). 27 октября этого же года епископом Владимирским и Муромским Виктором (Онисимовым) он был возведен в сан иеродиакона, а в сентябре 1793 г. епископ Тамбовский и Пензенский Феофил (Раев) возвел его в сан иеромонаха.

С 1789 г. Серафим начинает опекать Казанскую общину (в будущем — Серафимов Дивеевский во имя Святой Троицы женский монастырь), устроенную недалеко от Дивеево схимонахиней Александрой (Мельгуновой). Он до самой смерти помогал сестрам духовными советами, а также необходимыми им вещами: медом, холстом, елеем, свечами, ладаном и красным вином для службы.

Архимандрит Серафим (Чичагов) так описывает внешний вид преподобного в первые годы монашества — «будучи высокого роста, около 2 аршин и 8 вершков [около 1,78 м], несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятной белизной лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и

проницательные, густые брови, светлорусые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густой окладистой бородой, с которой на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он обладал большой физической силой, имел мужественное сложение, увлекательный дар слова и счастливую [отличную] память».

Имея склонность к уединению, в 1794 г. преподобный удалился из монастыря и поселился в расположенной на расстоянии пяти верст от обители келье—«пустынке». Это было однокомнатное жилище с печкой, сенями и крылечком на вершине холма в дремучем сосновом лесу на берегу реки Саровки. Вокруг пустынки отец Серафим устроил себе небольшой огород, который удобрял собранным на болотах мхом, выращивая картофель, свеклу, лук и «снить» — растение из семейства зонтичных, используемое в качестве приправы. Одно время он имел даже пчельник, дававший ему мёд.

Телесный труд порождал в отце Серафиме благодушное состояние, и он работал с пением молитв, тропарей и канонов. Имея прекрасную память, он знал наизусть множество церковных песен, которыми и услаждал свой дух.

Одежда отшельника была самой убогой: на голове — поношенная камилавка, на плечах — балахон из белого полотна, на ногах — кожаные бахилы и надетые на них лапти, зимой на руках — кожаные рукавицы. Поверх балахона на груди пустычник носил подаренный матерью при прощании восьмиконечный медный крест. Ещё один крест, сделанный им лично из кипариса и обложенный серебром из рубля, который дала ему матушка отпуская на богомолье в Киев, Серафим постоянно носил под одеждой. Завершала образ отшельника заплечная сумка с Евангелием, которое старец постоянно читал для укрепления веры.

Старец много читал, постоянным правилом его в пустыни было ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по несколько зачал из Евангелия и Апостола. Это он называл *снабдением души* и считал делом весьма важным в духовном совершенствовании христианина, в его восхождении к небу и соединении с Богом.

В монастырь Серафим приходил лишь по субботам и под праздники на Всенощную и Литургию, совершая церковные таинства как иеромонах.

С сентября 1796 г. преподобный совсем перестал выходить из пустыни, проводя время в тяжелых духовных подвигах. Согласно «Сказанию», желая подражать Святому Симеону Столпнику, отец Серафим тысячу дней и тысячу ночей простоял на камне. Камней, на которых он стоял, было два. Один находился в келье, на нём подвижник стоял с утра до вечера, сходя с него только для принятия пищи. Второй лежал на половинном расстоянии от пустыни до обители, в чаще соснового леса. На него Серафим переходил после заката

солнца и стоял на нем до рассвета с воздетыми к небу руками, молясь Богу со словами мытаря: «Боже, милостив буди ко мне, грешному!».

Жизнь в отшельничестве проходила трудно и была подвержена многим опасностям.

Однажды, в 1804 г., на Серафима напали в лесу разбойники. Узнав, что к старцу часто приходят посетители, в том числе и вполне обеспеченные, эти люди решили присвоить переданные ему пожертвования. Схватив отшельника, они проломали ему обухом топора голову и, сильно избив, бросили его связанным в сенях пустынки. Обыскав затем келью и не найдя ничего ценного, разбойники покинули место преступления, бросив на произвол судьбы истекающего кровью Серафима. С большим трудом преподобный смог освободиться и добраться до обители, где монахи оказали ему помощь. Дело получило широкую огласку, и вскоре напавшие на старца люди были найдены, оказавшись крепостными крестьянами помещика Татищева из села Кременки Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Преподобный, оставляя суд над ними на усмотрение Господа, простил им и упрашивал настоятеля обители не преследовать их, а затем такую же просьбу написал их владельцу.

Однако перенесённые старцем жестокие побои не прошли бесследно. Ещё до нападения разбойников отец Серафим сильно сутулился вследствие повреждения спины неудачно упавшим во время рубки леса стволом дерева. После же нападения разбойников от побоев, ран и последующей болезни согбенность ещё больше увеличилась, и он начал ходить, опираясь на топорик, мотыгу или палку.

В декабре 1807 г. умирает друживший с Серафимом старец Исая, и потрясённый его смертью преподобный принимает *обет молчания*. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трех лет и некоторое время даже перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням.

К посетителям Серафим более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Не разговаривал он и с послушником, раз в неделю, в воскресенье, приносящим ему в пустынь пищу.

Но это были только видимые, наружные признаки молчаливничества. Сущность же подвига преподобного состояла не в наружном удалении от общения с окружающими, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу.

Через три года, повинуясь приказу настоятеля Нифонта и приговору собрания старших монахов, Серафим в мае 1810 г. возвращается в Саровскую пустынь. Однако сразу же по приходу он накладывает

вает на себя высшую степень подвижничества — затвор и на долгие годы уединяется в своей келье.

Маленькая келья эта освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими отцу Серафиму вместо постели, обрубок дерева употреблялся вместо стула. Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собой, отец Серафим сделал себе из дубовой колоды гроб и поставил его в сенях кельи. Здесь он часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни.

По словам саровских старцев, в это время для умерщвления плоти преподобный носил на плечах своих под рубашкой на веревках большой двадцатисантиметровый железный крест, но собственно вериг и власяницы отец Серафим не носил и другим не советовал надевать их: «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди».

Одежда преподобного была та же самая, что и в пустыни. Пил он только воду, а в пищу употреблял толокно и белую рубленую капусту. Воду и пищу доставлял ему живущий поблизости монах Павел, который, подойдя к келье и сотворив молитву, ставил пищу у дверей. Затворник, чтобы никто не видел его, накрывал себя большим полотном и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил её в келью. Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо свое под полотном.

В 1815 г., после явления во сне Приснодевы Марии, приказавшей ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого, наделённый даром исцеления и ясновидения отец Серафим стал снова принимать иноков и мирян.

Его келья была доступна для братии монастыря в любое время, для посторонних — после ранней обедни до 8 часов вечера. Отец Серафим принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. В ком видел преподобный искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал он с особенным усердием и радостью.

Приходящих старец принимал одетый в обыкновенный белый балахон и полумантию. По воскресным и праздничным дням, когда преподобный причащался Св. Тайн, он также надевал епитрахиль и поручи. Принимая к себе посетителей, сам отец Серафим, однако же, никуда не выходил из кельи и, снявши с уст своих печать молчания, не оставил затвора. Так жил он в течение пятнадцати лет.

В ноябре 1825 г. преподобный вышел из затвора. С этого времени, кроме праздников и воскресений, он постоянно ходил в лес, заготавливал дрова для обогрева кельи или работал на огороде, но вечером непременно возвращался обратно в обитель. На расстоянии двух вёрст от монастыря Серафиму верующие выстроили небольшой сруб, в котором тот часто отдыхал и молился. Рядом с пустыню протекал родник, на берегу которого старец устроил небольшой огород. Место это известно с тех пор под именем *ближней пустыни отца Серафима*, а родник стали называть *колодцем отца Серафима*.

После выхода из затвора отец Серафим стал одеваться в подрясник из черного толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый балахон, а зимой носил шубу и рукавицы. Осенью и ранней весной носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жары надевал полумантию, сделанную из цельной кожи и с вырезами для одевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимой — в бахилах, а идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимой и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Св. Тайн, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келье богомольцев.

Молва о Серафиме, Саровском чудотворце, была настолько громкой, что к нему за советом и благословением приходило огромное множество людей. Для всех без исключения посетителей у преподобного было одно приветствие: «Христос воскрес», и называл он всех пришедших одинаково — «Радость моя». Исцеляя душевные раны и телесные хвори, отец Серафим всегда был приветлив и весел, для каждого находил доброе слово и напутствие. Самым большим грехом преподобный считал уныние и советовал всем занимать свои руки богоугодными делами, а помыслы — страстными молитвами. Беседы его были столь действительны и утешительны, что всякий слышавший их находил в них пользу и душевное успокоение.

Несмотря на ослаблявшие его тяжёлые телесные недуги, отец Серафим 47 лет нёс монашеское служение. 1 января 1833 г. он в последний раз пришел в больничный Зосимо-Савватиевский храм, где после богослужения и причащения простился с братией. На следующее утро вошедший к нему в келью монах обнаружил тело старца стоящим на коленях перед иконой Божьей Матери «Радости всех радостей» с руками, молитвенно сложенными на богослужебной книге. Преподобный скончался в возрасте 79 лет и был погребен у алтаря с юго-восточной стороны собора Успения Пресвятой Богородицы.

*Духовное окормление. Художник В.И. Навозов
Преподобный Серафим Саровский. Икона. Начало XX в.*

После смерти старца Серафима к месту его погребения продолжали стекаться паломники, верившие в то, что он и после упокоения может оказать им помощь в утешении душевных и телесных страданий. Одними из самых высокопоставленных почитателей саровского старца стали последний русский император Николай II и его жена Александра Фёдоровна, верившие в то, что именно благодаря его заступничеству у них родился долгожданный наследник — сын Алексей.

29 января 1903 г. Святейший Синод причислил Серафима Саровского к лику святых Русской Православной Церкви. 19 июля 1903 г., в день рождения преподобного, в присутствии императорской четы, высшего духовенства, знати и множества простых людей состоялись пышные «Саровские торжества» по случаю открытия святых и многоцелебных мощей Серафима Саровского.

После прихода коммунистов к власти в 1917 г. начались гонения на Русскую Православную Церковь.

Антирелигиозные кампании того времени не обошли стороной и Саровскую обитель с покоящи-

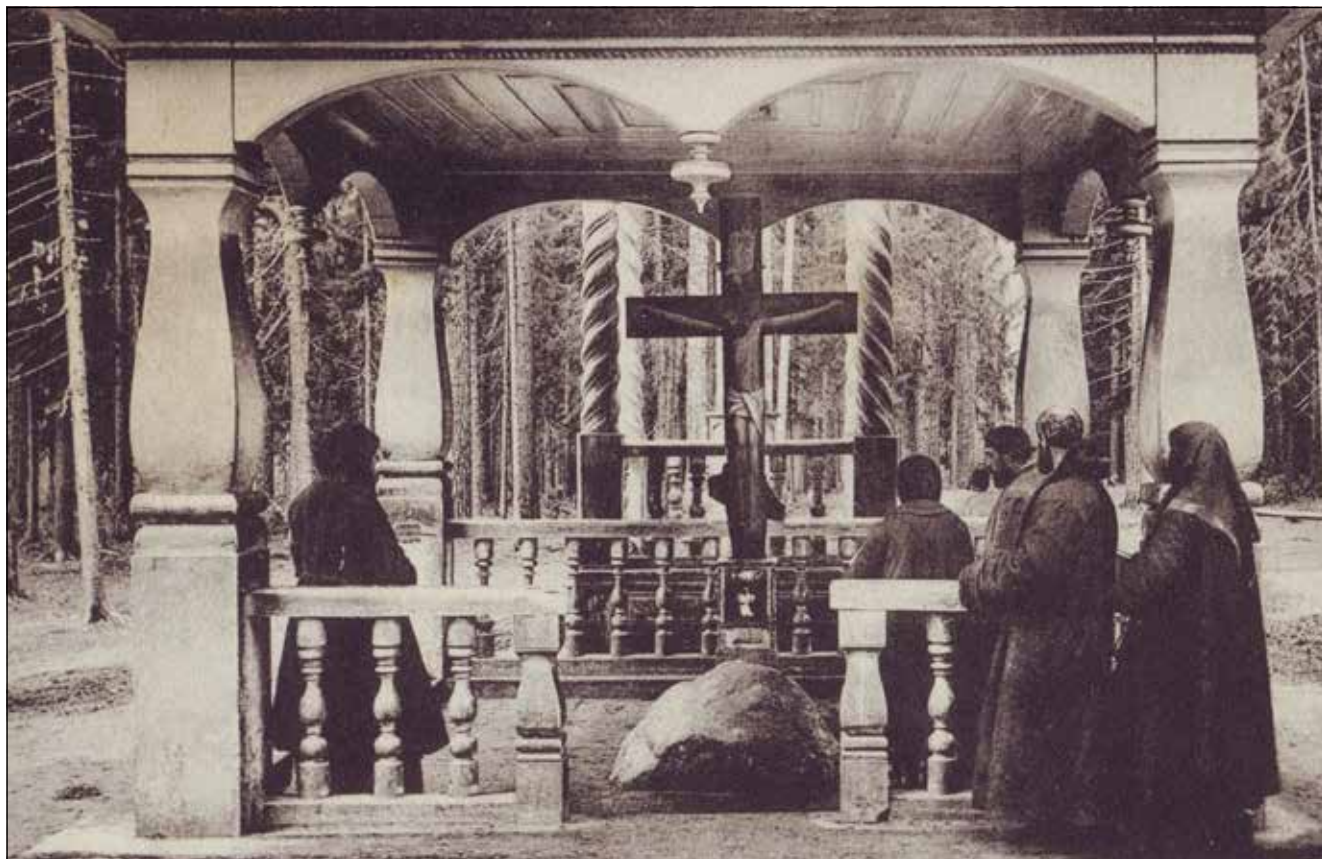
мися в ней чудотворными останками преподобного.

24 марта 1927 г. комиссией по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП (б) было принято решение Саровскую пустынь закрыть, а «мощи Серафима Саровского и др. «реликвии» перевезти в Москву для помещения в музей».

5 апреля 1927 г. возглавляемая членом Пензенского губисполкома И.В. Тарашкевичем комиссия изъяла мощи и находящиеся при них предметы.

Находившийся в раке гроб и «деревянная колода, выдолбленная с крышкой, именованная гробом Серафима Саровского» были сожжены на месте, серебряные и металлические части раки переданы в Краснослободский уфинотдел, а мощи с одежаниями отправлены в Москву.

Согласно В.А. Степашкину, сначала мощи преподобного Серафима несколько месяцев находились в отделении ОГПУ г. Краснослободска, затем их доставили

Кончина иеромонаха Серафима. Хромофотография 1895 г.

Богомольцы перед камнем, на котором молился преподобный Серафим Саровский. Фотография начала XX в.

Медальон с изображением иконы Божией Матери «Умиление» и преподобного Серафима Саровского. Латунь. 1903–1917 гг. Россия

в Москву и два года они пребывали на подворье Серафимо–Дивеевского монастыря. В 1929 г. подворье закрыли, а мощи передали в Центральный антирелигиозный музей, где их выставили на всеобщее обозрение и использовали для антирелигиозной пропаганды. В 1948 г. мощи были переданы ленинградскому Государственному Музею истории религии и атеизма.

В начале февраля 1991 г. останки преподобного были возвращены Русской Православной Церкви. Сначала их перевезли из Ленинграда в Москву, в Богоявленский кафедральный собор в Елохове,

а 31 июля 1991 г. торжественно доставили в Серафимов Дивеевский во имя Святой Троицы женский монастырь (Нижегородская область) для постоянного пребывания.

В 2004 г., во время посвящённых 250–летию со дня рождения преподобного Серафима Саровского празднеств, его чудотворные мощи были торжественно доставлены в Курск и с 20 по 23 июля пребывали в Знаменском соборе, где им успели поклониться около 150 000 верующих курян и паломников из сопредельных областей России и Украины.

КУРСКИЕ ДВОРЯНЕ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Дошедшие до нас дневники, воспоминания и документы позволяют достаточно полно представить жизнь курских дворян в первой половине XIX в. от раннего детства до последних дней жизни.

Первоначальные знания и навыки общественного поведения маленькие русские дворяне получали в семейном кругу, состоявшем из родных и доверенных слуг.

Сразу после рождения к малышу приставлялась няня, следившая за состоянием его комнаты—детской, чистотой вещей своего подопечного, его здоровьем и безопасностью. Она же руководила обслуживавшей ребёнка прислугой и вскармливающей младенца вместо матери *кормилицей*.

Вот как вспоминал щигровский помещик Е.Л. Марков (1835–1903) свою няню Афанасьевну, которую все барские дети ласково называли «бабусей»: «Бабуся никогда не разлучалась с нами: сидеть с нами, хотя бы даже дремать там, где мы сидим, это было для неё условием существования. Она спала всегда на полу около наших постелей на своём жиденьком рядне; ей было тогда за 85 лет. Мы так привыкли видеть около себя эту родную фигуру, что уснуть без бабуся было и трудно, и страшно... Ночью то и дело раздавались полусонные испуганные возгласы к бабуся: «Бабуся, ты здесь?» — «Бабуся, я боюсь, возьми меня к себе!» — «Бабуся, кто это там в углу? Прогони его!» — «Бабуся, меня клопы укусили, зажги свечку!» — «Дай мне пить, бабуся, я пить хочу!» — «Бабуся, накрой меня, у меня одеяло свалилось!». Не успевал смолкнуть голос, бабуся уже была возле кровати с водой, с огнём, с одеялом, с ласкою или упрёком... Раздевалась бабуся поздно, когда мы все уже притихнем. Бесшумно, как тень, постелет она на полу свою постель, и худая, седая, в белой рубашке по пятки, медленно опустится на колени перед Покровом Божией Матери... Бабуся молилась долго, часто часа по полтора, особенно под праздники... Однако утром, чуть свет, она уже на ногах вместе с мухами. Она никому

Светский щёголь. Фарфор. Россия.
Около 1820 г.

не позволяла убирать нашу детскую и ходить за нашим платьем. Проснёшься, случится, утром, тревожимый летним солнцем, прожигаящим щели ставень... а уже по полу, слышишь, шуршит осторожно и ровно бабусин веник, и милая старушка наша, опрятно одетая в своё неизменное китайчатое платье с жёлтым горошком, опрятно повязанная и причёсанная, согнувшись в дугу и мягко ступая, тщательно выметает пыль из каждого уголка нашей детской».

Мальчик-дворянин оставался на руках у няни примерно до пятилетнего возраста, после чего к нему приставляли воспитателя-дядьку. Как и няня, дядька заботился о всей бытовой стороне жизни питомца: поднимал его утром и укладывал вечером, водил на половину родителей, следил за чистотой и опрятностью, состоянием здоровья, развлекал, сопровождал в поездках и на прогулках.

Многие дворяне-родители уделяли очень большое внимание физической подготовке своих сыновей. Так, князь И.И. Барятинский писал в записке «Мысли о воспитании моего сына» (1815 г.) следующее: «как только он [Александр] будет в состоянии бегать и прыгать, следует постараться укрепить его телодвижением и холодным купанием, к которому надо приучить постепенно... Надо будет достать ему две или три маленьких верховых лошадки, на которых он будет по очереди ездить без седла: ничто не придает больше ловкости, как этот способ езды кочевых народов... Я хочу, чтобы он... умел бы плавать, бороться, носить тяжести, ездить верхом, стрелять».

В знатных семьях маленьких детей помимо няни опекала воспитательница-иностранка, называвшаяся *бонной* или *гувернанткой*. Она постоянно была с детьми: готовила с ними домашние задания, следила за их здоровьем, гуляла, играла, читала им вслух, сопровождала воспитанников в гости, наблюдала за их манерами, общением и разговорами. Нанятая в дом «для языка», гувернантка обязана была говорить с детьми только на нём, даже если хорошо знала по-русски. Ещё воспитательница вела журнал поведения детей и утром, приводя воспитанников приветствовать родителей, докладывала об их успехах, показывала отметки за вчерашние уроки, и родители одобряли или порицали детей.

Няни и гувернантки во многом заменяли дворянским детям родителей, с которыми те общались достаточно редко. Вспоминая своё детство, граф В.А. Соллогуб (1813–1882) писал: «Жизнь наша текла отдельно от жизни родителей. Нас водили здороваться и прощаться, благодарить за обед, причем мы целовали руки родителей, держались почтительно и никогда не смели говорить «ты» ни отцу, ни матери. В то время любви к детям не пересаливали. Они держались в духе подобострастия, чуть ли не крепостного права, и чувство-

вали, что они созданы для родителей, а не родители для них».

Между семью и девятью годами к подросткам вместо гувернантки обычно приставлялся иностранный мужчина-*гувернёр*. Чаще всего гувернёрами были французы и швейцарцы, реже — немцы и англичане.

Предъявляемые к гувернёрам требования были также достаточно высоки. Вот какими качествами, по мнению князя И.И. Барятинского, должен был обладать «почтенный наставник», приглашённый для руководства всем воспитанием его юного сына Александра. «Я желаю, — писал князь, — чтобы этот наставник был твердого, но кроткого характера, честный и с основательным образованием, доброй нравственности, в возрасте от 35 до 40 лет». По свидетельству А.Л. Зиссермана, таким «наставником» стал выписанный из Швейцарии «человек высокой нравственности и имевший многостороннее образование, некто m-r Дюпан, который и был при нём в качестве гувернера».

Оплачивался труд гувернёров-иностранцев высоко. Например, отец А.С. Пушкина платил гувернёру своего сына 150 руб. в год с прибавлением по пуду (16 кг) сахара и пуду кофе, десяти фунтов чая, а также предоставлял ему стол, квартиру, слугу и карету.

Годам к десяти начальное образование у всех детей считалось завершённым, и в дом, в дополнение к гувернёрам, начинали приглашать учителей. Вот как описывает Л.Е. Оболенский одного из таких педагогов, жившего во 2-й половине 1840-х — начале 1850-х гг. в семье его дяди — курского помещика. «В том уезде, где мы жили, Константин Александрович был, как педагог, настоящей знаменитостью, так что в домах, куда его удавалось залучить, терпели даже его слабость: раз в год он запивал «запоем». Знаменит он был не одним тем, что успешно приготовил в гимназию и кадетский корпус десятка два отпрысков местного «благородного дворянства», но отличался ещё и другими качествами, незаменимыми в домашнем обиходе средней помещичьей семьи. Трудно сказать, чего он не сумел бы сделать по хозяйству и домоводству: он знал средства против многих болезней человеческих и скотских, знал столярное и слесарное дело, так что мог починить замок, сломавшийся стул или диван, мог исправить часы, устроить крысоловку, маслобойку, сделать план хозяйственной постройки и т.п. Всё это он делал не по обязанности, а, как говорится, от всей души, из преданности той семье, в которой жил в данное время. Ведь у него не было ни родных, ни близких: вся его семья была в той семье, в которой приходилось поселиться».

Впрочем, дворянские дети могли проходить обучение не только дома, но и в частном пансионе или государственном училище. Так, согласно

Семейный портрет. 1844 г. Художник Е.С. Сорокин. Справа изображена няня с хозяйскими детьми

Кормилица с ребёнком. 2-я четверть XIX в. Неизвестный художник. С конца XVIII в. в состоятельных русских дворянских семьях кормилицы обычно носили традиционный русский костюм, сшитый из дорогих тканей

И.Г. Оноприенко, в Курске в 1831 г. было учреждено Дворянское училище «для 50 человек неимущих дворянских детей», родители которых имели не более 30 крестьянских душ или были обременены большими семействами.

Поскольку девочек готовили на роль матери и хозяйки дома, то их образование обычно ограничивалось навыком бытового разговора на одном–двух иностранных языках (чаще всего — на французском или немецком), умением танцевать и держать себя в обществе, первичным навыкам рисования, пения, игры на каком–либо музыкальном инструменте и самыми начатками истории, географии и словесности. С началом выездов в свет (16–17 лет) обучение девушки прекращалось, т.к. она считалась уже взрослой.

Обучение мальчиков–дворян было более разнообразным. Составленная князем И.И. Барятинским программа обучения сына включала следующие предметы: «Когда мой сын достигнет семилетнего возраста, я бы желал, чтобы он начал учиться Славянскому, Латинскому, Греческому, и в особенности родному языку. С этого возраста до двенадцати лет он приобретёт некоторые по-

Гувернантка. 1844 г. Художник Р. Редгрейв

знания по этим языкам, а в 14 и 15 лет он будет в состоянии с пользой читать классических авторов. Изучение рисования и арифметики должно идти рядом с изучением мертвых языков, т.е. с семи лет... Первый отдел истории, которой его будут учить, должен быть отечественный. Так же следует поступить и с изучением географии». Помимо этих предметов юный княжич должен был овладеть достаточно нетипичными для дворян того времени механикой, агрономией, межеванием и тригонометрией, а также разнообразными практическими умениями и навыками.

Сделанный князем упор на первоочередность изучения предметов, которые должны были воспитать в его наследнике любовь к своему Отечеству, в целом был не характерен для дворянского детского образования в России первых десятилетий XIX в.

Граф А.Р. Воронцов с возмущением писал об этом в своих воспоминаниях: «Можно сказать, что Россия — единственная страна, где пренебрегают изучением своего родного языка и всего, что касается страны, в которой люди родились на свет...

Те жители Петербурга и Москвы, которые считают себя людьми просвещёнными, заботятся о том, чтоб их дети знали французский язык, окружают их иностранцами, дают им дорогостоящих учителей танцев и музыки, но не учат их родному языку, так что это прекрасное и дорогостоящее воспитание ведёт к совершенному незнанию родины, к равнодушию и даже к презрению к стране, с которой неразрывно связано наше существование, и к привязанности ко всему, что касается нравов чужих стран, и в особенности, Франции. Впрочем, следует признаться, что дворянство, которое живёт во внутренних губерниях, не заражено этим непростительным заблуждением».

Впрочем, лишь немногие из богатых русских дворян того времени могли и хотели бросить вызов системе детского образования, сложившейся в России в первые десятилетия XIX в.

Кроме князя И.И. Барятинского к их числу относилась и графиня Луиза Карловна Виельгорская (1791–1853). Её дочь, родившаяся в 1820 г. на мызе Луизино в с. Фатеевке (современный Дмитриевский район), Софья Михайловна Солло-

губ, вспоминала: «Моя мать, женщина страстная и необыкновенно энергичная, сама кормила своих детей, что в то время вовсе не было принято в состоятельных семействах. Она не выносила кормилиц, считая безнравственным, несправедливым и жестоким отбирать у ребенка родную мать для того, чтобы та ухаживала за чужим младенцем... Она жила и дышала только нами... Наша спальня была самой просторной и красивой во всем доме. Посреди этого громадного помещения располагались наши пять кроваток, окружавшие её постель. Она спала в одной комнате с нами с тех пор, как родилась Анолита. Наши кожаные матрасы были жестки как дерево; вся мебель имела закругленные углы, чтобы избежать несчастных случаев. Дабы не упустить ни одного солнечного луча, она подвергла решительному изгнанию оконные занавеси — они были заменены деревянными рамками, затянутыми тканью, которые на ночь ставились на подоконники. Чтобы нам легче было учиться французскому и немецкому, она придумала особую игру в лото и своими руками вырезала чудесной работы карты и фишки, которых было так много, что они не помещались в одном ящике комода. Нам обычно подавалась простая, но тщательно приготовленная пища. Ванны, гимнастика, пешие прогулки в строго определенные часы — она не оставляла без внимания ничего, что могло укрепить наше здоровье, развить нашу ловкость и гибкость, и всё это в то время, когда о пользе гимнастики мало кто слыхивал, когда молодые русские дворянки выезжали из дому не иначе как в экипаже, когда не было даже обыкновения запастись подходящей одеждой для сурового времени года. Мысль о том, чтобы в воспитании детей ей помогала гувернантка, совершенно противоречила убеждениям мама: она считала гувернанток стеной, разделяющей родителей и детей... когда мы жили в курском имении, только для уроков латыни был приглашен какой-то молодой человек. Позже (нам было 11–13 лет) она решилась поселить в доме англичанку по фамилии Брукс, которая должна была сопровождать нас на прогулки в тех случаях, когда мама не могла этого сделать, и читать с нами по-английски... Мама занималась с Иосифом и Аполиной географией, историей, английским и французским языком. Брату так же давал уроки гувернер».

Луиза Карловна Виельгорская (урождённая Бирон). 1841 г. Художник И. Хольдер. Владелица имения в с. Фатеевка (современный Дмитриевский район)

Аполлинария Михайловна Веневитинова (урождённая Виельгорская), старшая дочь Виельгорских. 1830–е гг. Художник К.К. Гампельн

К 14–15 годам юноша–дворянин считался достаточно подготовленным для взрослой жизни, и перед ним открывалось три пути: он мог стать военным, выбрать статскую карьеру или отказаться от службы и вести жизнь сельского помещика или городского жителя. Впрочем, последний путь выбирали немногие, так как главным предназначением русского дворянина в это время по–прежнему считалась служба государю и Отечеству. Согласно Ю.М. Лотману, без службы нельзя было получить чина, и дворянин, не имеющий чина, казался чем–то вроде белой вороны. При оформлении любых казенных бумаг (купчих, закладов, актов покупки или продажи, при выписке заграничного паспорта и т. д.) надо было указывать не только фамилию, но и чин. Человек, не имеющий чина, должен был подписываться: «недоросль такой–то». Известный приятель А.С. Пушкина князь Голицын — редчайший пример дворянина, который никогда не служил, — до старости указывал в официальных бумагах: «недоросль».

Как правило, юные русские дворяне выбирали военную службу. Впрочем, для подавляющей массы дворян Курского края этого времени стало обычным делом оставлять её уже после получения низших или средних офицерских чинов, превращаясь после отставки в помещиков, правивших своими имениями самостоятельно или с помощью нанятых управляющих.

А.И. Дмитрюков, описавший в одной из своих работ нравы дворян Суджанского уезда первой трети XIX в., видел причину этих ранних отставок в привольности помещичьей жизни: «Не сия ли свободная и по произволению провождаемая жизнь причиною, что весьма многие дворяне здешние оставляют государственную службу в молодых летах, получив один или два обер–офицерских чина? Или сие зависит от привычки повелевать, а не повиноваться, получаемой дворянами при воспитании в родительских домах... А как в службе требуется подчинённость, то есть не того, который поступил на службу выполняют прихотливые желания, а он должен выполнять приказание начальников, то рождается в молодом дворянине какое–то к службе отвращение, и поступивши в оную ищет случая от неё избавиться, что и находит самым удобным по получению первого чина. От сего, между множеством дворянства в Суджанском уезде, не много есть отставных штаб–офицеров, а генералов ни одного нет!».

В качестве примера успешной карьеры курского дворянина 1–й половины XIX в. можно привести описание жизни и службы *Пармена Семёновича Деменкова* (1791–1881) — одного из представителей старинного курского дворянского рода, члены которого владели поместьями в пределах Путивльского и Рыльского уездов.

Он родился 5 февраля 1791 г. и по достижению подходящего возраста был отправлен родителями в Благородный пансион при Московском университете — закрытое учебное заведение для мальчиков из знатных дворянских семей.

В 1804 г. 13–летний Пармен переезжает в Санкт–Петербург и поступает в созданный годом ранее Пансион иезуитов, располагавшийся при церкви Св. Екатерины Александрийской (современная Набережная канала Грибоедова, 8 — ул. Итальянская, 1). Вероятно, этот факт свидетельствует о достаточной состоятельности его родителей, поскольку год обучения в пансионе стоил 1000 рублей.

Иезуитский пансион имел репутацию привилегированного учебного заведения, куда знатные и богатые русские дворяне охотно отдавали на обучение своих сыновей. П.С. Деменков вспоминал, что вместе с ним в одном классе учились князь Ухтомский, князь Прозоровский, три брата Обресковых, граф Толстой, Похвиснев, князь П.А. Вяземский, Юшков, Энгельгард, Челищев, Поджио, граф Войнович, князь Голицын, Брусилов и Бибикив. «Всех же учеников в пансионе было с небольшим 40 человек. Преподаватели, за исключением православного священника от Казанского собора, были все монахи–иезуиты разных наций».

Учебный курс в пансионе был рассчитан на шесть лет, также предусматривалась возможность пополнить образование изучением философии и теологии в седьмом классе. Преподавание велось в основном на французском языке. В программу обучения входили такие предметы, как логика, риторика, греческая и римская история, алгебра, русский, французский, немецкий, латинский языки, уроки фехтования, танцев, верховой езды и игры на скрипке. Учебный год начинался с 1 сентября и заканчивался в конце июля. В течение этого последнего месяца воспитанникам предлагалось испытание (экзамен), на котором они давали отчет в своих знаниях.

Окончив пансион в начале 1808 г., 17–летний Пармен Деменков поступает на военную службу подпрапорщиком в лейб–гвардии Преображенский полк.

В этом же году, в составе 4–го батальона полка он участвует в русско–шведской войне 1808–1809 гг.: «Послан был в Финляндию... Совершил зимнюю кампанию почти до Улеборга. Потом простоявши два месяца в Вазе, пошёл батальон наш к Або для перехода в марте месяце моря по льду, на Аландские острова, и по случаю перемирия тем же путем возвратился в Або, где и простоял всю весну и лето». По возвращению в Петербург Деменков 17 сентября 1810 г. был произведён в офицеры с присвоением звания прапорщика.

После вторжения Наполеона в Россию П.С. Деменков участвует в Отечественной вой-

Урок танцев. 1835 г. Художник Д. Крукшанк

Дама с маской. Фарфор. Россия. 1852 г.

не 1812 года. Под командованием полковника Б.В. Полуектова он сражается у селения Михайловка, при Вязьме, Колоцком монастыре, Бородино, Можайске и Красном. После изгнания захватчиков из России, в ходе кампании 1813 г. в рядах Лейб-Гвардейской дивизии (Преображенский, Семёновский, Измайловский и Лейб-Егерский полки) участвует в сражениях под Люценом и Бауценом. 17 августа 1813 г. поручик Деменков был тяжело ранен в битве при Кульме и лечился в военном госпитале в Праге. После выздоровления присоединился к полку, принимал участие в штурме Парижа.

Вышел в отставку «за ранами» с производством в полковники 23 января 1821 г.

В 1825 г. Пармен Семёнович проживал в Санкт-Петербурге и был очевидцем восстания декабристов, о чём оставил опубликованные в «Русском архиве» интересные воспоминания «14 декабря 1825 года».

С 26 августа 1826 г. коллежский советник Деменков исполнял обязанности вице-губернатора Курской губернии при губернаторах С.И. Лесовском (1827–1830) и Я.Ф. Ганскау (1830–1831). 19 ноября 1831 г. был награждён чином статского советника и назначен вице-губернатором Москвы (1831–

Пармен Семёнович Деменков
(с сайта «Наполеон и Революция»)

Герб дворян Деменковых. «Щит разделён горизонтально на две части, из коих в верхней в красном поле, находится серебряный лебедь. В нижней части в голубом поле означен золотой лук и на нём крестообразно положены бердыш и стрела, остриями в правую сторону. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною со страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложенный серебром»

1837). В 1836 г. удостоен чина действительного статского советника.

По указанию министра финансов графа Е.Ф. Канкрин Пармен Семёнович осуществлял наблюдение за возведением спроектированного архитектором А.У. Адамины Бородинского монумента — увенчанной золотым куполом и крестом чугунной восьмигранной колонны общей высотой в 27,5 метра.

Памятник был торжественно заложен на Курганной высоте 9 мая 1837 г. Согласно воспоминаниям П.С. Деменкова, под сооружаемый фундамент им был помещён присланный от министра финансов небольшой, обитый медью, очень тяжёлый ящик. По слухам, в этот ящик были положены монеты и медали времен Отечественной войны 1812 г. Ящик был поставлен П.С. Деменковым на закладную медную доску с вырезанным текстом, который гласил: «Во славу Святыя, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, по повелѣнію Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всеа Россіи, въ лѣто отъ сотворенія міра 7345, отъ Рождества Христова въ 1837 году, мѣсяца Маія, при его сіятельствѣ генераль—отъ—кавалеріи, военномъ генераль—губернаторѣ князь Дмитріѣ Владимировичѣ Голицынѣ и по порученію его сіятельства министра финансовъ графа Егора Францовича Канкринна, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Московскаго вице—губернатора Деменкова, заложень сей монументъ въ память Бородинской битвы 26—го Августа 1812 г., по проекту, составленному архитекторомъ Адамины, выполняемому архитекторомъ Шестаковымъ».

Торжественное открытие и освящение Бородинского монумента состоялось 26 августа 1839 г. в присутствии императора Николая I, приглашенных участников Бородинской битвы, духовенства и 120—тысячного войска.

Выполнение служебных обязанностей Пармен Семёнович сочетал с предпринимательством. В 1836 г. он покупает у княгини Е.Ф. Долгорукой подмосковное имение Знаменское—Губайлово и устраивает здесь писчебумажную фабрику. В 1843 г. она состояла из шести каменных и семи деревянных корпусов, в которых размещалось 39 «разного поименования машин и аппаратов», два паровых двигателя и один водный, приводившийся в движение от плотины на р. Банька. На фабрике в год производилось на 100 000 рублей «александрійской почтовой и писчей бумаги» и работало 202 рабочих, среди которых были как наёмные, так и крепостные — местные и переселённые из других владений Деменкова или купленные им у разных владельцев. Однако вскоре предприятие стало приносить убытки, Деменков влез в долги и в 1845 г. продал фабрику и усадьбу с 260 десяти-

Помещик на отдыхе. 1853 г. Художник К.А. Трутовский

нами земли купцу Харитову, а оставшиеся 40 десятин земли со 119 «душами мужеска пола» и их семьями — помещику фон дер Роппу.

10 августа 1837 г. П.С. Деменков покидает пост вице-губернатора Москвы.

После отставки он состоял по ведомству Министерства финансов, дослужился до одного из высших в «Табели о рангах» чина тайного советника (III класс), соответствовавшего званию генерал-лейтенанта.

Участвовал в деятельности Московского Общества сельского хозяйства.

Оставил несколько интересных очерков-воспоминаний, опубликованных на страницах ежемесячного литературно-исторического журнала «Русский архив».

Был награждён орденом Св. Владимира 2-й степени, Св. Станислава 1-й степени, крестом «За Кульм» и серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года».

Скончался в возрасте 90 лет и был похоронен у Покровского храма с. Боброво Рыльского уезда Курской губернии. До сих пор сохранилось надгробие в виде узкой каменной плиты серого цвета с выбитой на ней надписью: «Тайный советник Пармень Семенович Деменковъ родился 5 февраля 1791 года скончался 3 марта 1881 года».

«Военно-статистическое обозрение» Курской губернии в 1850 г. определяло общее количество курских дворян в 15 595 человек обоего пола. Из них помещиков, имеющих менее 21 души, насчитывалось 4 680 человек, от 21 до 100 душ — 1 162 человека, от 100 до 500 душ — 598 человек, свыше 500 душ — 100 человек; более 2000 душ — 17, от 10 000 до 20 000 душ — 1 человек и более 20 000 душ — 1 человек.

Низший слой курского дворянства этого времени составляли малоимущие дворяне, которые по своему благосостоянию, размерам владений и образу жизни почти ничем не отличались от живущих

Летом после обеда. Художник К.А. Трутовский

Игра в карты. 1861 г. Художник К.А. Трутовский

по соседству с ними крестьян. Своё общение с такими дворянами–крестьянами описал управлявший Марьино в 1840–х гг. В.А. Инсарский: «Становой... дал сотскому приказ, чтобы на другой день собрано было известное число дворян [для подписания документа]... На следующее утро, когда я вышел к своим бурмистрам и крестьянам, я заметил между ними несколько лиц, мне вовсе неизвестных. На мой вопрос: кто они и что им надо? они отвечали, что они — дворяне и пришли по требованию становой. Когда становой вышел вслед за мной, они, стоя без шапок, выслушали его приказание и затем удостоверили своими безобразными подписями правительство, что у их соседа, князя Барятинского, действительно всё есть то, что в описании изложено. Этим добрым соседям поднесли по чарке водки и отпустили их, а подписанная ими бумага... сделалась актом, обеспечивающим миллионную ссуду».

Среди бедных курских дворян находились и те, кто вообще не имел земельных владений или наделов. Одним из них был штабс–капитан Н. Астапов, после смерти которого в 1848 г. на продажу за долги было выставлено имение, заключавшееся в «простой деревянной избе с принадлежащими к ней сенями и чуланом, построенными на земле государственных крестьян Обоянского уезда в с. Кочетовке».

Следующий уровень занимали средние дворяне, во владении которых находилось от 20 до 100 душ. За ними шли богатые дворяне, имевшие свыше 100 крепостных душ.

Примером среднего дворянского хозяйства служит поместье поручицы А.В. Кривцовой, располагавшееся в деревне Колосовой Белгородского уезда и приносившее годовой доход в 428 рублей 50 копеек серебром. В 1848 г. имение включало в себя 28 мужского и 36 женского пола крепостных души, 150 десятин (163,5 га) земли разного качества, господское и крестьянские строения, хлеб, домашний скот и птицу.

А.И. Дмитриуков отмечал, что «внутреннюю или домашнюю жизнь дворяне здешние [Суджанского уезда] проводят в занятии хозяйственными делами и в разделении времени со своими соседями, то есть в угощении, а наиболее в карточной игре разного рода, в езде на псовую и птичную охоты, рыбную ловлю — и только!».

«Нравы здешнего дворянства ещё не уклонились от простоты предков. И в нынешнее время встречается здесь гостеприимство... и теперь благотворительность заставляет отверзать более или менее щедрую руку... Сироты так же многими призываются и вдовы наделяются всем нужным к содержанию их семейств. Одним словом: все мирные добродетели предков и до сего времени переходят из рода в род. Жаль только, что сии свойства у некоторых потемняются так же об-

щими здешними недостатками... Наклонность к открытой и весёлой жизни, вообще замечаемая у здешнего дворянства, не ведёт к хорошему. Пеннистое иностранное вино в бокалах, за лакомыми блюдами подаваемое, рождает болезни, заводит ссоры и оканчивается непримиримыми неувольствиями».

«В помещении домашнем, — пишет далее А.И. Дмитриуков, — любят здесь простор, даже до излишества; дома меблируют многие дворяне своими домашними изделиями, исключая зеркал. Порядком и чистотою в домах многие отличаются, заменяя тем пышность в убранстве комнат. Посуду серебряную каждый, более или менее, имеет, и многие весьма в большом количестве: это здешнее щегольство».

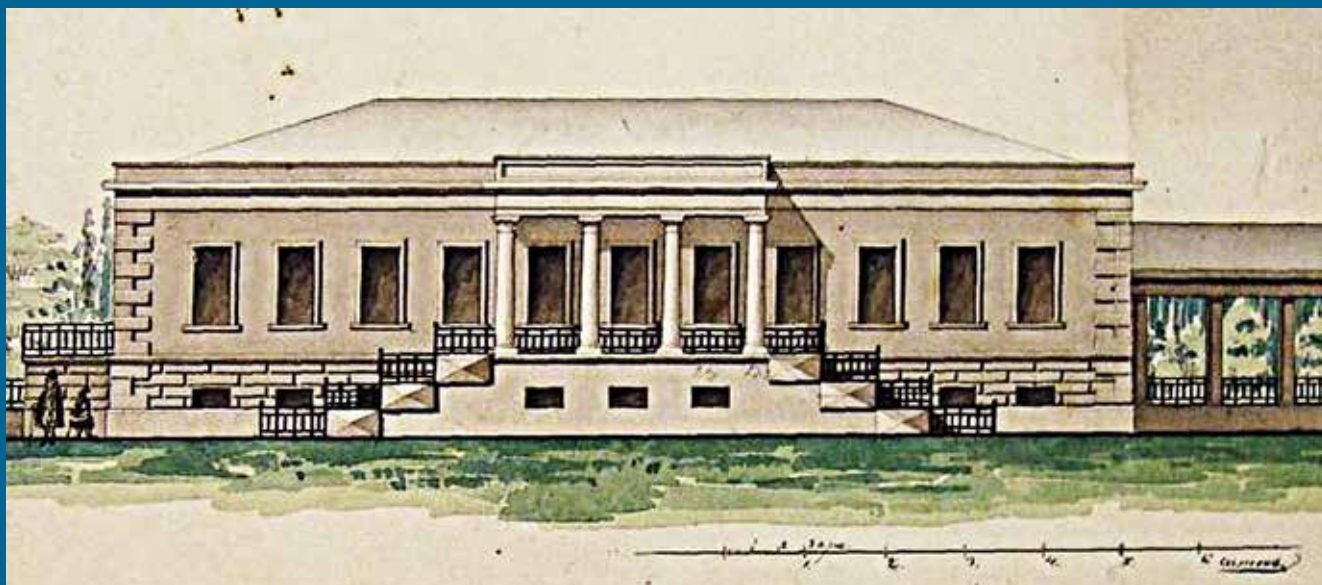
«Одежда и уборы дворянства и чиновников, равно и жён их, вообще говоря, суть иностранные, и мало приличные нашему климату, а особливо у женского пола. Мужчины в одежде и уборах не столь роскошны, как женский пол; женщин однако часто останавливают скудные нынешние доходы и неимение в Судже модных лавок... По означенным причинам, дворянки одежду шьют здесь большею частью в своих домах; равно и экипажи делают у многих дворян свои каретники. Моды, за отдалённостью от обеих столиц и других больших городов, переменяются не очень часто».

«Некоторые из помещиков имеют библиотеки, но вовсе не значительные: от ста до пятисот книг редко у кого есть, до двух же тысяч только один имеет. Других же предметов, принадлежащих к науке, каковы суть: кабинеты редкостей, физические, милиц–кабинеты [собрания монет] и т.п., ни у кого нет, кроме как у некоторых найдёте несколько камней, окаменелостей, электрическую машину, более для забавы».

«Публичные забавы были в Судже два раза в зимнее время, в прошлых 1826 и 1827 годах, и состояли в танцах, игре в карты, а для общественного проведения времени летом нет в городе публичного места. Концерты весьма редко дают здесь приезжающие иногородние артисты. По временам увеселяют дворянство, чиновников и чернь заезжие фигляры, паяцы, эквилибристы и доход их бывает иногда весьма значительный. Цыгане–плясуны часто навещают Суджу, и в свою очередь вывозят порядочное награждение, получая его одинаково более от квартирующих в уезде военных».

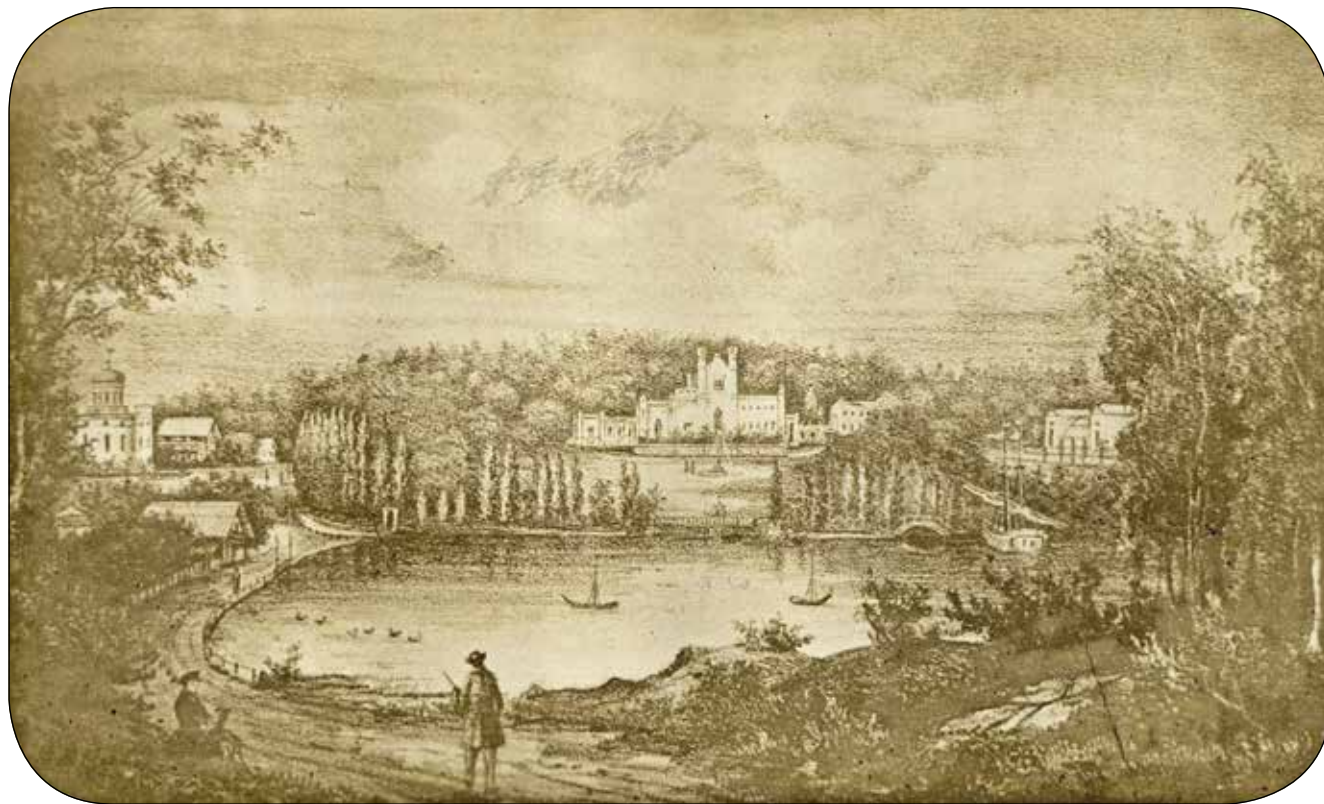
Светскую жизнь малоимущих помещиков этого времени также разнообразило посещение салонов или вошедших в моду приёмов–*журфиксов*.

Вот как бытописатель Н.А. Решетов описывал приёмы, устраиваемые в г. Новый Оскол небогатой помещицей вдовой Е.А. Останевич: «Уездная молодёжь с удовольствием стремилась попасть на её *журьниксы*, где между прочим запрещалось играть в карты, но дозволялись только *бла-*

Проект дома в поместье графа А.Н. Толстого Нижние Деревеньки Курской губернии. Начало XIX в.

За чайным столом. 1851 г. Художник А.Я. Волосков

Дача Моква под Курском. Копия гравюры 1850–х гг. (по «Памятной книжке Курской губернии на 1860 год»)

городные игры и приятные танцы, причём в начале встречались некоторые затруднения: во первых, уездные кавалеры не были обучены танцевальному искусству, а во вторых, негде было достать музыки. Но мало-помалу затруднения эти устранились, благодаря заботливости и любезности хозяйки: ею же самой кавалеры были обучены разным танцам под молчанку или под припев голосов танцующих. Но вскоре и последнее препятствие уничтожилось с появлением в городе вновь назначенного землемера, только что выпущенного из училища. Он был маленького роста, но шустрый и обладающий музыкальными способностями, хотя не игравший на каком известном инструменте, так как это был простой гребешок с продетыми между его зубьями бумажками: приставляя гребешок к губам, артист выводил *гармонию звуков*; вальсы, кадрили, мазурки наигрывались *очаровательно* и общество танцевало под звуки эти «*даже с тактом*», как говорила восхищённая Екатерина Антонова».

Крупное и высшее дворянство включало в себя представителей аристократических родов и состоятельных помещиков.

Они владели огромными земельными наделами, сотнями обеспечивающих их процветание крепостных людей и жили в прекрасных поместьях, окружённые роскошью и достатком.

Одним из красивейших курских имений этого времени была расположенная в пяти километрах от Курска Моква, которой в 1830–1860–е годы владел камергер *Аркадий Аркадьевич Нелидов*.

Вот как описывал это имение один из авторов «Памятной книжки Курской губернии на 1860 год».

«Местность эта окружена лесом, а издали бросающийся в глаза дом владельца, на возвышенном месте, напоминает собой итальянские виллы. В наружном и внутреннем устройстве его заметен изящный вкус, выражающийся не в строгой и однообразной, а в более свободной архитектуре.

При въезде в Мокву, направо виден обширный пруд с множеством яликов; налево красуется двухэтажная каменная церковь... Направо от церкви, через дорогу, рисуется прелестный сад и роща, обращённая в роскошный парк, с широкими аллеями, живописно извирающимися дорожками и красивыми павильонами. К этому парку восточной стороною примыкает упомянутый нами дом, с подъездного крыльца коего лестница ведёт в просторную и искусно отделанную галерею. Из этой галереи налево вы входите в красивую комнату, где на одной из стен помещена большая семейная картина работы академика Ершова. Далее одна дверь ведёт в столовую с двойным светом, а другая в прекрасно меблированную гостиную, в стенах которой вставлены фамильные портреты.

Бал у княгини М.Ф. Барятинской. 1830–е гг.
Художник Г.Г. Гагарин

Веер складной. Китай. 1830–1840–е гг.

Охота помещика. Около 1850 г. Художник К.К. Гампельн

Пистолет охотничий. Россия. Около 1800 г.

Пороховница. Англия. 1840–е гг.

За гостиною следует великолепная бальная зала, по временам оживляемая блестящим обществом. Но чаще всего хозяин дома и его гости проводят время в описанной уже нами галерее, где из боковой, имеющей с нею сообщение, музыкальной комнаты слышатся звуки оркестра, выполняющего лучшие современные произведения с безукоризненною отчетливостью и артистическим знанием дела.

Из галереи вы выходите на обширную полукруглую террасу, с которой открывается очаровательный вид. Терраса эта примыкает к западной стороне дома и потому гулянье по ней, в тёплые дни, имеет особенную прелесть при заходе солнца...

В верхнем этаже дома помещается библиотека и благотворительное заведение, где 6 девиц беднейшего дворянства иждивением владельца воспитываются с родительской о них попечительностью.

Вообще Моква есть самая любимая жителями Курска местность, а радушное гостеприимство хозяина, при условиях утончённого вкуса, привлекает сюда в известные дни значительное число посетителей».

Порой размах устраиваемых богатыми курскими дворянами празднеств поражал воображение человека, впервые сталкивающегося с их хлебосольством и радушием. В.А. Инсарский вспоминал: «Когда я приехал к Вильчинскому [жил в имении графа А.Н. Толстого Деревеньки под г. Льговом], я совершенно неожиданно нашел у него большое собрание окрестных помещиков. Там был Н.А. Волжин, льговский предводитель дворянства, старый кавалергард и порядочный кутила... Там был Н.А. Стремоухов, впоследствии бывший курским губернским предводителем дворянства, Н.С. Денисьев, тогда ещё молодой человек с седыми волосами, М.С. Деменков, брат того Деменкова, который некогда дивил мир роскошью и великолепием своей Подмосковной и многие другие. Всё это были люди богатые, радушные и хлебосольные, так что ещё не кончился обед... как я буквально был осыпан приглашениями: к одному — на именины, к другому — на храмовый праздник, к третьему — на рождение и т.п. От этих... любезных приглашений отказаться я не мог или, лучше сказать, не умел и под опекой Вильчинского, разъезжая из имения в имение, убедился в том «несказанном благополучии», в каком пребывали наши достаточные помещики... Меня не могло не поражать это, можно сказать, царское изобилие, которое я видел во всём. Вас обыкновенно приглашали не на несколько часов, но на несколько дней, в течение которых вас кормят, забавляют, укладывают спать, пробуждают и опять кормят и забавляют. Довольство во всём беспримерное, прислуги бездна, экипажей и лошадей сколько угодно. У одних есть оркестры музыки, у других — хоры певчих, у третьих псовые охоты... Но из всех праздников, которые задавали тамошние бояре, наибольшее впечатление оставили во мне праздники М.С. Деменкова, и особенно ежегодный храмовый праздник 1 октября. Праздник этот, независимо от барской роскоши, которою сопровождалась все его части, замечателен был ещё тем, что с этого дня Деменков открывал свою великолепную охоту, для чего съезжались к нему не только окрестные охотники, но и охотники соседних губерний с своими людьми, лошадьми и собаками. Первый день... отдавался обеду и следовавшему за ним балу. На другой день совершалась охота... После охоты всё общество возвращалось к хлебосольному хозяину, снова обедало, танцевало, засыпало и просыпалось, чтобы снова есть, пить и веселиться... При таких обычаях продолжительного пиროвания гости съезжались с значительными запасами домашнего скарба. Мужчины имели при себе камердинеров

со всеми потребностями, к которым они привыкли дома. Дамы привозили с собой своих горничных с большим запасом гардероба, рассчитанным на известное число дней, которое каждый хотел тут провести. Людям женатым отводились особые комнаты, приготовленные самым комфортабельным образом; холостые соединялись по два и по три в одной комнате, снабженной так же всем нужным. Три дня был самый кратчайший срок, в течение которого каждый должен был оставаться... Любители жили по неделе, по две, в ожидании другого праздника у другого помещика, куда и переезжали прямо».

Любовью к разгульной жизни славился в начале XIX в. губернский секретарь *Фёдор Ширков*.

Курский историк А.А. Танков так описывал этого человека: «Льговский помещик Ширков жил открыто и богато. Как обыкновенно водилось в то время у больших бар, пиры у него сменялись балами, за балами следовали рауты, охоты, пикники и т.д. Гостей, разумеется, бывало всегда множество. Чуть не полгубернии съезжалось к Ширкову в имение. Мало того, пишет к нему губернский предводитель дворянства: «Фёдор Иванович, мы без вас тут в Курске скучаем»... И Ширков, со всем своим двором и штатом, едет в Курск. С ним, разумеется, оркестр, хор, крепостные актёры, которым приходилось играть даже в городском театре. По прибытии в Курск, у Ширкова начинается ряд празднеств... В день именин Ширкова, в его усадьбу непременно съезжались представители губернской администрации, множество богатейших помещиков и масса всякого рода гостей. Для большего блеска выписывали несколько протоиреев; из Рыльска являлся архимандрит и торжественно отправлял службу, на которой именованный присутствовал, сидя перед алтарём в мягких вольтеровских креслах».

Но ещё большую известность принесли Ф. Ширкову его самоуправство и самодурство. «Ширков любил охоту, — пишет А.А. Танков, — но особенную страсть питал к волкам... Что бы ни застрелили, или ни затравили, на охоте, лисиц, зайцев и т.п., Ширков был мрачен... Поражала пуля волка, он успокаивался и жаловал убившему серого из собственных рук синюю ассигнацию [5 руб.]... Чем на охоте больше было убито волков, тем Ширков делался веселее... Раз назначена была облава на волков. Едет Ширков и с ним скачут охотники. Глядь, а сельский поп перерезал им дорогу на своей клячёнке... Взбесился «болярин», догнал попа, да и стал его угощать арапником, сколько влезло. Затем поехали на охоту. Волков было убито шесть штук. Возвратившись домой, в радостях Ширков велел представить к себе избитого священника. Тот явился. Последовала мировая, разумеется, выгодная для потерпевшего. Когда Ширков проезжал летом в рабочую пору,

*Девушки, перелезающие через забор с помощью молодого офицера. Около 1850 г.
Художник К.К. Гампельн*

*Обручальное кольцо с надписью «Н.К. 1813 год.
Авг. 10 дн.», д. Корневка (Медвенский район)*

то любил видеть, что бы везде кипела работа на полях, хотя бы и не его поместья. Если он где-нибудь находил заленившегося, по его мнению, работника, сейчас же приказывал драть его немилосердно кнутьями. Льговский и смежные уезды хорошо знали это. И когда катил Ширков по дороге, то вокруг работа горела в руках мужчин и женщин. И только тогда ослабевала деятельность крестьянского люда, когда ширковский экипаж скрывался за горизонтом. Ширков был женат и у него были дети. Разумеется, семейство его было безсловесно и покорно. О гареме из крепостных и говорить нечего. Он был во всякое время дня и ночи к услугам помещика... Однажды Ширков проезжал возле леса. Был праздник. В лесу было много женщин и девушек из имения соседнего помещика. Среди них находились и две дочери помещика. Ширков велел ватаге своей челяди броситься на крестьянок и барышень и всех обнажить. Приказание было исполнено. И гулявшие по лесу должны были нагишом пройти до ближайшего житья верст пять. Рассердившийся сосед Ширкова подал на него жалобу в уездный суд; но дело как поступило, так и легло под сукно... Судейские чины всегда выручали Ширкова» (о Ф. Ширкове также см. «Губернские скандалы»).

Впрочем, среди богатых курских дворян были не только гуляки и буяны, но также предприимчивые дельцы и рачительные хозяева.

Вот как описывает Н. Решетов одного из новооскольских помещиков 1-й половины XIX в. *Фёдора Марковича Полторацкого*: «Полторацкий... купил у князя Вяземского в долг имение в Курской губернии, в Ново-Оскольском уезде, слободу Чернянку. В приобретенном своем имении Фёдор Маркович начал устраиваться своеобразно, совсем не так, как жили другие помещики. Благодаря своим знаниям и деятельности из плохого разоренного земледельческого имения, в котором однакоже было более 1000 душ крестьян, он создал фабричное и заводское производство по многим отраслям, в том краю ещё нигде не существовавшим. Его труды и энергия увенчались полным успехом: он уплатил долги и, в сравнительно короткое время, сделался богатым барином. Чего только не было у Полторацкого в слободе Чернянке! Ещё в 1841 году я застал у него находившиеся в действии фабрики, бумажную и суконную, заводы, сахарный и винокурный, и другие мелкие производства... Крестьяне Полторацкого мало занимались хлебопашеством, а были мастеровые и фабричные, работая на фабриках три дня в

Иван Прокофьевич Букреев

Герб дворян Букреевых. «В черном щите выходящие из левого бока из серебряного облака две в золотых латах руки, спускающие золотую стрелу из такого же лука. В серебряной главе щита три лазуревых серпа. Щит увенчан дворянским шлемом и короной. Нашлемник: в золотых латах рука, держащая черный меч. Намет: справа — черный с золотом, слева — лазуревый с серебром»

неделю на барщине, остальные три дня по найму и жили зажиточнее других соседних крестьян. В слободе Чернянке были устроены... лавки со всеми произведениями его фабрик и заводов, а так же и других потребностей, не только для крестьянских надобностей, но и для многих потребителей и торговцев, которые являлись для закупок из других мест... с этим вместе в городах Харькове, Курске и Воронеже у него имелись магазины с его же произведениями, управляемые прикащиками из его крепостных людей. У Полторацкого были даже свои деньги, сделанные из картона карточки: на каждой была обозначена её стоимость при размене на деньги за подписью и печатью Полторацкого. Эти марки, или как их называли, ассигнации Полторацкого, ходили беспрепятственно на большом расстоянии в округности и принимались торговцами в соседних городах и селениях в уплату за товары и водку; когда же за них требовались деньги, то они без задержки уплачивались в конторе Полторацкого в слободе Чернянка или обменивались на произведения из его фабрик и заводов. Таких денег выпускалось иногда до 100 тысяч рублей, что было большим подспорьем для денежных оборотов. В г. Курске Фёдор Маркович выстроил оригинальный дом, совершенно годный для житья даже зимою, из картона, приготовленного на его фабриках. Не знаю, существует ли теперь [1880–е гг.] этот дом; но, вероятно, его помнят многие курские жители; мне самому случалось не раз бывать в нём... Он скончался в Одессе на 95-м году возраста, окружённый только своими певчими, которым однако успел дать вольноотпускные» (о Ф.М. Полторацком также см. «Губернские скандалы»).

Среди курских дворян этого времени были также натуры тонкие и романтические, жизнь которых могла бы стать основой для увлекательного лирического произведения.

Такова, на наш взгляд, история двух братьев Букреевых — представителей старинного русского дворянского рода, владевшего имениями в Щигровском уезде Курской губернии и Малоархангельском уезде Орловской губернии.

Павел и Иван Букреевы родились в семье ротмистра Прокофия Афанасьевича и Анастасии Герасимовны (урождённой Русановой) Букреевых с разницей в 11 месяцев — в 1779 и 1780 годах. С детства они были так дружны между собой, что когда Павла в 1792 г. отвезли на службу в Петербург, учившийся в курской школе Иван от тоски заболел, и его пришлось на следующий год отправлять вслед за старшим братом.

Знавшие их люди отмечали, что братья являлись полной противоположностью друг друга. Павел был красивым и высоким брюнетом с нервным, горячим и нетерпеливым темпераментом. Иван же — плотный, среднего роста, блондин с серы-

Причащение умирающей. 1839 г. Художник А.Г. Венецианов

ми глазами, был человек сдержанный, скрытный, обладавший невозмутимым спокойствием и поразительной физической силой — он мог остановить за заднюю рессору экипаж, запряжённый тройкой лошадей, и вдавливал пальцем гвоздь в стену.

Букреевы поступили в лейб-гвардии Преображенский полк капралами. В ноябре 1796 г. они в чине фурыеров были переведены в Кавалергардский Корпус, а после его расформирования в 1797 г. — в Конную гвардию. В 1799 г. Павел и Иван были выпущены прапорщиками в Кинбургский драгунский полк, прослужив несколько лет в котором они вышли в отставку в звании подпоручика (Павел) и поручика (Иван) в 1802 г.

Вернувшись домой, Букреевы поселились в принадлежавших им имениях. Павел — в с. Теребуж Щигровского уезда, а Иван с матерью и сестрой — в 12 верстах от него, в с. Даймен (совр. Золотухинский район).

В 1808 г. Павел Прокофьевич на дворянских выборах в Курске знакомится с Евдокией Филипповной Ползиковой и влюбляется в неё. Девушка ответила отставному подпоручику взаимностью, но когда Букреев попросил руки своей избранницы у её отца, тот, не находя этот брак достойным своей дочери, отказал ему. Тогда Павел, с помощью младшего брата Ивана и товарищей-офицеров, выкрал любимую из родительского дома и обвенчался с ней без их согласия.

Молодые поселились в Теребуже, и каждый день их был наполнен любовью и счастьем. Они радушно принимали у себя гостей и часто посещали с дружескими визитами окрестных помещиков.

Чаще всего Павел Прокофьевич любил ездить в гости к тем соседям, у которых были маленькие дети, для которых он набивал лакомствами карманы своей одежды. Все соседи-помещики и окрестные крестьяне уважали его, часто обраща-

ясь за советами, разрешением споров и недоразумений. По воспоминаниям старожил, он очень любил детей, животных и птиц. Самым большим удовольствием для него было, взяв жену и крестьянских детей, пойти с ними в лес или поле и, разбросав корм, наблюдать за слетающимися к нему птицами.

В браке у Букреевых родилось пять сыновей: Николай, Палладий, Александр, Иван и Сергей.

Однако семейное счастье длилось недолго. Жена его заболела чахоткой и скончалась после рождения последнего сына.

Смерть супруги совершенно изменила Павла Прокофьевича.

Считая двух своих младших сыновей причиной болезни и смерти матери, он их возненавидел и отправил навсегда к своему брату Ивану.

Полностью порвав с внешним миром, Букреев заперся у себя в имении и целые дни проводил на могиле жены, погребённой у теребужской церкви. Воспитанием старших сыновей и ведением хозяйства отошедшего от всех дел Павла занимался его друг А.Г. Хвостов. Приятели всячески старались вывести Букреева из подавленного состояния и, однажды, поддавшись на уговоры, Павел Прокофьевич поехал с ними на выборы в Курск. Но не выдержав царящего там веселья и не справившись с нахлынувшими воспоминаниями, он стал жертвой нервного удара и вскоре скончался, не намного пережив свою жену.

Сирот Павла взял к себе на воспитание его брат. Для их обучения он открыл в Дайменах своеобразное подготовительное училище, пригласив в товарищи племянникам нескольких мальчиков из семей окрестных бедных дворян, которые были потом устроены им в Курскую гимназию.

Иван Прокофьевич прожил долгую жизнь, но так никогда не женился. До самой смерти он управлял большими имениями семьи Букреевых, построил в Дайменах церковь и скончался в глубокой старости, окружённый всеобщей любовью и уважением.

Судя по сохранившимся документам, в XIX в. продолжительность жизни курских дворян была различной. Это хорошо видно на примере семьи князя И.И. Барятинского. Он сам прожил 58 лет, его жена М.Ф. Барятинская — 65 лет. Дочери — Ольга (в замужестве графиня Орлова–Давыдова) — 62 года, Леонилла (в замужестве княгиня Вит-

генштейн) — 102 года, Мария (в замужестве княгиня Кочубей) — 25 лет. Сыновья — Александр — 64 года, Владимир — 58 лет, Анатолий — 60 лет и Виктор — 81 год.

Причины смерти могли быть самыми разнообразными — несчастный случай, болезнь, смерть в бою или от раны (для мужчин), тяжёлые или частые роды (для женщин). Однако достаточно большое число курских дворян доживало до преклонных лет и умирало от старости.

После смерти дворянина его родственники старались похоронить умершего со всей возможной пышностью и в соответствии с установленными погребальными канонами.

Подробное описание похорон скончавшейся 1 августа 1814 г. супруги оставил нам в своём дневнике новооскольский дворянин И.О. Острожский–Лохвицкий: «И так, убрав тело, как подлежит, вынесли оное в зал и начали плачевную музыку и надгробное чтение с пением, как церковь установлено. 2-е число лежала она в доме, а между тем сыны и дочь поспешили прибыть к сему плачевному концу материнной жизни, а 3-го числа после божественной литургии похоронили мы оную в ограде церковной на углу большого настоящей церкви алтаря в каменном склепе... В продолжении шестинедельного с вседневным служением сорокоуста, были отправляемы и поминальные дни, яко то: третины, девятины, полусорочины и сорочины, со угощением столом духовенства и приятелей изобильно».

Согласно Ю.В. Озерову, место погребения курских дворян в XIX веке обычно отмечалось крестами, надгробными плитами или памятниками в виде саркофагов, жертвенников и колонн, увенчанных урнами, скульптурами или крестами.

Вот таким был жизненный путь курского дворянина или дворянки 1-й половины XIX столетия от рождения до смерти. Некоторые из этих дворян были знамениты и известны всей России, о подавляющем большинстве других знали лишь в пределах их круга общения. Материальный мир и образ жизни этих людей мало чем отличались от жизни русских дворян в любой другой губернии Российской империи того времени. Это единство и сформировало ту своеобразную «дворянскую культуру», так ярко описанную в произведениях «золотого века» русской литературы.

КОРЧЁМЩИКИ

Торговля спиртным в России была одной из важных статей пополнения государственного бюджета. В XVIII–XIX вв. право на эту торговлю отдавалось на откуп частным лицам. Откупщики платили государству заранее оговоренную денежную сумму, получая право торговать вином на определённой территории.

При этом Слободская Украина издавна пользовалась правом вольного винокурения, и в 1743 г. императрица Елизавета подтвердила *войсковым обывателям* их привилегию «шинки держать, вино курить и шинковать беспошлинно». Контрабандный вывоз и сбыт более дешёвого «корчемного вина» подрывал откупа в соседних великороссийских губерниях, больно ударяя по карману откупщиков. Корчемщики контрабандой провозили и продавали спиртное, несмотря на все запреты и преследования со стороны властей. При Екатерине II преследование корчемщиков, по словам историка И. Г. Прыжова, обратилось «в настоящую войну: полковые и съезжие дворы получили предписания чинить «вспоможения откупщикам для поимки корчемщиков». При выемках случались смертоубийства и раны».

Под Курском, несмотря на «бдительный надзор со стороны правительства и откупщиков», корчемщики продолжали чувствовать себя хозяевами положения. В придорожных оврагах на Крымской стороне собиралось подчас до 300 парных подвод. На каждой сидело по двое вожатых — «самых отважных людей» — вооружённых косами, ружьями и мушкетонами. Такие обозы беспрепятственно уходили в Малороссию и столь же свободно возвращались обратно с бочками корчемного вина. Даже под самым городом «никто не отваживался их останавливать». Отсюда они развозили вино по разным местам, а иногда ставили бочки в окрестных лесах и болотах до поры до времени. Действовали эти отчаянные контрабандисты почти в открытую, сознавая бессилие местной полиции, чему есть немало примеров.

Так, 13 октября 1799 г. почтарь суджанской почтовой экспедиции Иван Гладкий, взяв в с. Свердликовщина проводника Петра Заболотина, вёз почту по большой дороге. Вдруг, среди бела дня, они «наехали неизвестно на каких великороссийской и малороссийской породы людей до двух сот или более везущих корчемное вино [в] повосках на сто или более, кои будучи в весьма пьяном виде вдруг нечаянно окружили оных так что не было возможности от них бежать». Корчемщики кричали: «Бей до смерти, ето служители питейных зборов!», хотя почтарь и объяснял им, кто он такой на самом деле. Ему не верили и «били их нещадно, причём отняли у почтаря помянутую почту с подорожную, собственную ево лошадь ценою в тридцать рублей, зипун российского сукна в четыре рубля, шляпу пояровую в рубль, а у провожатого одну лошадь». Все обозники вооружены были «орудиями, как то ружьями, копьями, тапарами и протчими разбойническими снаряда-

*Телеги. 1803 г. Художник Д. Аткинсон.
Из русского быта 1790–х гг.*

Мерная кружка для вина. Россия. XIX в.

ми». Позднее, правда, власти усомнились в показаниях пострадавших, решив, что почтарь сам потерял вверенную ему почту, а потом списал всё на разбойников. Поводом к такому мнению послужила сбивчивость рассказа потерпевших, а также то, что «и лошадь показанная ограбленно оказалась в доме проводника, якобы вырвавшейся и пришедшей к нему». Но не исключено, что подобную версию выдвинули, чтобы оправдать свою неспособность отыскать настоящих грабителей — куда легче обвинить почтаря в потере почты, чем справиться с обозом из двух сотен вооружённых контрабандистов.

Немного изменилось и в новом столетии. В феврале 1826 г. для поимки корчемщиков был направлен прапорщик 23-го егерского полка Устинов во главе команды из 58 солдат. Вместе с чиновниками конторы питейных сборов, понятыми и судебным заседателем егеря заняли позиции у деревни Богусловка близ границы с Глуховским уездом. Тут прямо на них со стороны Малороссии вышел обоз: «подвод более 70 и при них человек двести вооружённых корчемников, которые нача-

*Кабак. 1803 г. Художник Д. Аткинсон.
Из русского быта 1790–х гг.*

Штоф водочный. Стекло. Россия. 1775 г.

ли в них стрелять из ружей и, закричав «Режь их», бросились на нижних чинов, разсекли двум рядовым косами головы, отняли у одного из них ружьё и опасно избили». Егеря открыли ответный огонь и преследовали корчёмный обоз на протяжении десяти вёрст и «в продолжении сего времени многие из корчемников сами и лошади их были ранены, что заставило их разбежаться в уезды Рыльский, Льговский и Дмитриевский». Бравый прапорщик сумел пленить пятерых раненых контрабандистов, один из которых вскоре умер. Трофеями солдат стали ружьё, три косы, 22 бочонка вина и семь лошадей с упряжью.

Борьба с незаконным винокурением и провозом корчёмного вина превращала губернию в настоящее поле боя, который кипел не только на проезжих дорогах, но и в присутственных местах и залах суда. Крестьяне села Износково и деревни Кашара в своей жалобе писали: «под предлогом истребления корчёмства, чиновники, собрав людей, вооружёнными толпами и с запасными бочонками вина, всовывая оные в возы, нападая на обозы, идущие без опасения в дорогу, бьют, стреляют в возщи-

ков, разграбляя, что могут, ловят от страха в бегстве ищущих спасения, вяжут виновных и невинных, представляют в городе, сажают в тюрьмы, где разными мучениями и пытками принуждают крестьян признаваться поневоле виновными, чтобы спасти свою жизнь прекращением боли и терзания, дабы вымученным признанием скрыть грабительство и безчеловечие чиновников».

Согласно подсчётам А.И. Дмитриюкова, в период 1824–1828 гг. только в Суджанском уезде рассматривалось судом 406 дел о корчёмстве. Подсудимых было 945 человек, а штрафы с корчёмщиков только за один год составили 10 870 рублей.

Но корчёмщики полагались не только на свою многочисленность и вооружение «разбойническими снарядами» или встречные жалобы на служителей питейных сборов. Их безопасность зачастую гарантировалась продажностью чиновников. И Белгородская губерния во второй половине XVIII в. достигла в этом отношении всероссийской известности. Следствие о здешних взяточниках вела специальная комиссия во главе с майором лейб-гвардии Измайловского полка Е.А. Щербининым, учреждённая самой Екатериной II.

Для начала следователи выяснили, что взяточничество пронизало всю систему губернского управления снизу до самого верха. Сами корчёмные смотрители оказались на корню куплены корчёмщиками. Так, например, присутствующий Белгородской корчёмной конторы Бакшеев за два года получил за неисполнение своих обязанностей 3111 рублей, а надзиратель Рыльской корчёмной экспедиции Раевской был уличён в получении 30 рублей и 15 вёдер вина. Этим всё не ограничивалось. Наживались на взятках от корчёмщиков воеводы и их подчинённые из Яблонова, Рыльска, Нового и Старого Осколов, Курска. Яблоновский воевода Баранцев получил от винокуров–контрабандистов 1595 рублей и 23 ведра вина, ассессор из Старого Оскола Василий Горохов взял 215 рублей, пять вёдер вина и лошадь ценой в 30 рублей. Чиновники не гнушались брать взятки по 10–20 рублей, получали «подарки» в виде часов, сахара или шёлковой ткани. Не лучше обстояло дело и в губернской канцелярии. Секретарь Ильинский получил взятку на 245 рублей и два с половиной ведра вина, а губернский бухгалтер не только принял от корчёмщиков 540 рублей, но ещё и составил фальшивый рапорт о незаконном винокурении. Прокурор белгородской канцелярии Александр Янков попался на взятке в 250 рублей, экзекутор губернской канцелярии Болотников брал больше — 1100 рублей и 200 вёдер вина.

Возглавлявшие губернию лица тоже не упускали свою долю. Вице–губернатор Григорий Толстой только в 1761 г. получил от подпольных винокуров 407 рублей и 50 вёдер вина. Товарищ губернатора Яков Сухотин был уличён в «знании о неуканном винном курении и во взятках с посланных

для искоренения того» на сумму в 175 рублей и натурой 14 вёдер вина и водки. Другой заместитель губернатора, Пётр Безобразов, тоже брал деньги с чиновников, которых посылали на борьбу с корчёмством, причём, по его словам, деньги эти чиновники давали ему «без вымогательства». Исполнявший обязанности губернатора действительный статский советник князь Г.И. Шаховской сознался в получении взяток на 1315 рублей.

Добралось следствие, наконец, и до самого белгородского губернатора П.М. Салтыкова. Он находился на своём посту с 1742 г., и слухи о его злоупотреблениях вынудили ещё императрицу Елизавету Петровну издать 21 августа 1760 г. указ произвести «строжайшее расследование о противозаконных поступках губернатора Белгородского Салтыкова». Это расследование тянулось полтора года и, в конце концов, было прекращено. Правда, губернатора от должности всё же отстранили, однако дали возможность спокойно выйти в отставку с чином тайного советника. Новое следствие установило, что Салтыков знал о беспощинном винокурении, но не боролся с ним, поскольку регулярно получал от винокуров деньги. Доверенными лицами его в этом деле были прапорщики Амосов и Болотников. Они даже сами давали губернатору деньги, чтобы добиться выгодной для своих карманов командировки в малороссийские слободы для «борьбы» с корчёмством.

Результаты следствия, проведённого Щербининым, были таковы. Корчёмных смотрителей наказали исключением со службы и взысканием полученных с винокуров денег в двойном размере. Воевод и других крупных уездных чиновников понизили в чине и оштрафовали. То же самое касалось и большинства губернских чиновников. Болотников, через посредство которого губернатор Салтыков получал большую часть взяток, был лишён всех чинов и права занимать казённые должности. Бухгалтера присудили лишиться чинов, бить плетью и сослать в Сибирь, но императрица ограничила наказание одной только ссылкой. Князя Шаховского сослали на четыре года в деревню, запретили являться ко двору и взыскали штраф в 2630 рублей в пользу Московского сиротского дома. Отставной губернатор П.М. Салтыков отрёкся от всех обвинений, но всё же был приговорён к лишению должности и взысканию в пользу казны суммы полученных им взяток. Правда, Екатерина II от штрафа его всё же освободила.

В целом было установлено, что общая сумма взяток, получение которых удалось доказать, составляет 3 500 рублей, 300 вёдер вина, пять лошадей, несколько пудов сахара, несколько аршин ткани, а также часы стоимостью в 20 рублей. Ни к искоренению корчёмства, ни к исчезновению взяточничества деятельность следственной комиссии так и не привела.

«КУДЕЯРЫ» И «ВОРОПАНЫ».

КУРСКИЕ РАЗБОЙНИКИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

Несмотря на то, что со второй половины XVII века Курский край теряет своё пограничное положение, сложившиеся за века традиции изменялись медленно, и вплоть до середины XIX в. нападения разбойников оставались повседневной обыденностью в жизни обитателей курских уездов.

Побывавший в Рыльском уезде летом 1836 г. М.К. Чалый так описал современные ему нравы курских обитателей: «Орел да Кромы — первые воры», говорит народное присловье. Но и куряне едва ли уступят орловцам в этом отношении. Недаром их в Малороссии называют «душегубами, що за цибульку [луковичку] зариже». «А мои то куряне — сведоми кмети: пути им ведоми, яруги знаеми», говорил о них Всеволод своему брату Игорю Новгород–Северскому еще в XII столетии. Но и современным курянам небезызвестны пути и яруги, где можно подстеречь запоздалого путника».

По мнению курского историка Н. Добротворского, основная причина широкого распространения разбоя среди курян заключалась в том, что «личная и общественная безопасность не была гарантирована в то время даже в центральных местностях, в тех, которые находились поблизости от Москвы, — в таких же уныльливых и пустынных краях, каким был курский до половины прошлого века [XVIII в.], о такой безопасности и мечтать было невозможно. В те отдаленные времена путники даже от села к селу ездили с провожатыми.

Русский крестьянин. 1803 г. Художник Д. Аткинсон.
Из русского быта 1790–х гг.

Нападение разбойников. 1810–е гг. Художник Ф.П. Толстой

Кошелёк. 1-я половина XIX в. Россия

Нож. XIX в., г. Курск. Раскопки В.В. Енукова. Курский государственный областной музей археологии

Две копейки серебром. Медь. 1842 г. Россия. Курский государственный областной музей археологии

Разбой был постоянным занятием не только тех отверженных, которых общество выбрасывало за их непригодность из своей среды, но и обыкновенных мирных обывателей, которые нередко смотрели на это, как на «стороннее занятие», дававшее отличный заработок».

Одним из таких разбойников—«отходников» был крестьянин—однодворец по прозвищу Укол. Согласно курскому краеведу и писателю Р.Л. Маркову, «жил он во времена Петра Великого, вместе со своим братом на берегу р. Тускори, вблизи Ливенской дороги, там, где сейчас обширное село Уколово [ныне Золотухинский район]. С первоначатку братья жили тихо и смиренно в своих двух однодворческих хуторах. Но, не утерпев и они тоже «стали не пропускать проезжих, да и прохожим запенили дорогу». Впрочем долгое время они и разбойничали весьма осторожно, так как они «баловались» не от голоты—босоты, а при значительном богатстве. Земли у них было около 3 т. десятин. Любимейшим местом их «шалостей» был исторический Тёмный лес и по преимуществу урочище, где протекает река Моркось... Пользуясь топкими берегами этого лесного потока, Укол не раз «затапывал» в трясину его берегов даже и живых людей, им замученных. Таким образом путники, им ограбленные, исчезали буквально бесследно».

Впрочем, нападения на прохожих не всегда заканчивались для разбойников благоприятно. Бывальщину об одном таком невезучем разбойнике—курянине записал в первой половине XIX в.

русский филолог В.И. Даль: «Какой-то курский вор стал грабить хохла, подсидев его на большой дороге; хохол так оробел, что не смог и противиться: курянин повалил мужика, прижал коленом, да выхватив нож положил его подле на землю, снял шапку, перекрестился и сказал: «Господи, благослови сороковаго!» Как хохол мой услышал это, так откуда у него рысь взялась: исплошив [застав врасплах] курянина, выскочив из-под него да повалив его самого, он насел на него, да ухватив нож, сказал: «Господи, благослови перваго и последняго!». И убил грабителя.

В курских пределах смерть могла поджидать беспечных путников не только в дороге, но и под сводами жилища, где они располагались на отдых или ночлег. В.И. Даль в рассказе «Архистратиг» передает историю солдата-курянина М. Ларионова, отпущенного домой в годовой отпуск после возвращения русского войска из Заграничного похода 1813–1814 гг. «Настигли меня сумерки на большой дороге, за поворотом с Фатежской на Курскую; а пора была осенняя, глухая, темная: пришлось искать, где бы преклонить на ночь усталую головушку. Тут по дороге было много постоянных дворов... Я остановился да стал осматриваться в которые бы ворота постучаться; а встречу мне идет какой-то, видно, зазывая вышел, да и говорит: «Что, земляк, не ночевать ли?.. Просим милости, на хлеб на соль»... Вошел я в избу, помолился, поздоровался — гляжу, хозяйка не старая, видная, здоровая... Пришел хозяин, а хозяйка подала щей. Как поглядел я на него при огне, что-то больно не понутру он мне показался. Сказано слово: «с черным в лес не ходи, с рыжим ночи не спи»; а уж коли наш брат курский рыжий, так держи ухо остро! «Ну, думаю, Господь с ним; мне только бы переночевать да спозаранку убраться». Поужинал я, помолился, разулся и лег на лавке; а ночевал я у них один: видно, извощиков хозяин не успел зазвать... Уморившись с переходу, как я свалился, когда огонь погасили, так и уснул; только еще прочитал до половины молитву своему ангелу, Архистратигу. Вдруг просыпаюсь ночью, таки-вот словно кто меня студеной водой окатил, и сразу вскочил на ноги; гляжу, хозяйка вздула огонь, да взяла в руки топор, а хозяин с ножом, да оба прямо идут на меня... Я схватил котомку, сапоги, шапку и выскочил из избы, сам не помня, как. Не могу понять по нынешний день, как я отпер впотьмах сенная двери, как растворил ворота либо перескочил через забор, ничего не знаю. Выбежал на улицу — все темно, ни зги не видать и никого нет. Я взмолился еще раз своему архангелу и пошел прямо, без оглядки, куда глаза глядят».

Не довольствуясь путниками, разбойники нападали на уединённые усадьбы и хутора, обитатели которых подвергались не только разграблению, но и жестоким пыткам.

Один из таких случаев описывался в поданной на имя курского генерал-губернатора А.А. Беклешова (1791–1796 гг.) жалобе крестьянина Курского уезда Соколова. Разбойники напали на его дом ночью 12 февраля, разбили окна в избе, изрубили в сенях стены, вырубili в амбаре двери и забрали оттуда все запасы без остатка. Пока одни грузили награбленное на сани, другие разложили среди двора огонь и начали искать хозяина усадьбы. Вместо хозяина они нашли двух случайно заночевавших здесь однодворцев, избili их и начали припекать их на медленном огне, допытываясь о спрятанных ценностях. Услышав вопли истязуемых людей, соседи ударили в колокол, на звон которого собралось большое число жителей окрестных деревень. Разбойники со всем награбленным бежали прочь, а в погоню за ними бросился целый обоз преследователей во главе с хозяином разорённой усадьбы. Следы привели погоню в с. Успенское, однако местные сельские власти не позволили преследователям войти в дом, где укрылись разбойники, и захватить их. Потерпевший обратился за помощью к земскому заседателю. Тот, приехав в Успенское, обыска проводить не стал и отправил Соколова домой, велел забрать брошенные разбойниками сани с хлебом и лошадь. Жалоба в Курский земский суд также не имела успеха. Только когда о деле узнал А.А. Беклешов, оно сдвинулось с мертвой точки. Разгневанный бездействием представителей власти, генерал-губернатор приказал Наместническому Правлению розыскать грабителей, а Курский земский суд в полном составе предал уголовному суду.

От разбойничьих налётов не были ограждены даже церкви и монастыри. В 1722 г. настоятель располагавшейся в современном Октябрьском районе Липиновской Троицкой пустыни иеромонах Николай сообщал епископу белгородскому и обоянскому Епифанию, что во время его отъезда из обители для «взятия сборного хлеба» в обоянское село Сергиевское 23 января 1722 г. «в ночи приезжали в пустынь некие воровские люди, а сколько человек, того неведомо, нарядным делом и разбоем взяли из [его] кельи всякую монастырскую и его келейную рухлядь, платья и посуду, и деньги, прилучившегося в келье соборного дьякона Ивана Смецкого били смертным боем, отчего он Смецкий лежит при смерти, а других ограбя посажали в конине [конюшне]».

Нередко курские крестьяне промышляли разбоем целыми селами, превращая грабительские наезды на близлежащие селения в традиционный промысел. Такими были обитатели современного кореневского села Шептуховка. По свидетельству Д.А. Деменкова, пользуясь тем, что ими владеет богатая и влиятельная семья Головиных, шептуховцы «иногда, собравшись человек по 40 и

*Похищение купеческой жены Груни Егором Башлыком, ставшим атаманом разбойников. 1833 г.
Художник Н.М. Алексеев (Сыромянский)*

более... вооруженные копьями и дубинами, под предводительством атамана своего, на подводах отправлялись на промысел... Нападали на работающих в поле, хватали их и, увезя в с. Шептуховку, били, мучали и запирали на дворе. Кремянские помещики беспрестанно жаловались на эти половецкие набеги рыльской вотчинной канцелярии... Она немедленно посылала солдата объявить виновным, чтобы прибыли в город к ответу. Посланный не находил их никогда дома и возвращался ни с чем. Вызовы повторялись. Не многие являлись в суд, давали подписки жить спокойнее и действовали по прежнему... Дела длились, длились и погребались в архиве».

Некоторые местные дворяне также не видели ничего предосудительного в том, чтобы организовать и возглавить налет на соседнее имение.

Историк С.М. Соловьев упоминает о рассматриваемом Сенатом деле рыльского помещика Поповкина, который в 1749 г., собрав вокруг себя «разбойническую партию» из беспаспортных и беглых рекрутов в числе 50 человек, напал на принадлежащее помещику Нестерову село Глиницы,

в коем произвел разбой и грабеж, причем двух человек убил до смерти.

Есть такие сведения и в «Дневнике» курского помещика П.И. Анненкова, который на одной из его страниц записал, что 12 марта 1750 г. «лейб-гвардии Семеновского полку капрал Николай Логинов сын Щербачев напал ночным временем озорнически на слободку Снетскую, причем поймано крестьян и протчих партии его людей 13 человек, коляска, под которою впряжено было 23 лошади, сани тройкою верховых 6, всего 32 лошади и протчей ево экипаж, и отведены были в Курск».

Нередко такие дворянские наезды принимали затяжной характер, наподобие пожизненной войны двух помещиков из с. Тербуж Щигровского уезда — А.Ф. Маркова и Г. Сербинова. Дальний потомок одного из них А. Марков в книге «Родные гнезда» сообщал, что они служили в одном из гвардейских полков и в 1762 г. были вместе высланы из Петербурга за верность свергнутому императору Петру III. Однажды приятели поссорились во время карточной игры, «расстались врагами и затем всю жизнь совершали набеги друг на друга,

сжигая стоги хлеба и беря в плен один у другого крестьян и дворовых».

Ведущих разбойничий образ жизни людей куряне называли «кудеярами» — по имени знаменитого разбойника времён Ивана Грозного.

Обычно они сбивались в шайки, которые иногда достигали значительных размеров.

Рыльский помещик—краевед Д.А. Деменков сообщал об одном таком сообществе, действовавшем в середине XVIII в. в пределах Рыльского и Путивльского уездов, что главный их притон располагался в т.н. Мачулинском лесу, неподалёку от кореневского с. Кремяного, где они «ютились по оврагам и буеракам, не стараясь, впрочем, нисколько о том, чтобы замаскировать своё присутствие, так как им не страшны были ни воеводские войска, ни тем более местные безоружные жители, которые сами смертельно боялись их и стремились только к одному — чтобы жить с ними в мире и согласии. В этой шайке... по рассказам старожилов, было до 300 человек разбойников».

Такие же шайки жили на Коневецкой, или Клевенской, горе около рыльской д. Ишутиной, в урочище Кутузовы Лозы возле рыльского с. Ивановского, на Погорелом городище близ льговских Угон, в Кучугурах в пределах современного Большесолдатского района. Благодаря ещё одной разбойничьей ватаге получил своё имя и нынешний пгт. Поныри. Согласно Р.Л. Маркову, расположенные в его окрестностях овраги—яруги славились тем, что в них гнездились целые станы разбойников, живших в землянках, т.е. «по норам».

Возглавлявшие шайки воровских людей атаманы стремились выделиться среди своих подчинённых ярким и богатым нарядом. Вот как Р.Л. Марков описывает курского разбойничьего атамана начала XVIII в.: «Из актов Новооскольского края видно, что для разбойничьего атамана, в пределах Курской стороны был, так сказать, узаконен следующий официальный наряд: цветной суконный кафтан «опушенный пухом бобровым» и подпоясанный шелковым поясом ярких цветов. На плечах епанча лазоревая. На голове «шапка—трухменка» с опушкой, с высокою и узкою красною тулеею; на ногах желтые узорчатые сапоги, из мягкого сафьяна с острыми носками на серебряных подковах. Оружием их было: кистень за поясом, копьё расписное, нож—засапожник и «лук волный [из воловьих рогов] со стрелами». Хотя бы шайка состояла и из пеших людей, но атаман в большинстве случаев ехал на коне, при чём для них имелись не простые «русские», а «отрадные» седла. Самый формат и отделка подобных атаманских седёл была особенная. Узды, чумбуры, пахви и поперси и арканы тоже вязались «калмыцкими узлами» и так, чтобы ни один узел не был похож на другой».

Для наблюдения за движением на проезжих дорогах, близ которых располагались их станы,

«Ах матки мои, вор пришёл ко мне на двор». Лубок. Россия. XVIII в.

«Крестьянин и разбойник». Лубок. Россия. 1889 г.

Нападение разбойников на проселочной дороге. Художник П.О. Ковалевский

курские «кудеяры» сооружали наблюдательные пункты–сторожи. Для этого один из разбойников обычно устраивался в ветвях высокого дерева и осматривал оттуда окрестности. По Р.Л. Маркову, иногда на деревьях для удобства дозорщиков делали особые «кроватки», сидя на которой сам атаман часто смотрел во все стороны в «верстовую трубочку».

Когда дозорный замечал подходящую добычу, то оповещал своих товарищей особым сигналом — свистом, звериным или птичьим криком. К примеру, вор и душегуб верхнесосенец Григорий Попов, признаваясь на пытке в своих преступлениях, показал, что «в нынешнем [1]717 г. августа 12 дня, в ночи, он Григорий в Бабичевой Яруге отбивал лошадей... и в то число он завыл по волчью для ясаку товарищам».

Пересказывая местные народные предания, Н. Добротворский сообщал, что главнейшим занятием курских разбойников было бражничество, которому они преимущественно и посвящали все свое время. Если же у них не хватало хлеба, то посылали «грамотку» к какому–нибудь помещику с

приказанием доставить немедленно им того–то и того–то, и если помещик не торопился исполнить их «приказание», они тогда уже приходили к нему сами и вооруженной рукой брали то, что им было нужно. Этим главным образом и исчерпывалась их враждебная деятельность по отношению к местному населению. Денежную добычу доставляли им, в большинстве случаев, проезжие, чужие лица, попадавшие так или иначе в Курские края; кудеяры таким спуска обыкновенно не давали и «ощипывали елико возможно чисто».

В курских преданиях кудеяры представляются скорее не разбойниками, а вольными людьми с широкими рыцарскими замашками, со строго регламентированным, хотя и несколько своеобразным, понятием о чести.

Так, если случалось им останавливать бедняка–крестьянина, ехавшего на базар с возом муки, то они не только не обирали его, но даже наделяли его деньгами, напаивали водкой и отпускали на все четыре стороны, оставляя при нём все его пожитки. Если же останавливали на дороге помещика, то не церемонились с ним, обирали его начисто

и отпускали в чем мать родила, «предварительно надругавшись над ним начисто». Много раз, по жалобе крестьян, кудеяры делали нашествия на помещичьи усадьбы только для того, чтобы наказать помещиков за их жестокость по отношению к своим крепостным, и если такова была цель их прихода, то не брали обыкновенно в усадьбе ничего — ни денег, ни хлеба, ни пожитков, говоря, что «все равно когда им это понадобится — все будет ихнее, от их рук не уйдет».

На крестьянские поселения кудеяры нападали редко, во-первых, потому, что щадили крестьян вообще, относясь к ним дружелюбно, ввиду того, что крестьяне сами усердно во всем помогали им, а во-вторых, потому, что взять у крестьян было нечего. Единственное зло, которое причиняли кудеяры крестьянам, заключалось в том, что они «воровали деревенских девок» для своей потребности. Этого крестьяне не могли простить кудеярам еще и в XIX в., хотя и рассказывали об этом уже «без всякой злобы, скорее даже с усмешкою», но все-таки очень подробно и приводя различные анекдоты по этому поводу.

Одним из самых известных курских «кудеяров» начала XVIII в. был разбойник по прозвищу Журавлиная Лапка, которое он получил за врожденный физический недостаток — его правая рука была намного длиннее левой и чем-то напоминала птичью лапу. «Лютость его была невероятна, — пишет Р.Л. Марков, — по самой незначительной причине, он вырезал целые семьи или же «пущая красного петуха» обращал в пепел селения... Обыкновенно он жил в Курской округе, в лесной трущобе и теперь известной под именем Богатого Верха... У Журавлиной Лапки имелась большая шайка. Однако сам он жил один одинёшенек и ни где-нибудь в стану или укрепленном городище, а в одинокой хатке. Все же его товарищи до поры до времечка, проживали всяк по своим местам, в качестве мирных обывателей. Но тем не менее все они у него были «на слуху». И только стоило ему появиться вблизи любого села, как там тотчас же образовывалась и целая, хорошо организованная шайка... Физическая сила, свирепость, невероятная удаля, постоянная удача даже в самых трудных предприятиях — в глазах населения окружали этого разбойника каким-то чудным ореолом. Страх его имени был всеобщий. Достаточно было ему появиться среди большой дроги, гаркнуть особым ему свойственным покриком — как целый купеческий обоз отдавался на его милость». Конец разбойничьей жизни Журавлиной Лапки также был таинственным и чудесным. «Однажды какой-то дальний крамор [торговец] в темную непогожую ночь, сбился с сакмы и заблудился в лесных путиках Богатого лога. На огонёк, красневшийся в дремучем лесу — он подъехал ко двору этого разбойника. Выйдя на стук, тот, как

хозяин двора, пустил путника переночевать. Мало того, он сам же закатил обе его повозки с товаром под повет [хозяйственная пристройка], выпряг лошадей и задал корму. Самого же крамора он посадил ужинать, угощал его вином и, захмелев, играл ему на гусях, плясал и пел... Старый крамор ещё спал, когда Журавлиная Лапка уже выпоил его лошадей на лесном ручье, на берегу коего стоял двор, подсыпал им овса и подмазал повозки. Затем, выпив «попутную» чарочку, хозяин распростился с гостем, указав ему путь-дорогу. Но когда крамор, забравшись в лесную глушь, стал взбираться с возами на крутой взлобок горы — он неожиданно увидел своего любезного хозяина среди лесной дорожки с ножом-засапожником в руке. «Перед святыми своего дома гостя нельзя трогать, вскричал злодей, готовясь к нападению, а тут в лесу — мы с тобой чужие!» Крамору, шедшему позади телеги, удалось выхватить из задка длинный и тяжёлый медный колантырь [безмен]. И тот час же закипел немилосердный бой, исход которого был самый необыкновенный, — таинственный крамор, несмотря на свои лета и седину, вскоре же одолел атамана. Затем став на колени среди лесной дорожки — он вознёс благодарение Богу за нечаянное спасение. Из чувства благодарности за недавнее гостеприимство — крамор не убил до смерти своего лиходея. Но, развозжав обеих лошадей он связал возжи и, сделав мот — накинул его на вершину молодой березы... и притянул её к земле. После того, скрутив волосы разбойника запасным черезседельником, он туго привязал его к макушке дерева. Затем, сняв мот, он выпустил березу, что шумно вознеслась вверх вместе с разбойником. Крамор уехал, а повешенный мучился три дня и три ночи... И все эти три дня и три ночи разбойник молился Богу, каялся во грехах и во всех своих душегубствах, давая обет: в случае прощения его раздать всё своё имущество бедным, а самому постричься в монахи, и целый век отмаливать грехи. И Господь простил его. Во время его горячей и слёзной молитвы, верёвка, держащая его на весу, внезапно развязалась и полупрощённый злодей упал на землю. С тех пор о Журавлиной Лапке в курской стороне не было и слуху. Но старики богомольцы из соседнего села Мелехина несколько десятков лет тому назад видели его в Киево-Печерской Лавре уже седым и дряхлым чернецом, подвиги которого обращали на себя внимание и всей братии. Им-то он и рассказал все подробности этого происшествия».

Из документов и воспоминаний известно о нескольких дворянах-разбойниках, промышлявших на курских дорогах в XVIII в.

Так, в 1750 г. в Белгородской губернии была захвачена многолюдная разбойничья партия. Пойманные воры и разбойники винулись во многих разбоях, воровствах, сжигании людей и показали

на отставного прапорщика Сабельникова, который держал воровскую пристань, отпускал их на разбои, брал долю из разбойных денег и сам ездил на разбой.

Согласно еще одному делу об ограблении сафоновскими и голоимовскими крестьянами везшего товары из Сум грека, вместе с крестьянами виновными оказались также и два помещика, которые были взяты и отвезены в Сумы, где один из них под пыткой умер.

В Щигровском уезде долго был памятен живший в конце XVIII в. помещик-разбойник, описанный Р.Л. Марковым в «Недавней старине» под изменённой фамилией Осоргин (у А. Маркова в «Родных гнёздах» он именуется Г. Сербиновым). «Это был ужасный человек, — сообщает Р.Л. Марков, — причастный ко многим тёмным делам, не раз свершавшимся в различных углах уезда [Щигровского]. Народная молва обвиняла его и в грабежах, и в денном разбое, и в поджогах, и во многих убийствах. Говорили, что и Трущило — богач однодворец, живший неподалёку от него — тоже был замучен Осоргиным. Под видом охоты, Аркадий Гермогеныч наехал на его одинокий хутор и разграбил его. До позднего вечера там шла попойка и самое разнузданное гульбище; а с наступлением ночи — Трущилу начали пытаться и жечь на медленном огне «на березовых вениках». Несчастный, с нестерпимой муки, показал место своего сокровища — кубышку с деньгами, но и это не спасло его от смерти. Трущилу на веревке притащили в осоргинскую усадьбу, где замученного и похоронили в зале дома, под полом».

По свидетельству археолога А.Н. Александрова, жители Льговского уезда называли «худеяры» дворянского происхождения «воропанами». Отсюда якобы пошла и фамилия живших в слободке Зелениной (ныне Рыльский район) дворян Воропановых.

Среди курских «воропанов» изредка встречались и женщины. В составленном Д.А. Деменковым «Описании достопамятных вещей» содержатся известия о живших в конце XVIII в. близ г. Мирополья двух помещицах М. и Б. (автор приводит только инициалы), которые «специально занимались тем, что выезжали на большую дорогу грабить проезжающие обозы. У одной был отряд вооруженной дворни из 70 человек, у другой — до 100. Район их разбойнических походов был весьма обширен. Они разъезжали по всем дорогам, начиная от Курска до Сум и от Белгорода до Белополья. Одну из них правительственные войска захватили со всей шайкой близ г. Сум; людей её всех перевешали, она же спаслась при посредстве денег. Ей велели только считаться умершей и никуда не выезжать из своего имения».

Согласно ещё одному преданию, около села Староселья Грайвороновского уезда разбоем за-

нималась местная помещица Кондратьева. «Была она женщина отважная, но жила нечестиво; набрала себе ватагу сорванцов и на большой торговой дороге обирала проезжих купцов. На вершине кургана [так называлось расположенное у села городище] в ту пору росло три огромных дуба, на которых была устроена палатка для предводительницы. Заметив с этой каланчи добычу, она тотчас посылала кого-либо из своей шайки, а иногда вместе с ними сама отправлялась обирать несчастные жертвы. Брат её, помещик Кондратьев, узнавши, что сестра его занимается этим ремеслом, приказал сказать ей, чтобы унялась. В другой раз он сам строго говорил ей о её худой жизни и требовал с угрозами, что бы бросила она свои привычки. Сестра не переставала жить по прежнему. Тогда г. Кондратьев поймал её на месте преступления, засадил в каменную стену и замуравал».

Самым знаменитым курским «воропаном» XVIII столетия был рыльский помещик Куликов, известный под именем «атамана Кулика».

По свидетельству Д.А. Деменкова, он обитал между селами Амонью и Теткиным. Другим пристанищем Кулика был расположенный около г. Суджи хутор Куликовский (он же Локонский, современный Княжий хутор), откуда тот вёл наблюдение за двигавшимися по Сумской, Курской, Льговской и Рыльской дорогам торговыми караванами.

Основным полем деятельности разделённых на три отряда куликовских ватажников была дорога между Курском и Сумами. Первый отряд обычно располагался возле кургана «Льговец» на старой Льговской дороге неподалёку от с. Кремьяного, второй — у «Разбойной» дубравы за Юнаковкой под Суджей, а третий — у селения Солдатского в урочище Кучугуры. Ватаги связывались между собой при помощи условных знаков, из которых самым обычным был поднятый на шесте и зажженный ночью пук соломы. Если один отряд был не в состоянии справиться с проходившим мимо торговым караваном, то при помощи такого горящего на шесте пука он сообщал об этом своим товарищам и те спешили ему на помощь.

Местные власти знали о деятельности Кулика, но не предпринимали против него никаких серьезных мер.

Конец куликовским подвигам был положен лишь после того, как близ с. Солдатского (современное Большесолдатское) шайка Кулика разбила торговый обоз, в котором среди прочего добра находился серебряный сервиз, отправленный императрицей Екатериной II в подарок находившемуся тогда в Крыму светлейшему князю Г.А. Потемкину. На пропажу императорского подарка курские власти закрыть глаза уже не смогли. Против зарвавшегося разбойника были посланы регулярные воинские команды. Одно из местных преданий сообщало, что сам Кулик отчаянно за-

Пистолет револьверный семиствольный дорожный. Около 1810 г. Австрия. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург). На рукояти изображено нападение шайки разбойников на проезжающую по лесу карету

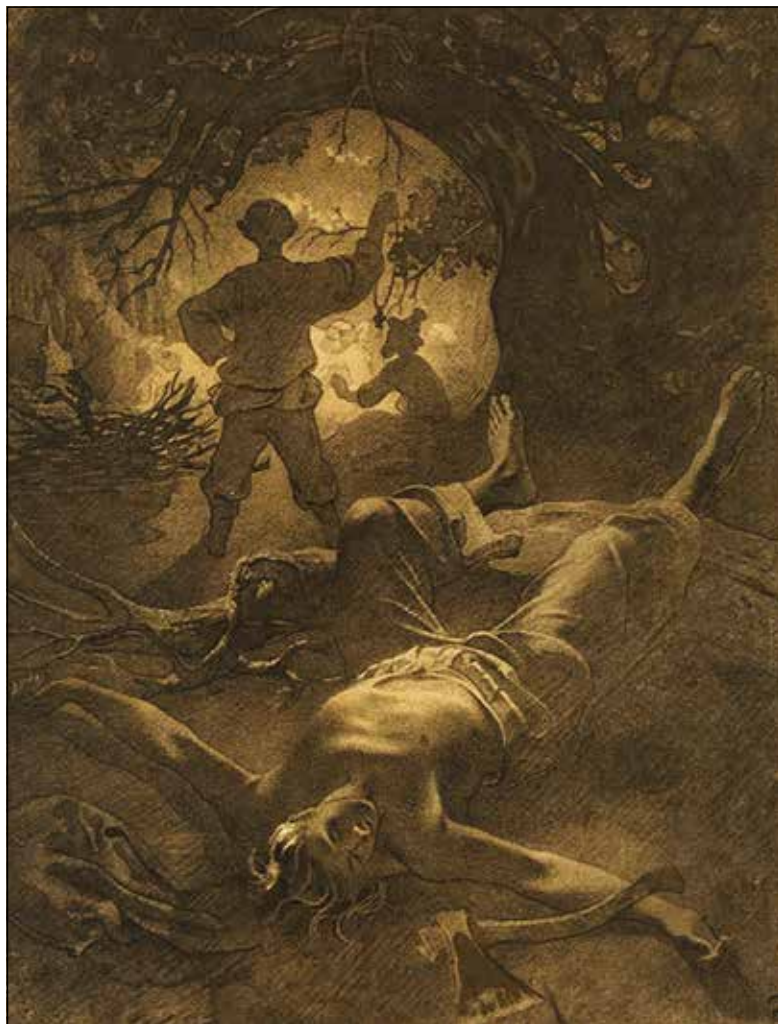
Среди разбойников. 1856–1857 гг. Художник Т.Г. Шевченко

щищался и был убит, по-другому — захвачен в плен и по «высочайшему повелению» колесован в г. Ахтырке.

Сообщали легенды и об укрытых Куликом сокровищах. Курский археолог и этнограф А.И. Дмитрюков сообщал о том, что «один из жителей г. Суджи показал мне записку, составленную в Екатеринославской губернии со слов старика, бывшего в партии Кулика еще не совершеннолетним уверявшего, что близ... кургана на дороге Льговце, зарыт клад, состоящий из денег, а в близ лежащих оврагах, в устроенных тогда «лѣхах», т.е. погребках, зарыты тяжелые вещи, железные, медные и проч.».

Однако не все добытые во время грабежей и разбоев деньги пропивались или становились кладами.

Один из случаев, когда несправедливо нажитое пошло на благое дело, произошёл в 1752 г. с одним из курских купцов — Карпом Ефимовичем Первышевым. Согласно преданию, он долгое время был мелким разъездным купцом—прасолом, торговавшим по курским деревням различным мелочным товаром. Однажды, под самую Пасху, купец был захвачен разбойниками, которые увели его в свой табор. Ночью лихие люди покинули лагерь, в котором остались лишь Первышев и предводитель шайки.

Отпетый (В холодной). 1873 г. Художник В.Г. Перов

После полуночи атаман, будучи добрым христианином, вздумал разговеться и пригласил пленника разделить с ним трапезу. Увидев, что страшный сотрапезник ест с ножа, Первышев улучил удобный момент, толкнул его под руку, и тот пронзил себя ножом. Убедившись в смерти атамана, купец поспешно запряг свою лошадь и, нагрузив повозку разбойничьим добром, благополучно вернулся домой. Продав захваченную добычу, Первышев разбогател и впоследствии пожертвовал значительную сумму денег на возведение одного из красивейших курских храмов — Сергиево-Казанского собора.

В XIX в. объём перевозимых по пролегающим через курские земли торговым путям товаров начинает неуклонно возрастать. Обеспечивая безо-

пасность дорог, курские власти начинают всё более активно бороться с промышляющими на них разбойничьими ватагами.

Согласно записанному Н. Добротворским во Льговском уезде преданию: «кудеяры долго буйствовали в наших местах, но потом на них войска стали посылать и солдаты их одолели, загнали их, говорят, до самой Калуги и там уже всех перебили».

В окрестностях Курска последняя шайка, грабившая в урочище Солянка, официально была уничтожена в начале 1860-х гг. при губернаторе В.И. Дене. Для поимки разбойников он велел наполнить два воза солдатами и накрыть их рогожами. Бросившиеся на предполагаемую добычу разбойники были переловлены все до одного, и «с тех пор разбои прекратились».

КУРСКИЕ КОПАЧИ

В конце XVIII — начале XX веков все въезжающие в Курск через Ямскую слободу путешественники обращали внимание на тянувшуюся вдоль правого берега Тускари цепочку небольших отверстий, из которых время от времени появлялись фигуры людей. Это были *копачи*, добывающие *курский самород*.

Среди тех, кто заинтересовался зияющими в земле ямами, был посетивший Курск в 1781 г. член Санкт-Петербургской Академии наук В.Ф. Зуев. В своих «Путешественных записках» он сообщал своим читателям, что «при подъёме на сей знаменитый взлог должен я был несколько остановиться для осмотра имеющихся в нём каменоломен. Взлог сей на верху... покрывается по большей части глинистою, или иловатою землею; под глиной лежит в сём месте толстый слой белого мергеля... ниже которой

Памятник рудознатцу Ерофею Маркову, г. Берёзовский (Свердловская обл.). 1973 г. Скульпторы Я. и В. Зайцевы. Так мог выглядеть копач, добывавший курский самород в конце XVIII–XIX вв.

Забой шахты. 1910 г. Ветковский рудник, п. Юзовка (современный г. Донецк, ДНР), Екатеринославская губерния (Россия). В схожих условиях добывали самород курские копачи

лежит... кора или череп, основание сего взлога составляющая, толщиной на четверть [17–18 см] или на поларшина [около 35 см]... твёрдая, из глины, извести и песку состоящая, и при том по большей части из многих различных кусков и окаменелостей вместе сварившаяся, так что плотностью своею составляет довольно твердую... под землю простирающуюся, непрерывную плиту. Под сим плитнягом... каменоломы [находят] только глину или песок, который далее прокапывать вода не пускает... Верхнюю мягкую глину копают на горшки, и другую посуду, [мергель] употребляют... только для беления; плитняг же... ломают, по колику пешнями отломить можно для мощения улиц и под фундаменты».

О том, как добывался курский самород (конкреционный фосфорит) в середине — второй половине XIX века, мы знаем благодаря сообщениям В.А. Киприянова и А.М. Мизгера.

Согласно их наблюдениям, копачи сначала в склоне холма, немного выше уровня реки, вырывали отверстие—*окно*, проходившее сквозь дёрн, землю и глину. Дойдя до мергеля, проходчики начинали пробивать подземную галерею—*ход*.

Мергель ломали более или менее правильными продолговатыми кусками—*кирпичиками*, которые складывались около ямы рядами и затем пускались на выжигание извести. Размеры хода обычно не превышали 1,2–1,5 м высоты и 1 метр ширины. Работы по его сооружению называли *подходом*.

Галерея углублялась вниз до тех пор, пока не упиралась в плиту саморода. Разбив плиту, *ход* опускали под неё, раскапывая и вынося песок, на котором она лежала. Это делалось для облегчения выламывания камня, распадающегося из-за шедших по плите трещин на отдельные глыбы. В месте добычи саморода ход расширялся до 2,5 м в ширину и 1,5 м в высоту.

Во время добычи саморода копач ударами лома или пешни расшатывал отдельные куски и отламывал их по трещинам—*ризам* от пласта. Большие глыбы разбивались здесь же на более мелкие куски, затем их выносили на носилках и складывали около *хода* в кучи.

Работа копача была чрезвычайно опасной. Часто случались обвалы, убивавшие или калечившие людей, не успевших заметить, что мергелевая

порода начинает *капать* и от неё отпадают мелкие кусочки перед обрушением.

В.А. Киприянов по этому поводу писал: «Полюбопытствуйте поговорить с мужиками из д. Поповки [сейчас в составе г. Курска] и вы узнаете, что во многих семействах или не досчитываются работников или встречаются увечные, и всё это по милости беспечности при добывании камня. Однако же рабочие в этом не сознаются, а всякое подобное несчастье умеют отнести к другим причинам и более за грехи к производству работ не в надлежащее время, например: во время Богослуженья, или в день праздника, или наконец под праздник».

Изредка сообщения о гибели копачей попадали на страницы местной прессы. Так, в опубликованной «Курскими губернскими ведомостями» 2 декабря 1850 г. заметке «Нечаянные смертельные случаи» сообщалось, что в д. Мешковой Курского уезда 35-летний курский мещанин Попов был убит «обрушившеюся землею при добывании камня».

Работы по добыче саморода обычно продвигались очень медленно.

А.М. Мизгер сообщал, что среди находившихся в 1870-х гг. у д. Семёновки галерей самой большой была яма, достигавшая около 75 м в длину. Она разрабатывалась 10–15 копачами на протяжении 4 лет, причём работа шла почти круглогодично — кроме половодья, сенокоса и уборки хлеба.

Длина вырытых во время добычи саморода подземных галерей достигала 200–300 м, а сам *ход* мог иметь до четырёх разветвлений, в каждом из которых обыкновенно работало по два человека.

Для освещения подземных работ копачи использовали светильники—*коганы*, которые представляли собой черепки разбитой посуды с налитым конопляным маслом или топлёным салом, в которое клали сделанные из пеньки фитили. Часто вместо обломков посуды использовались выкопанные тут же окаменевшие раковины или большие рыбы позвонки.

Отработанные галереи засыпались песком и рядом рылись новые. Это продолжалось до тех пор, пока на участке не выбирался весь самород. *Ходы* рылись только до межи соседнего участка, достигнув границ которого копачи должны были сделать поворот на свою землю или копать вдоль межи, не заходя на сопредельный участок.

Поскольку добычей саморода иногда занимались целые селения, в их округе могло одновременно разрабатываться сразу несколько залежей. Так, в 1874 г. от Курска до д. Щекиной по правому берегу Тускари насчитывалось не менее 7 значительных галерей—*ходов*. Работавшие на них копачи получали достаточно значительную по тем временам зарплату в 40–50 рублей ежегодно.

Весь добытый самород шёл на продажу.

А.М. Мизгер сообщал, что «крупный камень (*ядрёный*) продают саженьми; причём куб. сажень [9,7 м³] стоит 35–40 руб. с перевозом из ближайших каменоломень в город, для чего требуется 50–60 лошадей. Привезённый камень складывается кв. саженьми ($\frac{1}{2}$ аршина [106 см] высоты), чтобы камень не разваливался. Мелкий камень продают 12–20 рублей сажень, причём очень мелкие сорта подвергаются предварительному просеиванию для отделения приставшего к ним песка.

В прежние времена сажень продавалась по 50–60 руб. с доставкой, причём многие помещики эксплуатировали сами и снимали на аренду карьеры саморода, в настоящее время они разрабатываются преимущественно крестьянами.

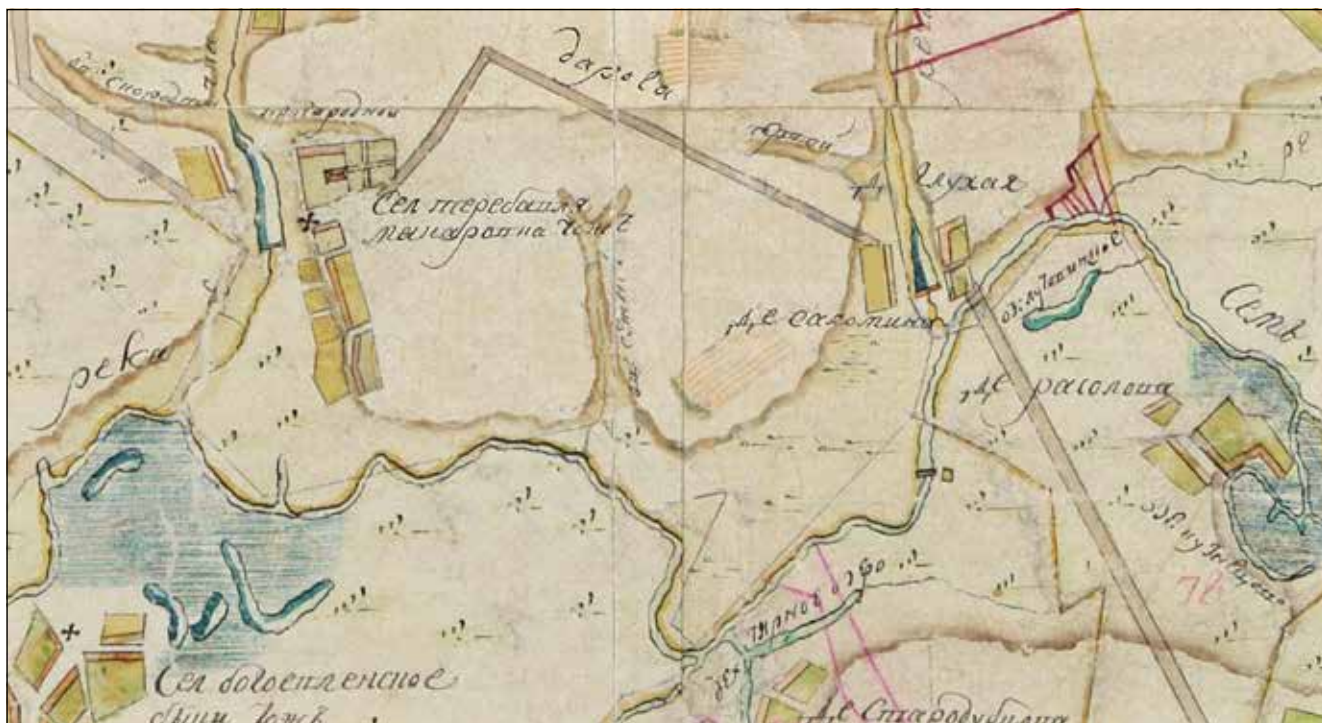
До последнего времени [1870-х гг.] самород в Курской губернии был употребляем исключительно для мощения улиц, шоссейных дорог, на фундаменты зданий и т.п. Лишь в последние годы стали в губернии открываться заводы для приготовления из саморода фосфорнокислых земледобрильных туков».

ГУБЕРНСКИЕ СКАНДАЛЫ

Судейское зеркало. Россия. XIX в.

Как везде во все времена, Курскую губернию время от времени потрясали скандалы, связанные с крупными взятками, грабежами, жестокими и таинственными преступлениями. Некоторые из таких случаев занимали умы жителей не один год, и первое место среди них, несомненно, принадлежит «Ширковскому делу». По словам известного краеведа А.А. Танкова, оно «наделало немало шума не только в Курской губернии, но и за пределами её; оно было два раза решаемо правительствующим сенатом, разбиралось в государственном совете, для расследования этого дела учреждён был в Петербурге особый высший комитет из знатнейших сановников империи, в нём принимал участие всеильный тогда Аракчеев, в его подробности входил сам император Александр I. Производство ширковского дела было облечено таинственностью и в сущности оно было загадочно».

Окрестности с. Макаровка и д. Соломина Льговского уезда, где происходили события, связанные с «делом Ширкова» (с карты 1785 г.)

Льговский помещик губернский секретарь Фёдор Ширков из с. Теребовля (Макаровка) происходил из старинного курского дворянского рода. Он был известен в равной степени как своим богатством, так и своим самодурством. Самые дикие выходки сходили ему с рук. Так продолжалось до тех пор, пока утром 28 мая 1813 г. в трёх верстах от его имения на большой дороге из Льгова в Курск не было найдено окровавленное мёртвое тело девушки. Труп лежал «кверху лицом с распростёртыми руками, в женской шубе китайчатой, в одной рубашке, в башмаках и без чулок, всё лицо и волосы растрёпанные, в крови, шуба и рубашка во многих местах окровавлена, на теле есть знаки: рот по обе стороны разрезан до самого состава челюстей и сверх разрезанною на верхней губе пониже носа с левой стороны прорезано ножом в двух местах, губы внутри верхняя и нижняя от зубов подрезаны, в зубах вынут не большой окровавленный клочек на подобие бумаги, на лбу от удара тупым орудием знак почерневший на полвершка, на голове на самом затылке пробита острым орудием или пулею кость по примеру в пол вершка из коей раны вышло несколько мозга, на правой руке выше локтевого сгиба проколото троегранно примечательно охотничьим ножом, а на другой стороне оной руки синее небольшое круглое пятно».

В убитой быстро опознали восемнадцатилетнюю Марию Алтухову, дочь небогатого помещика из деревни Соломино. Она была крестницей Шир-

кова, и об их отношениях по уезду ходили вполне определённые слухи. Прибыл становой пристав, началось следствие. Выяснилось, что в ночь убийства отец погибшей был пьян и спал в саду, а её мать уехала в Курск. Платье Марии Алтуховой лежало подле её постели, а гребень валялся у ворот дома. Возле тела на дороге отчётливо виднелись следы колёс. Пристав при свидетелях замерил ширину колеи неизвестного экипажа, и ширина эта полностью совпала с шириной колеи дрожek Ширкова.

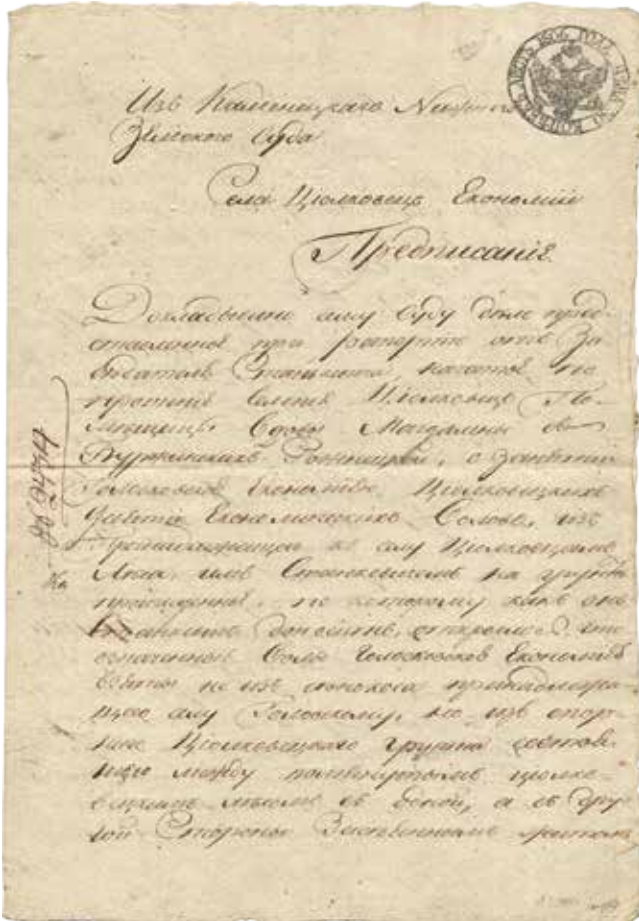
Помещик и не думал отрицать этого факта. «Крестница моя, Мария Алтухова, имела ко мне горячую любовь, — сообщил он в своём письменном заявлении. — Я в ночь смерти её посылал за нею дрожки со своим кучером и камердинером. Она, приехавши ко мне в дом, пробыла довольно долго у меня и потом перед рассветом, на заре, отправилась к себе в родительский дом. Через несколько времени возвратился кучер и сказал, что Алтухова на пути, вынув из дрожек пистолет, застрелилась с отчаяния, не успев склонить меня на любовь».

Оставалось, правда, неясно, отчего Ширков не сообщил о гибели девушки её родителям и даже не попытался ни послать для осмотра тела жившего у него лекаря, ни вызвать для этого врача из Льгова. Дав показания следствию, он вообще не изменил образа жизни, словно ничего и не случилось. Между тем мать погибшей принялась открыто обвинять Ширкова в смерти своей единственной дочери.

Портрет чиновника с письмом в руке. 1810–е — 1820–е гг. Неизвестный художник

Предписание суда. 1806 г.

Следствие продолжилось, и Ширков вскоре изменил первоначальные показания. Теперь он утверждал, что, по словам кучера, «на дороге несколько пьяных негодяев напали на ехавшую в дрожках Марию Алтухову, изнасиловали её и убили». Вскоре появились свидетели, видевшие прощание Ширкова с Алтуховой, а затем явились с повинной и сами убийцы — дворовый человек Захар Лобанов, однодворец Антип Борзенков, крестьяне Иван Сотников и Лягушкин. Они заявили, что пили всю ночь в кабаке, а потом встретили на дороге дрожки с барышней, вступили с ней самой и её кучером в пререкания, потом набросились на них и расправились с девицей. При этом главная вина падала на Борзенкова и Лобанова, которые угрожали кучеру, насиловали девицу, а потом прикончили её с помощью кистеня и ножа. Испуганный кучер Степан Щеплюхин долго, якобы, не решался сказать правду. Дело, казалось бы, полностью прояснилось, однако следствие закрыто не было. Возникли подозрения в истинности показаний свидетелей и преступников. Крестьянин Лягушкин вскоре вообще исчез из документов, а место главного злодея стало отводиться «наёмному венгерцу» Бодо, служившему в имени Ширкова. Однако допрашивать его было уже поздно: вскоре после убийства Бодо уволился со службы и уехал в Австрию. Это лишь усилило подозрения на его счёт.

Да и вообще, судебские чиновники открыли в Ширкове неисчерпаемый источник дохода. Они часто наезжали в его усадьбу, подолгу жили там за счёт хозяина под предлогом ведения следствия, получали подарки. Удивительно переменилась судьба барского камердинера Пармена Филиппова. Теперь он сам стал настоящим барином, жил в отдельных покоях, отдавал приказы крепостным, получил от Ширкова в подарок лошадей, экипаж и борзых собак, щедро тратил деньги в курских трактирах. Это не могло не вызвать вопросов о причине такой непонятной благосклонности к нему со стороны вспыльчивого и своенравного помещика. Кроме того, все заметили, что Ширков, живший прежде на широкую ногу и не имевший никаких долгов, принялся то и дело продавать свои земли, отдавать их в залог и просто брать займы крупные суммы. Только в 1815 г. он получил под закладные и заёмные письма 117 000 рублей, от которых не осталось никакого следа в его бумагах, а в 1816 г. занял ещё 58 000 рублей.

Минул 1815 г., а дело всё тянулось. Устав от волокиты, жена Ширкова подала прошение мини-

стру полиции графу С.К. Вязьмитинову, жалуясь на «притеснения и отягощения» со стороны судебных чиновников. В ответ на эту жалобу в Курск был прислан коллежский советник В.Н. Геттун с предписанием «увидеть весь ход дела об убийстве Алтуховой и положение его, и разобрать, не откроются ли вновь какие-либо обстоятельства дела». Столичный следователь сразу обратил внимание на противоречия в показаниях обвиняемых и пришёл к выводу, что застрелиться Алтухова никак не могла: «ей неудобно было во время быстрой езды так ловко направить выстрел, чтобы пуля попала в рот». Но отверг он и возможность убийства её Ширковым — два свидетеля видели живую Алтухову, выезжавшую на дрожках из его имения. Проведя серию допросов, В.Н. Геттун пришёл к выводу, что виновниками преступления являются Щеплюхин, Борзенков, Лобанов, Сотников и таинственный венгр Бодо. Они, по его мнению, давно были озлоблены против Алтуховой и в ту ночь, наконец, дали выход своей злобе. Следователь писал, что «Ширкову с его камердинером невозможно было умертвить Марию Алтухову, перенести её труп на дрожки и, посадивши на них, отправить, причём труп придерживал бы только один камердинер Филиппов, которому в 1813 году было с небольшим двадцать лет».

Мать погибшей не согласилась с выводами Геттуна. Но, по её собственным словам, приводимые ею доводы «были никем не внемлемы, а Ширков со своим большим состоянием успевал во всех предприятиях для закрытия своего преступления». Она повторно обратилась к министру полиции, настаивая на виновности Ширкова и камердинера Филиппова: «Он любил мою дочь, часто тайным образом посылал за нею и увозил к себе. Потом он узнал о том, что соседний помещик Полков очень любит Марию и желает на ней жениться. Ширков имел случай перехватить записочку от Марии к Полкову и случай этот возродил в сердце Ширкова ревность и негодование, которые и довели дело до трагической развязки. О ревности знала и жена Ширкова и брала с мужа клятву в том, что он исправится; но клятва эта им была нарушена. Я предполагаю насильственный увоз моей дочери к Ширкову. Она, раздевшись, легла спать, платье её было найдено близ постели; без него, в одной сорочке, накинув на плечи коротенькую шубку, не могла моя дочь ехать в дом своего соседа».

Жалоба была переслана в министерство юстиции.

Тем временем, в 1816 г. Курский уездный суд признал виновным одного кучера Щеплюхина, которого «яко убийцу и лишителя живота невинной» следовало сослать на вечную каторгу в Нерчинск. Но этим дело не кончилось. Оно перешло теперь в Курскую палату уголовного суда, где тянулось ещё более двух лет. Итогом стало признание виновности оправданных прежде Лобанова, Борзен-

кова и Сотникова. Их тоже присудили к кнуту и каторге. При этом курский гражданский губернатор А.И. Нелидов имел особое мнение. Он полагал, что раз Ширков послал своих людей привезти в свой дом Алтухову, то он и является причиной гибели девушки. За это и за «сокрытие преступления и виновных» помещика самого следует лишить чинов, дворянства и сослать на каторгу вместе с его камердинером.

Сенат, куда поступило дело, согласился, однако, с решением уголовной палаты. Убийцами признали Лобанова и Бодо, а соучастниками — Щеплюхина, Борзенкова и Сотникова. Но мать убитой упорно настаивала на своей версии, и поэтому сенатское решение не было признано окончательным. Дело поступило на рассмотрение в Государственный совет. На заседании 24 января 1819 г. там было принято решение: «преступников оказавшихся в убийстве Алтуховой... сослать в Нерчинск в каторжную работу без телесного наказания... Что же касается до замешанного по сему делу помещика Ширкова, которого Сенат не признавал виновным в убийстве, осуждая его в одной законопротивной связи с девицей Алтуховой... то Государственный совет не находя достаточно основания совершенно признать его в сем случае виновным... полагает: очищение падающего на него подозрения в преступлении прелюбодеяния, предоставить собственной его совести, если подлинно он причастен к оному».

Предполагаемые убийцы отправились на Нерчинские рудники, а вскоре после этого покинул губернию и Ширков. Но, в отличие от осужденных, отправился он не в Сибирь, а в Санкт-Петербург, где неожиданно занял видную должность при стольничном генерал-губернаторе графе М.А. Милорадовиче. Главой же губернаторской канцелярии тогда был никто иной, как В.Н. Геттун, столь удачно решивший исход скандального дела. Поговаривали, что услуги Геттуна стоили Ширкову ста душ крестьян. Правда, выгодное место в столице позволило льговскому помещику несколько поправить свои пошатнувшиеся денежные дела.

Но радоваться ему было рано. Зимой 1820 г. Мария Алтухова пешком добралась из Львовского уезда до Петербурга, где подала новое прошение министру внутренних дел, а затем добилась аудиенции у самого Александра I. Прощение на царское имя помог ей составить известный писатель Ф.И. Глинка. Ходили также слухи, что важную роль в этом сыграл ловкий адвокат, помогавший прежде Ширкову, но обиженный им, и потому решивший отомстить своему неблагодарному клиенту. Именно он, якобы, помог Алтуховой оформить документы, добраться до столицы и завязать там полезные знакомства.

Несчастливая мать бросилась к ногам императора, подала ему свою жалобу и заявила, что Шир-

Подпись императора Александра I. 1804 г.

Император Александр I. 1814 г. Художник Ф.–П.–С. Жерар

ков «запутал и затмил дело разными изворотами... увеличил оное до двух тысяч листов и сия—то мрачная завеса сокрыла истину и удобопостижимость в хаосе запутанностей» и просила возобновить расследование. В поданной царю записке она обвиняла Ширкова не только в убийстве дочери, но и в угрозах её собственной жизни, а также в сговоре с Геттуном. Император прослезился и велел возобновить дело.

Был послан запрос в Курск с требованием предоставить царю сведения о личности бывшего губернского секретаря. В характеристике, данной ему губернатором, говорилось: «Ширков поведения непостоянного, навязчивого и склонного к сутяжничеству. Образ жизни его — предсудителен. По наследству ему досталось прекрасное состояние, но в настоящее время оно прожито». Согласно царскому рескрипту, сосланных крестьян следовало возвратить из Сибири, а новой следственной комиссии предписывалось обратить особое внимание на личность камердинера Филиппова. Мать убитой велено было «оградить от всяких притеснений». Она была отвезена в Курск за казённый счёт.

В августе 1821 г. во Льгове с необычайной энергией начала работать новая следственная комиссия, деятельность которой взял на личный контроль губернатор А.С. Кожухов. Помимо того, через посредство всесильного графа Аракчеева за следствием наблюдал сам император. В декабре 1821 г. Кожухов получил от Аракчеева письмо, в котором передавал желание царя как можно скорее узнать, «по какой причине не окончено ещё исследование по делу об убийстве девицы Алтуховой». Заново был произведён поиск и опрос свидетелей, было выявлено «фальшивое составление при следствии земского суда допросов», ложность данных прежде показаний. В целом, по заключению комиссии, «всё прежде бывшее следствие заключает в себе одну цепь ложных вымыслов, ухищрений и фальшивостей».

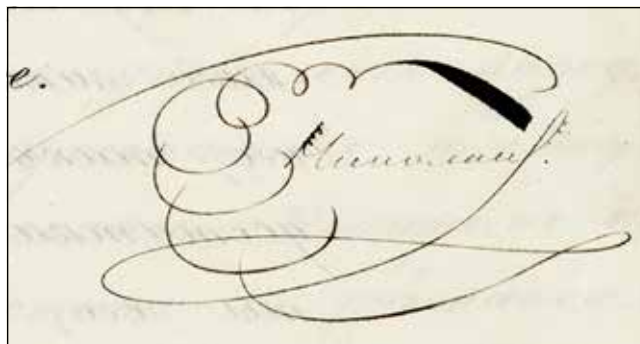
Подозрения, высказываемые ранее матерью убитой, подтвердились. Решающими стали показания кучера Щеплюхина и камердинера Филиппова, «который был доведён до такой степени раскаяния и сознания, что в день Преображения Господня, упавши в присутствии комиссии на колени, сознался во всём, содеянном им».

В итоге было установлено, что Ширков любил Алтухову, «оказывал ей ласки и делал подарки», но затем стал ревновать к помещику Полкову. В ночь убийства он послал за своей крестницей кучера и камердинера, которые доставили девушку к нему в дом. Тут он, будучи порядком пьян, «стал ругать Алтухову за её отношения к Полкову, показывал ей перехваченное им письмо от нея к Полкову», велел камердинеру изнасиловать девушку в своём присутствии. Следствие отметило,

что Филиппов не в первый раз выполнял подобное гнусное приказание своего барина. Наконец, придя в ярость, Ширков ударил Алтухову по голове тяжёлым пресс-папье, а потом стал колотить её трёхгранным кинжалом, который хранил у себя под постелью. Камердинеру и кучеру велено было при этом держать жертву. Затем помещик приказал им вывезти тело и бросить где-нибудь близ дома Алтуховых. Когда они вернулись, то Ширков пил с ними водку и учил, как отвечать на вопросы следствия. Решено было говорить, будто девушка застрелилась. Но когда тело было осмотрено членами врачебной управы, то оказалось, что рана в рту оставлена не пулей, а произведена «каким-то острым трёхгранным орудием». После этого Ширков быстро изменил показания и стал искать лже-свидетелей. Выяснилось, что некоторым крестьянам он при этом грозил, что «разорит и срует до основания жилища и усадьбы их, и разорит семейства их».

Получив наконец доклад следственной комиссии, Александр I приказал учредить в Петербурге специальный комитет под председательством министра внутренних дел. В его состав вошли также курский губернатор А.С. Кожухов, петербургский генерал-губернатор М.А. Милорадович, сенатор А.З. Хитрово и граф И.П. Кутайсов. Работу свою комитет начал 23 марта 1822 г. В деле внезапно возникли новые трудности. Камердинер Филиппов отказался от прежних показаний и стал утверждать, будто их у него вынудили силой и угрозами. В подтверждение своих слов он ссылался на солдат, стоявших в карауле у его камеры в Курске. Однако расследование установило, что солдаты эти были крепостными Ширкова, которых он недавно сдал в рекруты. В итоге решено было следствие возобновить. Император дал на это согласие. В Петербург было вызвано для новых допросов 11 свидетелей. Одним из них был венгр, живший прежде в имении Ширкова и видевший кровь на дрожках после того, как на них вывозили труп. Его пришлось выписывать из Австрии, куда тот успел уже вернуться. Сенатор Ю.А. Нелединский-Мелецкий писал в ноябре 1822 г.: «У нас в Сенате дело такое, которое до того меня занимает, что во всё время я ночи просиживаю, его читая; а оно на несколько тысячи листах и до крайности запутано. Смертоубийство сделано было назад тому 9 лет. По оному, за несколько лет 4 человека сосланы на каторгу; а ныне, по имянному указу, было новое следствие, для которого сосланные с каторги привезены и из них трое найдены невинными; а прямого преступника, во всей точности, ещё уследить не можно. Если спросить по совести, то каждый из нас его укажет; но для законного осуждения сего недостаточно».

В январе 1823 г. в присутствии протоиерея Петропавловского собора Ширкова призвали при-

Подпись императора Николая I. 1833 г.

Император Николай I. 1847 г. Художник Ф. Крюгер

знать и покаяться. Сенатор Ю.А. Нелединский–Мелецкий предъявил ему доказательства вины его в смерти Алтуховой и прямо заявил: «Ты, сударь, убийца её! И кто же будет ответствен за смерть её, если не тот, к кому она собственными его людьми, на его экипаже, скрытно от всех привезена была ночью и в ту же ночь на дороге между его и своим домом, найдена тирански умерщвлённою?»

Но ни эти слова, ни церковное увещание со стороны протоиерея Колосова не подействовали на обвиняемого. Ширков «лобызал святой крест, евангелие и потир», падал на колени перед иконами, но упорно стоял на своей невинности.

Наконец, 16 октября 1823 г. состоялся окончательный приговор по этому бесконечному делу. Ширкова, признав виновным в убийстве, велено было «лиша чинов и дворянского достоинства, сослать в каторжную работу»; камердинера Пармена Филиппова, как соучастника, «не наказывая кнутом и не ставя на лице знаков, а за ложное отрицание от признания своего... наказав плетью 35 ударами, сослать в каторжную работу». Кучеру Степану Щеплюхину пришлось вернуться на каторгу. Осуждённые прежде Сотников, Лобанов и Борзенков признаны были невинными, получили в награду по 2000 рублей каждый, а оба крестьянина были освобождены из крепостного состояния. Лиц, принимавших участие в производстве первого следственного дела, включая В.Н. Геттуна, по высочайшему повелению уволили со службы «с тем, чтобы впредь никуда их не определять».

Всё время следствия, и даже отправляясь в Сибирь, Ширков упорно отрицал свою виновность. Это произвело такое впечатление на его сына Валериана, что тот всю жизнь пытался добиться оправдания отца и даже посвятил этому целую поэму. Сам же Фёдор Ширков, отбывая ссылку в Тобольске, жил там, по свидетельству современников, «в довольстве» и даже вторично женился. При этом его первая жена, Настасья Петровна Ртищева, «всю жизнь о нём заботилась, посылала ему лошадей, экипажи, деньги и трогательные письма».

Не меньше шума наделала в Курской губернии история с убийством щигровского помещика Оловяникова, также привлёкшая внимание царя. Отставной майор Григорий Оловяников проживал в своём имении в с. Красном, будучи известен богатством, скупостью и самодурством. Взрослых детей своих, сына Виссариона и замужнюю дочь Анну, он не любил и всячески притеснял. Любил он свою вторую дочь, незамужнюю Елизавету. Её он «ласкал, ни в чём ей не отказывал, доверял управление всеми денежными и хозяйственными делами, делал дорогие подарки», но при этом не позволял отлучаться из имения и не разрешал выходить замуж. Молодого поручика в отставке, посватавшегося к Елизавете, старик грубо выгнал

вон, и с тех пор тот был вынужден встречаться с девушкой тайно.

В декабре 1831 г., выпив после обильного обеда кружку квасу, старый Оловяников почувствовал во рту горечь, а потом тошноту. Испугавшись отравления и подозревая в том своего сына, помещик отправился в Курск и предъявил кружку знакомому доктору Е. Тот заявил, что никаких следов яда ему обнаружить не удалось, но это не успокоило старика. Сохранив остатки кваса, он заявил, что доставит их для полного исследования в щигровский земский суд. Этим объявлением он и подписал себе смертный приговор. Дело в том, что яд в квасе был, и подсыпал его туда действительно молодой Виссарион Оловяников по просьбе своей сестры Елизаветы. Доктор же, хороший друг обеих сестёр Оловяниковых, выступил в деле как сообщник.

Опасаясь следствия и разоблачения, Елизавета побудила брата поспешить с убийством отца и привлекла к делу повара и домашнего учителя. И вот 24 января 1832 г., после обеда с гостившими у него соседями, помещиками Фенисовыми, старик отправился отдохнуть в свою комнату. Убедившись, что он заснул, Елизавета послала вслед за ним Виссариона, повара и учителя. Выпив для храбрости водки, они вошли туда и задушили спящего. Спустя некоторое время Елизавета «обнаружила» смерть отца и принялась громко его оплакивать. Фенисовы, поднявшись к покойнику, заметили следы на его шее и предложили немедленно обратиться в земский суд. Но Елизавета решительно этому воспротивилась. Вместо этого она вызвала знакомого доктора Е., который, однако, счёл нужным оповестить о смерти старика полицию. Впрочем, следствие велось небрежно. Оловяникова признали умершим от апоплексии. Ускорение хода дела стоило Елизавете 12 тысяч рублей. Повар получил вольную, учитель — денежную награду. Виссарион пустился в запой. А Елизавета всего несколько дней спустя после похорон сыграла свадьбу с отставным поручиком. Не сразу обратила она внимание на то, что из имения исчез любимый шут покойного — Гордей по кличке Свиная Морда.

Как оказалось, шут стал свидетелем убийства своего барина. Не доверяя местной полиции, он тайно ушёл из имения, добрался до Курска и явился на приём к губернатору П.Н. Демидову, которому рассказал всё, что ему было известно. Тотчас было открыто новое следствие. В поместье явилась воинская команда под началом жандармского капитана Шотена и чиновника особых поручений Тимченкова. Начались допросы. Вскоре свою вину признали учитель и Виссарион Оловяников. Однако оба они главную вину возлагали на сестёр Оловяниковых, которые обвинение полностью отвергали. В ход были пущены деньги. Дело затянулось.

Гражданское отделение дореформенного суда. Художник К.В. Лебедев

Губернатор П.Н. Демидов признал следствие завершённым уже на исходе 1832 г. За свои труды Тимченков успел даже получить в награду орден Св. Станислава 4-й степени. Однако после отъезда губернатора на место новой службы курская уголовная палата потребовала возобновления расследования. Делу был дан новый ход, и тянулось оно вплоть до 1838 г., привлекая внимание министра юстиции и самого царя Николая I, которые то и дело требовали «скорейшего окончания следствия». Материалы дела увеличились в объёме до 3700 листов.

«Просмотр ворохов исписанной бумаги, выясняет нам то обстоятельство, что в Курске по делу Оловянникова боролись два течения — административное и судебное, — писал разбиравший эту историю А.А. Танков. — Курские губернаторы и губернское правление старались направить пресловутое дело на надлежащий путь, предавали суду виновных в потворстве чиновников, посылали предписания и предложения, а судебные власти, губернский прокурор, стряпчие, уголовная палата держали руку подсудимых, затягивали дело до

бесконечности, а палата поголовно оправдывала всех, кого губернское правление отдавало под суд. Зато подсудимые, получившие громадное наследство, при окончании дела оказались совершенно нищими».

Наконец, средства Елизаветы окончательно иссякли, а дело дошло до Сената. Сенат высказал порицание Курской уголовной палате и лично губернатору М.Н. Муравьёву, а дело передал в Государственный совет. Итогом рассмотрения его там стало принятое в октябре 1838 г. решение: «Виссариона Оловянникова и повара, а также Елизавету Яскую сослать в каторжные работы, причём повару прежде ссылки, в той самой комнате, где он задушил своего барина, дать через посредство палача 20 ударов кнутом». Анну Оловянникову, как знавшую об умысле сестры, сослали на поселение в Сибирь, а доктора Е. и его щигровского коллегу отрешили от должности без права занимать её впредь.

Случались в губернии преступления и позатейливее. Помещик Ново-Оскольского уезда Фёдор Маркович Полторацкий, владевший в слободе

Привал арестантов. 1861 г. Художник В.И. Якоби

Чернянка мебельной, бумажной и суконной фабриками, сахарным и винокуренным заводами, в 1801 г. женился на молодой француженке Елизавете Францевне Бениони. Поначалу жили они дружно, но позднее взаимная ревность расстроила семейное счастье. После «разных пререканий, неудовольствий и ссор» они разъехались. Сам Полторацкий остался жить в Чернянке, а супруге с детьми уступил в Курске дом, где помещались также гостиница и магазин. Но этим семейная ссора не закончилась — вскоре госпожа Полторацкая обвинила мужа в попытке взорвать её вместе с домом и всем семейством! Было произведено следствие, которое обнаружило, что действительно «во многих скрытых местах в доме, даже под кроватью г-жи Полторацкой, был подложен порох». Быстро отыскался и злоумышленник: крестьянин Ф.М. Полторацкого, недавно приехавший в город из деревни и прежде уже работавший в этом доме. Хотя Елизавета Францевна и настаивала на виновности своего преступного супруга, осуждён был крестьянин, который полностью взял вину на себя и был сослан в Сибирь. Поговаривали, что за это он получил от своего барина немалые деньги. Несмотря на недоказанность причастности Фёдора Марковича

к неудавшемуся взрыву, общественное мнение, изумлённое грандиозностью преступного замысла, склонялось к тому, что «Полторацкий в этом деле не без греха». Не случайно же он в юности учился в Геттингенском университете и даже окончил курс наук с золотой медалью! Поведение самого Фёдора Марковича тоже отчасти поддерживало это мнение, ибо на советы примириться с женой он обычно отвечал:

«Я прочёл в газетах, что изобретено взрывчатое вещество в виде ваты, действующей в иных случаях сильнее пороха; мне бы хотелось заказать роскошный капот, подбитый такой ватой и послать в подарок моей супруге в знак примирения, зная, что она имеет привычку сидеть у камина».

Эти и подобные им громкие дела, будоражившие умы курян, примечательны отнюдь не особой изощрённостью преступлений. Они — то как раз вполне примитивны и по замыслу, и по исполнению. Примечательны эти дела длительностью и ходом своего расследования, которое приводило не столько к установлению истины, сколько к обогащению судейских чиновников и разорению участников судебного разбирательства. В этом отношении они являются примерами, типичными для судебной системы дореформенной России.

«БОЛЬШАЯ ХОЛЕРА»

Летом 1830 г. из Персии в Европейскую Россию проникла прежде неизвестная здесь страшная болезнь — холера. На первых порах её принимали за новую разновидность хорошо известной чумы. Для борьбы со страшной эпидемией 9 сентября 1830 г. была создана Центральная комиссия для пресечения холеры, в крупных городах стали разворачивать временные холерные больницы. Возглавить борьбу с «морovým поветрием» было поручено министру внутренних дел графу А.А. Закревскому. Он быстро «принял очень энергичные, но совершенно нелепые меры, всю Россию избороздил карантинами, — они совершенно парализовали хозяйственную жизнь страны, а эпидемии не остановили». У застав скапливались тысячи людей и лошадей, которых заставляли выдерживать карантин. В тех, кто пытался пробраться через оцепление, приказано было стрелять.

Подвеска-амулет «Хранитель против холеры». Россия. XIX в.

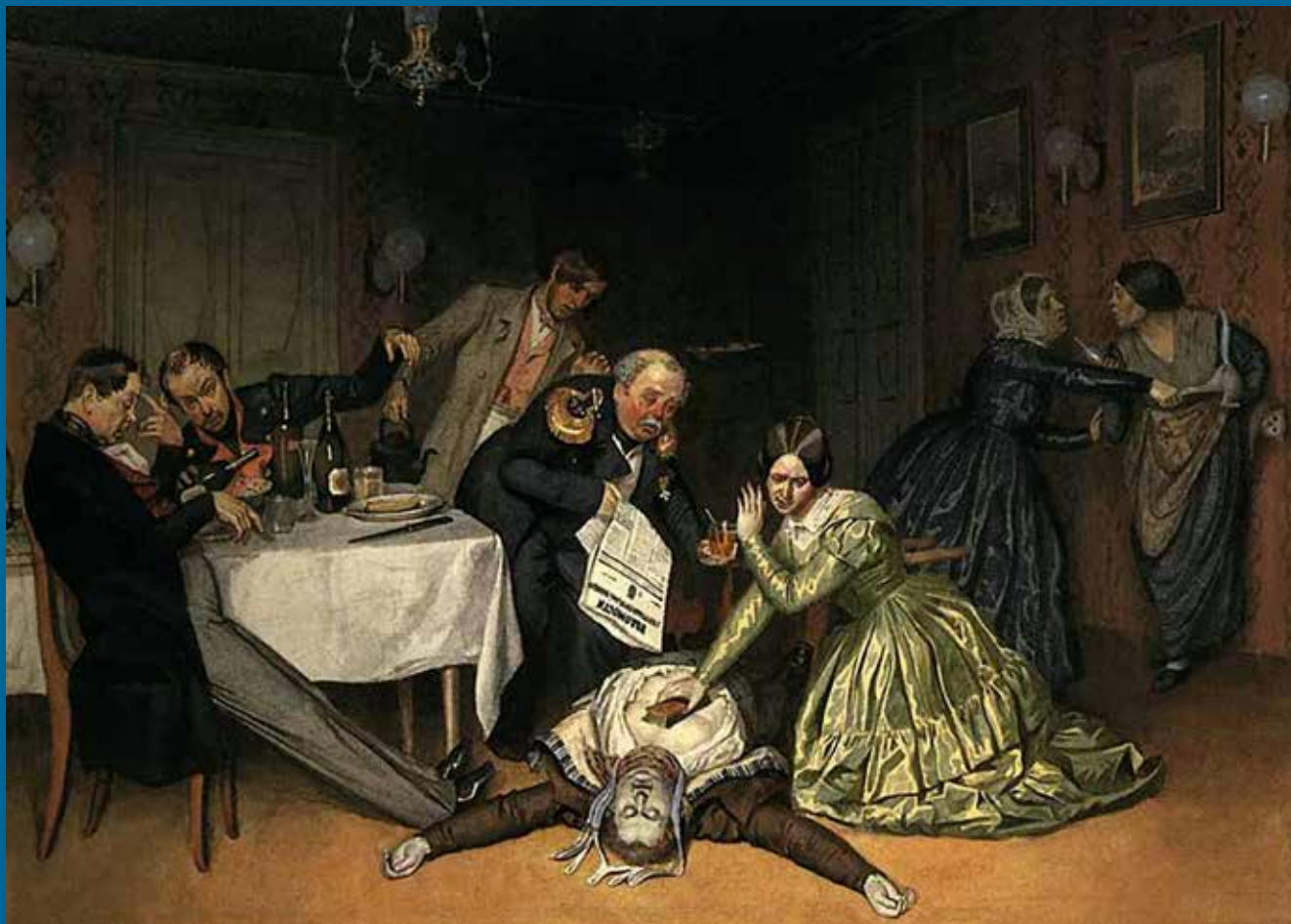

В Курской губернии слухи о невиданном море появились в начале лета 1830 г. Говорили, будто от холеры вымерло три города, будто мор будет длиться три года, потом придут семь голодных лет, а затем явится антихрист. В Рыльском и Путивльском уездах появились сектанты—«гробовики», предвещавшие конец света. «Эти фанатики давали обет умереть от голода, сами делали для себя гробы и, закутавшись саванами, ложились в них и начинали петь стих о смерти, в котором говорилось, что «спасения больше нет в мире, а вместо него царит грех один, а потому следует всем умирать, чтобы не дать душе своей погибнуть в геенне».

Власти губернии, встревоженные известиями о «губительной для людей болезни под названием «cholera morbus» и побуждаемые предписаниями министра внутренних дел, начали принимать меры предосторожности. В уездных городах создавались «комитеты народного здоровья», на границах

губернии учреждались кордоны и карантинные пункты, заготавливались медикаменты, особенно хлорная известь для окуривания людей и вещей в карантине. Аптекарям было запрещено повышать цены на лекарства. На лечение больных стали собирать пожертвования. В «холерный комитет» присылались деньги, лекарства, чай и сахар. Старооскольский помещик Раевский, например, пожертвовал 200 вёдер уксуса и по 10 копеек денег со своих 500 душ крестьян.

Медицинский персонал губернии состоял всего из 4 членов врачебной управы, 3 врачей городской больницы и 14 уездных врачей. Население же губернии составляло тогда полтора миллиона человек. Поэтому для борьбы с заразой велено было привлечь «вольнопрактикующих и отставных врачей», а также фельдшеров из полков, квартировавших в Курской губернии. В случае нежелания врачей отправляться на кордоны их следовало доставлять туда под полицейским конвоем. Пред-

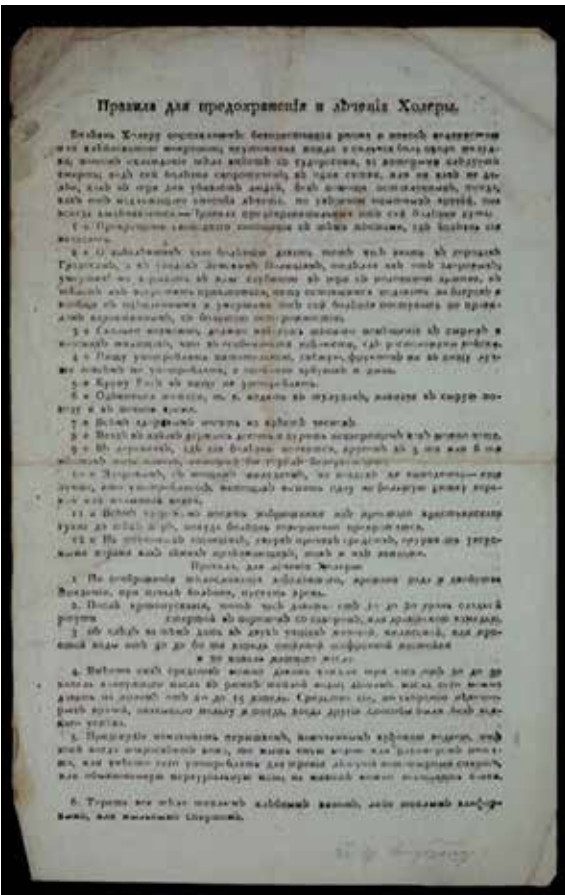
«Всё холера виновата!» 1848 г. Художник П.А. Федотов. Написанная по горячим следам эпидемии, картина отражает всё ещё сохраняющийся страх перед смертельной болезнью. Об этом говорят и сопроводительные стихи автора:

Как лукавого в грехах
Наш брат укоряет,
Так когда холеры страх
В городе гуляет,
Всё всему она виной —
Всё холеры. Так иной
Чуть до вкусного дорвется,
Не утерпит — так напнется,
Что в здоровую-то пору
Переварить желудку впору.
Так подчас забывши страх
На приятельских пирах
Выпьют одного вина
По полдюжины на брата.
Смотришь худо — кто ж вина —
Всё холера виновата...

Граф Арсений Андреевич Закревский. Художник Д. Доу. Министр внутренних дел Российской империи, на которого в 1830–1831 гг. была возложена задача борьбы с распространением холеры

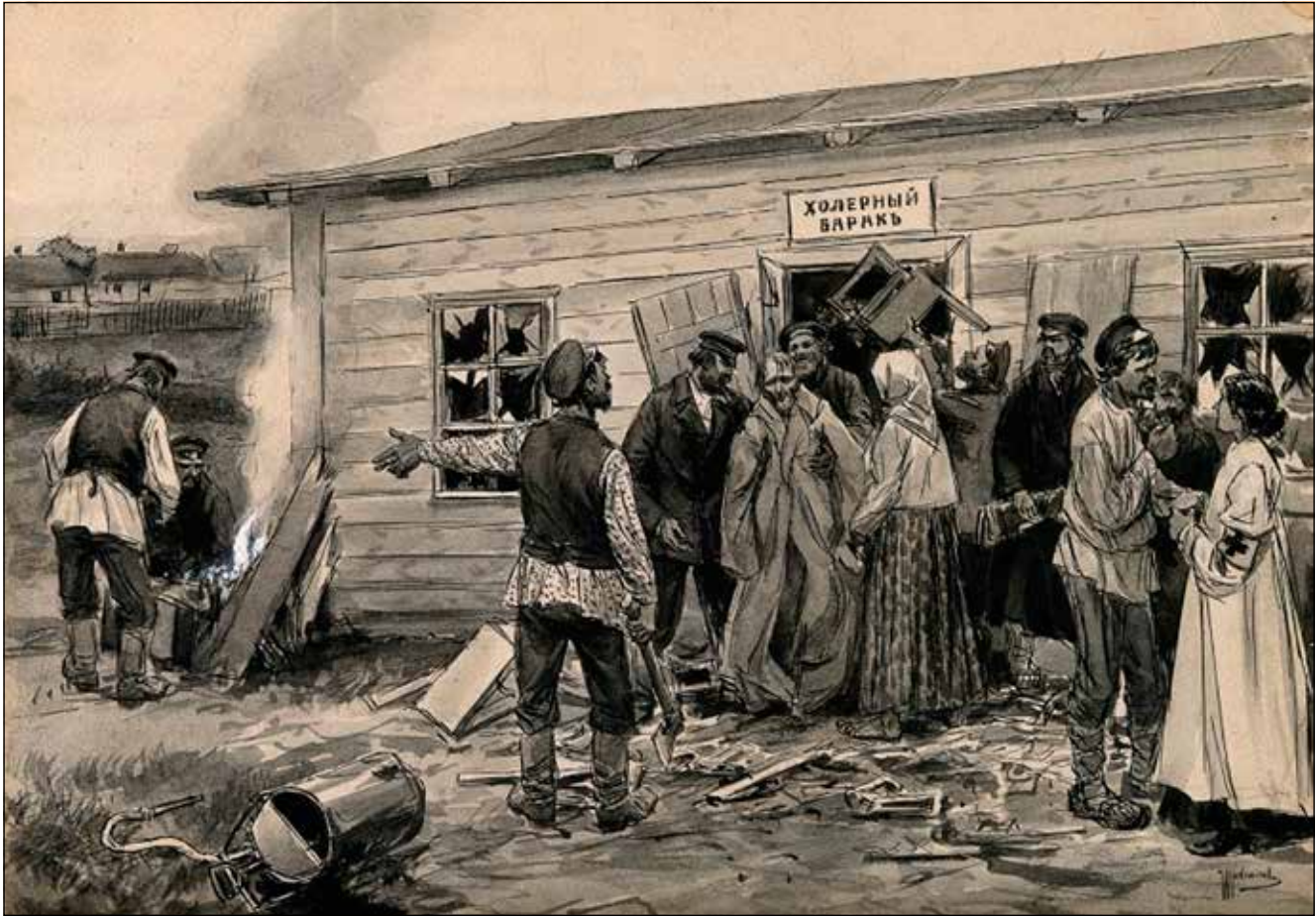
Опахивание села во время эпидемии холеры.
Художник И.А. Владимиров

«Правила предохранения и лечения от холеры»,
распространявшиеся в Курской губернии в 1830 г. Курский
областной краеведческий музей (с сайта «Госкаталог. рф»)

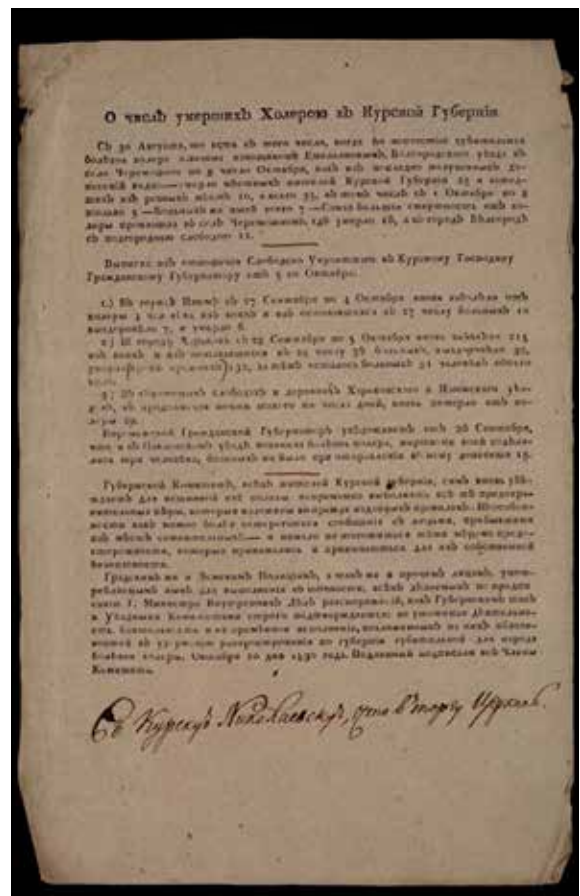
писание исполнялось, невзирая даже на возраст врачей. Заштатный врач Козловский из Хотмыжска, которому исполнилось уже 70 лет, хотел укрыться в Харьковской губернии, но был взят под стражу и под конвоем двух солдат доставлен в Курск. Всего «вольных врачей» в Курской губернии отыскалось 20 человек, которых распределили по кордонным заставам.

Первый случай холеры был отмечен в пределах губернии 28 августа 1830 г. в с. Чермошном Белгородского уезда. Заболевшим был возвращавшийся из Таганрога крестьянин Никита Емельянов. От него заразилась семья, в хате которой он остановился на ночлег. В село тотчас был командирован доктор Евменов, «прославившийся в Курске своими медицинскими познаниями и удачным лечением больных». Полицейским исправникам было предписано строго следить, чтобы крестьяне отныне «наблюдали в образе жизни своей чистоту и опрятность, переменяли бы бельё в неделю, по крайней мере, раза по три... чтобы в избах помещались нетесно и скота и птицы в избах решительно бы не имели».

Разгром холерного барака.
Художник И.А. Владимиров

Справка «О числе умерших холерою в Курской губернии»,
направленная в 1830 г. в «Николаевскую, что на торгу церковь».
Курский областной краеведческий музей (с сайта «Госкаталог. рф»)

Исправники в сопровождении сотских обходили избы и, заметив нарушение предписанных правил, на месте секли виновных розгами.

На кордонах проезжих задерживали на 10–15 дней, окуривая хлором и серными парами. Их никуда не выпускали и не позволяли ни с кем общаться. Средств на пропитание задержанных казной не выделялось, а покупать пищу им было не у кого. Люди голодали и пытались бежать, бросая свои подводы и всё имущество. Случалось, что сбегали с кордонов и больные, разнося заразу по уездам. К началу октября холера распространилась по Белгородскому, Хотмыжскому, Обоянскому и Суджанскому уездам. Усиление мора усиливало и общую панику. В слободе Борисовке крестьяне схватили венгерского торговца и едва не убили, обвинив его, будто он «разносит холеру по добрым людям».

Поддавались страху и некоторые врачи, избегавшие приближаться к больным «по причине явной и скорой заразительности оных через прикосновение». Один из врачей расспрашивал больного, стоя у порога дома, и

«не щупал пульса на том основании, чтобы самому не попасть в оцепление». В Рыльске доктор Левитский вообще отказывался выходить из своей квартиры и «был так слаб во всё время холеры, что не мог составлять не только подробных донесений, но даже не был в состоянии вести простой отчётности с показаний фельдшеров». Кроме того, многие из них просто не знали, как бороться с холерой. В ход пускали в основном сладкую ртуть и кровопускания. Старооскольский врач Карпачёв в своём рапорте писал, что «больные умирают так скоро, что он не успевает даже делать им кровопускания». Другие врачи оставались на своих постах и делали всё, что было в их силах для борьбы с холерой. Особенно отличились доктора Евменов, Немирович–Данченко и Филипьев.

Расширению эпидемии способствовали передвижения стоявших в губернии войск. Полки пришли в движение в связи с начавшимся тогда восстанием в Польше. Тверской драгунский полк выступил из Белгорода, а Переяславский драгунский полк вышел из Обояни. По пути они оставляли своих больных в деревнях и сёлах, где вслед за тем также появлялась холера. В Новооскольский уезд болезнь занесли однодворцы села Беломестного, ездившие в Старый Оскол для сдачи рекрутов. Львовский уезд получил холеру от крестьянина Ивана Борисова из с. Вышние Деревеньки, который умер в день своего возвращения из Белгорода. В Дмитриевском, Фатежском, Щигровском и Тимском уездах умерло лишь несколько человек, а Путивльский уезд холера вообще миновала. В Курске эпидемия началась 10 октября 1830 г. после приезда сюда из Харькова купца Веретенникова. При этом сам купец выздоровел и жил после этого ещё много лет, но холера распространилась по всему городу и уезду. Особенно свирепствовала она в Дьяконовской, Стрелецкой и Ямской волостях. В городе же наиболее пострадали улицы, прилегавшие к берегам Кура. Речка, давшая имя городу, в то время превратилась в сточную канаву, и в рапортах врачей именовалась не иначе как «распространительницей заразы» и «гнилой смертоносной канавой».

Эпидемия показалась некоторым жителям губернии удобным способом скрыть свои преступления. Когда в Львовском уезде в имении помещиков Луниных внезапно умерла дворовая девка Жмырёва, уездный врач Лейдлов, недолго думая,

списал её кончину на «холеру–морбус». Но затем появились свидетельства о том, что умершая погибла от жестоких побоев, а врач «пустил в коммерческий оборот холеру вследствие получения от Луниных приличного гонорара». Доктора–взяточника арестовали и исключили со службы. Тогда за него вступилось всё львовское дворянство, трогательно расписывая его достоинства и называя «истинным другом человечества». Но губернатор П.Н. Демидов встретил прошение весьма холодно. В ответе губернскому предводителю дворянства И.А. Григорьеву он писал 13 сентября 1831 г.: «При всём моём желании делать всё приятное для дворянства здешней губернии я, к сожалению, не нахожу возможным предпринять ходатайство о бывшем львовском уездном медике Лейдлове; ибо произведённое им свидетельство мёртвому телу крестьянской девки Жмырёвой, давшее случай сокрыть настоящую причину смерти её, от побоев происшедшую, есть такое преступление, которое отнюдь не может быть оправдываемо никакими другими хорошими качествами».

В 1831 г. эпидемия в губернии стала ослабевать и к июлю полностью прекратилась. Впрочем, спорадические вспышки её отмечались ещё зимой и весной 1832 г. Об этом сообщает, например, запись, сделанная рыльской мещанкой Анной Кричевцевой на страницах старинной рукописной книги «Октоих певческий», сообщает: «1832–го был мор а болезнь называли холера и очинь трудна... умирали что а каво была съметении даже никъто не запомянит. Когъда в каком доме волию божаю умриту тот дом ацепят 12 дънеи а тела мертвъае возьмут и отънесут в зъборъная место и начьнут рубить [на] несъколько частеи а патом положут во гроб и залют зъвесткаю и залюю потом съхаронют».

Но в целом холера покинула Россию, двинувшись за запад. Сведения об эпидемии стали приходиться из Австрии, Пруссии, Франции и Англии. Докатилась она и до Америки, распространяя на своём пути тот же ужас, что и в России. В Курской губернии, вздохнувшей, наконец, с облегчением, по всем городам и сёлам были проведены благодарственные молебны, а врачи, привлеченные к борьбе с холерой, получили за своё усердие благодарность от графа Закревского. В народе же на долгие годы осталась память о страшной «большой холере», как с тех пор именовали куряне эпидемию 1830–1832 гг.

НАРОДНАЯ ШКОЛА

Даже спустя столетия, вплоть до середины XIX в. ведущую роль в деле народного образования продолжали играть «мастера грамоты» — дьячки и дьяконы приходских церквей, обучавшие детей вполне в духе обычаев XVII столетия, как то видно из описания таких домашних школ, сделанных в Новгороде–Северском (1826 г.) и в Рыльске (1854 г.).

На дому у такого мастера обычно обучалось от пяти до двадцати детей в возрасте от 7 до 16 лет. Одни из них, сироты и бедняки, жили при доме учителя, помогая ему по хозяйству. Их в Рыльске называли *грубниками*, поскольку на них лежала обязанность топить печь–*грубу*. Приходящих учеников именовали *маслаками*. Согласно наблюдениям современников, *грубники* успевали в учении лучше *маслаков*. Обычно грамоте начинали учить в семь лет. Прежде чем отдать ребёнка учиться, служили молебен его святому покровителю, а также считавшемуся покровителем наук св. пророку Науму, прося его «наставить отрока на ум».

Как вспоминал украинский педагог и литературовед М.К. Чалый, в Новгороде–Северском «считалось столько школ, сколько было дьяков. В собственном смысле, это были не школы, а смирительные дома, куда наши мещане отдавали своих чад с целию, чтобы они не баловались дома, снимая затем с себя нравственную ответственность за их поведение. Дети сидели там по году за Граматкой, да по стольку же за Часловцем и Псалтырем, хотя, правду сказать, редкий из мальчиков достигал полного курса учения, омегой коего считался Псалтырь».

Вначале шло обучение чтению, потом, за отдельную плату, приобретали навыки письма и счёта. «Учебная программа» состояла в изучении трёх книг — азбуки, часослова и псалтыря, а оплата учительского труда была не повременной, а «от книги». Помимо денег мастер получал от родителей школьника три воза дров и самые разнообразные угощения. Приводя мальчика в школу, родители вручали мастеру «хлеб–соль» — белую булку, водку, закуску. Каждый четверг ученик приносил наставнику «четверговое», на Масленицу — сыр и масло, по другим праздникам — «праздниковое». Особым днём считалось 9 марта — поминовение 40 мучеников. В этот день полагалось принести в школу сорок бубликов, часть которых забирал себе мастер, а часть крошилась в постное масло и съедалась самими школьниками. В другом случае каждый ученик должен был принести в школу петуха, причём белокурые дети приносили обязательно белых кур, а темноволосые — чёрных.

Занятия в школе начинались около семи утра. Войдя в школу, ученик крестился на образа, кланялся учителю и, заняв своё ме-

Школьный учитель. 1854 г. Художник А.А. Попов

сто за столом, принимался «повторять зады», то есть пройденное вчера. Домашних заданий тогда не задавали, учение начиналось и заканчивалось в классе. Ответив учителю вчерашний материал, школьник переходил к изучению нового урока, читая и перечитывая следующие страницы своей книги. Учитель то и дело поправлял его, прерывал и заставлял читать заново. Он старался добиться того, чтобы ученик читал заданный текст ровно, без запинки, не торопясь и слегка нараспев. Каждый из школьников сидел на отведённом для него месте — старшие поближе к учителю, а младшие поближе к двери. При этом и старшие и младшие рассаживались в зависимости от своей успеваемости. Сам учитель усаживался в красном углу под образами. В двенадцать часов наступал перерыв. Все шли домой, обедали, спали, а в два

часа занятия возобновлялись. Учитель начинал спрашивать новый урок. Вызванный выходил из-за стола, кланялся и стоя начинал отвечать. Если ответ не удовлетворял наставника, то ученик продолжал отвечать урок уже стоя на коленях. Около четырёх часов дня занятия заканчивались. Школьники вставали со своих мест, пели хором молитву, закрывали книги и приступали к уборке помещения. Руководил этим назначенный учителем староста. Только после этого можно было расходиться по домам.

Все три учебные книги практически целиком заучивались наизусть. Усвоив названия и порядок всех букв азбуки, ученик принимался зубрить слога или склады: буки-аз — ба, буки-рцы-аз — бра и так далее. Склады читались вслух, и оттого за несколько домов от школы было слышно, насколь-

ко усердно учатся школяры. В конце азбуки обычно помещались различные нравоучительные тексты. Изучив их, школьник переходил к Часослову, где содержались основные молитвы, читаемые во время церковной службы, а затем и к Псалтырю. Окончание изучения каждой из трёх «программных» книг кем-либо из учеников ознаменовывалось праздничной кашей. Родители приходили в школу, вручали мастеру горшок пшённой каши, поверх которой клали условленную плату. В особом платке приносилось угощение — штоф водки, жаркое, белый хлеб. Кашей угощались товарищи ученика, а всё прочее шло на стол учителя и родителей. Опустевший горшок торжественно разбивался во дворе, после чего ребят распускали по домам. В новгород-северской школе этот обычай соблюдался немного иначе. Если выпадал постный день, то каша варилась гречневая с мёдом, если скоромный, то пшённая на молоке и яйцах. Занятия отменялись совершенно, и все ученики направлялись к дому виновника торжества под его личным предводительством. В сенях хором пели молитву, а затем горшок с кашей со всего размаху разбивался об угол печи. Каша разлеталась по полу вместе с черепками, а ватага школяров бросалась собирать её и набивать свои рты.

Таких праздников за год могло быть несколько, поскольку ученики начинали и заканчивали обучение в разное время. Но куда больше было в их жизни серых будней — порядки в школе поддерживались строгие, к послушанию и прилежанию побуждали розгами. Существовала даже целая методика выбора средств наказания в зависимости от возраста и проступка: «Малым детям — розга черемховая двоюлетняя, сверстным же берёзовая к воумлению, черемховая же к страхованию учения». Для старших учеников наготове был и «ремень плетной». Однако даже отличная успеваемость и примерное поведение не могли спасти школьника от неизбежной порки — каждую субботу мастер считал своим долгом высечь всех своих учеников вне зависимости от их реальных провинностей. Одних за реальные провинности, а других — «чтобы помнили, что учатся в школе и, провинившись, могут быть наказаны». В благотворное действие розги верили свято, и потому выпороть даже ни в чём не повинного мальчишку считалось вполне рутинной воспитательной мерой — для его же пользы! Подобная практика была вполне в духе тех наставительных виршей, что помещались обычно в букварях XVII столетия:

*Розгою Дух Святый детище бити велит,
Розга убо ниже мало здравия вредит
Розга разум во главу детям вгоняет,
Учит молитве и злых всех встягает.
Розга родителям послушны дети творит,
Розга божественного писания учит.
Розга аще биет, но не ломит кости,*

*А детище отставляет от всякия злости...
Розгою аще отец и мать часто бьют детище
свое,*

*Избавляют душу его от всякого греха.
Розга убо всяким добротам поучает,
Розга и злых детей в преблагие претворяет.
Старый без жезла не может ходити,
Млад же без розги не может ся воумити.*

Если же мальчику наука не давалась даже при содействии «спасительной лозы», то обеспокоенные родители прибегали к иным мерам. На дом призывался священник, который читал над неуспевающим особые молитвы, призывая святых Сергия Радонежского и Александра Свирского «улучать скорбную главу». Дело в том, что, согласно житиям, эти святые в детстве были «косны на понимание», но благодаря своим молитвам Богородице добились в учении больших успехов.

От школьников требовалось особенно пристойное поведение. Специальные наставления требовали: «егда учитель отпустит вас, то со всяким смирением до дому своего идите. Шуток и кощунств, пхания же друг друга и биения, и резвого бегания, и каменOVERжения, и всяких ненадобных детских глумлений да не водворится в вас». Вряд ли стоит говорить о том, что подобные правила и в XVII веке соблюдались ребятами крайне редко.

Живая картина школьного быта содержится в записках М.К. Чалого: «За большим некрашеным столом, занимавшим 2/3 всей комнаты, сидело человек 15 детей обоего пола. Как бы не замечая нашего прихода, все они... надсаживали грудь над своими «стихами», быстро вода указкой по строкам кто Граматки, кто Часловца и Псалтыря... Пришло время завтракать... в одно мгновение ока все книжки закрылись и школьники высыпали во двор побегать перед едой для возбуждения аппетита... Общество мальчиков с первого же дня мне не понравилось: все были такие отчаянные драчуны, не успели выйти из комнаты, как уже передрались... Через четверть часа нас позвали к завтраку... Каждый вытащил из-под лавки принесённую им из дому провизию: кто сало, кто блины, кто пирог или кольцо колбасы... Хотя каждый имел своё, но каждому нравилось больше то, что ел другой и чего у него не было, а потому происходила мена: ты мне дай колбасы, а я тебе пирога. При таких коммунистических началах никто не завтракал тем, что принёс из дому, а пробовал понемногу всего, что только лежало на столе. Кто был провожен, то был и доволен — тому и доставалось больше... Никто от нас никогда не требовал того, чтобы мы понимали читаемое, лишь бы читали громко и скоро — этими качествами измерялась степень умения заданного «стиха» и достоинство истого школяра».

Следует отметить, что частные начальные школы, хотя и с иной программой обучения, но

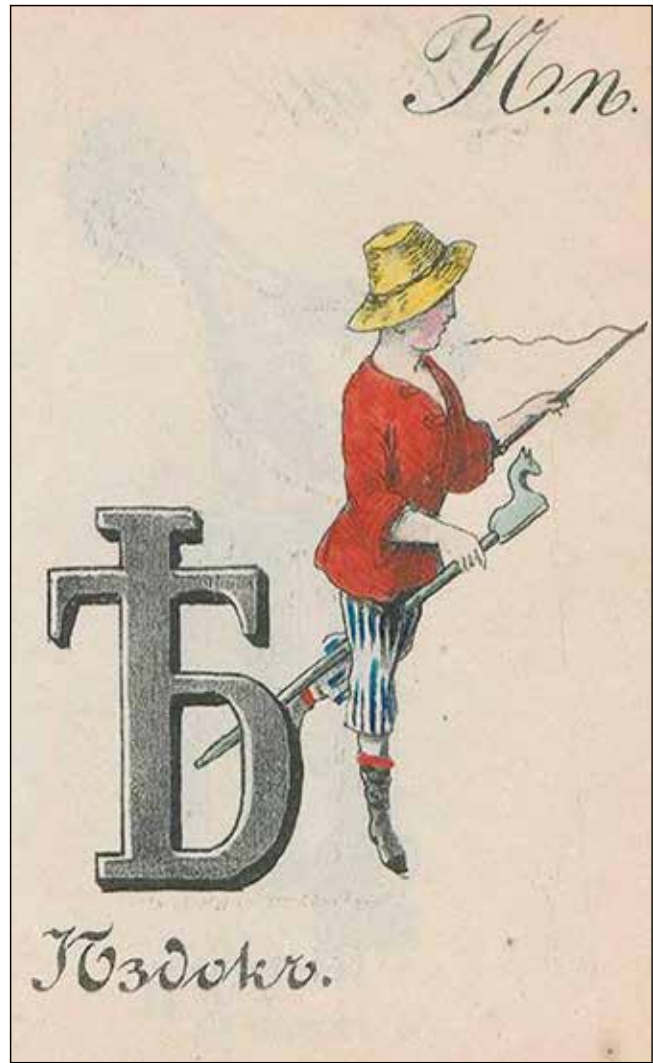

Азбука. Титульный лист. 1795 г.

Изображение буквы «З» в «Новой занимательной азбуке» 1855 г.

нередко с теми же порядками, успешно продолжали действовать и в самом Курске вплоть до 1917 г. Профессор И.И. Чистяков вспоминал, что в 1870–х гг. его семья жила в Курске в доме дьячка, «который набирал 60 мальчиков и девочек и, несмотря на примитивную методику преподавания, довольно быстро учил их читать, писать и считать на счётах». В 1893 г. будущий академик Н.М. Дружинин семилетним поступил в двухклассную «приготовительную школу» сестёр Тюриных. Школа находилась на улице Чистой в одноэтажном деревянном доме. «В первом [классе], начинавшемся с обучения грамоте, — пишет Н.М. Дружинин, — преподавала младшая сестра, Ольга Петровна, молодая миловидная и приветливая девушка. Она пользовалась всеобщей симпатией и успешно учила нас чтению, письму и счёту. Во втором классе мы поступали под руководство старшей сестры Юлии Петровны, строгой и требовательной, которую мы все немного побаивались. Здесь проходили начатки грамматики и арифметики, писали диктанты, заучивали наизусть стихотворения... твердили молитвы и библейские заповеди». К тому же времени относятся воспоминания старожилы Стрелецкой слободы о том, как его, девятилетнего, в июле 1892 г. отдали в подобную школу: «Ученья я ни капли не боялся, потому что умел уже кое-как писать и читал уже довольно бойко, но самой школы я боялся. В школе, по рассказам уже учащихся товарищей, была очень сердитая «учительша», которая за всякие пустяки наказывала очень строго. И действительно, как оказалось впоследствии, товарищи мои были правы... Как то нам, ученикам «2 группы», была задана «на дом» очень трудная арифметическая задача. Но на следующий день оказалось, что задачи никто не решил. Учительница так рассердилась тогда на нас, что... выгнала всех из класса на двор в одних рубашонках и без шапок... а дело было глубокой осенью. Порядочно мы тогда продрогли».

В сельских школах подобного типа (а их до 1866 г. во всей губернии насчитывалось всего 40) ситуация долго оставалась ещё более удручающей. В роли учителей выступали то пономарь, то дьякон, то отставной солдат, то просто грамотей-самоучка. В с. Машкина–Белица Дмитриевского уезда «обучение велось по вечерам, а днём ученики работали у своего педагога». В с. Никольском Белгородского уезда обучением детей занимался дьячок, который брал плату натурой: хлебом, салом, яйцами и пр. В фатежском с. Троицком педагогические способности местного пономаря ограничивались тем, что он «задавал «отсюда досюда» и надевал на головы учеников колпак с надписью «дурак». В с. Беляево учебный год продолжался с 1 декабря по 17 марта (т. е. в свободное от полевых работ время), а «курс учения длился 6–8 лет. Сперва проходили букварь церковный, затем

Изображение букв в «Новой занимательной азбуке». 1855 г.

гражданский, затем часослов, псалтырь и уже на пятый год арифметику и письмо». Преподавание велось, как правило, «механическим способом», то есть путём простого заучивания наизусть. Под руководством наставника ученики зубрили «молитвы, библейские события; точно также велось и дело обучения чтению (преимущественно церковнославянскому), письму и счёту». Основным предметом в таких школах было «славянское чтение», причём «достижение беглости в чтении составляло при занятиях главную цель, как учителя, так и учащихся». Как и в аналогичных городских школах, «занятия производились в частных домах, по большей части в домах самих учителей... часто домашняя мебель во время уроков превращалась в классные столы».

При этом, как отмечалось в обзоре просветительской деятельности губернского земства за период 1866–1901 гг., «детей загоняли в школу силой, при чём матери со слезами провожали их». Это и

неудивительно: в этих школах «в самых широких размерах и повсеместно было распространено наказание розгами, лозою, битьё линейками и даже палками, не говоря уже о таких «лёгких» наказаниях, как стояние учеников голыми коленями на гречихе, драньё чубов и т. п. Нередко практиковались наказания и более жестокие, так в одной школе за проступки учеников ставили коленями на кирпичный столб высотой в 1/2 арш., давали в одну руку веник, а в другую кружку воды — держать перед собою; таким образом, ноги опирались только коленями, а руки были вытянуты вперёд». Неудивительно, что в селе Хмелевом в 1902 г. старики вспоминали об учителях своего детства «почти с ужасом». Они уверяли, что боялись их «больше, чем народ окружного начальника».

С конца XVIII в. на смену подобным частным «школам» постепенно приходят государственные училища и гимназии, что являлось новым шагом в деле народного образования.

ГИМНАЗИЯ И ГИМНАЗИСТЫ

Хотя ещё Городовое положение 1785 г. прямо предписывало «учредить и иметь школы» во всех губернских и уездных городах, а, согласно этому указанию, в Курске с 1786 г. действовало Главное народное училище (позднее как раз и преобразованное в гимназию), ведущую роль в деле народного просвещения долго ещё продолжали играть «мастера грамоты», обучавшие детей согласно традициям, корни которых уходили в средневековую Русь.

Однако время предъявляло новые требования к образованию, и 23 февраля 1808 г. в Курске была открыта губернская мужская гимназия, созданная на основе Главного народного училища.

Штат гимназии был невелик — почётный попечитель, директор, инспектор, законоучитель, семь старших и трое младших учителей, учитель рисования и надзиратель. Под их руководством учащиеся получали знания по таким предметам, как Закон Божий, Священная и Церковная история, российская грамматика, риторика, пиитика, история литературы, логика и славянский язык. Были здесь и точные науки — арифметика, алгебра, геометрия, «щетоводство» и физика, всеобщая и российская история, статистика Всеобщего и Российского государства, языки латинский, греческий, французский, немецкий «и словесность их», чистописание, черчение и рисование.

Число учащихся также было невелико. Классы не имели нормированного количества учеников. Всё зависело от численности поступивших в данном году. Самым многочисленным бывал обычно первый класс, и весьма немногие гимназисты доучивались до последнего. Например, в 1815 г., когда гимназия была ещё четырёхклассным учебным заведением, в первом классе обучался 41 человек, во втором — 20, в третьем — 9, а в четвёртом — всего 7. В 1834 г. гимназия была преобразована, и количество классов увеличилось до семи. Всего за девять лет, с 1834 по 1843 гг., в гимназическую «Книгу учащихся» были внесены записи о 291 ученике. Из них 184 являлись сыновьями дворян, а 47 принадлежали к «обер-офицерскому званию». Таким образом, большая часть учащихся (231 человек) происходила из семей помещиков и чиновничества. Следующими по численности среди гимназистов были купеческие (21 человек) и мещанские дети (15 человек). Помимо них в гимназии обучались один однодворец, один «разночинец», один выходец из «приказнослужитель-

ского звания», два попovichа, двое «уволненных из духовного звания», шестеро вольных хлебопашцев и шестеро вольноотпущенных крепостных.

Судьбы гимназистов «низкого» происхождения складывались по-разному. Так, двенадцатилетний Дмитрий Медведев — «незаконнорожденный от дворовой девицы Надежды Мефодьевой, который по увольнении господином причислен свободным хлебопашцем», — поступил в гимназию 16 августа 1841 г., окончив предварительно Курское уездное училище. Однако уже 13 ноября 1842 г. он был исключён решением «гимназического совета «за невзнос денег за учение». Другой же вольный хлебопашец, Иван Литвинов, — «сын дворового человека Павла Казмича Литвинова имеющего жительство Щигровского уезда в селе Никольском», — не только окончил Щигровское уездное училище, не только поступил в 1834 г. в губернскую гимназию, но и прошел там «полный курс наук», получив выпускной аттестат 25 июня 1841 г. При этом следует отметить, что графа о проступках и наказаниях против его имени пуста, зато графа о поощрениях сообщает, что при переходе в 3-й класс ему была «изъявлена от Совета благодарность», в 4-й класс он перешел с Похвальным листом, а в 5-й — с подарком за прилежание («книга и рисовальный эстамп»). Как видно, гимназические преподаватели отнюдь не страдали какими-либо классовыми предрассудками. Что же касается исключения за невзнос платы, то по этой причине из гимназии не раз исключались и дворянские дети (например, обоянец Степан Садовский).

В целом же «до окончания курса» из гимназии выбыло 126 учеников, и еще 20 было по различным причинам из нее исключено. Причин, вызвавших столь крайнюю меру воздействия, было четыре: невзнос платы за учение (9 человек), самовольная отлучка из города (двое), нехождение в класс (пятеро), дурное поведение (двое). Особняком среди исключенных стоит некий «обер-офицерский сын Александр Воронин» — напротив его имени раздраженные педагоги с нескрываемым удовлетворением вписали: «Исключен вовсе из Гимназии как за невзнос денег за учение, так и за нехождение в класс по нерадению». Некоторые исключенные (особенно за неуплату денег) позднее восстанавливались в гимназии, но разгильдяев, подобных Воронину, исключенных вовсе, это не касалось.

Все гимназисты до поступления своего в первый класс уже имели некоторое образование, полученное в уездных училищах, в «Курской Ланкастерской школе» (купцы и мещане) или «в доме родителей» (дворяне). Некоторые уже обучались ранее в гимназиях других губерний. Это неудивительно — поступающий в гимназию обязан был уже уметь хорошо читать и писать по-русски и знать первые четыре правила арифметики. По-

Поясная пряжка с буквами «К.К.Г.»

(Курская классическая гимназия). г. Курск. Рубеж XIX–XX вв. Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии

Русские гимназисты. 1830 г.

ступать ученик мог даже сразу во 2–4 классы, в зависимости от уровня подготовленности и результатов экзамена («испытания»). Кроме того, поступающий в первый класс должен был иметь не менее 10 лет от роду.

Прием в гимназию производился в период с 1 июля по 1 августа. Родители должны были подать прошение на имя директора и предоставить свидетельство о рождении, происхождении и крещении ребенка, а также о том, «имел ли он естественную или прививную оспу». В случае если родители мальчика не имели постоянного жительства в самом Курске, от них требовалось также «письменное обязательство... от известной, живущей в городе особы», каковая особа и должна была присматривать за будущим гимназистом. В круг её забот входило следить за посещаемостью занятий, за чистотой и опрятностью форменной одежды, снабжать ученика необходимыми книгами и пособиями, а также «иметь вне классов Гимназии ближайший надзор за нравственностью, занятиями и успехами ученика, не допускать, чтобы он имел вещи, несвойственные его возрасту и званию».

Принятый в гимназию ученик обязан был постоянно соблюдать установленную форму одежды: «для учеников 3 нижних классов двубортные сертуки темно-синего сукна с стоячим красным воротником и фуражка темно-синего ж сукна с красным околышем; а для учеников 4–х старших классов мундир такового же сукна и с таким же воротником и серебрянными петлицами».

Учащиеся должны были соблюдать строгий режим, как в стенах гимназии, так и за ее пределами. В правилах поведения, изложенных в «Положении», лишь один единственный пункт не содержит слов «*ученику запрещается*», да и тот звучит следующим образом: «*При перемене классов по-зволяется ученику употребить несколько минут на приготовление к следующей лекции!*»!

На занятия должно было являться в чистом и опрятном виде, а «иметь на голове длинные или завитые волосы» воспрещалось строжайше. Без особого на то позволения инспектора гимназистам было запрещено посещать всяческие публичные собрания — балы, маскарады, театры, концерты. Зато особое внимание уделялось религиозному воспитанию. Урок начинался с молитвы, которую читал старший ученик или же кто-либо из гимназистов по очереди. Все прочие должны были в это время «слушать и молиться с благоговением». Каждое воскресенье все собирались в гимназии и под руководством учителей отправлялись в церковь. В «Положении» специально оговаривалось, что «каждый ученик всенепременно обязан говеть, исповедоваться и приобщаться Св. Таин, для чего Начальством Гимназии назначается последняя неделя Великого Поста, те же, которых родители пожелают взять из города, равно Лютеране и Ка-

толики должны представить свидетельство, уверяющее, что они действительно говели».

Занятия в гимназии проводились ежедневно по шесть часов в день с перерывом на обед. В день было лишь четыре урока, но зато каждый из них продолжался по полтора часа. Старшие классы освобождались от занятий в среду после обеда. Согласно установленным правилам, гимназист должен был «взявши книги, тетради и все нужные для утренних занятий учебные пособия... идти в Гимназию в порядке и совершенном приличии. Пришедши в Гимназию за 1/4 часа до начала учения отдать Швейцару шинель, сесть на определённом месте и заниматься повторением уроков». Без позволения старшего ученика или надзирателя вставать с места и выходить из класса было запрещено. Почти кладбищенские тишина и покой были, похоже, идеалом курских педагогов. Ученикам воспрещалось «заводить с товарищами какие либо споры, посторонние разговоры, мену и покупку вещей и т. п.». Недостижимость подобного идеала, однако, понималась и самими учителями даже в то время: те же правила предписывали ученикам выходить из классов «по данному знаку, соблюдая *возможный* порядок и тишину». Сдержанность рвущихся с урока школьников в чинном строю изначально представлялось делом безнадёжным.

Учебный год продолжался с 1 августа по 1 июня, после чего наступали «летние вакации», длившиеся всего один месяц. В июле учеников ждали переводные экзамены. Взамен современных зимних каникул гимназисты освобождались от занятий на Рождество с 23 декабря по 7 января, а весной отдыхали последнюю неделю Великого поста и неделю Пасхи.

Самовольно отлучаться из города запрещалось «даже и в случае крайней необходимости». Летом гимназист должен был «быть непременно в своей квартире» в 8 часов вечера, зимой — в 6 часов и, как рекомендуется в «Положении», «*вообще не отлучаться без особой надобности*». Если же такая надобность все же возникла и на пути гимназиста встречались учителя или какие-либо городские чиновники, перед ними следовало снять фуражку «и вообще оказать им, во всяком случае, должное уважение, за упущение чего непременно строго будет взыскиваемо».

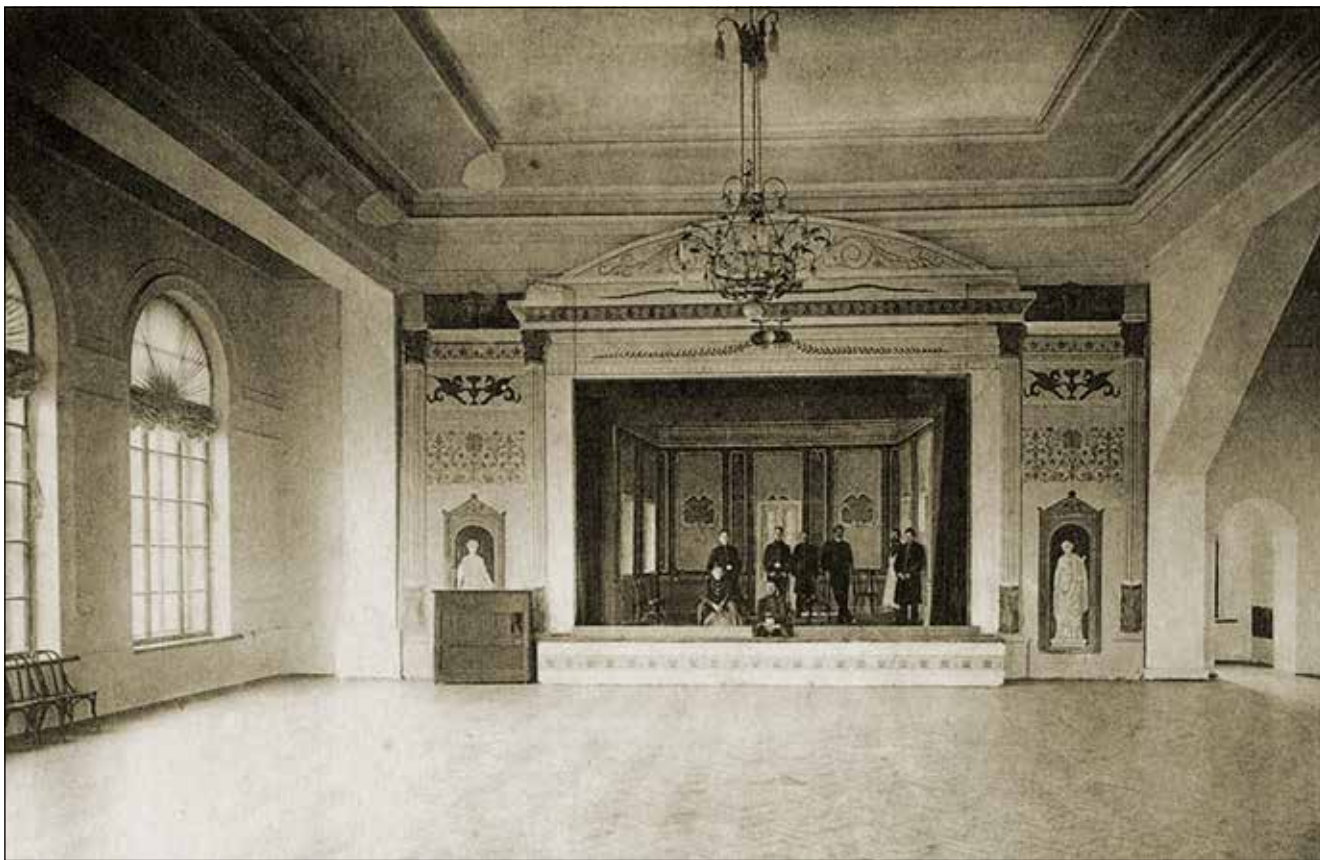
Как и во всех учебных заведениях того времени, порядки в Курской гимназии были строгими, но отнюдь не столь свирепыми, как то обычно представляется. В выборе наказаний курские педагоги были консервативны и неизобретательны, зато педантичны и неумолимы в их применении. Обычной мерой воздействия были розги, назначаемые «по журналу Совета» за проступки, классификация которых и поглотила весь запас учительской изобретательности: «буйство в классе», «леность», «шалости», «неуспешность», «безуспешность»,

Курская классическая мужская гимназия. Фотография начала XX в. (с сайта «Курск. История и легенды нашего города»)

«нерадение», «дурное поведение», «худое поведение», «нескромное поведение», «неодобрительное поведение», «неприличные поступки». Наказывались ученики за проступки, совершённые как в пределах гимназии, так и вне её стен. Кара за каждый из них по отдельности или за сочетание нескольких сразу бывала одинакова. Лишь однажды преподаватели, приведённые, похоже, в состояние педагогического шока, применили более оригинальную меру воздействия, чем рядовая порка. Сын дворянина коллежского регистратора Н.М. Масалова из с. Нижний Колодезь (Плоское) Курского уезда, двенадцатилетний Иосаф Масалов поступил в гимназию 18 августа 1835 г., но уже к 19 ноября настолько поразил гимназический совет, что по единогласному решению оно ему был «за чрезвычайную леность нашит ерлык с надписью *Ленивый*». Насколько эффективной оказалась столь неординарная мера — сказать трудно. По крайней мере, когда 8 февраля 1837 г. тот же Масалов учинил «буйство в классе», ему уже, особо не мудрствуя, просто выписали розог. Любопытно, что в отметке о его выбытии из гимназии 13 декабря 1840 г. говорится, что покинул он её «при хорошем поведении».

В целом же за период 1837–1840 гг. в книге имеются отметки о наказании розгами лишь 43 учащихся, причём 27 из них за эти годы подвергались порке не более одного раза. Среди прочих первенство по числу наказаний держат братья Головины, сыновья поручика М.С. Головина, помещика из с. Среднее Дорожное Старооскольского уезда. Старший из них, Николай, поступил в гимназию одиннадцати лет в 1835 г.; средний, Семён, поступил десятилетним в 1837 г., а младший, Алексей, начал своё обучение здесь также десяти лет от роду, но уже в 1840 г. Из них Николай, окончивший курс в 1842 г., был высечен четырежды: 6 сентября 1838 г. «за неприличные поступки», 9 декабря 1838 г. «за неуспешность и неприличное поведение», 19 августа 1839 г. «за дурной поступок» и 10 декабря 1839 г. разом «за нерадение, леность, нескромное поведение». Семён же «за неуспешность в учении и неприличное поведение наказываем был розгами» 22 января, 24 марта, 6 сентября и 9 декабря 1838 г. (последние два раза, как легко заметить, одновременно со старшим братом и за те же проступки), а также 17 февраля и 16 мая 1839 г. А вот напротив имени младшего из братьев, Алексея, отметок о наказаниях нет во-

Актовый («торжественный») зал Курской классической мужской гимназии. Фотография начала XX в. (с сайта «Курск. История и легенды нашего города»)

все — не подействовал ли тут устрашающий пример старших Головиных?

Впрочем, судить о действенности подобного рода экзекуций на основании одних лишь сохранившихся скурых записей журнала трудно, хотя встречаются и любопытные примеры. Так, сын уроженца Воронежской губернии майора И.А. Бабанина, двенадцатилетний Николай (поступил в 1835 г.), отведал розог дважды — «за дурное поведение и леность» 22 января 1838 г. и «за неуспешность и худое поведение» 16 мая 1839 г. (причём оба раза в компании с неутомимым Семёном Головиным). И при этом он, однако, покинул гимназию в 1842 г. «при очень хорошем поведении»!

В любом случае с удовлетворением следует отметить, что тот период в Курской гимназии отнюдь не был царством сплошного педагогического террора, как того, казалось, следовало бы ожидать. Если записи в журнале отражают реальную картину (сомневаться же в этом нет оснований), то выходит, что телесные наказания применялись сравнительно редко и, видимо, в крайних случаях. Даже лидирующего по числу наказаний Семёна Головина секли не более четырёх раз за учебный год (1838–1839). Обычно же гимназисту вполне

хватало одной–единственной порки, чтобы он в будущем всячески избегал повторного знакомства с розгами. И это ему, как правило, удавалось. Гимназический совет, по крайней мере, в тот период, явно стремился не злоупотреблять телесными наказаниями и был в назначении их довольно осторожен. Это имело под собой веские основания, поскольку подчас применение розог приводило к скандальным последствиям. Так, 16 мая 1839 г. «за неуспешность и худое поведение» был высечен одиннадцатилетний Григорий Аммосов, сын майора И.Т. Аммосова, помещика из д. Тимофеевки Курского уезда. А уже 19 мая он и его старший брат Николай были исключены из гимназии «за самовольную из города отлучку». Очевидно, жестокое и, быть может, несправедливое наказание толкнуло мальчиков к побегу из гимназии. Однако, к чести преподавателей и гимназического совета, следует отметить, что уже 10 августа братья Аммосовы были восстановлены в гимназии и успешно закончили обучение в 1843–1844 гг.

Впрочем, ещё более осторожно и вдумчиво решал Совет вопрос о наградах и поощрениях. Тут преподаватели позволяли себе несколько боль-

Урок латинского языка в гимназии. Россия. Фотография начала XX в.

шее разнообразие, но проявляли куда большую скупость. Прилежание учащихся не оставалось без внимания: при переводе в следующий класс ученик мог получить либо «изъявление благодарности от Совета гимназии», либо Похвальный лист, либо ценный подарок (книга, «математический инструмент», атлас, ящик красок, «рисовальный эстамп»). Иногда награждали Похвальным листом и подарком одновременно. Но счастливых, удостоенных наград, бывало весьма немного. Из их числа подлинной живой легендой гимназии, несомненно, должен был стать Софрон Красноперов, сын коллежского регистратора из г. Лохвицы Полтавской губернии. В Курскую гимназию он поступил в 1837 г., и уже переходя во 2-й класс, удостоился Похвального листа, а сам «Его Императорское Высочество Великий Князь Александр Николаевич изволил пожаловать золотые часы за поднесение нарисованного им портрета Его Высочества». В третий класс гимназист, отмеченный вниманием будущего императора Александра II, перешёл с Похвальным листом и «подарком математического инструмента», в четвёртый — «с подарком Атласа», а в пятый — «с Похвальным листом и книгою». Однако, по неизвестным при-

чинам, этому отличнику пришлось покинуть гимназию до окончания курса.

К числу поощрений следует отнести также награждение золотыми и серебряными медалями тех, кто успешно заканчивал все семь классов (правда, за рассмотренный период ни одного такого случая отмечено не было). Кроме того, ученикам старших классов разрешалось пользоваться гимназической библиотекой — но за поручительством кого-либо из учителей. Беднейшим ученикам, «известным своим прилежанием и благонравием», бесплатно выдавали учебники. Из числа «отличнейших по прилежанию и поведению» избирали старост класса — *старших учеников*, которые должны были проверять готовность товарищей к урокам. Вообще же их обязанности состояли «в совершенном исполнении приказаний своего Начальства, в отклонении учеников от худых наклонностей, а о неисправных доносить Начальству». Надо полагать, что гимназисты, добросовестно исполнявшие подобные обязанности, не пользовались особой популярностью среди одноклассников.

Представление о гимназии как о косном, консервативном учебном заведении, с жёстким и даже жестоким внутренним распорядком, сложи-

лось в основном под влиянием мемуаров бывших гимназистов. Относительно Курской мужской гимназии подобные источники сохранились лишь применительно к несколько более позднему времени. Зато практически все они так или иначе затрагивают колоритную фигуру её тогдашнего директора Даниила Григорьевича Жаворонкова (1819–1901). Он занимал эту должность в течение 56 лет и достиг на этом посту недостижимого чина тайного советника. Эти воспоминания отражают не только личные качества директора, но и атмосферу, сложившуюся в гимназии к середине XIX в., атмосферу, которая отчасти сохранялась вплоть до начала нового столетия.

Уроженец Курска, позднее известный математик, профессор И.И. Чистяков вспоминал: «В царствование Николая I Жаворонков окончил Харьковский университет и имел шансы сделать блестящую карьеру. Сначала он получил место библиотекаря Харьковского университета, а затем, очень скоро, — директора Курской гимназии. С этой должностью соединялось тогда и начальствование над всеми школами губернии, а когда позже была открыта Курская женская гимназия, то и она попала под его начало. Директор сразу показал себя очень строгим, даже жестоким администратором, но скоро и потерпел за это серьезную аварию.

По введенным им правилам ученики пансиона, совершившие какую-либо провинность, оставались без обеда, но должны были присутствовать за обеденным столом. Обходя однажды обедающих, Жаворонков подошел к месту, где сидел перед пустыми тарелками ученик VII класса Артюхов, наказанный за какой-то проступок. Остановившись около него, Жаворонков стал над ним издеваться, причем как-то коснулся и его отца. Пылкий молодой человек, не стерпя насмешек, схватил тарелку и ударил ею директора по голове, причем рассек ему на лбу кожу. Поднялась невообразимая суматоха; Артюхов был заключен в карцер, а Жаворонков удалился в свою квартиру и вызвал врача. Ранение оказалось неопасным, но от него у Жаворонкова на всю жизнь остался на лбу шрам. Немедленно он сам сообщил о произошедшем в Петербург. Оттуда пришло «высочайшее повеление»: дать Артюхову 100 розог, а по выздоровлении отправить рядовым на Кавказ. Такое жестокое наказание и в те времена назначалось лишь уголовным преступникам за серьезные преступления, в школах же, хотя там и практиковалось сечение розгами, не применялось. Но в данном случае приговор был исполнен в точности; был собран весь персонал гимназии и произведена жестокая экзекуция. С тела Артюхова быстро клочками слетела кожа и удары розог сыпались по обнаженной спине, отчего она вздулась, как подушка, и залилась кровью. Почти все присутствующие при первых же

криках Артюхова разбежались. Вопли засекаемого мальчика были слышны далеко от гимназии. Но он остался жив; после продолжительного пребывания в лазарете выздоровел и, согласно приказу, был отправлен солдатом на Кавказ. Там он отличился, получил офицерский чин и вернулся с полком в Курск, где и познакомился, в числе других офицеров, с моими родителями.

Жаворонков за понесенное оскорбление получил какую-то награду вне очереди. Начальство продолжало и далее щедро награждать его чинами и орденами, но служебная карьера его была на этом кончена. Никакого движения по службе «битый» по понятиям той эпохи, да и много позже, иметь уже не мог. Он остался на всю жизнь директором Курской гимназии, причем в конце службы получил даже чин тайного советника и высокие ордена, которых на этой должности давать не полагалось».

Однако случаи, подобные происшествию с Артюховым, были из ряда вон выходящими событиями. Именно поэтому они и отражались столь ярко в мемуарной литературе. Преподаватели же Курской гимназии отнюдь не представляли собой унылого ряда косных ретроградов. Академик Н.М. Дружинин, в целом неодобрительно отзывавшийся о Курской гимназии, сохранил самые тёплые воспоминания о преподавателе словесности Архангельском, латинисте Шандыбине и, особенно, о «искусном и опытном» педагоге пригласительного класса Иване Ивановиче, фамилию которого, правда, запмятовал — «он не только учил, но и воспитывал своими моральными беседами и внушениями». В любом случае, учебное заведение, давшее всякий проблеск мысли, не могло бы дать среди своих выпускников такого ряда выдающихся деятелей науки, как произошло то в Курской гимназии. Среди её воспитанников разных лет — химик и металлург академик А.А. Байков, историк Н.М. Дружинин, авиаконструктор С.А. Лавочкин, минералог Н.М. Федоровский, знаменитый геоботаник профессор В.В. Алехин, известный физик профессор В.П. Ветчинкин, метеоролог В.Н. Оболенский, М.И. Гуревич — один из создателей знаменитых МИГов. Далеко не всякая современная школа может похвастаться подобным «послужным списком».

Несмотря на все свои недостатки, в условиях XIX в., особенно его первой половины, мужская гимназия, несомненно, являлась наиболее передовым и даже либеральным учебным заведением Курской губернии. Присущие же ей с современной точки зрения недостатки были явлениями, типичными для своего времени. Они вполне соответствовали повсеместно распространённому тогда взглядам на воспитание и обучение и являлись общими для всех подобных учреждений не только в России.

Учитель рисования. 1867 г. Художник В.Г. Перов

Медаль «За успехи в науках». 1835–1917 гг. Серебро. Россия. В 1835 г. императором Николаем I для мужских гимназий была утверждена единая медаль для награждения учеников, с отличием закончивших гимназию. Медали чеканили двух видов — малая из золота и большая из серебра. Просуществовала до 1917 г.

ДЕКАБРИСТЫ И КУРСКИЙ КРАЙ

Восстание декабристов не затронуло непосредственно Курскую губернию, но среди участников выступления на Сенатской площади и восстания Черниговского полка были люди, хорошо знакомые с этим краем. Более того, именно здесь произошло одно из событий, предрешивших исход восстания.

Фёдор Фёдорович Вадковский, сын сенатора и камергера двора, родился 1 мая 1800 г. в селе Пятницкое Орловской губернии, учился в Московском университетском пансионе, служил в лейб-гвардии Семёновском и Кавалергардском полках. Перед молодым офицером открывалось блестящее будущее, но он стремился к другому и в 1822 г. стал членом Северного тайного общества. Среди будущих декабристов он быстро приобрёл известность сатирическими стихами и песнями в стиле Беранже, в которых «царя и великих князей ругали, глумились над ними, выставляли все их недостатки и прочее, поминалось, что для них есть штыки». Подобное творчество привело к тому, что в июне 1824 г. Вадковского арестовали и затем перевели из гвардии в Нежинский конно-егерский полк, расквартированный в Обояни и Курске.

Полковому командиру было предписано «обращать строгое внимание на его поведение и поставить себя в совершенную известность обо всех его обществах и сношениях, как в полку, так и вне ононого, не позволяя отнюдь, чтобы поведение его или дурной образ мыслей могли иметь какое-либо влияние на прочих офицеров». Однако подобный надзор ничуть не стеснял кипучей деятельности Вадковского. Живя в Курске, он принял в тайное общество девять новых членов, предлагал создать подпольную типографию, вёл переписку с П.И. Пестелем.

Весной 1825 г., будучи в Ахтырке, Ф.Ф. Вадковский повстречался там с другим молодым человеком, который сразу пришёлся ему по душе. В очередном письме П.И. Пестелю он так характеризовал своего нового знакомца: *«Его характер вообще английский... он твёрд в своём слове и неуклонно стремится к своей цели. На первый взгляд кажется холоден, но он способен к горячей преданности; нет жертв, на которые он не презрел бы для достижения своих замыслов, нет опасности, которой он не презрел бы, чтобы успеть в задуманном им предприятии... он обладает необычайной тонкостью в выборе средств для своих действий».*

Человек с английским характером и на самом деле был англичанином. Джон Шервуд, уроженец графства Кент, сын механика Уильяма Шервуда, родился в 1798 г., «обучался в доме родителей своих английскому, латинскому, российскому, немецкому и французскому языкам, истории, географии и арифметике», потом три месяца проучился в московском отделении

Санкт-Петербург. Сенатская площадь 14 декабря 1825 г. 1830-е гг. Художник К.И. Кольман

Императорской медико-хирургической академии, а в 1819 г. поступил вольноопределяющимся в 3-й Украинский уланский полк, где вскоре был произведен в унтер-офицеры. Полк его входил в корпус военных поселений и размещался в Херсонской губернии. Шервуд пользовался благосклонностью своего полковника, который часто посылал его с различными поручениями. Общаясь с другими офицерами, наблюдательный Шервуд стал обращать внимание на их разговоры, в которых мелькали намёки на грядущие перемены в государстве и обществе.

Весной 1825 г., будучи в Ахтырке, он подслушал разговор графа Я.Н. Булгари с Ф.Ф. Вадковским о российской конституции и судьбе царской династии. Это его заинтересовало. Познакомившись с Вадковским, Шервуд жаловался ему на медленное продвижение по службе, описывал трудную жизнь военных поселенцев, рассказывал о недовольстве офицеров своего полка. Как позднее вспоминал сам Шервуд, «Вадковский сколько мог я заметить, глаз с меня не спускал, всё время и, когда я вышел спросить трубку, сказал графу: «как Шервуд мне нравится, должен быть умный человек». Странно, что ему Булгари отвечал: «да, весьма умный, но опасного ума, есть минуты, когда я его боюсь».

Граф Булгари был гораздо проницательнее своего молодого собеседника. Вадковский проникся к Шервуду полным доверием. Оставшись с ним наедине, он сказал:

— Г-н Шервуд, я с вами друг, будьте мне другом.

— Мне очень приятно иметь удовольствие с вами познакомиться, — отвечал тот.

— Нет, я хочу, чтобы вы мне были другом и я вам вверю важную тайну, — продолжал Вадковский.

Сделав шаг назад, Шервуд отвечал:

— Что касается тайн, я прошу вас не спешить мне вверять, я не люблю ничего тайного.

— Нет, — сказал Вадковский, ударив по окну рукой, — оно быть иначе не может, наше общество без вас быть не должно.

«Я в ту минуту понял, что существует общество и, конечно, вредное, тем более, что история и времена Кромвеля, Вейсгаубтов и Робеспьера мне были хорошо известны», — вспоминал Шервуд. Вслух же он тогда произнёс:

— Я вас прошу мне ничего не говорить, потому что здесь, согласитесь, не время и не место, а даю вам честное слово, что приду к вам, где вы стоите с полком.

И тогда Вадковский пригласил Шервуда в Курск. Они расстались.

Шервуд понял, что это его шанс. Он составил письмо на имя Александра I, в котором просил под любым предлогом вызвать его в столицу «по делу, касающемуся собственно до государя императора». Это послание он вложил в другое письмо, адресованное лейб-медику Я.В. Виллье, прося его непременно вручить вложенное послание царю. Уловка сработала. В начале июня Шервуда с фельдъегерем доставили в Петербург. Тут он встретился с графом Аракчеевым, а затем и с са-

*Фёдор Фёдорович Вадковский. Начало 1820-х гг.
Художник А. Маньяни*

Иван Васильевич Шервуд-Верный.

ним императором, открыв им всё, что стало ему известно о тайных обществах. Тогда же он попросил предоставить ему действовать по своему усмотрению, чтобы раскрыть весь заговор. Ему это позволили и даже предоставили годовой отпуск по вымышленному поводу.

Из Петербурга Шервуд направился прямо в Курск, где и повстречался с Вадковским. Тот доверчиво рассказал о существующих тайных обществах, назвал имена многих их членов. На это Шервуд с улыбкой заявил, что он сам давно уже принадлежит к обществу, а как поступил в него, расскажет позже. Затем он поинтересовался, как идут «наши дела» и выразил готовность стать связным между различными отделениями заговорщиков. «Вадковский от души меня благодарил; я ему написал записку, почему я имею большую надежду на возмущение в военном поселении», — вспоминал позднее шпион.

Получив от Вадковского письма к Пестелю, он прибыл 20 сентября в Карачев и там передал свой донос фельдъегерю, а сам продолжил собирать улики против заговорщиков. Его свидетельства не предотвратили выступления декабристов, но помогли правительству разгромить движение.

Вадковский был арестован в Курске 13 декабря 1825 г., доставлен в Петропавловскую крепость и затем приговорён к вечной каторге. Умер на поселении в Иркутской губернии в 1844 г. Его курский и ахтырский собеседник получил повышение, дворянство, фамилия его была изменена на «Шервуд-Верный», позднее он ещё не раз использовался правительством для выполнения шпионских заданий. Но затем за ложные доносы и денежные аферы попал на семь лет в Шлиссельбургскую крепость и после освобождения жил в своём имении под надзором полиции, где и умер в 1867 г.

Помимо Ф.Ф. Вадковского, с Курским краем оказались связаны имена и целого ряда других декабристов. Одни из них были отсюда родом, другие посещали здешние места по долгу службы.

Из с. Хворостянка Старооскольского уезда происходил Владимир Федосеевич Раевский, «первый декабрист», арестованный за четыре года до событий на Сенатской площади. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, получивший золотую шпагу за отличие в Бородинской битве, майор Раевский стал членом «Союза благоденствия» и был взят под стражу в 1822 г. Следствие тянулось долго, и приговор был оглашён лишь в октябре 1827 г. Лишённый чинов и дворян-

ства, В.Ф. Раевский был сослан в Сибирь. Он был поселен в с. Олонки около Иркутска, где женился на бурятке, имел большую семью, занимался земледелием, открыл школу для крестьянских детей. После амнистии 1856 г. у него была возможность вернуться в Европейскую Россию, однако он остался в Олонках, где и прожил до 1872 г.

В с. Фёдоровское (Ржава) Фатежского уезда родился Николай Фёдорович Заикин. Получив образование в Москве, окончив Училище колонновожатых, он служил в Тульчине при штабе 2-й армии, преподавая математику топографам и юнкерам. Здесь поручик Заикин познакомился с командиром Вятского пехотного полка полковником Павлом Ивановичем Пестелем, который и принял его в члены Южного общества. Пестель настолько доверял Заикину, что именно ему поручил спрятать основной программный документ заговорщиков — «Русскую Правду». Сам Пестель был арестован 13 декабря 1825 г., а 5 января 1826 г. был отдан приказ об аресте Н.Ф. Заикина. Спрятать «Русскую Правду» он успел препоручить братьям Бобрищевым–Пушкиным. Заикина доставили в Петропавловскую крепость, но уже в первых числах февраля «по закованию в ручные железа, снабдив тёплой для дороги одеждою», его отправили обратно в Тульчин «для розыска бумаг Пестеля». Отыскать их не удалось, поскольку Заикин заявил, что «только слышал, где были зарыты бумаги, но сам не знал». По приговору суда его сослали в Сибирь, поселив в Витимской слободе. Вместе с другими ссыльными декабристами он подал в мае 1829 г. прошение на имя Николая I об отправке их рядовыми на Кавказ. Служба в действующей армии давала шансы вернуть себе дворянство. Однако в ответ им было сообщено, что на их просьбу «Высочайшего соизволения не последовало». Николай Фёдорович умер в ссылке от тифа 22 июня 1833 г.

В с. Ольшанец того же Фатежского уезда в 1803 г. родился и Александр Евтихиевич Мозалевский. Он происходил из небогатой семьи — отец его владел всего 12 душами крестьян. Поступив в марте 1821 г. на службу в Черниговский пехотный полк, он вскоре стал членом общества Соединённых славян. В январе 1826 г. во время восстания Черниговского полка А.Е. Мозалевский принял командование двумя ротами. Затем ему было поручено разведать обстановку в Киеве, куда он отправился вместе с четырьмя солдатами. Там он и был арестован. Сосланный на вечную каторгу, он отбывал её на Нерчинских и Зерентуйских рудниках и умер на поселении в Енисейской губернии в 1851 г.

Ещё один декабрист, Михаил Николаевич Паскевич, родился в 1797 г. в семье богатого помещика в Тимском уезде. Он служил в Александровском, а затем в лейб-гвардии Конно-егерском и Белорусском гусарским полках, вступил в Южное общество, был известен своими вольнолюбивыми стихами.

В бумагах П.И. Пестеля при обыске было обнаружено письмо Паскевича, в котором он предлагал свергнуть царя с престола, но не уничтожать царскую фамилию. Вероятно, благодаря этому письму он и получил сравнительно мягкий приговор — заключение в Петропавловскую крепость. Затем его вернули на службу, переводя в Иркутский гусарский полк с установлением надзора. Выйдя в 1835 г. в отставку в чине майора, М.Н. Паскевич поселился в своём имении Овсянниково Тимского уезда, где и скончался в 1866 г. При этом взгляды его не изменились, и это нашло отражение в сохранившихся и посмертно опубликованных стихах:

*Я не дойду до униженья,
Моей опалой я горжусь
И для монаршего прощенья
По чувствам вовсе не гожусь.
Во мне все те же убежденья,
И та ж «утопия» в мечтах,
И так же пылки увлеченья,
Как были в молодых годах.
Я и теперь Свободы Знамя
С восторгом гордым бы поднял
И затаенной мести пламя
Из сил последних раздувал.*

Из курской дворянской семьи происходил и другой участник событий, связанных с восстанием Черниговского полка — Николай Николаевич Семичев, родившийся 19 сентября 1792 г. В рядах Ахтырского гусарского полка он участвовал в Отечественной войне 1812 г., был ранен пулей в грудь при Бородино, участвовал в Заграничных походах русских войск. В 1824 г. под Белой Церковью Н.Н. Семичев познакомился с С.И. Муравьевым–Апостолом и М.П. Бестужевым–Рюминым, вступил в Южное общество. Когда в январе 1826 г. восстал Черниговский полк, члены тайного общества из числа офицеров Ахтырского полка пытались убедить его командира А.З. Муравьева присоединиться к восставшим. Однако Муравьев отвечал, что полк не готов к этому. Тогда «ротмистр Семичев... при таком ответе своего командира не мог воздержаться от возражения. «Я думаю совершенно противное, господин полковник, — сказал он. — В этом случае нужна решительная и сильная воля, если вы не хотите сами говорить с офицерами и солдатами, то соберите полк в штаб-квартиру и остальное нам предоставьте». Но предложение его не получило поддержки, и ахтырские гусары не поддержали черниговцев.

После подавления восстания Семичев был арестован и, отбыв заключение в крепости, переведён в Нижегородский драгунский полк на Кавказе. Здесь он с отличием участвовал в боях с персами и турками, получил чин майора и был награжден орденами Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Здесь ему довелось познакомиться с А.С. Пушкиным и даже спасти поэта от опасности

Общий вид Петровского завода. В центре — тюрьма, где были заключены декабристы. 1834 г. Художник Н. Бестужев Владимир Федосеевич Раевский. 1869 г.

во время атаки на турецкую конницу. Но в 1830 г. Н.Н. Семичев, будучи по служебным делам в Тифлисе, тяжело заболел и 22 августа умер.

Из д. Песковатка Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии происходил Евдоким Емельянович Лачинов, родившийся там в 1799 г. В 1816 г. он был среди участников посольства генерала А.П. Ермолова в Персию и был награжден персидским правительством орденом Льва и Солнца. В 1820 г. в чине подпоручика он прибывает к новому месту службы: в главный штаб 2-й армии в Тульчине. Здесь он сближается с П.И. Пестелем и становится членом Южного общества. После подавления восстания Е.Е. Лачинова заключили в Тираспольскую крепость и затем, «лишив чинов, ордена, дворянства», сослали рядовым в действующую армию на Кавказ. Здесь он сражался в боях русско-персидской и русско-турецкой войн, участвовал в походах против горцев Чечни и Дагестана. Одновременно с этим Лачинов занимался литературной деятельностью, публиковал статьи и воспоминания. В итоге он выслужил офицерский чин и, выйдя в 1833 г. в отставку, поселился в одном из имений своего отца в с. Натальино Землянского уезда Воронежской губернии (ныне Советский район Курской области). Здесь он занимался овцеводством, работал над мемуарами и скончался в 1875 г.

С курским краем связана деятельность и декабриста Степана Михайловича Семенова. Он родился в 1789 г. в семье священника, учился в

*Александр Евтихиевич Мозалевский. 1837 г.
Художник Н. Бестужев*

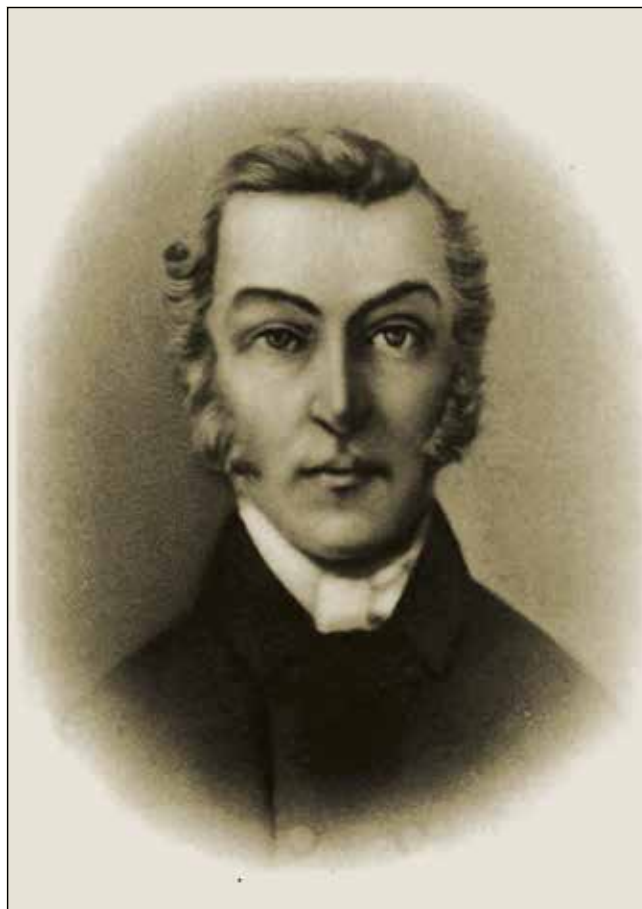
Степан Михайлович Семенов

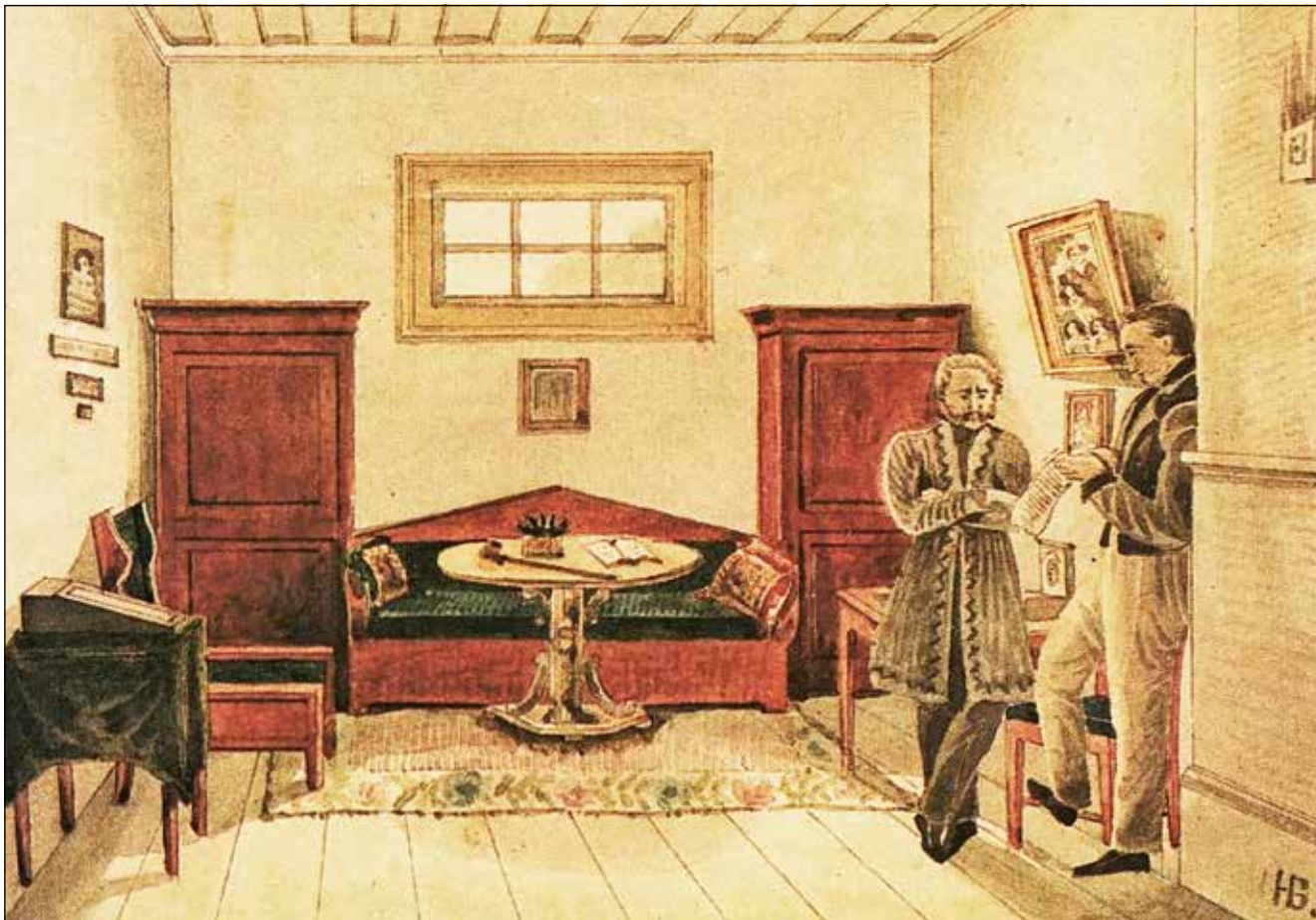
Орловской духовной семинарии и Московском университете. В 1819 г. он вступил в Союз благоденствия и стал его секретарём, а в 1822 г., будучи экспедитором канцелярии московского генерал-губернатора, Семёнов был направлен в Курскую губернию для ведения следствия по делу дмитриевской помещицы О.К. Брискорн. Проводя следствие по делу этой «курской салтычихи», С.М. Семенов провёл здесь три года, опрашивая массу свидетелей, в результате чего было составлено 22 тома следственного дела. По докладу следственной комиссии, представленному Александру I, Брискорн признали виновной.

После событий 14 декабря 1825 г. Семенова арестовали в Москве и отправили в Петропавловскую крепость, где он содержался закованным в ручные кандалы, а затем был отправлен в сибирскую ссылку. Здесь в 1829 г. он сопровождал знаменитого учёного Александра Гумбольдта, который тогда путешествовал по Сибири, и заслужил его признательность как «истинно образованный человек». Тут, в Тобольске, он и умер в 1852 г.

В Курске с 1804 г. жила и семья отставного майора Черноморского флота Ивана Андреевича Борисова, сыновья которого Андрей и Пётр примкнули затем к движению декабристов. Поступив в 1816 г. на службу в Грузинскую артиллерийскую бригаду, братья нередко навещали дом своего отца. Весной 1818 г. они вместе с Ю.К. Люблинским основали «Общество Соединённых славян». Целью его являлось объединение всех славянских народов в единую демократическую республику. Председателем общества был избран П.И. Борисов. В 1825 г. «славяне» объединились с Южным обществом. После разгрома восстания Черниговского полка А.И. Борисов вернулся в Курск и был там арестован. Петра взяли под стражу в Житомире. Суд приговорил братьев к вечной каторге. В 1839 г. они вышли с каторги на поселение и жили в Иркутской губернии. Когда в 1854 г. Пётр скоропостижно скончался, то Андрей в тот же день покончил с собой.

Трагичной оказалась и судьба Михаила Николаевича Глебова, мать которого, Мария Иоанновна, владела имением в Путивльском уезде. Коллежский секретарь, помощник письмоводителя при управляющем Государственной комиссией погашения долгов, он узнал о существовании Северного тайного общества от П.Г. Каховского, но вступить в него не захотел. «Я люблю Отечество, — сказал он Каховскому, — счастием почту умереть для блага его, но игрушкой таинственности

Камера декабриста Н. Панова в Петровской тюрьме, 1831–1839 гг. Художник Н. Бестужев

Пётр Иванович Борисов. 1839 г. Художник Н. Бестужев

быть не могу; не могу войти в общество, хорошо не зная ни намерений, ни сил его».

Тем не менее 14 декабря 1825 г. Глебов явился на Сенатскую площадь и со шпагой в руке встал в строй. Тогда же он дал 100 рублей для покупки замёрзшим солдатам вина. В итоге по приговору Верховного уголовного суда М.Н. Глебов был лишён чинов и дворянства и отправлен на каторгу, а отбыв её срок, вышел на поселение в с. Кабанское Иркутской губернии. Здесь в 1851 г. он и погиб — его избил и отравил сулемой унтер-офицер Кабанской этапной команды Илья Жуков в ссоре из-за долга.

Движение декабристов захватило самых разных людей — различного возраста, характера, положения в обществе, с самыми разными политическими взглядами и разным уровнем образования. Тем не менее всех их объединяло одно — стремление преобразовать своё Отечество, сделать жизнь в нём лучше, свободнее. В полной мере относится это и к декабристам, жизнь которых так или иначе оказалась связана с Курским краем.

«ГЕРКУЛЕС» И КУЧЕР

Капитана 1-го ранга Дмитрия Александровича Лукина современники именовали не иначе как «русским Геркулесом». Подобно тому, как семь городов Греции спорили за право именоваться родиной Гомера, так и в России десятилетиями не утихал спор краеведов о месте рождения Д.А. Лукина и его верного товарища, царского кучера И.И. Байкова.

В 1872 г. был опубликован рассказ о поездке Лукина с семейством в отпуск в Курск, записанный некогда со слов самого Ильи Байкова декабристом Н.И. Лорером. Основываясь, вероятно, на этой истории, анонимная статья в «Курских губернских ведомостях» утверждала в 1894 г., что Дмитрий Александрович был уроженцем Курского края, хотя тут же автору приходилось признать, что «добыть точное и более близкое указание места рождения Лукина нам не удалось». Между тем в Симбирске относительно этого не было никаких сомнений уже в 1868 г. Известный местный краевед П.Л. Мартынов, описывая посещение родного города императором Александром I, говорил: «Все поездки по городу Государь совершал на городских лошадях, но со своим любимым кучером, известным не только в России, но и во всей Европе, Ильей, уроженцем Симбирского уезда с. Загудаевки и принадлежавшим прежде известному по своей силе и разным оригинальным проделкам во всех частях света моряку Лукину, помещику Симбирской губернии». Земли и крестьяне с. Загудаевка действительно принадлежали с XVII в. разнообразным представителям фамилии Лукиных, но среди них, как установил тот же П.Л. Мартынов, не значилось ни Дмитрия Александровича, ни его отца. Между тем боевой товарищ знаменитого капитана, лейтенант П.И. Панафидин, рассказывая о своём

Сражение русского флота со шведским флотом в 1790 году вблизи Кронштадта при Красной Горке. Художник А.П. Боголюбов

Мушкетон морской. XVIII в. Европа. Применялся при abordage вражеских судов

командире, прямо называет его тульским помещиком. Несколько прояснить этот запутанный вопрос помогают сухие свидетельства архивных документов.

Установлено, что Дмитрий Александрович Лукин был с 1803 г. записан вместе со своим сыном Николаем в 1-ю часть Дворянской Родословной книги Тульской губернии; что на это время он имел в Тульской и Орловской губерниях 85 душ крепостных крестьян; что в конце XVIII в. ещё не состоящий на службе Дмитрий владел некоей Касьяновой пустошью в Болховском уезде Орловской губернии, а в 1767 г. его отец, капитан Александр Фёдорович Лукин, числился помещиком Новосильского уезда Тульской губернии. В начале же XX в. Родословный архив Тульского дворянского собрания ещё хранил некоторые документы Лукина, в том числе грамоты за подписями Павла I и Александра I о производстве его в чины и награждении орденами. Таким образом, следует признать установленным фактом, что Д.А. Лукин был тульским помещиком, хотя, несомненно, он сам и его родственники вполне могли владеть имениями не только в Тульской и Орловской, но и в Симбирской и Курской губерниях. Судя по всему, именно из симбирского поместья был родом Илья Байков.

Кем же был человек, оставивший по себе память как о легендарном богатыре?

Декабрист Михаил Бестужев вспоминал, как в детстве он и его товарищи с жадностью впитывали рассказы брата о его друге, Дмитрие Лукине, слава которого распространилась далеко за пределы круга флотских офицеров. По его словам, Лукин «своим простым, дышащим непритворною откровенностью моряка, обращением, даром своего слова, по наружности безыскусственного, но в сущности разумного,

логически выработанного, умел привлекать все сердца». Другой моряк, В.Г. Броневский, писал в своих записках, что «Дмитрий Александрович Лукин всегда был отличный морской офицер, храбрый, деятельный и искусный воин, притом благородный, ласковый, строгий, справедливый и всеми подчинёнными любимый и уважаемый».

Это был человек среднего роста, плотный и коренастый, но обладающий при этом поразительной силой. Он легко ломал подковы, мог полчаса держать пудовые ядра в распростертых руках, одним пальцем вдавливал гвоздь в деревянную стену, одной рукой поднимал по матросу, а обеими сразу — корабельную пушку.

Однако характер силач имел «кроткий и терпеливый и даже будучи рассержен никогда не давал воли своим рукам». Давать волю рукам ему было тем опаснее, что помимо силы, он был ещё необычайно ловок и проворен, что делало моряка опасным противником в рукопашном бою. Но не любил он и похвастаться своей силой: «только в весёлый час и то в кругу знакомых он иногда показывал подвиги своей силы». Тем не менее нрав Лукина был таков, что выделял его даже среди моряков того времени, знаменитых своей лихостью и удалством.

«Дмитрий Александрович был тульский помещик; остался сиротой с 600 душ и 20 000 денег, — рассказывает лейтенант Панафидин о своём капитане. — Его дядя и опекун мало пекся о его воспитании, отдал его в корпус и, когда он уже был офицером, приучил его к излишним издержкам и всегда твердил ему, что он богат. Лукин слишком рано получил свободу располагать собою и, имея живой, откровенный характер, не удерживаемый властью родительской, предался всем страстям жизни и в одну зиму, в Копенгагене, где он зимовал на корабле во время шведской войны, так задолжал, что ему стоило расплатиться половиною имения, которое перешло к его дядюшке».

Родившись в 1770 г., Дмитрий Лукин поступил кадетом в Морской корпус 16 февраля 1776 г. Спустя девять лет, 1 мая 1785 г., он производится в гардемарины и вплоть до 1788 г. ежегодно участвует в плаваниях различных судов по Балтике. Вскоре после окончания корпуса с ним произошёл случай, оставивший ему по себе долгую память и впервые привлекий к нему общее внимание. Поздно ночью шёл он по Адмиралтейской площади, в то время пустынной и плохо освещённой. На нём была шуба, причём правую руку он держал не в рукаве, а на свободе под полой. Вдруг на него сзади напали двое — один схватил моряка за левую руку и потащил с плеч шубу, другой же быстро сдёрнул её с правого плеча. Но в этот миг мичман наотмашь ударил его правой рукой и грабитель снопом рухнул наземь. Его приятель, орудовавший слева, в испуге бросился бежать. Лукин же

направился на адмиралтейскую гауптвахту и доложил караульному офицеру о нападении. Принесли бесчувственного грабителя. Это оказался адмиралтейский плотник. Кулак Лукина буквально раздробил и своротил ему челюсть. Эта история с покалеченным налётчиком, по словам современников, «тяжёлым камнем легла Лукину на душу». До сих пор он, видимо, не осознавал ещё в полной мере своей силы. После этого происшествия он предпочитал разбираться с обидчиками, по возможности не прибегая к своим могучим кулакам.

Раз, сидя во французском театре, он заметил, что фронт подле него перемигивается с дамами в ложе и кивает в его сторону. Затем он заговорил с моряком, показавшимся ему, как видно, туповатым увальнем:

«Вы, кажется, не понимаете по-французски? Не хотите ли, чтобы я вам объяснил происходящее на сцене?»

«Сделайте одолжение», — отвечал Лукин. Фронт, которым оказался известный великосветский шутник Д.М. Кологривов, стал объяснять и «понёс чепуху страшную», думая повеселить соседей. Те и в самом деле не могли удержаться от смеха. Вдруг недалёкий морячок спросил у него на отменном французском языке:

«А не объясните ли, зачем вы говорите мне такой вздор?»

«Я не думал, я не знал...» — замялся сконфуженный Кологривов.

«Вы не знали, что я одной рукою могу поднять вас за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?»

«Извините».

«Знаете вы, кто я? Я Лукин».

Они оба встали, и Лукин сказал фронту: «Ступайте за мной». Они оба вышли в буфет, где моряк заказал два стакана пунша.

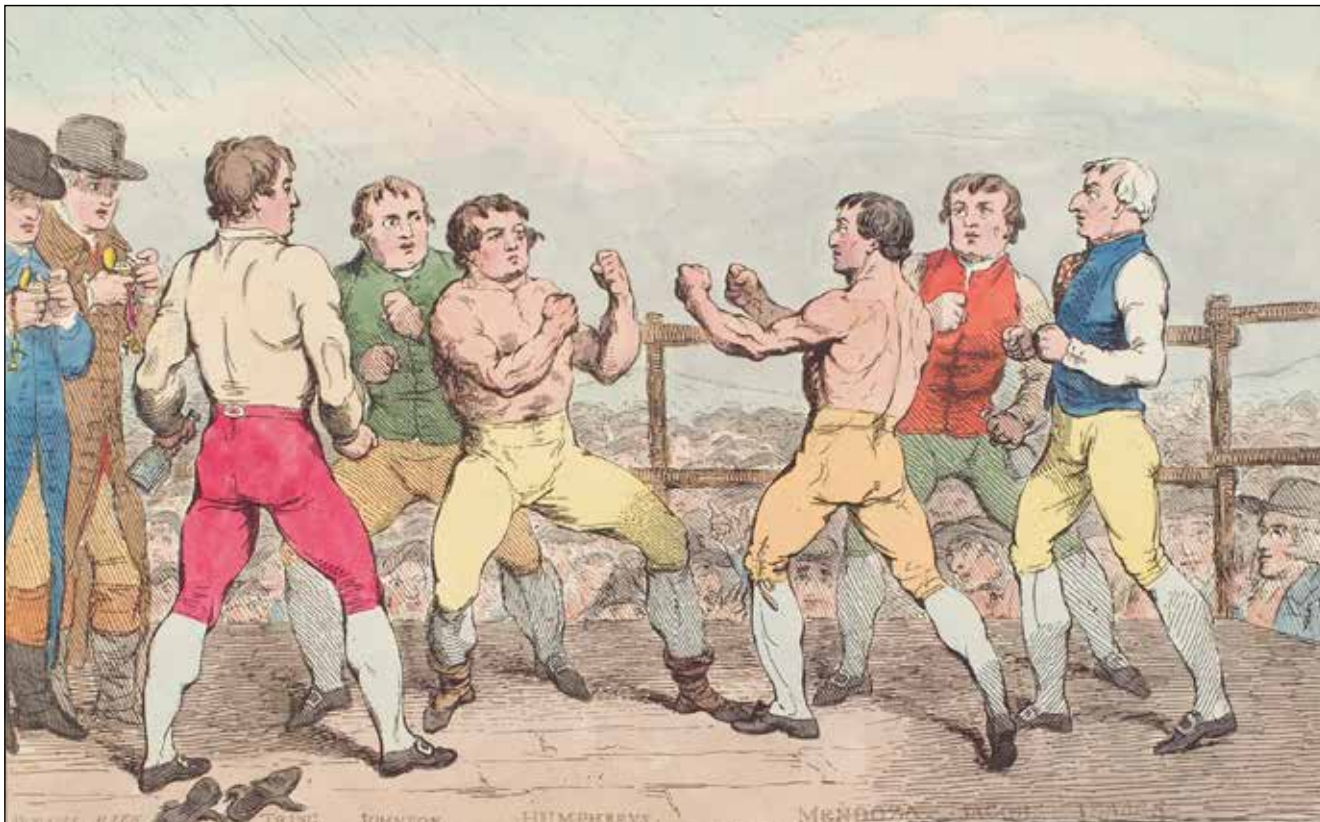
«Пейте».

«Я не могу, я не пью».

«Это не моё дело. Пейте».

Кологривов, захлёбываясь, опорожнил свой стакан. Лукин залпом опустошил свой и снова скормандовал два стакана, затем ещё и ещё. Напрасно фронт отнекивался и упирался. На каждого пришлось по восемь стаканов. Затем Лукин, как ни в чём не бывало, возвратился на своё место, а мертвецки пьяного Кологривова подобрала полиция.

Но не только подобными похождениями снискал свою известность Дмитрий Александрович. Началась шведская война. Получив 28 октября 1788 г. чин мичмана, Лукин год спустя на борту корабля «Александр Невский» в составе эскадры контр-адмирала Повалишина совершил переход из Архангельска в Копенгаген. Там, присоединившись к эскадре вице-адмирала Фондзена, корабль участвовал в крейсерстве по Балтийскому морю у Карлскроны. 1 мая 1789 г. Лукин получает чин

Английские боксёры. 1788 г. Художник С. Форес

Флотский корабельный офицер. Россия. 1792–1793 гг.
Художник Г. Гейслер

лейтенанта. Его корабль в это время был передан эскадре вице-адмирала Козлянинова, которая вышла из Копенгагена к о. Борнхольм. Когда же эскадра соединилась с флотом адмирала Чичагова, то Лукин был переведён на борт «Св. Ианнуария», который в составе отряда капитана Тревенена крейсировал у Гангута. Затем место службы его вновь сменилось. Лейтенант Лукин находился на борту фрегата «Брячислав», когда 25 мая 1790 г. шведский флот атаковал эскадру адмирала Круза у Красной Горки. Шведы были разбиты и укрылись в Выборгской бухте. Русский флот блокировал её. Шведы решили прорываться и сумели сделать это после двухдневного сражения, потеряв, однако, 18 судов, 3000 человек убитыми и 5000 пленными. Д.А. Лукин участвует и в Красногорском, и в Выборгском боях, а 1 июля 1790 г. за проявленную храбрость производится в капитан-лейтенанты. Вскоре после битвы у Выборга, 3 августа 1790 г. между Швецией и Россией был заключён мир. Лукин вернулся к рутинной службе мирного времени, и в 1791 г. «был в кампании с флотом на кронштадтском рейде».

После завершения боевых действий Д.А. Лукин в течение 1792–1794 гг. «плавал в Балтийском море», получив под конец самостоятельное командование над катером «Меркурий». Однако вскоре он был переведён на корабль «Память Евстафия», который в составе эскадры вице-адмирала Ханыкова совершил в 1795–1796 гг. плавание к берегам Англии,

и крейсировал в Немецком море близ о. Текселя. По возвращении Лукин был командирован в Херсон и, командуя шхуной № 1, ходил по Чёрному морю между Николаевом и Константинополем.

Вернувшись из черноморской командировки, капитан-лейтенант Д.А. Лукин в 1798 г. вновь отправился в Англию в составе эскадры вице-адмирала Макарова, которая должна была осуществлять блокаду берегов захваченной французами Голландии. Здесь он провёл два года. 26 апреля 1799 г. был назначен командиром катера «Диспач», а в сентябре участвовал в высадке русского десанта на знакомый ему остров Тексель. Отсюда русско-английские силы должны были совместно двинуться на юг, вглубь Голландии. За вклад в осуществление этой операции Дмитрий Александрович был награждён орденом Св. Анны 3-й степени. Однако вскоре русский экспедиционный корпус, которым командовал генерал И.И. Герман, потерпел поражение от французских войск в сражениях при Бергене 8 и 21 сентября. Сам Герман попал в плен. В итоге в ноябре 1799 г. и русские, и англичане вынуждены были покинуть Голландию.

Бесславная для России экспедиция принесла, однако, новые лавры Д.А. Лукину, известность которого распространилась теперь и в Англии, где ему пришлось пробыть до самого 1800 г. Первое приключение произошло с ним в трактире, где он имел обыкновение обедать. Как-то раз он зашёл здесь в бильярдную, заказал стакан пунша и, поставив его на подоконник, стал наблюдать за игрой, время от времени отхлёбывая из стакана. Вдруг, обернувшись к пуншу, он обнаружил стакан пустым. Удивившись, Лукин заказал себе второй стакан, поставил его на то же место и стал украдкой наблюдать за ним. Спустя несколько минут некий джентльмен, проходя мимо, подхватил стакан и мигом его опустошил. Такая дерзость возмутила офицера. Но он умел держать себя в руках. Спокойно подозвав слугу, Лукин велел принести чашу пунша, да побольше. Когда её доставили, он подошёл к весёлому джентльмену и произнёс:

«Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вам выпить эту посудину. Покорно прошу».

Англичанин «вошёл в амбицию», спор привлёк внимание игроков. Видя это, Лукин обстоятельно объяснил:

«Вы выпили два моих пунша; русские не скупы на угощение, но если не выпьете теперь этой миски, то я вылью её вам на голову».

Англичане при этих словах зароптали, а обидчик ответил Лукину какой-то дерзостью. Не долго думая, тот поднял чашу и окатил джентльмена пуншем с головы до ног. Тотчас толпа возмущённых англичан подступила к Лукину с киями и кулаками. Он же, отойдя к окну, изготовился к обороне. Из толпы вышел вперёд плечистый че-

ловек с ухватками опытного боксёра, но Лукин не дал ему пустить в ход своё мастерство — схватил его поперёк туловища и мигом швырнул в окно. К счастью, оно располагалось невысоко над землёй. Избавившись от любителя бокса, моряк вооружился увесистым табуретом и приготовился к битве. Но англичане, «озадаченные такими подвигами», отступили и вошли с ним в переговоры, а выяснив причину ссоры, единогласно поддержали русского офицера. На другой день о силе Лукина говорили все лондонские газеты.

После этого случая ему предложили померяться силами в кулачном поединке. Вместо одного Лукин вызвал на бой четырёх лучших боксёров и каждого из них, ухватив за пояс, по очереди перекинул через свою голову. В другой раз, сойдя с 20 матросами на берег для приёмки такелажа, Лукин вмешался в спор между английскими моряками и канонирами. Разругавшись под конец с обеими партиями, он со своими двадцатью молодцами разогнал их обе. Горожане, видя побоище, заперли лавки и попрятались по домам, а Лукин со своей командой с песнями возвратился на корабль.

Однако Дмитрий Александрович в Англии не только находил себе противников, но и заводил добрых знакомых. Правда, подчас весьма оригинальным способом. Так, однажды, будучи в подпитии, один англичанин, сам старый моряк, заспорил с Лукиным, утверждая, будто ни один русский никогда не решится на то, что сможет сделать англичанин. «Вот, например, ты не смеешь отрезать у меня носа», — заявил он. «Почему же нет, если ты захочешь», — отвечал Лукин. «Ну режь!» — закричал азартный британец. И Лукин прехладнокровно взял со стола нож и отрезал спорщику кончик носа, положив его перед ним на тарелку. Любопытно, что этот англичанин, «старый и отважный моряк», не только не рассердился за это на Лукина, но и сдружился с ним, а подлечившись, приезжал навестить его в Кронштадте.

За два года в Англии с Д.А. Лукиным случались и более опасные происшествия. Он имел привычку прогуливаться по глухим местам в сопровождении своей любимой собаки по кличке Бомс, «столь же сильной, как и хозяин». Во время одной из таких прогулок его вдруг остановили два разбойника. Один, приставив к груди моряка пистолет, потребовал денег. Второй мошенник держался в отдалении. Лукин, «хотя и был озадачен таким требованием», ничуть не растерялся и спокойно отвечал: «У меня нет денег, а есть часы». С этими словами, он запустил левую руку за борт сюртука и в тот же миг правой ухватил руку и пистолет грабителя. Верный Бомс, по знаку хозяина, бросился на второго бандита и свалил его наземь. Лукин несколько раз «дружески» стиснул руку и пистолет разбойника, да так, что тот заревел от боли — и рука и оружие оказались после этого изрядно изу-

Афонское сражение 19 июня 1807 года. Художник А.П. Боголюбов

Кортик морского офицера. Англия. Начало XIX в. В конце XVIII — начале XIX вв. среди русских морских офицеров была распространена мода на ношение кортиков английского типа с искривленным клинком

веченными. Прихватив на память помятый пистолет, Лукин покинул грабителей, посоветовав им напоследок быть впредь осторожнее.

Но не только подобными подвигами снискал себе известность Д.А. Лукин. Он умело исполнял свои непосредственные обязанности как флотского офицера, получая за это заслуженные награды. Так, например, 23 августа, командуя катером «Диспач» на Балтике, он перехватил 12-пушечный английский люггер «Резолюшион», потребовав от его командира «обстоятельный отчет его приходу в воды нашего Государя Императора». Выяснилось, что на борту люггера находится британский консул Шарп, направляющийся с депешами в Петербург. Лукин лично препроводил англичан в Кронштадт. Вскоре «за благоразумный поступок» капитан-лейтенанту Лукину было объявлено Высочайшее благоволение.

После возвращения в Россию, 1 января 1801 г. Д.А. Лукин был произведен в капитаны 2-го ранга и вскоре получил под командование 74-пушечный линейный корабль «Рафаил». Тогда же он дал вольную своему крепостному Илье Байкову, который неизменно сопровождал его с самого детства. Илья Иванович отличался могучим сложением под стать своему барину и был столь же добродушен в обычной жизни и грозен в гневе. Об этом говорит случай, произошедший вскоре после женитьбы Лукина, о котором известно со слов самого Байкова:

«Я был у моего прежнего господина и за кучера, и за камердинера, иногда и нячил его маленькую дочь... Мой барин был небогат. Поехали мы один раз на своих в отпуск в Курск; он с женою и с дитятею, я за кучера. Перед ночью застигла нас большая буря, и летели мы так, что света не видать было. Мы въехали в лес, наткнулись на избу, вошли туда. Она была довольно про-

сторная и тёплая. Поставили самовар. Я вошел в против лежавшую хату. Тут увидел я троих людей, сидевших за столом с кнутами в руках. Лица их мне не понравились, они зверски на меня поглядывали. Я вышел и, взойдя к барину, сказал ему, что тут что-то не ладно. Он мне сказал: «Пойди к дверям, Илья, и послушай, что они говорят». Я потихоньку подкрался и услыша, что они сговариваются убить прежде меня, а потом барина и госпожу и обокрасть их кибитку, я вызвал барина, чтоб жена не слышала и не перепугать её, и рассказал ему слышанное. «Пойдем туда оба». Мы взошли оба к ним. Барин спросил: «Что вы за люди?» Они отвечали грубо: «Какое тебе дело?» Один из них подошел к нему и хотел взять барина за грудь. Не думая долго, как свистнет барин его кулаком в лицо, тот и упал без чувств. Двое соскочили, барин закричал мне: «Илья, принимай!» Схватил близ стоявшего, встряхнул его так, что он потерял ум, и бросил его ко мне. Я схватил его и стукнул головою об стену, и он присел. Таким образом мы управились со всеми, перевязали их и отвезли в близжающий город. Не будь барин так силен, мы, может быть, погибли бы».

Женат Дмитрий Александрович был на Анастасии Ефремовне Фан-дер-Флит, дочери директора Кронштадтской таможни (её племянница, кстати, стала супругой адмирала М.П. Лазарева, а сестра Александра — матерью героя Севастопольской обороны адмирала В.А. Корнилова). Удачная женитьба помогла поправить финансовые дела Лукина, сильно пошатнувшиеся в годы его беспечной юности.

К 1802 г. за Дмитрием Александровичем числилось участие в 18 морских кампаниях, за что он был награждён орденом Св. Георгия 4-го класса. Спустя год его ждало новое повышение — 1 января 1803 г. он получил чин капитана 1-го ранга. Ещё через год Лукина перевели с «Рафаила», отдав ему под начало «Св. Ианнуария», однако уже в 1805 г. он возвращается к своей прежней команде.

Карьере офицера не повредила даже шумная история с вызовом на дуэль генерал-майора Д.И. Герценберга, шефа 2-го морского полка. Не ясно, что произошло между ним и Лукиным, но 4 мая 1804 г. в четвертом часу утра капитан в сопровождении двух товарищей ворвался на квартиру Герценберга, преодолев сопротивление часового и денщика, и заявил генерал-майору: «Я пришёл к тебе в гости». После этого Лукин, по словам пострадавшего, «ругал его, Герценберга, непристойными бранными словами». Наутро Д.И. Герценбергу доставили собственноручное письмо Лукина, в котором тот вызывал его стреляться на пистолетах. В конце письма было приписано: «если ты избереешь следствие для трусов, то не забудь, что записка сия в оригинале должна быть представлена». Герценберг предпочёл прослыть

трусом, но не выходить на поединок с Лукиным. Заявив, что он «никогда никакого повода к сему не подал», генерал-майор подал жалобу в Адмиралтейств-коллегию. Чем завершилось расследование этого дела, к сожалению, неизвестно.

Слава о богатырских подвигах Лукина дошла между тем и до царской семьи. Отчасти тому способствовало и то, что отпущенный им на волю Илья Иванович Байков стал любимым кучером самого Александра I. Императрица Мария Фёдоровна, знавшая Лукина лично, как-то раз пригласила его на обед в Павловск и попросила показать свою силу. Лукин взял тогда две серебряные тарелки в обе руки, свернул их в дудочки «самым лёгким образом» и поднёс императрице. «Свёрнуты обе тарелки были так искусно, что нельзя было сказать, что тут две тяжёлые серебряные тарелки».

Человека, подобного Д.А. Лукину, не могла постигнуть обычная смерть. Он не мог погибнуть от сабли или пули, его застрелили из пушки. Произошло это во время русско-турецкой войны, начавшейся в 1806 г. Его «Рафаил» был включён в состав эскадры капитан-командора Игнатьева, отправлявшейся в Средиземное море для поддержки действовавших там сил адмирала Д.Н. Сенявина.

Эскадра вышла в плавание в августе 1806 г. Накануне отплытия её посетил император Александр I. Взойдя на борт «Рафаила», царь заметил, что капитан Лукин выглядит опечаленным. «На вопрос о причине Лукин отвечал, что он чувствует, что не воротится более на родину... Государь сказал ему несколько милостивых слов и пожелал от Лукина иметь что-нибудь на память о его силе. Тогда Лукин достал из кармана целковый, слепил из него, как будто из воска, чашечку и подал государю».

Эскадра Игнатьева — пять линейных кораблей, фрегат, корвет, шлюп и катер — соединилась с флотом Сенявина в Бокс-ди-Каттаро 1 января 1807 г. Вскоре были открыты военные действия. Силы Сенявина блокировали Дарданеллы, отрезав подвоз продовольствия в турецкую столицу. Попытки турок прорвать блокаду привели к их поражению в морской битве 10–11 мая 1807 г. Вслед за тем, 3 июня, капитан 1-го ранга Д.А. Лукин во главе отряда из 812 человек высаживается на острове Лемнос. Моряки захватили передовые турецкие укрепления и приготовились штурмовать крепость Ликодия. Однако приступ пришлось отменить — отряд Лукина был отозван к основным силам Сенявина на о. Тенедос. Флот готовился к решительному сражению, которое и произошло 19 июня 1807 г. у Афонской горы.

Силы турецкой эскадры превосходили то, что мог противопоставить ей русский адмирал. Турецкие корабли в совокупности располагали 1238 орудиями против 740 русских, что, впрочем, не спасло их от разгрома. Русская эскадра атакова-

Император Александр I и лейб-кучер Илья Байков. 1823 г. Художник А.О. Орловский

*Илья Иванович Байков.
Художник И.-Е. И. Вивиен де Шатобрен*

ла выстроившихся в боевую линию турок. Корабли «Сильный» и «Рафаил» под командованием Лукина вырвались вперёд и попали под мощный обстрел вражеских пушек. На борту «Рафаила» погибло несколько марсовых матросов, были повреждены брам-реи. Несмотря на это, подойдя почти вплотную к турецкому флагману «Седель-Бахри», где находился и сам капудан-паша Сеид-Али, «Рафаил» открыл по нему огонь в упор, заставив покинуть боевую линию. Но и на самом корабле Лукина были серьёзно повреждены паруса. «Рафаил» потерял управление, но по инерции продолжал двигаться вслед за кормой «Седель-Бахри», прорезал турецкую линию и вдобавок вступил в бой с кораблём «Месудие», турецкими фрегатом и бригом, оказавшись фактически в окружении. Лукин приказал матросам готовиться к отражению абордажа. Канониры «Рафаила» вели слаженный огонь с обоих

бортов. Наскоро исправив повреждения, корабль поравнялся с передовым судном турецкого авангарда «Бешарет–Нюма», огонь пушек которого грозил его затопить. Но тут в дело вступил флагман Сенявина «Твёрдый», который упредил залп турок и отвлёк внимание от потрёпанного «Рафаила». Лейтенант Панафидин рассказывает:

«Наше положение сделалось гораздо лучше: в исходе 10–го часа капитан позвал меня и велел, чтобы поднять кормовой флаг, который казался сбитым; он стоял на лестнице для восхода на ванты и вполтину открыт... Исполнив приказание, я шёл отдать ему отчёт, но он уже лежал распростёртым на левой стороне шканец: в мое отсутствие ядро разорвало его пополам, и кровью облило брата и барабанщика... Кортик, перешибленный пополам, лежал подле его».

Афонское сражение завершилось блестящей победой русских — благодаря флотоводческому искусству адмирала Д.Н. Сенявина и храбрости моряков, подобных Д.А. Лукину. Потери русского флота составили 27 убитых и 54 раненых против более 1000 выведенных из строя турок, потерявших к тому же более трети своего флота и 774 человека пленными. Торжествуя победу, моряки скорбели о потере «отличного морского офицера, храброго, деятельного и искусного воина, притом благородного, ласкового, строгого, справедливого и всеми подчинёнными любимого и уважаемого» капитана Лукина. Погребение его в морских волнах навсегда запечатлелось в памяти очевидцев:

«Наконец настала горестная минута расстаться нам с почтенным нашим капитаном: ужасный жар мог его обезобразить прежде, нежели бы мы могли дойти до какого острова. Тенедос же был занят, и окончание военных дел не скоро предвиделось. Со всеми почестями, должными начальнику корабля, опустили его в воду; под голову его положили большую пуховую подушку, тягости в ногах было мало — и тело его стало вертикально, так что место его головы, впрочем закрытой, осталось на поверхности воды. Вся команда в голос закричала, что «батюшка Дмитрий Александрович и мертвый не хочет нас оставить». Просто сей случай так нас поразил, что мы все плакали, пока намокшая подушка перестала его держать на поверхности воды. Он от нас скрылся навсегда. Мир тебе, почтенный, храбрый начальник!»

По ходатайству Ильи Байкова сыновья погибшего героя, Николай и Константин, воспитывались в Пажеском корпусе и стали военными. Константин, служивший в гвардейской конной артиллерии адъютантом её начальника, генерала И.О. Сухозаета, проходил по следствию по делу декабристов, но был оправдан. Затем он отличился во время войны с польскими повстанцами в 1831 г., получил золотую шпагу за храбрость, но скончался от ран. Николай Дмитриевич служил в Екатеринбургском кирасирском полку, вышел в отставку в 1824 г., счастливо женился и вёл частную жизнь. Судьба дочери, Екатерины Дмитриевны, историкам осталась неизвестна.

Илья Иванович Байков оставался любимым царским кучером до самой смерти Александра I. Он сопровождал императора во всех его поездках и путешествиях и в России, и за границей и всегда готов был ходатайствовать перед царём в пользу пострадавших. После смерти Александра I именно И.И. Байков привёз тело императора из Таганрога в Москву. Его пытались лишить места на траурном катафалке, говоря, что бородатому кучеру находиться там неприлично. На это Илья Иванович отвечал: «Так прикажите мне выбрить сейчас бороду; я возил Государя живого и теперь не оставляю тела его». Жена английского посланника леди Дисборо в марте 1826 году писала своим родным из Петербурга: «Говорят, что ничто так не успокоило народ в отношении подлинной смерти императора, как то обстоятельство, что он лично вез катафалк; ведь ходили толки, что он не умер, а находится в заключении, и что все эти похороны и т. п., являются подлогом. Но когда народ видел Илью, он знал, что тот никому не позволил бы себя обмануть и что никому не удалось бы убедить его везти что-нибудь еще, кроме тела покойного господина».

В 1826 г. И.И. Байков получил золотую медаль с портретом Александра I для ношения на шее на Андреевской ленте и «знак отличия» от короля Пруссии. Теперь он служил императрице Александре Фёдоровне. 24 января 1836 г. Байков был уволен со службы «за старостью и слабостью здоровья» с пенсией в 1000 рублей в год, и скончался 17 апреля 1838 года. Тело его было погребено на Волковском кладбище.

Прошли годы, и среди краеведов постепенно укрепилось мнение о курском происхождении царского кучера и его бывшего хозяина, — легенда, которой была суждена долгая жизнь.

«НА ВОЙНЕ ВЗЯЛ КОСТЮШКУ В ПЛЕН»

29 сентября 1794 г. окрестности местечка Мацיוвицы были густо окутаны пороховым дымом. С утра здесь кипело сражение: польские войска под командованием Тадеуша Костюшко пытались остановить русскую армию на её пути к Варшаве. Речь шла о самом существовании Польши, пережившей к тому времени уже два раздела своей территории соседними державами. Поляки сопротивлялись отчаянно, но безуспешно. Силы их были сломлены, и сам Костюшко вынужден был обратиться в бегство. С немногочисленными соратниками он спешил к Варшаве, чтобы возглавить оборону столицы. Но следом за ними уже мчалась погоня. Два казака и два рейтара, возглавляемые рослым всадником в мундире Харьковского легкоконного полка, преследовали беглецов по пятам. Поляков, окружавших Костюшко, было вдвое больше, и они попытались остановить погоню. Обернувшись, они дали по преследователям залп из пистолетов, но это их не спасло. Могучий всадник вихрем налетел на них, схватился с одним из беглецов, получил сабельную рану, но тотчас рассёк своего противника почти надвое, а затем одного за другим срубил ещё трёх противников. Прочие обратились в бегство. Преследуя их, он дважды рубанул саблей по спине и по затылку человека в скромном мундире, после чего погнался за его спутником в более пышной форме. Загнав его в болото, кавалерист крикнул: «Ты Костюшко?» «Нет, я его адъютант, а Костюшку ты вон там повалил», — отвечал тот. Всадник немедленно развернулся и поскакал обратно к распростёртому на земле вождю польских повстанцев.

Фёдор Ильич Лысенко

Варшавское восстание 1794 г. Художник Ю. Коссак.
Известно также как «Варшавская заутреня», поскольку жители польской столицы приурочили своё выступление против расквартированных в городе русских войск к православному пасхальному празднику Великого четверга 6 (17) апреля 1794 г. Многие русские солдаты и офицеры были застигнуты врасплох и жестоко убиты безоружными во время торжественного утреннего богослужения. К восстанию варшавян призывали звоном колоколов католических храмов–костелов

Всадником, сокрушившим соратников Костюшко и ранившим его самого, был Фёдор Ильич Лысенко, корнет Харьковского легкоконного полка, уроженец Тимского уезда Курской губернии.

Фёдор Ильич родился 12 февраля 1751 г. в семье отставного унтер–офицера гвардии и с малолетства имел необыкновенную склонность к военной службе. Однако родители противились такому выбору. Тогда он решил действовать сам. В 1777 г. он, не сказав никому ни слова, отправился в Корочу, где тогда набирали рекрутов, и записался в солдаты. Отец едва смог уговорить полковника вернуть ему сына. Но остановить Фёдора было уже невозможно. Зимой он тайно уходит из дому и отправляется в Крым, где 1 января 1778 г. записывается в Харьковский гусарский полк. Молодой, весёлый и добродушный силач скоро приобрёл известность в полку. Командир эскадрона, похвалив новобранца за усердие, пожалел, что тот не знает грамоты, а то мог бы сделаться хорошим вахмистром. Лысенко увидел в этом свой шанс и вскоре при помощи своего квартирного хозяина уже мог бегло читать псалтырь. Командир был приятно удивлён, и в мае 1780 г. Лысенко становится капралом, а спустя два года — ротным квартирмейстером.

Вместе со своим полком Лысенко участвовал в походах второй русско–турецкой войны: был при осаде Очакова, Бендер и Килии, сражался в кровопролитной битве при Мачине, был за свои заслуги произведён в 1790 г. в вахмистры. Не успели отгреметь бои с турками, как войска двинулись в Польшу. Здесь после ряда схваток с поляками Харьковский полк оказался в Варшаве. Здесь его и застигло восстание Костюшко.

Повстанцы ночью 6 апреля 1794 г. обрушились на рассеянные по городу русские войска. Харьковский полк потерял убитыми и пленными 184 человека, включая своего командира. Отстал от полка и вахмистр Лысенко. В уличных стычках под ним было убито две лошади. Тогда Лысенко присоединился к небольшому отряду пехоты майора Батурина. Повстанцы загнали солдат в тесный дворик.

Под градом пуль Лысенко перемахнул через забор и упал на соседнем дворе в стог сена. Тотчас ему приходит в голову мысль и он поджигает сено

Пленение Т. Костюшки в битве под Мацיוвицами. Между 1794 и 1817 гг. Художник Я.-Б. Плерш

Тадеуш Костюшко. После 1802 г. Художник К.-Г. Швейкарт

выстрелом из пистолета. Дым и пламя выгоняют поляков из двора, а сам Лысенко, вернувшись к своим, ломает с их помощью забор и, дав сгореть сему, занимает более удобный для обороны двор. Отсюда они бросаются на прорыв и прокладывают себе дорогу по улицам враждебного города, за пределами которого им удается присоединиться к отряду союзников–пруссак. Но Лысенко, израненный, с простреленной ногой, остаётся лежать на варшавской мостовой. Придя в себя ночью, он с огромным трудом почти ползком добирается до своих. За проявленную храбрость его повышают в чине, и он становится корнетом.

Залечив раны, Лысенко участвует в осаде Варшавы, а затем вместе со своим полком выступает к Мацювицам навстречу армии Костюшко. Накануне сражения Лысенко является к своему командиру, бригадиру Ф.А. Энгельгардту, чтобы испросить позволения в ходе боя отлучаться от полка для поиска польского главнокомандующего. Позволение это ему было дано. Когда разыгралась битва, корнет Лысенко принимал участие в атаке на правый фланг неприятеля, «где отлично храбро поступил и несколько неприятелей своеручно

срубил», а под ним была убита лошадь. Когда же поляки обратились в бегство, то Лысенко, поймав оставшуюся без хозяина лошадь, отправился исполнять задуманное им дело. Для начала он подъехал к одному из раненых поляков и спросил, не знает ли он, где может находиться Костюшко. «Он должен быть тут недалеко, — отвечал с гордостью поляк, — он у нас поле сражения оставляет последним; теперь, вероятно, скрывается в ближайшей роще».

Тогда Лысенко, уговорив шесть человек сопровождать его, направился к роще и вскоре увидел впереди десяток всадников в ярких мундирах на отличных лошадях. Решив, что это и есть штаб повстанцев, корнет помчался за ним. Два казака оставили его, но остальные поскакали следом. Несмотря ни на что, погоня завершилась удачей. Из раненного пленника перенесли в русский лагерь, и там Костюшко пожелал увидеть того, кому удалось его пленить: «Ему представляют Лысенко. Осмотрев его с ног до головы, подивясь его грозному виду, его сильным мышцам, и как будто утешаясь, что взят воином, достойным быть пленителем таковой добычи — пожал ему руку».

Несмотря на слухи о царской награде, ожидающей человека, пленившего Костюшко, Лысенко не получил тогда практически ничего. Лишь год спустя его произвели в поручики, а граф П.А. Румянцев прислал ему лично от себя 500 червонцев. Большую часть этих денег Лысенко раздал своим товарищам по преследованию, включая поручика Пастуховского, который не участвовал в погоне из-за гибели своего коня.

Настоящая награда ждала того, кто доставит знаменитого пленника в Петербург. Честь эта, несомненно, принадлежала Лысенко, и он уже был в пути, когда получил приказ вернуться. Вместо него пленника повёз Киевского гренадерского полка майор Титов. Более того, стали ходить слухи, будто бы он без всякой нужды дважды ранил уже сдавшегося Костюшко. Горечь от этой несправедливости осталась на душе Фёдора Ильича до конца жизни.

Тем временем война продолжалась. Русские войска под командованием А.В. Суворова подступили к Варшаве и двинулись на штурм столичного предместья Праги. Харьковский полк в этом участия не принимал, но корнет Лысенко вместе с несколькими другими офицерами вызвался участвовать в приступе по собственному своему желанию. При штурме Фёдор Ильич возглавил отряд охотников, шедших впереди шестой колонны генерал-майора Рахманова: «он храбро и отважно, перейдя волчьих ямы, бросился через ров на вал и первый взшёл на него и, увлекая своим примером стрелков, завладел им, штыками выбив оттуда неприятеля». За это ему, как и другим отличившимся участникам штурма, был пожалован золотой крест

для ношения на ленте с чёрными и жёлтыми полосами.

В ходе кровавого штурма Прага была взята, Варшава сдалась, война была закончена. Произошёл третий раздел Речи Посполитой, которая окончательно исчезла с карты Европы. В 1796 г. Лысенко был переведён в Переяславский конноегерский полк, после его расформирования служил в Павлоградском гусарском, а в 1798 г. вышел в отставку в чине штабс-ротмистра.

Жизнь отставного офицера, не имеющего поместья и состояния, была нелёгкой. Четыре года Фёдор Ильич кочует по Малороссии, «где помещики с удовольствием его принимают и угощают». В одном из таких имений ему пришлось столкнуться с опасностью, ничуть не меньшей, чем на поле боя. Помещик И.А. Алимов взял своего гостя на псовую охоту. Гонясь за зайцем по занесённым снегом полям, конь Лысенко упал и сломал себе ногу. Когда всадник поднялся и оправился от падения, то обнаружил, что прочие охотники умчались далеко вперёд, а на опушке леса появилась стая голодных волков. Первого из них Фёдор Ильич застрелил из ружья, от остальных стал отбиваться прикладом. Когда он пришиб трёх зверей, ружьё переломилось. Справиться с двумя оставшимися волками ему помогли вернувшиеся охотники. Из волчьих шкур Лысенко справил себе шубу, которая служила ему долгие годы.

В 1804 г. Фёдор Ильич прибыл в Петербург, где добился назначения ему ежегодной пенсии в 90 рублей и получил место на почтамте с жалованьем в 375 рублей в год. Вскоре после этого он женился и спокойно жил до самого 1812 г., когда перед лицом вторжения французов вновь решил поступить в ряды армии.

Несмотря на пожилой возраст, в декабре 1812 г. он получил чин поручика 3-го Украинского казачьего полка, причём для приобретения экипировки царём ему была пожалована тысяча рублей. В войне 1813–1814 гг. старый воин принял участие в 22 сражениях, включая битвы под Бауценом и Лейпцигом. Некоторые подвиги Лысенко нашли отражение в приказе об его отставке. В сражении под Калишем в феврале 1813 г. он «участвовал во взятии в плен неприятельского генерала с двумя батальонами пехоты, двумя орудиями и знаменем». Под Бауценом в мае 1813 г. — «ходил в атаку на пешие колонны и во время взятия орудия отличился мужеством и храбростию». В Лейпцигской битве 4 и 6 октября 1813 г. Лысенко «во время атаки и взятии французских орудий действовал с храбростию, мужеством и усердием». В 1814 г., когда русские войска приближались к Парижу, вырвавшегося вперёд корпусу генерал-майора Г.А. Эммануэля пришлось отступить для соединения с основными силами. При этом необходимо было известить об этом манёвре отряд майора Терпе-

Мирная Марсомания (Городничий, изображающий себя на параде). Художник А.В. Устинов

Сборы на охоту. Художник Е.Ф. Крендовский

лецкого из 500 человек, находившийся по другую сторону густого леса и занятой французами территории. Следовало послать туда курьера с донесением, и выбор пал на Ф.И. Лысенко. Ему предлагали взять с собой сильный конвой, но он отправился в путь в сопровождении всего трёх казаков. Приблизившись к французским аванпостам, он назвал поляком и прямо спросил часового, как проехать в деревню за неприятельским лагерем. Его пропустили. Но тут навстречу гонцам показалось несколько настоящих польских кавалеристов наполеоновской армии. Но синий цвет мундиров и правильность произношения позволили Лысенко рассеять все подозрения, и поляки даже подробно описали ему дальнейший путь и проводили через свой стан. Донесение было доставлено вовремя, и отряд Терпелецкого оказался спасён от верной гибели.

Когда русская армия проходила через немецкое княжество Нассау, Лысенко был назначен комендантом городка Идштейна: «напрасно извинялся он пред начальством в незнании немецкого языка; ему сказали, что честность и опытность его заменят сей недостаток, и Лысенко оправдал сей отзыв на самом деле». Расставаясь с ним, жители Идштейна вручили ему письменную благодарность.

В 1816 г. Фёдор Ильич вышел в отставку по

болезни в чине ротмистра с мундиром и пенсией в размере половинного оклада, что составляло 170 рублей в год. У Лысенко было двое детей, и этих денег не хватало для обеспечения семьи. Поначалу ему предоставил жильё и обеспечение кшенский помещик И.П. Сомов, но после смерти его в 1819 г. Лысенко вновь остался без средств. В 1822 г. он подал прошение на царское имя, и Александр I в награду за почти четверть века военной службы пожаловал ему 1000 десятин земли в Саратовской губернии, выдав 1000 рублей единовременного пособия. Однако по пути в своё новое имение Лысенко узнал, что вышел указ, запрещающий раздавать земли в Саратовской губернии «в виду малочисленности земель в ней». После новых мытарств в столице отставной ротмистр получил взамен саратовского имения земли в Самарской губернии. Они, однако, оказались неплодородными, и, продав их, Лысенко выручил всего 800 рублей.

Наконец, он возвратился на родину, в Тим, где и умер на 82 году жизни. На его могиле была установлена надгробная плита с эпитафией, упоминавшей главный подвиг старого солдата, которым тот гордился всю свою жизнь: «Здѣсь тѣло отставнаго ротмистра Θεодора Ильча Лысенко родился 1751 года февраля 12 дня умре 1832 года апрѣля 29 дня жилъ 81 годъ 2 мѣсяца и 17 дней въ жизни своей на войне взялъ Костюшку в плѣн».

Долгие годы после этого сюда приезжали офицеры Харьковского полка, ухаживавшие за могилой своего знаменитого однополчанина.

Сражение под Лейпцигом 6 октября 1813 года. Фрагмент. 1815 г. Художник В.И. Мошков

Урядник и обер-офицер Украинских казачьих полков в 1812–1815 гг. (по А.В. Висковатову, Ч. 18. 1860)

КУРЯНЕ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Александр I. 1820 г. Скульптор Ф.И. Ковшенков

12 июня 1812 г. французский император Наполеон I Бонапарт пересёк реку Неман и вторгся в пределы Российской империи. Сопровождавший его граф Ф.-П. де Сегюр так описывал собранные для сокрушения России силы: «от берегов Гвадалквивира и Калабрии и до самой Вислы были стянуты 617 тысяч человек, ...множество возов с провиантом, бесчисленные стада быков, 1372 пушки и множество артиллерийских повозок и лазаретных фургонов».

Наполеон надеялся на быструю победу и последующее заключение мира на продиктованных им условиях. Однако русский император Александр I отказался вступать в переговоры до тех пор, пока «хоть один вооруженный француз будет в России» и 6 июля 1812 г. обратился к народу с призывом оказать всеобщее сопротивление захватчикам: «Неприятель вступил в пределы НАШИ и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для ней цепи и оковы... Ныне взываем ко всем НАШИМ верноподданным, ко всем сослови-ям и состояниям духовным и мирским, приглашая

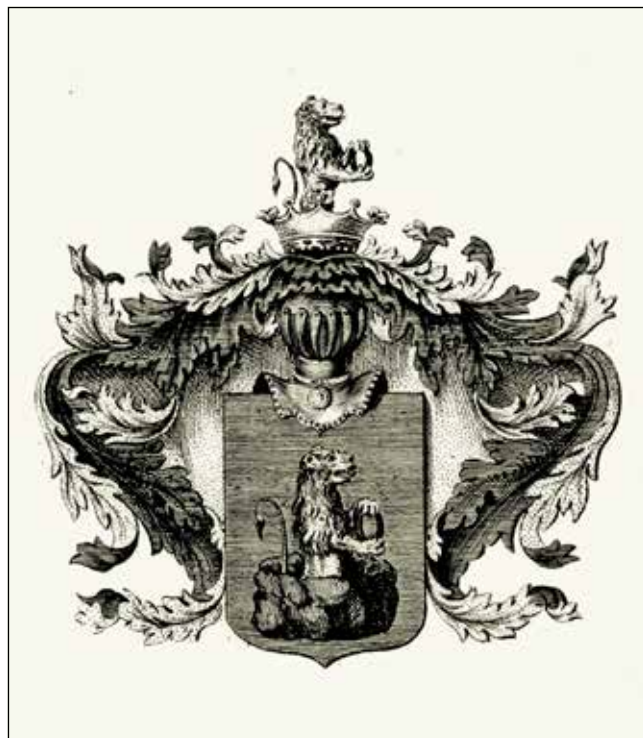
Император Наполеон I, наблюдающий переправу Великой армии через Неман 12 (24) июня 1812 года. Около 1814 г. Художник Д.–П. Баджетти

Благословение на ополчение 1812 года. 1812 г. Художник И.В. Лучанинов

их вместе с НАМИ единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское Сословие! Ты во все времена было Спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда Теплыми молитвами своими призывали Благодать на главу России; народ Русский! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют».

Отзываясь на сотрясающие Россию события, новооскольский помещик И.О. Острожский–Лохвицкий в своих «Записках» отметил: «Приуныли сердца, когда в манифесте первом сказано было, что уже неприятель вступил в пределы России... Странно и неимоверно все казалось, что быть неприятелю... в России... Так же народ приходил в уныние, когда повелено было тем же синодом в церквях излишнее, без употребления находящееся серебро и третью часть кошелековых

*Русские беженцы, уходящие от наступающей армии Наполеона.
Фрагмент картины П. фон Хесса (Гесса) «Сражение 5 августа 1812 г. под Смоленском»*

Аркадий Иванович Нелидов. 1821 г. Гравюра А.Г. Ухтомского с портрета И. Ромбауэра

Герб дворян Нелидовых. «В щите имеющем голубое поле изображен камень натурального цвета, из коего виден выходящий до половины золотой лев, держащий в лапах кольцо железное. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, из-за которой выходит означенный на щите лев. Намет на щите голубой, подложен золотом»

денег отобрать в казну; почему и в Слоновке бывшие на иконах привесы серебряные и золотые слободы Беленкой священником... Иоанном Курдюмовым отобраны и отосланы в Белгород. Странно и непостижимо, что Смоленск отстоял от Нового Оскола расстоянием не более семи сот верст, но нам, здесь живущим, казалось его горькая участь и сильное под оным сражение и жителей беды и неприятельские разорения сел и деревень, что оные происходили якобы прежде в чужих землях и мы, кроме излишнего противу прежнего платежа рекрутских и других платежей, тяготства почти не видим и не видали».

Хотя пламя войны и не коснулось Курского края, находившиеся недалеко от театра боевых действий куряне постоянно ощущали его близость и вместе со всей страной старались приблизить час победы над «Великой армией» завоевателей.

В это нелёгкое время курян возглавил гражданский губернатор *Аркадий Иванович Нелидов* (1773–1834).

Он был представителем старинного русского дворянского рода, к одной из ветвей которого принадлежал Ю.Б. Отрепьев — знаменитый самозванец начала XVII века Лжедмитрий I.

Благодаря тому, что его старшая сестра Екатерина была фавориткой императора Павла I Аркадий Иванович сделал стремительную карьеру при дворе и уже в 24 года имел чин генерал-майора и звание генерал-адъютанта. В 1796–1798 гг. ему были пожалованы большие земельные владения, в том числе и в Курской губернии, где в вотчину Нелидова вошли с. Гламаздино-Гремячее и с. Старшее Рылской округи, с. Новое Оскочное-Махово Белгородской округи с проживавшими там крестьянами, а также земли в Белгородском, Корочанском, Старооскольском и Суджанском уездах. Центром имения стала расположенная под Курском усадьба Моква.

2 ноября 1811 г. А.И. Нелидов был назначен курским гражданским губернатором (1811–1818). Он показал себя умелым и деятельным администратором, справедливым руководителем, честным и порядочным человеком.

Серьёзным испытанием для Аркадия Ивановича стала Отечественная война 1812 г. Согласно историку В.В. Коровину, в это нелёгкое время он координировал всю организационную работу по проведению рекрутских наборов, сбору средств для оказания помощи действующей армии и жертвам войны, размещению беженцев и военнопленных, обеспечению необходимых условий для полноценного социально-экономического развития Курского края. Оценивая заслуги Нелидова, губернские и уездные предводители дворянства в принятом 7 декабря 1813 г. постановлении отмечали, что деятельное руководство губернатора «доставило всем сословиям Курской губернии то

бесценное чувство народной гордости, что своевременно были исполнены населением все обязанности быть полезными Престолу и Отечеству».

Одной из важнейших обязанностей А.И. Нелидова, как главы гражданской администрации Курской губернии, стало проведение рекрутских наборов для пополнения рядов сражающейся русской армии.

Первый такой набор прошёл уже спустя два месяца после вторжения «Великой армии» в пределы России.

Императорский манифест от 4 августа 1812 г. сообщал, что «признали мы нужным усилить армии наши новым подкреплением; чего ради повелеваем произвести рекрутский набор... с удельных и казенных крестьян повсеместно, а с помещичьих во всех тех губерниях, где... не назначено ополчения, собрать по два рекрута со 100 душ шестой ревизии».

По подсчётам В.В. Коровина, Курская губерния должна была поставить под ружьё 12 487 рекрутов: 5355 помещичьих крестьян и малороссиян, 6857 людей казённого ведомства (однодворцев, экономических и удельных крестьян, ямщиков, цыган), 275 мещан. Их предполагалось использовать для формирования и пополнения пехотных полков, учебных команд и внутренних батальонов.

Каждый рекрут должен был иметь полное обмундирование, в комплект которого входили: «кафтан солдатского покроя с обтяжными пуговицами и стоячим воротником; панталоны суконные на холщевой подкладке; суконный галстук с мантикой; суконный ранец для поклажи рекрутского багажа; фуражка; одна пара новых сапог твердой кожи, с подвертками летними и зимними; одна пара рукавиц; две рубахи и двое портков; шинель такого же сукна, как и кафтан. Что принадлежит до цвета сукну, то он может быть серой, белой, сырой, а в случае недостатка даже и черный». Согласно Указу императора от 10 февраля 1813 г. рекрутам определялась три раза в неделю винная порция (по одной чарке). Кроме того, Указом предусматривалось, чтобы в рацион питания рекрутов обязательно входили мясо или рыба. Средства на эти цели выплачивались Курской казенной палатой на основании табеля, списков и росписи маршрутов движения рекрутских партий

Помимо рекрутов, в ряды действующей русской армии также записывались и добровольцы.

Одним из них был служивший в десантных частях Черноморского флота прапорщик *Флор Михайлович Абросимов*, писавший о побудивших его встать в строй причинах так: «Я, за Всеавгустейшего Всероссийского Императора и за всю Царскую фамилию и за все Отечество желаю вступить во внутреннее ополчение и стать охотно в шеренгу под ружье; когда двинется ополчение в поход, то и меня послать туда в первом отряде против не-

приятеля, или отправить меня на флот в десантную службу, ибо я русский человек, а русское имя — есть твердая верность, желаю служить на собственном моем коште».

Дворяне–добровольцы, не имевшие достаточных средств для службы, получали их из собиравшегося со всех курских помещиков добровольного взноса. Размер этого взноса указывается в датированном августом 1812 г. письме рыльского уездного предводителя дворянства губернскому предводителю П.А. Гасвицкому: «Рыльское благородное сословие в своем собрании для вспомоществования изъявившим желание дворянам поступить в армейские полки, на защиту Отечества, не имеющим средств на проезд их и содержание, согласилось дать с каждой души 10 к. из собственных своих доходов». Такие же отчисления выплачивали помещики и всех остальных курских уездов.

Среди курских добровольцев были не только миряне, но и священнослужители. Согласно Ю.А. Бугрову, «все духовные волонтеры, пожелавшие пожертвовать за Отечество своей жизнью, были собраны в один из дней августа месяца на Знаменской площади, где архимандрит Знаменского монастыря совершил напутственный молебен, а генерал кн. Д.А. Прозоровский в присутствии курского губернатора произвел им смотр. Некоторые из этих волонтеров были зачислены в ополчение, другие в Лубенский гусарский полк, третьи в пехотные войска».

Общее число записавшихся в разные регулярные части и ополчение курских добровольцев достигало 12 000 человек.

Навстречу уходящим на защиту Отчизны курянам двигались партии пленных солдат «Великой армии». Часть из них размещалась в пределах Курского края, другие проходили по его территории и следовали в другие губернии России.

Свои детские впечатления от пребывания одной из таких групп в поместье его родителей в с. Макаровке Льговского уезда отразил в поэме–воспоминании В.Ф. Ширков: «Месяца два перед тем через наше селение / Партию пленных французов вели на Украину / Помню (как–будто вчера это было) унылых / Тощих солдат, в щегольских, но дырявых мундирах / Помню, как старый один гренадёр чуть не с плачем / Нам говорил о войне Итальянской, о Ниле / О Бонапарте и добром и грозном; другие / Тут же бранили путем своего полководца / И меж собою едва не затеяли драки: / Граф Поалье, Эллиот, Ростиваль... / Насилу задорных / Уговорили на мир. Но и те и другие / Видеть равно не могли без досады и грусти / Карикатуры на Московский поход их капрала: / «Как мужики, поднося ему камень, с поклоном / Просят от хлеба покушать на тощий желудок; / Как Василиса подходит с горящим поленом на блюде / И говорит ему: вот тебе ключ от Смоленска / А в Белокаменной больше, —

смотри не ожгися! / Как казаки Бонапарту подводят огромного рака / А впереди их Платов говорит Басурману: / Гей еси Царь–Государь, Корсиканец медяный / К нашей Москве не подъедешь на кляче поганой; / Вот тебе конь–парадёр из родимого Дону / Твой же, с сорокой, годится тебе для бульону» / Много их было с такими стихами и прозой / Произведениями литературы народной / Всех я их снял со стены, уступая моленям / Пленных, которые с радостным криком победы / Вынув картинку из рамок, сожгли перед домом / Все за минуту готовые драться, кричали / С детской любовью: Vive l'Empereur et la France! / Дня через два после них к нам пригнали Венгерцев/ Все говорили изрядно по русски; отец мой / нескольких нанял; иными дополнил домашний / Хор музыкантов; один был берейтор, а двое... / Ездили с ним на охоту».

Ещё одной из примет бушующей войны стали многочисленные беженцы, нашедшие приют в Курской губернии. Тот же В.Ф. Ширков вспоминал: «Общее, тяжкое чувство той грозной эпохи / Мы разделяли, не ведая бедствий народа, / Не понимая, зачем по дороге от Курска / столько семейств из Москвы на Украину бежало. / Матушка тоже сбиралась в Харьков».

«Для призрения людей, вышедших из мест, занятых неприятелем», в Курске была образована комиссия, собирались добровольные пожертвования в пользу пострадавших от французского вторжения соотечественников.

Одной из ведущих сил в организации этих пожертвований стала Русская Православная Церковь.

Согласно А.А. Танкову, архиепископ Курский и Белгородский *Феоктист (Мочульский)* не только сам жертвовал крупные денежные суммы, но и разослал личные письма богатым помещикам своей епархии, в которых убеждал их помочь Отчизне в трудный час.

Причём письма эти были составлены с учётом индивидуальных особенностей адресатов.

Так, обоянскому помещику генерал–майору П.В. Ильинскому пастырь писал: «Вы когда–то изволили сказать мне о намерении Вашем построить при Обоянском мужском монастыре богадельню. Теперь открывается благопристойнейший случай и возможность к изъявлению благотворений Ваших в пользу бедствующих соотчичей, проливавших кровь свою за спасение Православной России. На сей важный, душеспасительный предмет пожертвуйте, благодетель мой!»

Обращаясь к белгородскому помещику И.И. Хорвату, архиепископ просил: «Спешу обратиться к Вам, приснопамятному и незабвенному моему милостивцу, со всепокорнейшей просьбой об уделении на страждущих от всех ужасных последствий войны возможной частички от достояния Вашего, дарованного Вам свыше».

Привал. Художник И.–А. Кляйн

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Бронза. Медалью на ленте ордена Св. Анны награждались купцы, ревностно содействовавшие победе в войне 1812 г.

Русский купец. Первая половина XIX в. Неизвестный художник. На груди купца изображена медаль «В память Отечественной войны 1812 года»

Атака Шевардинского редута. Художник Н.С. Самокиш
 Навершие полкового знамени армии Наполеона. Бронза
 Генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил
 Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. 1813 г.
 Художник Р.М. Волков

Трем же суджанским братьям–помещикам 82–летний иерарх обещал, что «при первом с родителем вашим свидании в царствии Христовом, куда путешествие мое не замедлится... засвидетельствую ему неумолчно о беспрерывном продолжении ваших христианских добродетелей, имя его увековечивающих».

И призыв курского пастыря был услышан.

Белгородский помещик И.И. Хорват и львовский помещик Л.А. Изъединов пожертвовали на помощь пострадавшим по 500 рублей, путивльский помещик Черепов — 1000 рублей. Однако основная сумма взносов была более скромной и это объяснялось тем, что куряне уже начали оказывать содействие нуждающимся самостоятельно. Об этом свидетельствует письмо, полученное Феокистом из Курска от дворянина Переверзева, в котором его отправитель сообщал, что: «в настоящее время, видя многих из знакомых моих и незнакомых дворян, и других сословий соотчичей, подвергшихся несчастной участи, сопряженной с защитой Отечества, я облегчал с удовольствием сердца по силам моим, угнетающую их бедность, давая одним деньги, другим одеяние, а некоторым пристанище. Не желая выставлять сего перед другими, скажу однако ж, что масса всеобщего пожертвования, сколько бы она ни была значительна, не может быть столь ощутительной для всех несчастных по великому их множеству, сколько частное вспоможение друзей, знакомых и других сострадательных соотчичей. Между тем, желая по возможности участвовать в сумме всеобщего пожертвования, прилагаю при сем 250 руб.».

Помимо денежных пожертвований представители всех курских сословий также участвовали в сборе для сражающихся с Наполеоном войск медикаментов, одежды и продовольствия.

Из Курска первый транспорт с такими жертвованиями был отправлен в начале сентября 1812 г.

Доставить его в распоряжение действующей армии горожане доверили Н.И. Сибилеву и С. Дружинину. Помимо доставки припасов *Никита Иванович Сибилев*, ранее встречавшийся с М.И. Голенищевым–Кутузовым, имел поручение городского головы В.А. Гладкова и курских горожан узнать от главнокомандующего, что ожидает Курск и его жителей в эти самые страшные первые месяцы войны.

Н.А. Полевой писал, что, продвигаясь по Московской дороге в сторону фронта, Н.И. Сибилев повсюду встретил беспорядок и смятение: «толпы народа, убегающие из жилищ своих, воины, спешащие на брань, жители, в страхе ожидающие безвестной участи».

Но, несмотря на все трудности, куряне смогли благополучно достичь главного лагеря русских войск, и Н.И. Сибилев был несколько раз ласково принят М.И. Кутузовым. Находясь в центре русско-

го воинства, он видел «безопасность нашей армии, ...получил множество военных известий при армии каждодневно издаваемых, видел седых воинов, в числе 20 000 пришедших с берегов Дона... видел ополчения, обезопасившие рязанскую и тульскую дороги; слышал о войне партизан».

В конце сентября 1812 г. Н.И. Сибилев покинул Тарутинский лагерь и вернулся домой с письмом, лично написанным предводителем русского воинства курскому городскому голове В.А. Гладкову: «Государь мой, Василий Андреевич! Похвальное усердие ваше, сопряженное с предосторожностью, при настоящих обстоятельствах необходимой, поставило меня в приятный долг изъявить вам мою признательность, с чем вместе я прошу вас успокоить жителей города Курска и уверить их, что состояние армии нашей как было, так и есть, в благонадежном положении: силы наши сохранены и надежда на верное поражение врага нашего никогда нас не оставляла. Граждане ваши, Гг. Сибилев и Дружинин, были очевидными свидетелями невыгод неприятеля нашего, какие встречает он на каждом шагу. Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоят ему неизбежно; а за тем лета мои и любовь к отечеству дают мне полное право требовать вашей доверенности, силою коей уверяю вас, что город Курск есть и будет в совершенной безопасности. Теплые ваши молитвы ко Всевышнему и храбрость войска нашего будет иметь следствием то удовольствие, какого я надеюсь и которое к общему обрадованию последует вслед за кампанией, в непродолжительном времени прекратится должествующей. Имею честь быть, Государь мой, ваш усердный Князь Михаил Г. Кутузов Сентября 20 дня 1812 год».

Прочитанное при огромном стечении народа послание вызвало восторг и успокоило взволнованных горожан, которые решили передать генерал–фельдмаршалу богато украшенную копию чудотворной иконы Знамения Божьей Матери.

С иконой и благодарственным письмом вновь решено было послать Н.И. Сибилева. Курянин достиг русского штаба 12 октября 1812 г., в самый разгар битвы за Малоярославец. Он лично передал икону великому русскому полководцу, который приказал генералу П.П. Коновницыну отправить её в распоряжение гвардейских полков и отслужить молебен. Икона Божьей Матери Курская Коренная была передана лейб–гвардии Преображенскому полку и вплоть до 1917 г. хранилась среди полковых святынь в соборе Преображения Господня всей гвардии в столице империи г. Санкт–Петербург.

После окончания сражения курянина позвали к главнокомандующему. «Он потрепал Сибилева по плечу, — пишет Н.А. Полевой, — «Велико заступничество Защитницы, на которую полагались

курские жители, — сказал Герой, — знаешь ли радостную весть? Неприятель бежит. Мы преследуем его. Радуйся: Москва очищена и Отечество спасено!»

Еще несколько дней Н.И. Сибилев пробыл в русском стане, «потчивал героев плодами курских садов, присланными от радостных граждан курских; был свидетелем гибели врагов и постыдного их бегства». После того, как войска устремились в погоню за неприятелем, посланец курян отправился домой.

В Курск Сибилев привёз ответное послание главнокомандующего, снова адресованное городскому голове В.А. Гладкову: «Государь мой Василий Андреевич! Письмо ваше, исполненное доказательствами на любовь к Отечеству, преданность и верность к Августейшему Монарху, я получил: в лице вашем изъявляю полную благодарность всему Курскому Купечеству и Мещанству! Икону Божией Матери вместе с тем, как имел удовольствие в истинный знак вашего усердия оную принять, приказал я перенести к гвардейским полкам, где она отныне и по конец кампании будет возима, и где по примеру Смоленской Божией Матери будет приносимо ей вседневное моление, а затем повторяю вам обещание мое в безопасности Курска. Молите Царя Царей о поддержании и подкреплении сил храброго нашего воинства, которого один долг остался, не выпуская врага, в бег устремившегося из пределов наших, с помощью Всемогущего Бога истребить и похоронить в земле Русской. Будьте покойны, занимайтесь делами вашими и обязанностями к пользе общей, я же с моим усердием есть и буду всегдашний доброжелатель князь Г.—Кутузов. Октября 18 дня 1812 года».

Впрочем, одними благодарственными посланиями курянам генерал-фельдмаршал не ограничился. В отправленном 16 октября 1812 г. письме военному министру князю А.И. Горчакову он просил пожаловать курского городского голову В.А. Гладкова и курского мещанина Н.И. Сибилева за усердие к общему благу и любовь к Отечеству медалями «для сословия их установленными 1-му на голубой, ...последнему на красной ленте». Это ходатайство было удовлетворено, и 7 декабря 1812 г. М.И. Кутузов благодарил А.И. Горчакова за содействие и сообщал о получении медалей. В начале 1814 г. медали были отосланы в Курск.

Не забыл главнокомандующий известить курян и о разгроме «Великой армии», а также поблагодарить их за усердное содействие этой победе: «Курскому Купеческому и Мещанскому Обществу! В соответствие усердия вашего к Государю Императору любви и верности к общей Пользе вменяю в приятной долг уведомить вас, что угрожаемый доселе неприятель и враг веры православного Русского народа предупрежден будучи в предприятии своем ворваться в Калугу, что известно нам

сколько из показания пленных Генералов, а не менее из того движения, при каковом встречен он под Малым Ярославцем, где потерпев значащий урон, обратился в бегство и сопутствуем будучи голодом, холодом и совершенною во всем крайностию достойно платит он за слезы поселян, обругание храмов Божиих, поражаемый Русскими войсками, неутомимо его преследующими, теряет он людей, пушки и обозы в неимоверном количестве. Се следы усердных молитв наших к Царю Царей и новое доказательство на милость Всевышнего к Русскому народу. Видя таким образом Вас, пришедших в совершенную безопасность, возобновляю признательность мою за усердие ваше, только мне известное и с обещанием сохранить оное навсегда в твердой памяти не оставляю к сделанному уже мною донесению Государю Императору при удобном случае представить в полной мере подвиги ваши, силою коих имеете вы право называться верными рабами Всеавгустейшего Монарха и достойными сынами отечества. Пребуду всегда вам усердный Князь М. Кутузов. 31 октября 1812 года с. Лопкова».

Последний раз Н.И. Сибилев встречался со светлейшим князем М.И. Голенищевым-Кутузовым-Смоленским уже за пределами России. В начале марта 1813 г. в польском городе Калише он вручил главнокомандующему хлеб-соль и благодарил его от всех курян за победу. Это было их последнее свидание. 16 апреля 1813 г. М.И. Кутузов скончался после непродолжительной болезни в небольшом силезском городе Бунцлау.

Изгнав Наполеона из России, русская армия с перешедшими на её сторону бывшими союзниками французского императора продолжила своё победное шествие по Европе.

Описывая в своих «Записках» события 1813 г., новооскольский дворянин И.О. Острожский-Лохвицкий с удовлетворением отмечал: «Со времени же, как французы, выгнанные с Москвы, бежали восвояси, армия их, собранная из двадцати народов разных языков, составлявшая более полумиллиона, мало-помалу начала истребляться от сражений, бывших сильных, от голода, стужи и ожеледицы [гололедицы], посланной от Бога на сих богоотступников, почему российские войска оную везде истребляли, сильно побеждая везде и во всякое время, а посему во все прошедшее лето война горела в Польше, Пруссии, Саксонии, Вестфалии и прочих местах до Лейпцига, под которым бывшее 6 октября сильное и никогда ещё в свете сему подобное не бывавшее сражение решило судьбу Европы, и французы истреблены, а союзные армии перешли реку Рейн и направили стопы свои до Парижа заплатить Бонапарту визит».

Победный марш русской армии закончился у столицы созданной Наполеоном империи. Ночью 19 марта 1814 г. оборонявшие Париж войска ка-

*Бегство французов из России в 1812 году.
Художник П. фон Хесс (Гесс)*

*Полковой священник. Художник Г.-Э. Опиц.
Сцена из Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.*

питулировали, а утром победители торжественно вступили в сдавшийся на их милость город.

Колонны военных двигались по парижским улицам с барабанным боем, музыкой и распущенными знаменами. Шествие открыла русская легкая конно-гвардейская дивизия во главе с казачьим полком, за ней шли кирасиры и гусары прусской королевской гвардии, затем — драгуны и гусары русской императорской гвардии. На некотором расстоянии от них ехал русский император Александр I, слева от него находился король Пруссии Фридрих Вильгельм III, а справа — представляющий австрийского императора Франца I князь К.-Ф. Шварценберг. За ними следовала блестящая свита из тысячи генералов разных наций. Замыкали шествие австрийский и русский гренадерские корпуса, пехота русской императорской гвардии и три дивизиона русских кирасир.

Окончательная точка в войне была поставлена 25 марта 1814 г., когда император Наполеон I подписал акт отречения от престола Франции за себя и своих наследников. В тот же день Сенат провозгласил королём Людовика XVIII, восстановив на французском престоле династию Бурбонов, свергнутую Великой Французской революцией.

*Вступление союзных войск в Париж 19 марта 1814 года.
1815 г. Художник Ф. де Малек*

*Две парижанки в сопровождении русских офицеров. Около
1818 г. Художник Г.-Э. Опиц*

То огромное чувство восхищения и благодарности, которое французы питали по отношению к русским и их правителю за сохранённый в неприкосновенности Париж, точно передают воспоминания П.С. Деменкова — курского дворянина, служившего в ту пору поручиком лейб-гвардии Преображенского полка (подробнее о П.С. Деменкове см. «Курские дворяне в первой половине XIX века»). «Узнавши один раз, что Государю [Александру I] угодно было в тот день посетить оперу, я поспешил отправиться туда-же, не так для спектакля, как для того, чтобы видеть восторженный приём, который будет сделан Французскою публикою нашему Государю. Трудно было очень добиться до кассы для получения билета, по случаю страшной тесноты, от которой мундиру моему пришлось жестоко пострадать; но билет все таки, хотя и с большими усилиями, был добыт мною. Все ложи зрительной залы были битком набиты разряженными дамами, за исключением некоторых лож, занятых нашими и прусскими генералами, а в пятой или четвёртой

от средней ложи, предназначенной для Государя, сидели молодые великие князья Николай и Михаил Павловичи, только что перед тем прибывшие в Париж. Около 8 часов все засуетились, музыка заиграла возобновленную тогда в памяти роялистов–французов народную арию *Vive Henri IV*, но с переделкою слов «*Vive Alexandre, Vive ce Roi des Rois*» [«Да здравствует Александр, Да здравствует король королей!»]. Государь, в то время показавшись у входа ложи, несколько приостановился, потом, подошедши к барьеру, приветствовал публику легким наклоном головы во все стороны. Раздался оглушительный крик *Vive Alexandre* и, вторя оркестру, весь партер не только запел, но скорее можно сказать заорал арию. Государь видимо был тронут, стоял и продолжал наклонять тихо голову. Восторгам публики не было конца, дамы махали платками и аплодировали с большим усердием».

Победа над Наполеоном стала возможна только благодаря сплочённости, стойкости и самоотверженности всего русского народа, а также мужеству и героизму солдат русской армии, среди которых было много уроженцев Курской губернии, занимавших все ступеньки армейской лестницы — от генералов до рядовых.

Вот имена лишь некоторых из этих героев.

Мусин–Пушкин Иван Клавдиевич (1781–1822), генерал–майор (1813). Из дворян Курской губернии.

В чине штабс–капитана лейб–гвардии Измайловского полка в 1805 г. участвовал в Аустерлицкой битве, где был ранен пулей в правую ногу, но остался в строю. За мужество награжден золотой шпагой и капитанским чином. 5 октября 1806 г. назначен адъютантом к великому князю Константину Павловичу. В 1807 г. участвовал в Польской кампании, отличился в сражениях при Гейльсберге и Фридланде, где был тяжело контужен картечью в правое плечо, бок и бедро. За отличие награжден орденом Св. Владимира 4–й степени с бантом. 16 июня 1808 г. произведен в полковники с оставлением в адъютантах у Константина Павловича. В 1810 г. назначен командиром 1–го батальона лейб–гвардии Измайловского полка.

В начале 1812 г. полк входил в состав 2–й бригады гвардейской пехотной дивизии 5–го гвардейского корпуса 1–й Западной армии. Участвовал в сражении при Островно. В Бородинской битве после ранения командира полковника М.Е. Храповицкого заступил на его место и командовал Измайловским полком, пока сам не был контужен в грудь осколком гранаты. За храбрость получил орден Св. Владимира 3–й степени. Вернулся в полк в феврале 1813 г., сражался с французами под Люценом, Бауценом и Рейхенбахом. После Плесвицкого перемирия участвовал в сражениях под Пирной, Петерсвальдом и Кульмом,

где был контужен картечью в голову. 15 сентября 1813 г. награжден чином генерал–майора. 28 сентября назначен шефом Витебского пехотного полка, с которым участвовал в Лейпцигском сражении, в декабре 1813 г. находился при осаде Майнца. В 1814 г. за отличие в сражении под Бриенном получил в награду золотую шпагу «За храбрость» с алмазами. Также сражался под Ла–Ротьером, Шампобером и Парижем, где был контужен в ногу излетным ядром. После окончания военных действий командовал 1–й бригадой 16–й пехотной дивизии, участвовал в походе во Францию в 1815 г. После возвращения в Россию вышел в отставку 25 декабря того же года по болезни от прежних ран.

Кавалер орденов Св. Владимира 4–й степени с бантом, Св. Владимира 3–й степени, Св. Анны 2–й степени с алмазами, Св. Иоанна Иерусалимского, австрийского ордена Леопольда 2–й степени и прусского ордена Красного Орла 2–й степени, награжден Крестом за Кульм и двумя золотыми шпагами «За храбрость».

Второв Осип Максимович (1771 — после 1815), генерал–майор (1814). Из дворян Путивльского уезда Курской губернии.

В 1805 г., в чине майора Олонецкого пехотного полка, принимал участие в походе в Австрию. За отличия при Аустерлице был произведен в подполковники. Воевал с турками в 1806–1807 гг. и в 1809–1811 гг. С 19 марта 1812 г. по 1 сентября 1814 г. — шеф Украинского пехотного полка.

В октябре–ноябре 1812 г. в составе корпуса генерала Ф.В. Остен–Сакена 3–й Западной армии принимал участие в боях на Волыни и в Западной Белоруссии. 2–4 ноября под Волковыском командовал передовым отрядом, ранен пулей в левый бок, награжден золотой шпагой «За храбрость». В кампанию 1813 г. сражался при Дрездене, участвовал в битве под Лейпцигом и осаде Магдебурга, где был контужен ядром в левую ногу. В кампанию 1814 г. был при блокаде Гамбурга, с 14 февраля участвовал в боевых действиях в Северной Франции.

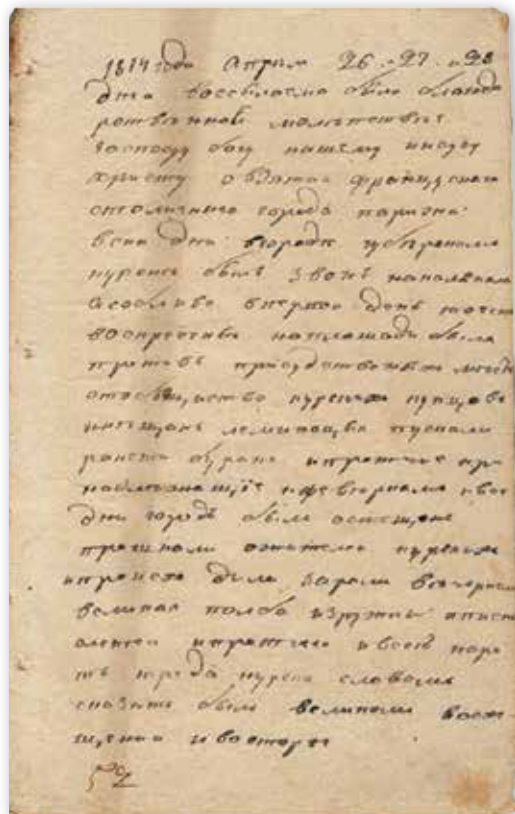
30 августа 1814 г. произведен в генерал–майоры.

1 июня 1815 г. уволен в отставку «за ранами» с мундиром и пенсией.

Награжден орденами Св. Владимира 3–й и 4–й с бантом степеней, орденом Св. Анны 2–й степени, двумя золотыми шпагами «За храбрость».

Денисьев Петр Васильевич (1766–1842), генерал–майор (1814). Из дворян Курской губернии.

Участвовал в войне 1806–1807 гг., сражался против французов при Эйлау, Гейльсберге и Фридланде. 13 декабря 1807 г. произведен в полковники. 28 ноября 1808 г. назначен командиром Углицкого мушкетёрского полка, с 19 октября 1810 г. — шеф Бутырского мушкетёрского полка.

«Месяцесловъ» А. Ф. Семёнова с записью о праздновании в г. Курске вступления русских войск в Париж. Курский областной краеведческий музей (по «Курской губернии и Отечественной войне 1812 года»)

В 1812 г. командовал 2-й бригадой (Бутырский и Томский пехотные полки) 24-й пехотной дивизии 1-й Западной армии. Участвовал в обороне Смоленска. В Бородинской битве оборонял Курганную батарею. Сражался под Тарутино, при Малоярославце и Красном. В 1813 г. участвовал в блокаде крепости Кюстрин. Отличился в Лейпцигском сражении. 11 января 1814 г. был произведен в генерал-майоры. В 1814 г. сражался при Суассоне, Краоне, Лаоне, участвовал во взятии Парижа. Участвовал во 2-м походе во Францию в 1815 г.

Портрет генерала, написанный живописцем Д. Доу, является частью Военной галереи Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург).

Награждён орденами Св. Георгия 4-го класса, Св. Анны 1-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотой шпагой «За храбрость».

Был погребен в Коренной пустыни на самой оконечности монастырской площади за соборным храмом. Могила его, обозначенная памятником в виде гранитной колонны, не сохранилась.

Ушаков Иван Михайлович (1779–1845), генерал-майор (1814). Из дворян Курской губернии, помещик Фатежского уезда.

В 1806–1807 гг. сражался с французами под Пултуском, Лансбергом, Прейсиш-Эйлау (ранен пулей в руку), Гейльсбергом. В 1807 г. назначен адъютантом к генерал-фельдмаршалу А. А. Прозоровскому, затем к М. И. Кутузову. В 1808–1809 гг. воевал с турками. В 1810 г. назначен командиром Черниговского пехотного полка. В кампанию 1812 г. командовал 2-й бригадой (Копорский и Черниговский пехотные полки) 3-й пехотной дивизии 1-й Западной армии. 14 июля 1812 г. в разгар сражения у д. Островно под Витебском возглавил контратаку полка на захвативших русскую батарею французов и в результате жестокого штыкового боя отбил пушки обратно. Был произведён в полковники и награждён орденом Св. Владимира 3-й степени. Во время Бородинского сражения Черниговский полк располагался на левом фланге. Однако, когда французы вторично овладели «флешами», дивизия П. П. Коновницына была послана на помощь П. И. Багратиону. «Командуя полком и вдаваясь во все опасности, примером своего мужества поощрял подчиненных на поражение неприятеля, которого сбив с высоты, отчаянно им защищаемой, взял на оной окоп, оставленный прежде сего нашими войсками». В бою получил тяжелые ранения — пулей в рот с повреждением челюсти и ядром в левую ногу, которую пришлось ампутировать ниже колена. «В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в сражении против французских войск 1812 года августа 26-го при с. Бородине» награждён орденом Св. Георгия 4-го класса. После выздоровления вернулся в строй и «был при полку... до увольнения со службы». 6 марта 1814 г. вышел в отставку с чином генерал-майора.

В 1815 г. выбран курским губернским предводителем дворянства.

4 августа 1817 г. вновь принят на службу и назначен на должность шталмейстера при дворе великого князя Николая Павловича.

Награждён орденами Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 2-й и 3-й степеней, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, золотой шпагой «За храбрость», серебря-

ной медалью «За взятие Парижа», серебряной и бронзовой медалями «За 1812 год».

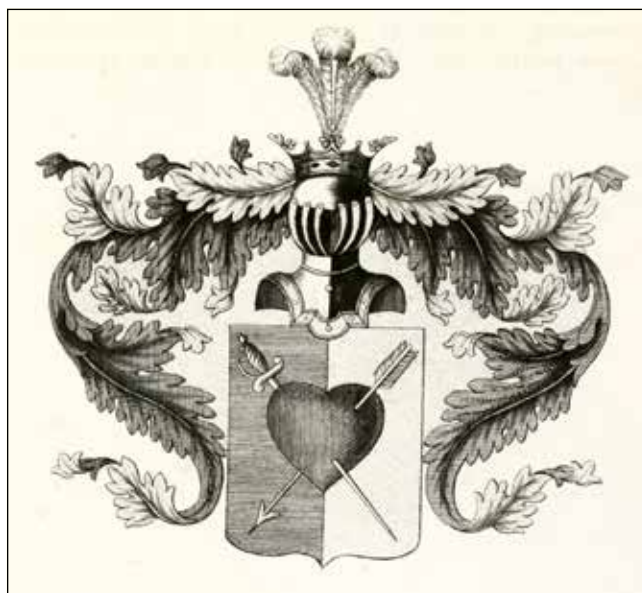
Курносов Николай Андреевич (1771–1831), генерал-майор (1819). Из дворян Курской губернии, помещик Путивльского уезда.

В 1806 г., в чине майора Волжского пехотного полка, участвовал в сражениях при Пултуске, Гутштате и Гейльсберге (награждён орденом Св. Владимира 4-й степени). При Фридланде «контужен в голову, с повреждением зрения». В 1811 г. присвоено звание подполковника. С 23 февраля 1812 г. командует Волынским пехотным полком, входившим во 2-ю бригаду 4-й пехотной дивизии 1-й Западной армии. За участие в сражении под Смоленском награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В Бородинском сражении «сомкнул батальон в карею против неприятельской кавалерии и несколько раз оную отражал», был ранен ружейной пулей в нижнюю часть живота с «повреждением костей и сухожилий». Участвовал в Заграничном походе 1813–1814 гг. За сражение при Люцене произведён в полковники, под Бауценом ранен ружейной пулей в левый бок навывлет, сражался под Кульмом, в битве под Лейпцигом контужен в правое плечо, награждён золотым оружием с надписью «За храбрость». За участие в сражениях при Бар-Сюр-Обе и Труа награждён «пенсией по смерти». Участвовал в сражении при Арси. За взятие Парижа, где в «жестоком сражении находился», награждён орденом Св. Владимира 3-й степени.

Награждён орденами Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й степени, золотым оружием «За храбрость».

Шетохин Капитон Борисович, подполковник. Из дворян Курской губернии.

Служил в Лубенском гусарском полку. С 1 июля 1812 г. полк входит в корпус С.М. Каменского 3-й Западной армии. Штабс-ротмистр К.Б. Шетохин участвовал во взятии г. Кобрина (первая большая победа русских над войсками Наполеона), схватке под с. Стрыговым, в битве под м. Городечно. С сентября 1812 г. полк входит в армию П.В. Чичагова. К.Б. Шетохин сражается под г. Волковиском, у с. Великие Хриники (удостоен высочайшего благоволения). У г. Кобрина он со своим эскадром «решительным образом» содействовал успеху схватки и захвату обоза. В 1813–1814 гг. участвует в Заграничном походе. В сражении под Кульмом ротмистр Шетохин командует гусарским дивизионом, входившим в отряд генерал-майора Б.Б. Гельфрейха. За храбрость в сражении под Дрезденом был повышен в чине. За отвагу в битве под Лейпцигом награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1814 г. участвовал в блокаде Страсбурга, награждён прусским орденом Pour le mérite и золотой саблей «За храбрость». Ранен в битве под Бар-Сюр-Обе. В сражении под Фер-

Петр Васильевич Денисьев. 1820-е гг. Художник Д. Доу

Герб дворян Денисьевых. «В щите, разделённом перпендикулярно на два поля голубое и золотое, изображено красное сердце, и сквозь оное крестообразно вонзены серебряная шпага и стрела. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом, с дворянскою на нём короною и тремя страусовыми перьями. Намёт на щите красного и голубого цвета, подложенный золотом»

Иван Михайлович Ушаков

Герб дворян Ушаковых (курская ветвь, потомство дворянина XVII в. И.М. Ушакова). «Щит разделён перпендикулярно на две половины, из коих в правой на золотом поле находится дерево дуб. В левой половине в голубом и красном полях изображены крестообразно серебряное ружьё, шпага и стрела. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною с страусовыми перьями. Намет на щите золотой и красный, подложенный голубым и золотом. Щит держат два льва»

Шампенауазом участвовал в истреблении колонны генерала Пакто. Его подразделение взяло в плен одного генерала, трех штаб-офицеров, 18 обер-офицеров, 528 нижних чинов и два орудия. За доблесть в бою награждён орденом Св. Георгия 4-го класса. Участвовал во взятии Парижа. Вышел в отставку в 1818 г. в чине подполковника.

Щекин Иона (Ион) Андреевич (родился в 1791 г.), штабс-капитан. Из дворян Курской губернии, помещик Щигровского и Рыльского уездов.

С 1810 г. служил прапорщиком в лейб-гвардии Гренадерском полку. 7 ноября 1811 г. произведен в подпоручики и батальонные адъютанты.

В Отечественной войне 1812 г. сражался при Какувячине, Смоленске («храбростью своей подавал пример подчиненным»), Валутиной горе. В Бородинской битве «при самой сильной канонаде послан был неоднократно с разными приказаниями к стрелкам и исполнил оные с поспешностью и мужеством, презирая все опасности», был ранен пулей в правую лопатку, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Сражался при Тарутино (контужен), Малоярославце, Красном. 21 декабря 1812 г. произведён в поручики. В 1813 г. участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене (награжден орденом Св. Анны 3-го класса), Дипольдисвальде, Кульме и Лейпциге. В 1814 г. назначен в резервный батальон, размещённый в герцогстве Варшавском.

Решетинский Александр Онуфриевич. Из дворян Курской губернии, помещик Тимского уезда.

В 1812 г. служил в Орденском кирасирском полку, входившем во 2-ю кирасирскую дивизию Кирасирского корпуса 2-й Западной армии. В сражении при Бородино Орденские кирасиры отражали у Семеновского оврага атаки французской тяжелой кавалерии генерала Нансути. В этом бою командовавший взводом поручик А.О. Решетинский отличился при атаке на неприятельскую кавалерию и был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Полк участвовал в сражении при Красном, во время которого Орденский и Екатеринославский кирасирские полки атаковали одну из вражеских колон и «частью изрубили, частью взяли в плен» солдат противника. А.О. Решетинский участвовал в Заграничном походе 1813–1814 г. и взятии Парижа. Награждён бронзовой медалью за заслуги в войне 1812 года.

Среди множества участвовавших в Отечественной войне 1812 г. курян-солдат отметим только тех, кто за совершённые в Бородинской битве подвиги был награждён знаком отличия военного ордена Св. Георгия: унтер-офицер Курляндского драгунского полка *Лядовский Матвей Иванович*, фельдфебель Нарвского пехотного полка *Бредихин Петр Корнеевич*, унтер-офицер Гренадерского графа Аракчеева полка *Муханьков Ефим Фомич*, унтер-офицер Малороссийского гренадерского

полка *Козлютинов Иван Данилович*, унтер–офицер Малороссийского гренадерского полка *Трубавин Прохор Игнатович*.

Известие о победе над Наполеоном пришло в Курск в конце апреля 1814 г.

Новооскольский помещик И.О. Острожский–Лохвицкий оставляет в своём дневнике следующую запись: «В апреле месяце российскою и союзными армиями взят столичной Франции город Париж, армия французская разсеяна и мир желанный всей Европе последовал, кровопролитие перестало и враг человечества Бонапарт сослан в ссылку на остров Эльбу, что близ Корсики. Первая жена его умре, а второй, австрийского императора дочери, даны в удел за сыном её Парма и Пиаченца с уездами. Братья его лишены королевских званий и мест; границы Франции, распространённые войною, отняты и отданы законным наследникам прежним. И весь город его, возведённый им на высокие степени, низвержен в прежнее ничтожество, а во Франции утверждён, вместо бывшего самозванца императора Бонапарта, прежней из Бурбонов фамилии король Людовик [X] VIII–й, и армии возвратились все в свои отечества и принесли всеобщий Европы мир и тишину, радость и благоденствие, хваля всемогущего Бога и величая императора Александра Великого и избавителя Европы».

Узнавшие о долгожданной победе жители Курска были охвачены всеобщим ликованием. Астроном и метеоролог Ф.А. Семёнов на одной из страниц своего «Месяцеслова» записал: «1814 года апреля 26, 27 и 28 дней воссылаемо было благодарственное молебствие господу богу нашему иисусу христу о взятии французского города париж: всии дни в городе губернском курске был звон на колаколах аособливо впервой день тоесть воскресенье наплощади была против присудственных мест от общества курских купцов имецана леминация пускали ракеты бурат [?] и протчие принадлежащие кфеверкам и все дни город был освещен плошками ажителей курских происходило зарями вечерними великая полба изружей ипистолетей ипротчаго и весь народ города Курска словом сказать был великом восхищении и восторге».

Оценивая вклад наших земляков в победу над Наполеоном, бывший курский губернатор А.И. Нелидов в 1822 г. в письме курскому городскому голове А.П. Баушеву отмечал: «Во время нашествия неприятеля на любезное наше отечество почтеннейшее дворянство Курской губернии, по первому воззванию, оставив мирные жилища, жен и детей своих, устремилось на защиту отечества. Не раз я обращался к неизменному усердию ваших сословий и всегда каждого из вас находил, подобно прославленному в летописях России гражданину Минину, готовым принести в дар отечеству имущество свое и самую жизнь».

Медаль «За взятие Парижа». Медалью награждались все офицеры и солдаты, принимавшие участие в заграничных походах 1814 г.

Знак отличия Военного ордена (Георгиевский крест) для солдат и унтер–офицеров. Начало XIX в.

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Медалью награждались все воинские чины армии и ополчения, участвовавшие в боевых действиях до 1 января 1813 года, а также медики и священники, непосредственно принимавшие участие в сражениях

Возвращение ратника в свое семейство из ополчения. 1815 г. Художник И.В. Лучанинов

КУРСК И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Курский край не остался в стороне от событий Крымской войны. Начавшись в 1853 г. как очередное противостояние с Турцией, война быстро превратилась в борьбу России против мощной коалиции, в которую помимо турок входили Англия, Франция и Сардинское королевство.

Поначалу военные действия шли удачно для России. Турецкий флот был разгромлен наголову в Синопском сражении, русские полки стояли на Дунае. В Курск стали прибывать военнопленные. Первыми из них были пленники, захваченные в ноябре 1853 г. при взятии пароходом «Владимир» на Чёрном море турецкого парохода с командой в 130 человек. Пленных мусульман отправили в Орёл, а христиан — в Курск. Это оказались греки, служившие на судне механиками и навигаторами: Лука Кисунади, Александро Димитриу, Яни Стояни, Георги Христо, Иоанн Трико. Вслед за этим в город прислали троих англичан, также служивших механиками в турецком флоте — Белла, Андерсона и Бейкера. В сопроводительных документах выражалось пожелание, чтобы с пленными «обходились со всем человеколюбием, совместным с необходимым над ними надзором». Позднее в город прибыло ещё несколько пленных, захваченных на турецком пароходе «Меджари Тиджарет». Среди них были англичане — машинисты Арчибальд Морисон и Александр Клеланд, мальтийцы — кочегары Сальваторе Поджио, Онуцио Мичи, греки — Спиро Рафтопулло и Стафи Николузо, итальянский боцман Андреа Марезино (уроженец Рима) и помощник машиниста француз Фимистокл Фима. Их вначале доставили в Калугу, но в январе 1854 г. освободили по высочайшему повелению вместе с механиком Майклом Беллом с египетского парохода «Первас-Бахри» и отправили в Курск, а затем препроводили в Москву для возвращения на родину. О своём пребывании в Курске пленники сохранили самые тёплые воспоминания: «мы имели здесь не только дружеское, но даже родственное и радушное обращение от всех особ, имевших к нам какое-либо обращение».

Затем в губернию стали поступать новые партии военнопленных. Среди них были турки, арабы, греки, армяне, болгары и старообрядцы-некрасовцы. Теперь в Курск присылались не только христиане. К декабрю 1854 г. здесь находилось уже 165 мусульман, пленённых в основном в ходе боёв на Кавказе. В сентябре 1855 г. в губернии содержалось уже 511 военнопленных турок. Размещались они в частных домах, арендуемых ради этого горо-

Бой пароходофрегата «Владимир» с турецко–египетским военным пароходом «Перваз–Бахри» 5 ноября 1853 года. 1850–е гг. Художник А.П. Боголюбов

дом. Они могли свободно передвигаться по городу, но должны были являться на ежедневные переклички. Отношение к ним со стороны местных жителей было вполне доброжелательное. Характерный случай произошёл 18 февраля 1854 г. в Судже, где жители устроили угощение для солдат Рижского драгунского полка. Здесь же находилась и партия военнопленных турок, которые «вмешались в толпу русских солдат и жителей, где происходило веселье. Пленных турок жители пригласили к общему столу — они пили водку сколько хотели и кричали «Ура Николай!». Когда песенники начали петь плясовые песни, то некоторые турки пустились и в пляс». Следует отметить, что после окончания войны 59 бывших военнопленных подали прошения о принятии российского подданства.

Между тем война приобретала всё больший размах, что воскрешало в памяти нашествия Наполеона. И тогда, как и в 1812 г., правительство решило объявить о наборе народного ополчения.

Императорский манифест «О призвании к Государственному ополчению» был оглашён 29 января 1855 г. и сразу всколыхнул крестьянские массы. Крепостные рассчитывали, что участие в ополчении позволит им выйти на волю. Все попытки объяснить, что этого не будет, разбивались о непоколебимую веру в то, что царский указ о воле существует, но скрывается помещиками.

В губерниях и церковных епархиях был начат сбор добровольных пожертвований, как на нужды ополчения, так и в пользу больных и раненых воинов. Жертвовали как деньги, так и снаряжение. Например, курский купец 1-й гильдии И.И. Трегубов пожертвовал для ратников ополчения 2000 пар сапог стоимостью 2000 рублей. Среди тех, кто внёс свой вклад, оказался даже один подданный враждебного государства. Это был англичанин Вильямс, управляющий конным заводом курского помещика Скарятин. «Чувствуя неловкость своего положения», он решил внести в пользу защитников Севастополя 30 рублей из своих сбережений. О его поступке было сообщено в министерство внутренних дел, которое поведало о том царю. Николай I повелел выразить британцу благодарность за его поступок. В целом сословия Курской губернии внесли на содержание ополчения 120 000 рублей.

Формирование дружин ополчения началось 21 февраля 1855 г. с созыва губернского дворянского собрания. При открытии собрания был зачитан царский манифест и принята присяга, после чего начались выборы офицеров «Государственного подвижного ополчения Курской губернии». Не во всех уездах сразу удавалось найти нужное количество добровольцев. Больше всего желающих поступить в ополчение было среди дворян Щигровского, Тимского, Курского, Львовского и

Рыльского уездов. В основном это были отставные военные и гражданские чиновники. Ход выборов неожиданно прервался, когда вечером 24 февраля 1855 г. было получено ошеломляющее известие о кончине императора Николая I. очевидцы вспоминали, что на следующий день «дворяне съехались в собрание; на лице каждого можно было прочесть искреннюю тяжелую скорбь, которая свойственна только Русским, как христианам и верным подданным Царям своим. «Мы потеряли Отца», говорил один другому, и слезы невольно текли у него. «Дай Бог силы и здоровье молодому нашему Государю! И помоги Господь истребить ему врагов наших!» и говорил другой. «Мы все пойдем за Ним, куда прикажет», повторяли слушавшие. — «Видно что Второму суждено победить врагов, как Первому Александру!» слышалось в ином кружке. Но в 11 часов удары колоколов в монастыре, и повешенные еще рано утром, все дворяне, чины военные и гражданские двинулись в храм, где принесли присягу новому Государю, Императору Александру Николаевичу и отслушали молебен с провозглашением многолетия Августейшему Монарху и всему Его Царскому Дому».

Приём рядовых ратников из числа крестьян и однодворцев открылся 1 марта 1855 г. Новобранцев встречали уездный предводитель дворянства, начальник дружины и врач. Зачисленных в ряды ополчения тут же приводили к присяге и размещали по квартирам. К лету 1855 г. Государственное Подвижное ополчение Курской губернии было окончательно сформировано. Оно включало 15 уездных дружин и две сводные, одну из Курска и вторую из Старого Оскола. Дружинам были присвоены номера с 38 по 54. Численность их составляла более 18 000 человек. Начальником ополчения был выбран генерал-майор Дмитрий Николаевич Белевцев.

Путь до Севастополя куряне-ополченцы проделали пешим порядком, преодолев более 1500

верст по разбитым грунтовыми дорогам. Знаменитый хирург Н.И. Пирогов писал: «Дорога от Курска, где шоссе прекратилось, невыразимо мерзкая... Грязь по колени, мы ехали не более трех и даже две версты в час шагом: в темноте не было возможности ехать, не подвергаясь опасности сломить шею».

Князь Дмитрий Святополк-Мирский повстречал курян уже в причерноморских степях:

«За Мелитополем в пустынной степи, на рассвете, в полудремоте вдруг послышалось пение утренней молитвы, и какая-то толпа людей показалась невдалеке от дороги. Молитва кончилась, забил барабан, толпа двинулась стройными рядами и раздалась звуки залихватской русской песни. Это была дружина ополчения Курской губернии на пути в Севастополь.

Разумеется, я к ней подъехал поближе. Вид ратников сделал самое глубокое и отрадное впечатление: их одежда, бороды, молодцеватые, но свободные, приемы и движения представляли верную картину самого русского народа, ополчившегося против нашествия вражьей силы. С тех пор я постоянно обгонял новые дружины, и шли они бодро, весело, с видом готовности лечь костями для защиты отечества. Тут ясно сказались сила могущественнее всякого ландвера».

В начале августа 1855 г. курские ополченцы прибыли в Севастополь и расположились на его Северной стороне и на высотах к востоку от него. Начальник ополчения генерал-майор Д.Н. Белевцев позднее вспоминал о том, как «дружинники с изумлением смотрели на море и корабли, стоящие в бухте, слушали грохот канонады, идущий с Малахова кургана и бастионов обороны города. Все это им было в диковинку, как-то необычно и даже страшно порой, в глазах их постоянный стоял испуг, многие крестились, читая молитву. Все это было типично для необстрелянных людей, пришедших из мирной глубинки на войну.

Знак Государственного подвижного ополчения. 1855 г.

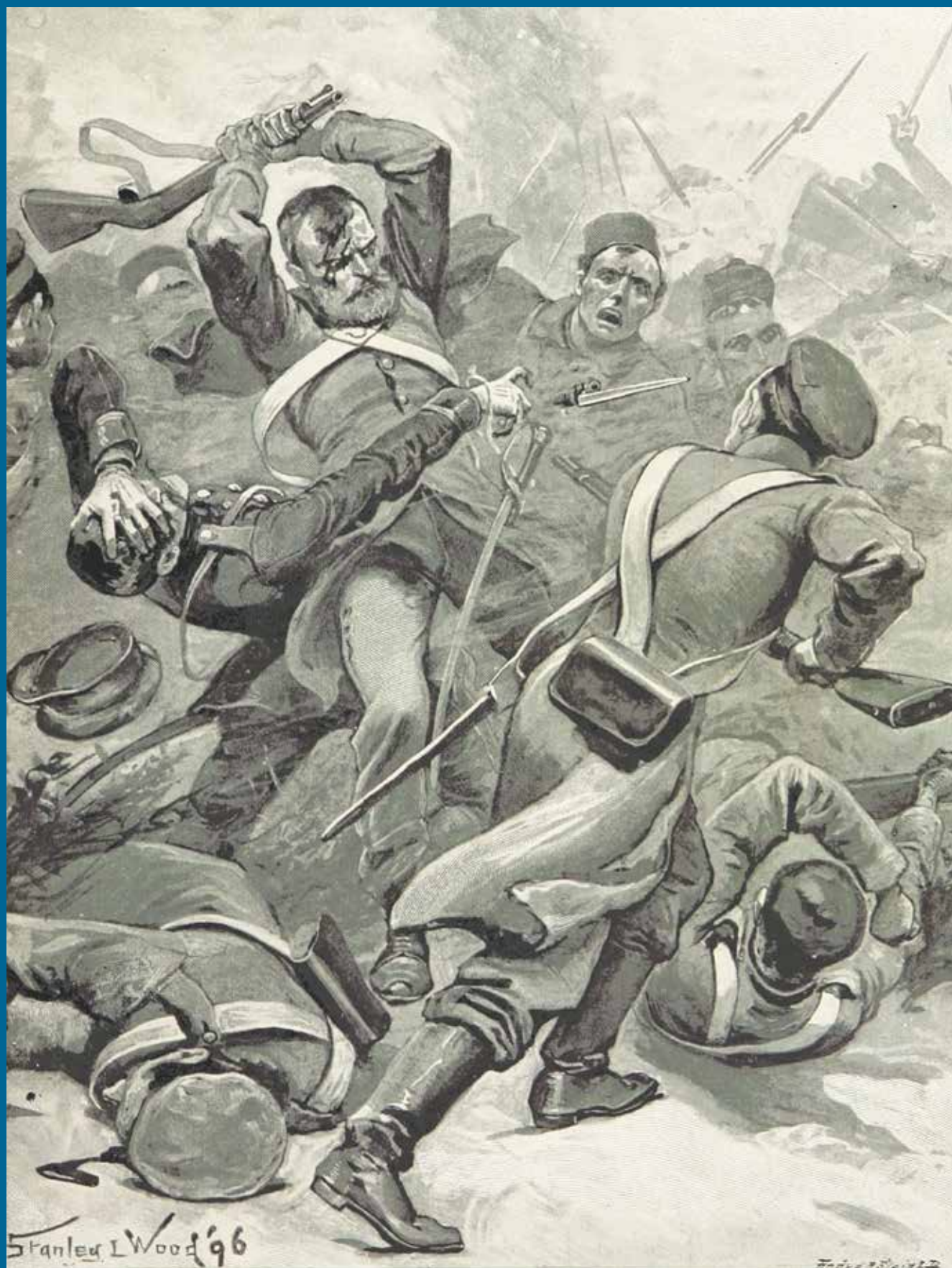
*В осаждённом Севастополе. 1862 г. Художник К.Н. Филиппов
Рядовой и офицер Государственного подвижного ополчения. 1855 г.*

В одно время с первыми эшелонами полков 5-й дивизии подтянулись к Севастополю последние дружины Курского ополчения, и очень заметны стали среди солдат на северном берегу Большого рейда воины древнего Курска, с большими медными крестами на картузах: неторопливые, сероглазые, волосы в кружок, русые бороды лопатой, топоры вроде секир или алебард за поясами в чехлах... Отбиваться этими топорами или даже штыками от штурмующих колонн они, конечно, могли бы, но стрелять их не успели хорошо выучить, и главнокомандующий князь Горчаков, верный своему обыкновению принимать одно за другим несколько решений, сначала хотел влить их в полки, чтобы увеличить число штыков для наступательных действий, потом часть их распределил по батареям для подноски снарядов к орудиям и земляным работам, часть прикомандировал к госпиталям для замены прислуживающих там солдат из полков и матросов, часть отправил на братское кладбище копать могилы».

Курские ратники тотчас встали в ряды защитников Севастополя.

Фатежская дружина №38 была прикомандирована к Галицкому егерскому полку 5-й дивизии 2-го корпуса, защищала 3-й бастион и бастион Будищева. Потери её составили 367 погибших и 352 раненых.

Рукопашная схватка в битве при Инкермане 5 ноября 1854 года. Художник С. Вуд

Курская дружина №39 защищала Северные укрепления. Её ратники исполняли обязанности артиллерийской прислуги на 6-й и 8-й батареях. Прикомандированная к 12-й пехотной дивизии, дружина находилась на укреплениях и в последний день обороны города, во время штурма 27 августа 1855 года, когда русские войска оставили Южную сторону Севастополя. Дружина потеряла погибшими и умершими 82 человека, 444 больных и раненых попали в госпитали.

Курская дружина №40 сначала располагалась на Инкерманских и Мекензиевых высотах к востоку от Севастополя, а затем была прикомандирована к 12-й пехотной дивизии. При последнем штурме дружина потеряла 15 человек убитыми, а число умерших от болезней составило 129 человек.

Старооскольская дружина №44 была прикреплена к Бутырскому полку и находилась на Мекензиевой горе при реке Черной.

Новооскольская дружина №45 участвовала в обороне Северных Севастопольских укреплений до 11 сентября, после чего была прикомандирована к Кольванскому егерскому полку и выбыла из состава Севастопольского гарнизона. Одни её ратники участвовали в построении под неприятельскими ядрами моста через бухту, а другие были прикомандированы к артиллерийской прислуге на бастионах.

Обоянская дружина №47 вначале занимала позиции на Северной стороне города, потом была переведена на 3-й бастион Южной стороны. Затем ополченцев вновь направили на Северную сторону и до апреля 1856 г. они стояли на Инкерманской позиции и Мекензиевой горе.

Белгородская дружина №48 во время последнего штурма Севастополя стояла на 1-м бастионе, а затем была переброшена к Малахову кургану, где участвовала в последней неудачной контратаке.

Грайворонская дружина №49 стояла на 7-м бастионе на Южной стороне, занималась ночными работами на передовых укреплениях, несла внутренние городские караулы. Затем её перевели на Северную сторону, где ратники стояли в Корабельной слободке и участвовали в обороне Малахова кургана. Отличившиеся 16 ополченцев были награждены Георгиевскими крестами.

Суджанская дружина №50 в защите Севастополя не участвовала, оставаясь всё время в Таврической губернии.

Рыльская дружина №51 участвовала в обороне Северной стороны города, причём 6 рыляк были награждены медалями, а унтер-офицер Аким Емельянов получил Георгиевский крест.

Путивльская дружина №52 прибыла в Крым уже после окончания боёв за Севастополь и до конца войны стояла в окрестностях Бахчисарая и Симферополя.

Льговская дружина №53, в отличие от путивлян, участвовала в обороне Севастополя, как и Дмитриевская дружина №54. Дмитриевцев прикомандировали к Костромскому егерскому полку. Дружина стояла на Мекензиевой горе, участвовала в боях за Малахов курган. Многие из ратников были награждены медалями, а ратник Лукашев даже получил орден Св. Станислава 3-й степени.

Тимская дружина №42, Старооскольская №43, Корочанская №46, Суджанская №50 и Путивльская №52 в боях за Севастополь не участвовали, охраняя район Перекопа, прикрывая береговые батареи, неся караульную службу в Симферополе.

Несмотря на то, что ополченцев преимущественно использовали на подсобных работах и в караульной службе, им доводилось подчас участвовать и в настоящих боях.

Отставной гвардии полковник Георгий Чаплинский вспоминал, как 27 августа во время последнего боя за Малахов курган курские ратники «бойко стали взбираться на Курган, где их буквально засыпало градом пуль; не видя возможности отбить горжу, они бросились в ров, думая обойти горжу и взобраться на курган... курские ополченцы истратили в бою 27 августа все патроны, нелегко пришлось и дружине ополчения (с начала штурма до 3 часов ночи удерживая Корабельную слободку)».

В бою с французами за редут Шварца и 4-й бастион новооскольские ратники 45-й дружины сражались наряду с солдатами и, по словам очевидца, «дрались по-русски, чем пришлось».

Куряне гибли, болели, страдали от ран, попадали в плен. Полковник Н.А. Обнинский вспоминал, как на его позиции у реки Бельбек в декабре 1855 г. явился бежавший из вражеского плена ратник курского ополчения. Он поведал, что враги «его спрашивали по-русски, сколько пришло в Крым бородачей? — я немного подумал и сказал: четыре миллиона. Меня держали под караулом и было двое часовых, когда одного потребовали к начальнику, а у другого я выхватил ружье, уколошил его, переплыл речку, пошел по камышам, да и добрался до первого казачьего пикета».

Широкой известностью пользовался среди защитников Севастополя бодрый и остроумный «дедушка ополчения» — старик Стремоухов. Полковник Обнинский вспоминал, что это была «личность замечательная, взгляд рассерженной кошки, улыбочка никогда не сходящая с уст, вечно двигающиеся брови, громадные крашенные черным усы, маленькая фигурка, нагнутая вперед под 96 градусов, и сухие тоненькие ножки. Служил он когда-то в гвардии, потом вояжировал, имеет внучат, но еще живой и бодрый старичок. Его все знали в дивизии, всякий солдат, зная его, говорил «вот дедушка поехал», и не было офице-

Штурм Малахова кургана 8 сентября 1855 г. Фрагмент. 1857 г. Художник А. Ивон

Медаль «В память войны 1853–1856» на Андреевской ленте. Среди тех, кто награждался подобными медалями, были и ополченцы, принимавшие участие в боевых действиях, состоявшие в войсках, приведённых в боевую готовность, или служившие в местностях, бывших на военном положении

ра в целой Крымской армии, который бы не знал каких-нибудь стихов «дедушки».

Закончились бои, наступил мир, и 5 апреля 1856 г. курские дружины двинулись домой. Возвратиться довелось не всем. В строю оставалось не более половины личного состава. В Курске ратников встречали поутру 25 июля 1856 г. Множество горожан пешком и в экипажах отправились за Херсонские ворота навстречу ветеранам Севастополя. Ряды ратников, окруженные густыми толпами земляков, вступили в город. На Красной площади состоялся торжественный благодарственный молебен.

Долгое время в Сергиево-Казанском соборе хранились реликвии, напоминавшие об участии курян в Крымской войне — здесь на стене напротив иконостаса были установлены 17 знамён дружин курского ополчения.

«КАВКАЗЦЫ»

Войны со степными кочевниками, а затем с турками привели Россию в предгорья Кавказа. Необходимость упрочения границ и защиты новых подданных порождала всё новые и новые вооружённые столкновения. На протяжении многих десятилетий русские войска сражались на Кавказе. Их противниками там были турки, персы, ногайские татары, различные племена и народности горцев. В рядах полков, воевавших на этих дальних рубежах расширяющейся империи, служило немало выходцев из Курского края, как дворян, так и крестьян. Многие из них оказались причастны к важным событиям в истории бесконечных войн в горах, заслужили своей храбростью награды и чины. Послужные списки этих ветеранов—«кавказцев» являются живой хроникой, повествующей о продвижении России на юг, о расширении её границ.

*Трофеи войны. Германия. Около 1787 г.
Берлинский десертный сервиз.
Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург).
Скульптурная группа входит в «Берлинский десертный сервиз», преподнесённый императрице Екатерине II королем Пруссии Фридрихом II в 1772 г. и прославляющий победы России над Османской империей*

Татары, путешествующие по степи. Художник К. Боссоли
Солдаты Бутырского полка в царствование Екатерины II.
Художник А.И. Шарлемань

Парфён Иевлевич Клевцов и его младший брат Фёдор происходили из «солдатских детей Курского наместничества города Обояни». В 1780 г. десятилетний Фёдор и четырнадцатилетний Парфён уже носили мундир знаменитого Бутырского пехотного полка. Это был старейший из полков русской регулярной армии. Он вёл своё происхождение от Московского выборного полка солдатского строя, созданного ещё в 1642 г. Спустя три года полк перебросили в прикубанские степи, где он вошёл в состав корпуса под командованием А.В. Суворова. В июне 1783 г. полк разбил полевой лагерь под Ейском и стал готовиться к выполнению порученного ему задания. По указу Екатерины II войскам Суворова следовало обеспечить переселение орд ногайских татар из Прикубанья в уральские степи. Тут же, 28 июня 1783 г., юные солдаты оказались свидетелями и участниками праздника, устроенного по случаю принесения ногайцами присяги российской императрице:

«Обширное поле под Ейском покрылось кибитками 6000 кочевников. Русские войска держались

наготове, но не показывали и тени угрозы. Ногайским старшинам, собранным после богослужения в православной церкви, прочитан манифест об отречении крымского хана Шагин-Гирея, и в присутствии Суворова они принесли присягу по корану беспрекословно... Торжество принятия подданства заключилось богатым праздником. Ногаи расселись группами; вареное и жареное мясо, воловье и баранье, составляли главные блюда; пили водку, так как виноградное вино запрещено кораном. Старшины обедали вместе с Суворовым; большой кубок ходил кругом, здравицы следовали одна за другой; при грохоте орудий, при криках «ура» и «алла», русские перемешались с ногайцами, не было и признаков чего-нибудь неприязненного».

Однако вскоре на смену праздничному веселью пришли кровавые схватки. Русские солдаты и ногайцы, только что вместе беззаботно пировавшие, сошлись в жестоком бою. Хан Шагин-Гирей, бежав из присоединённого к России Крыма, призвал татар к сопротивлению. Многие ногайцы не желали выселяться в далёкое Приуралье. В итоге вспыхнуло восстание. В августе 1783 г., прекратив перекочёвку, татары ринулись обратно на Кубань, нападая по пути на небольшие отряды русских войск. Отряд бутырцев поручика Житкова был окружён у переправы через реку Ею. На выручку ему поспешили Владимирские драгуны и две роты 2-го батальона Бутырского полка, среди солдат которого находились и братья Клевцовы. После жаркой схватки в урочище Урай-Илгасы ногайцы были прижаты к речному берегу и разгромлены. Фёдор и Парфён видели, как татары оказались «вогнаны в глубину тинистой Еи, где тонули, припёртые к реке, приходили в исступление и, для облегчения своего бегства через болотистую реку, в отчаянии резали своих жён, бросали в реку младенцев». Если русские войска потеряли убитыми и ранеными 77 человек, то ногайцев погибло до трёх тысяч.

Вслед за этим Бутырский полк сосредоточился в городке Копыл и оттуда 19 сентября начал преследование бегущих ногайцев. Кочевников следовало настичь прежде, чем они успели бы укрыться в неприступных горах и получить поддержку воинственных горцев. Для этого были распущены слухи, будто Суворов уехал в Полтаву, а царица приказала оставить татар в покое. Тем временем войска совершали скрытые ночные переходы, надеясь застать неприятеля врасплох. Спустя десять дней отряд подошёл к месту впадения Лабы в Кубань, откуда А.В. Суворов в подзорную трубу мог уже рассмотреть ногайские становища на другой стороне реки. Ночью солдаты быстро и тайно переправились через Кубань, ширина которой составляла тут полторы версты: «люди переходили Кубань, держа ружья и сумы с патронами над головами, вода местами покрывала плечи, холод

был весьма ощутителен... островок делил реку на два рукава; тут солдаты могли переводить дух и расправлять свои окоченевшие члены. Крутой противоположный берег Кубани в сильной степени затруднял подъём кавалерии и артиллерии; артиллерийские орудия, ящики, повозки обоза приходилось поднимать на канатах». Но цель была достигнута: ногайцев застигли врасплох, и в ходе сражений в урочищах Керменчик и Сарычигер кочевники вновь оказались разгромлены наголову. Эти побоища, в которых участвовали тринадцатилетний Фёдор и семнадцатилетний Парфён Клевцовы, навсегда подорвали бывшее могущество Ногайской орды.

В 1786 г. Бутырский полк расформировали, составив из его солдат Кубанский егерский корпус. Братья Клевцовы при этом были зачислены в его 2-й батальон. В составе егерского корпуса они теперь сражались с закубанскими горцами, что тоже нашло своё отражение в их послужных списках, которые сообщают, что Клевцовы были «в 1787 году с 12 октября по 5 ноября, за реками Кубанью, Урупом и Лабою в преследовании за возмущившимися ордами до снеговых гор в неоднократном сражении и при разогнании оных». В составе главных сил кавказского корпуса под командованием генерала Текели 2-й батальон егерей в те осенние месяцы, переправившись за Кубань, выжигал аулы абазинцев, бесленеевцев, темиргоевцев. Когда же войска вернулись на зимние квартиры, то батальон постигла неожиданная утрата — 13 ноября умер его храбрый командир подполковник Рауциус. В это же время отличившийся усердием в службе семнадцатилетний Фёдор Клевцов был произведён в капралы. В следующем году он стал сержантом, что наверняка было связано с отличием в новых боях — известно, что братья участвовали «в 1788 году при открытии чрез реку Кубань переправы в трехкратном против черкесов сражении». Парфён сравнялся чинами с младшим братом только в 1791 г., когда тоже был произведён в сержанты.

В 1789 г. стало известно, что турки усилили гарнизоны черноморских крепостей Суджука и Анапы. Чтобы противостоять угрозе их возможного наступления, три батальона Кубанского егерского корпуса были посланы на остров Тамань. Манёвр оказался своевременным: вскоре братья Клевцовы вместе с другими егерями 2-го батальона уже вели огонь по туркам, пытавшимся перебраться через Кубанский лиман. Несколько таких попыток турок потерпели полную неудачу. Отразив турецкое наступление, 2-й батальон вернулся на зимние квартиры в Таганрог, где в октябре 1790 г. участвовал «в препровождении Таганрогского флота чрез Азовское в Чёрное море».

Братья Клевцовы продолжали и далее служить в рядах своего полка, который в октябре 1798 г.

*Вступление Егерского полка Лазарева в Тифлис в 1799 г.
Художник А.И. Шарлемань*

*Егеря Кубанского егерского корпуса в 1787 г.
Художник А.И. Шарлемань*

вновь претерпел преобразования и был поименован Егерским генерал-майора Лазарева полком. Вскоре курянам, служившим в его рядах, довелось перевалить через Кавказский хребет и вступить в пределы Грузии.

Ефрем Иванович Иванов происходил из «крестьян Курской губернии, Дмитриевской округи села Красного Клёна помещика князя Голицына». В рекруты он попал в мае 1791 г. в возрасте двадцати трёх лет, уже будучи женат на своей односельчанке Елене Малофеевой, но не успев ещё обзавестись детьми. Будучи неграмотным, он не мог рассчитывать на продвижение по службе, и все известные документы сообщают о нём только как о рядовом. Вместе со своим полком он участвовал в 1796 г. в Персидском походе, был при осаде и сдаче Дербента, участвовал «в штурме укрепленной под стенами его башни и в бою под деревнею Алпаном с многочисленными толпами».

В 1799 г. в Петербург прибывает посольство грузинского царя Георгия XII, которое просит при-слать в Грузию три тысячи русских солдат для за-

щиты от персов и лезгин. В ответ на эту просьбу император Павел I приказывает направить в Грузию Егерский генерала Лазарева полк, придав ему артиллерию и сотню казаков. В октябре 1799 г. войска выступают в поход. Для Ефрема Иванова, как и для других его однополчан, это стало серьёзным испытанием: «дорога, кое-как приспособленная для движения повозок, в мрачном Дарьяльском ущельи поднималась к перевалу через главный хребет по страшным крутизнам. Свирепый бешеный Терек, ниспадая по утёсам, обдавал путников леденеющими брызгами, и местами так близко прижимал дорогу к отвесным скалам, что требовалась большая осторожность на крутых подъёмах и спусках. Для спуска по скалистым гранитным уступам изобретательные солдаты бросали сначала вниз шинели в кучу и затем спрыгивали на неё; орудия и повозки спускали на верёвках. Скалы, громоздясь одна на другую, висели над головами огромными выступами, с которых съезжал нависший снег, засыпая проходящих. Полку приходилось идти в ноябре месяце, когда в горах стояла стужа, поднимались неожиданные, страшные мятели. Офицерам и солдатам полка приходилось свыкаться с ужасами кавказской природы во всём её грозном величии».

Зато в столице грузинского царства егерей ожидал самый тёплый и восторженный приём. Войска вошли сюда 26 ноября 1799 г. Тифлис ещё не полностью оправился от погрома, который четыре года назад учинил тут персидский шах Ага-Мохаммед-хан, но толпы народа во главе с царём и духовенством вышли встречать русских солдат за три версты от города. В самом Тифлисе, по свидетельству очевидца, «все крышки домов были усыпаны женщинами и по единообразному их из белого холста одеянию, казали собою прекрасный вид рассеянного по городу лагеря. Пушечная пальба и колокольный по всем церквам звон возвышали сие празднество, а радостные восклицания народа, движения и самая слёзы, особливо женщин, усвершали сию трогательную картину приёма и не ложной преданности к нам народной».

Прошло меньше года, и всем в Закавказье стало ясно то значение, какое имело появление русских войск в грузинской столице. Осенью 1800 г. стало известно, что аварский нуцал Омар-хан (Умма-хан) при поддержке мятежных братьев царя Георгия XII собирает отряды горцев для вторжения в Грузию. Эта весть вызвала всеобщий страх. «Обладавшие многими похвальными качествами воины Умма-хана в боях вели себя подобно львам и были всегда готовы принять мученическую смерть за веру, — писал дагестанский историк и богослов Хайдарбек Геничутлинский. — Поэтому назад, в горы, они возвращались постоянно с обильными трофеями и каких-либо мук, или строгой кары вкушать им не приходилось. Сколько крепостей взял

своей саблей Умма-хан! Сколько селений он разрушил, перебив сидевших в них героев! Сколько женщин, детей и взрослых мужей увел он в плен!»

Навстречу 15-тысячному воинству горцев генерал И.П. Лазарев вывел силы из 1224 русских солдат и казаков при четырёх пушках. Его сопровождало многочисленное, но плохо вооружённое грузинское ополчение. В рядах выступившего в поход батальона егерей шагал и рядовой Ефрем Иванов. Войска прибыли в Сигнах, откуда Лазарев направил Омар-хану послание, требуя от лезгин покинуть пределы Грузии. Но тот затянул с ответом и в ночь на 6 ноября скрытно обошёл русский лагерь и двинулся в сторону Тифлиса. Обнаружив это, русские войска двинулись параллельно дагестанцам, стремясь навязать им бой. Грузинские всадники неотступно следовали за врагами, тревожа их внезапными налётами. Утром 7 ноября 1800 г. войска вышли на открытую равнину, ограниченную с юга рекой Иори. Взглянув на другой берег реки, Иванов увидел пугающее зрелище: толпы горцев, в косматых папахах и бурках, конные и пешие, надвигались на русский отряд «подобно густой чёрной туче». Противники начали сближаться. Солдаты были возбуждены близостью неприятеля, и Ефрем Иванов разделял общие чувства, о которых писал участник сражения: «закипела во всех чинах воинская кровь и рвение поразить его на лицах всех воинов расцвело». Осторожный Омар-хан не спешил вступать в бой, однако оказался не в состоянии удержать своих пылких наездников.

Лезгины стали переправляться через Иори. Солдаты двумя батальонными колоннами стали спускаться по косоугору им навстречу. В этот момент Ефрем Иванов услышал одиночный выстрел, раздавшийся со стороны древней башни. Это засевший там лезгин метким выстрелом убил одного из рядовых мушкетерской роты. Пока известие об этом не смутило необстрелянных солдат, командир роты капитан Жиленков поспешил объявить, что с мушкетером просто случился обморок. Тело торопливо перенесли в лазаретную повозку.

Оба русских батальона свернулись в каре. Егерей возглавлял сам генерал Лазарев. Позади солдат толпилось грузинское пешее и конное ополчение, многие бойцы которого вооружены были только крепкими кизилковыми дубинками. Переправившись через реку, лезгины ринулись на егерский батальон, «в минуту охватив его с двух сторон своею конницею, пустив в нас ужасную тучу пуль своих». Однако меткие залпы егерских штуцеров и картечь полевых орудий быстро охладили воинский пыл горцев. Тогда они бросились на грузин, но и там их ждал решительный отпор. Кроме того, лезгины при этом подставили свой фланг егерям, которые продолжали раз за разом поражать их дружными залпами. Практически каждая из пуль

Битва на Иоре 7 ноября 1800 года. Художник Н.С. Самокиш

*Офицер и солдат Егерского №18 полка Лазарева.
Художник А.И. Шарлемань*

Ефрема Иванова и его однополчан находила свою жертву в плотной толпе неприятеля. Подспела дагестанская пехота, но и она не смогла переломить ход боя: «выстрелы её не причиняли егерям никакого вреда; штуцерный огонь егерей переднего фаса, стрелявших залпами, покровительствуемый меткими выстрелами охотников егерей из фронта, произвели в рядах неприятельской пехоты такое опустошение, что она с большим уроном убитых и раненых обратилась в бегство».

На левом фланге Омар-хан сумел зайти в тыл грузинской пехоте, но мушкетерское каре генерала Гулякова пулями и штыками отразило атаку. Лезгины обратились в бегство, причём отступить им пришлось мимо правого фланга русско-грузинских войск и «при сём случае егеря залпами, а канонеры картечами из пушек не преминули проводить стремительно и с крайним уроном и посрамлением бежавшего вспять неприятеля». Победа была полной. По словам восточного летописца, «одежда на русских солдатах кровью дагестанских воинов окрасилась в алый цвет». Убит был лишь один солдат, застреленный в самом на-

чале боя, и ещё два человека оказались легко ранены. Из однополчан Ефрема Иванова пострадал лишь поручик Голованёв, который «получил контузию в ногу». Зато воинство Омар-хана потеряло до 2000 человек убитыми, причём в плен попало всего четверо горцев. Сам предводитель горцев был тяжело ранен пулей в бедро.

Грузия была спасена от опустошения, а русские войска, столь стремительно сломившие мощь аварского ханства, показали свою силу и заставили себя уважать.

Ефрем Иванов продолжал и дальше служить в рядах прославленного Иорской победой полка, о чём говорят сведения его послужного списка. Так, например, в феврале 1802 г. он, будучи уже опытным кавказским солдатом, участвовал «в особенной экспедиции на осетинских народов, отторгшихся было от зависимости Грузии, но кроткими способами приведённых в повиновение законной власти — проходившим на сей конец утёсистые снеговые горы Кавказского хребта Паро Куривы».

Ещё одним ветераном Кавказских войн был дворянин Суджанского уезда Андрей Степанович Грекулов, начавший службу в 1818 г. юнкером 38-го Егерского полка. Спустя два года он получил первый офицерский чин, а в 1823 г., уже будучи поручиком, оказался переведён в стоявший на Кавказе 42-й Егерский полк. С этого времени биография Андрея Степановича стала неотличима от подробной хроники кавказских войн. Он участвует в войне с Персией 1826–1827 гг. и в войне с Турцией 1828–1829 гг., в боях с дагестанцами в 1830–1832 гг., сражается с черкесами в 1837 г. и вновь с горцами Восточного Кавказа в 1839–1851 гг. За эти годы он прошёл путь от прапорщика до генерал-майора, не раз был ранен, многократно награждён орденами и золотым оружием за храбрость.

Первые серьёзные отличия принесла ему турецкая война. При взятии Карса в июне 1828 г. он был ранен саблей и контужен пулей в правую ногу. Это сражение принесло ему орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Едва оправившись от ранений, А.С. Грекулов в июле участвует во взятии крепости Ахалкалаки, а затем совершает вместе со всей армией И.Ф. Паскевича марш к Ахалцыху. Эта была мощная крепость, подступы к которой прикрывали крупные турецкие силы под командованием сераскера Киос-Мухаммед-паши. Битва под стенами Ахалцыха 9 августа 1828 г. была упорной и кровавой. Полк Грекулова поначалу оставался в резерве, но наступил момент, когда командующий двинул в бой и его. Егеря 42-го полка во главе с генералом Н.В. Корольковым атаковали полевые укрепления на правом фланге турок: «Ни одним выстрелом не отвечали бастионы на огонь русской артиллерии, и это дало повод думать, что укрепление или вовсе брошено, или защищено очень

слабо... Корольков решился начать атаку с одними егерями. Свинцовые и тяжёлые тучи, давно надвигавшиеся с запада, теперь закрыли весь горизонт и разразились сильным дождём с громом и молнией. В это самое время шесть казачьих орудий под командой есаула Зубкова вынеслись вперёд и, снявшись с передков в расстоянии 80 сажен от люнета, открыли по нём картечный огонь. Под его защитой 42-й егерский полк бросился на укрепление. Неприятель молча подпустил его на сто шагов и вдруг встретил убийственным залпом. Опешенные егеря остановились. Генерал Корольков, желая ободрить солдат, выскочил вперёд с криком: «За мной! На батарею!» и в ту же минуту пал, поражённый двумя пулями в грудь и в голову. Его смерть окончательно смутила егерей и они открыли беспорядочную пальбу по люнету. Тогда турки сделали вылазку и бросились на них в штыки и кинжалы». Однако егерей поддержали Ширванский и Эриванский полки и после жестокой схватки люнет был взят. Это означало перелом в битве. Турки были разбиты, а спустя некоторое время после кровопролитного штурма пал и Ахалцых. В Ахалцыхском сражении штабс-капитан Грекулов был ранен пулей в левую ногу, а за проявленную храбрость получил орден Святой Анны 4-й степени.

В кампании 1829 г. Андрей Степанович участвовал в сражениях при Каинлы и Милли-Дюзе 19–20 июня, в ходе которых была разгромлена армия Гагки-паши, а также был при взятии Эрзерума 27 июня. В том же году Грекулову был присвоен чин капитана.

Турецкая война завершилась победой, но для русской власти на Кавказе возникла между тем новая угроза. В горах Дагестана стал распространяться мюридизм — религиозное учение, призывавшее мусульман к борьбе с «неверными». Во главе его стал имам Гази-Мухаммед, более известный русским как Кази-Мулла. Это стало началом многолетней борьбы, завершившейся лишь в 1859 г. взятием неприступного аула Гуниб и пленением Шамиля, третьего имама Чечни и Дагестана.

В 1830 г. капитан Грекулов штурмует лезгинский аул Новые Закаталы, в 1831 г. участвует в экспедиции в Талышинское ханство против враждебного Мир-Хасан-хана, а осенью 1831 г. в рядах своего 42-го Егерского полка выступает в поход против сторонников Кази-Муллы в Табасарани. Командовал полком в то время храбрый полковник А.М. Миклашевский, отправленный на Кавказ за причастность к движению декабристов. Целью экспедиции был аул Дювек — «одно из крепчайших мест Табасарани, где русские войска никогда ещё не бывали». В состав отряда вошли два батальона 42-го Егерского, батальон Куринского пехотного полка при четырёх орудиях, а также

Оставление горцами аула при приближении русских войск. Художник П.Н. Грузинский

Князь ногайских татар. 1812–1813 гг. Художник К. Речберг

1-й и 2-й Конно-мусульманские полки. Солдаты Миклашевского, пройдя «с неимоверной быстротой» более 3 вёрст через горы и леса, 3 октября 1831 г. стремительно атаковали горцев, занявших позиции среди густых зарослей. В экспедиции вместе с А.С. Грекуловым участвовал и ссыльный декабрист, знаменитый писатель А.А. Бестужев-Марлинский, оставивший яркое описание этого похода.

«Ночь была темна, как судейская совесть. Скупое небо погасило все огоньки свои. Мы брели по колено в грязи, цепляясь за терновники, запутавшие окрестный лес непроницаемую оградой, и каждый миг в опасности слететь в речку Дарбах, по крутому берегу которой шли. Вы бы сказали, что идет армия мертвецов, покинувших свои могилы, — так безмолвно, так неслышимо двинулись мы вперед по излучистому яру, в двойном мраке ночи и тени леса, под нами склепом склоненного. Колеса не стучали, подковы не брякали по болоту; нигде ни голоса, ни искры. Лишь изредка раздавался по бору удар бича или звук пушечной цепи.

Штурм крепости Ахалцих. 1839 г. Художник Я. Суходольский
Северокавказский горец в бою. 1812–1813 гг.
Художник К. Речберг

С невероятным трудом вытаскивали мы на людях орудия... Наконец не только под нами, но и под артельными повозками кони пристали, выбились из сил... Арьергард оттянулся... Полковник Миклашевский налетел соколом: «Руби колеса, жги повозки, жги артиллерийские дроги! Стоит ли эта дрянь, чтобы из-за нее опаздывать! Истребляй: я за все отвечаю!» Велено — сделано. В пять минут дорога была чиста, — вещи разобрали по рукам... коней пристегнули под пушки; прибавили к ним и офицерских верховых... Покатились, пошли быстро, легко, весело. Миклашевского слово ободряло солдат лучше двойной чарки. С неимоверною скоростью перелетели мы тридцать пять верст и часу в девятом утра слышали впереди жаркую перестрелку: это дралась наша татарская конница. Шомпола зазвучали. Гренадеры!.. ходу!.. Скорым шагом, беглым шагом!.. Выстрелы из лесу начинают нас пронизывать — насилу-то догадались. Если б неприятели заранее заняли чащу, многие бы из нас не донесли своих голов до Дювека, — да вот и он — легок на помине... вот Дювек, который

считается неприступною твердынею Табасарани. Неприступная — забавное выражение! Его нет, слава богу, в словаре русского солдата. Вперед, вперед!.. Дело загорелось... Егеря 42-го полка пошли вправо чрез топь, мы — влево чрез крутой овраг, на дне которого текущий ручей, впадая в Дарбах, образует пред Дювеком букву у, — все под убийственным огнём из лесу, из домов, из завалов... Пришлось штурмовать камень за камнем, шаг за шагом. Кровь лилась — огонь очищал от ней землю. Наконец, после шестичасовой битвы, вся деревня впадала в руки наши; но из лесу, из-за плетней, из-за плит кладбища враги не переставали стрелять в победителей, и лишь картечь присмиривала их на время. Грабеж и пожар, как два ангела-истребителя, протекали Дювек из конца в конец... Ночь пала.

Чудно-прекрасен был вид этой ночи. Пламя катилось волнами и змеем пробивалось сквозь высокие кровли домов, большею частью двухъярусных... Вся гора была озарена, и по ней вверху видны были лица, слышны крики женщин, ожидавших приступа к Хустылю. Между дымом и огнем чернелись остеклевшие развалины, — и из этого-то ада солдаты и мусульманские всадники тасшили, везли добычу, заслуженную кровью, выносили раненых. Поодаль несколько человек рыли общую могилу павшим своим товарищам. Короткая солдатская молитва и за свою жизнь и за душу земляка! Ни одной слезы, ни одного слова не уронил никто по убитым; но зато как выразительны были лица окружающих в зареве пожара, то прислоненные к штыкам, то поднятые к небу!..

С убитыми и ранеными потеряли мы в этом деле четырех офицеров и до девяноста нижних чинов, включая в то число и мусульман, дравшихся отлично, особенно полка князя Баратова, которому досталось обскакать Дювек слева по лесу. Лошадей легло более шестидесяти. Деревня стала потухать. Развалины, углясь, дымили. Тогда полковник Миклашевский приказал развести огромные костры перед отдохавшим на поле строем по сю сторону Дарбаха... И вдруг без боя, без шума снялись мы, послав наперед татарскую конницу. Кони их гнулись и кряхтели под тяжестью добычи. Повозки были нагружены ею донельзя. Солдаты были утомлены и боем, и походом, и бессонницею... но шли скоро, весело, — победа оперяет хоть кого; притом каждый чувствовал, что если неприятель станет напирать на нас в теснине, где каждый куст, каждый пенек ему стена, потеря будет значительна. Но, к счастью, дювекцы, ожидавшие, что мы наутро пойдем штурмовать верхнюю деревню, были обмануты — и поздно спохватились нас пре-

следовать. Мы с легкою перепалкою прошли ди-филю и наутро очутились опять в своем лагере под Великентом, совершив в тридцать пять часов два перехода и битву. Это чисто по-орлиному: налетел, ударил, схватил, исчез.

То-то пошел пир горой по возврате! Солдаты валяются на цветных коврах, продают дорогие конские сбруи, золотые женские уборы, оружие, блестящее серебром и насечкою; покупщиков наехало видимо-невидимо. Песни, веселье — гуляй, душа! Все не нахвалятся Миклашевским; и точно за дело. Без его решительности и быстроты, без его храбрости, не знающей зарики, благоразумный план генерала Панкратьева мог остаться напрасен. Он знал, кому доверить важнейшее дело, — Миклашевский умел оправдать это доверие».

Жестокое сражение за Дювек принесло А.С. Грекулову новое отличие — он был награжден золотой полусаблей с надписью «За храбрость». В том же году он сражается при Эрпели с горцами знаменитого Амалат-бека и участвует в разгроме Кази-Муллы при Чиркее. В 1832 г. капитан Грекулов отличился в боях с койсубулинцами, а в 1837 г. уже в чине майора Мингрельского егерского полка Андрей Степанович участвует в Цебельдинской экспедиции, а на Черноморском побережье сражается с черкесами при занятии Адлера. В этом бою погибает его былой соратник, А.А. Бестужев-Марлинский. Сам же Грекулов за свои заслуги был тогда награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. В 1838 г. он производится в подполковники, а в 1839 г. вновь оказывается на Восточном Кавказе, участвуя в подавлении Кубинского восстания, Аджиахурской битве и взятии аула Ахты, что приносит ему орден Св. Анны 2-й степени. В 1840 г. этот орден украшается Императорской короной, которую Грекулов заслужил отличиями в походе на Аух, при взятии Кишень-аула и поражении чеченцев в Гойтинском лесу. В 1841 г., вновь отличившись в сражении с горцами при взятии Хубарских высот, А.С. Грекулов производится в полковники.

В 1846 г., уже будучи заслуженным ветераном, настоящим «старым кавказцем», Андрей Степанович получает под своё командование Мингрельский егерский полк, а в апреле 1851 г. производится в чин генерал-майора. Вершиной его военной карьеры стал пост начальника Тифлисского гарнизона, на котором он и скончался в 1856 г.

Суджанский дворянин, обоянские солдатские дети, дмитриевский крепостной — это всего несколько человек из числа многих уроженцев Курского края, прошедших через горнило Кавказских войн и заслуживших тем самым право на память потомства.

ПОБЕДИТЕЛЬ ШАМИЛЯ

Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Бярятинский родился 2 мая 1815 г. Отец его, И.И. Бярятинский, в молодости участвовал в суворовских походах, затем сделал блестящую дипломатическую карьеру. Однако неожиданно для многих князь ушёл со службы и, обосновавшись в своих курских имениях, быстро превратил их из стоящих на грани разорения в процветающие. Александр был его старшим сыном, рождённым в браке с графиней М.Ф. Келлер. Кроме него в семье было ещё шестеро детей. Отец дал им блестящее домашнее образование, положив в основу воспитания принципы английской педагогики, соединённые с идеями Ж.-Ж. Руссо. В своём завещании он просил не делать из Александра «ни военного, ни придворного, ни дипломата. У нас и без того много героев, декорированных хвастунов, куртизанов». Он мечтал увидеть наследника финансистом или агрономом. Однако сам сын избрал для себя иную карьеру.

Князь А.И. Бярятинский. 1838 г.
Художник М.-М. Даффингер

В 16 лет, выдержав серьёзную борьбу с родными, при содействии императрицы Александры Фёдоровны, благоволившей его матери, Александр зачисляется в юнкера Кавалергардского полка. В школе гвардейских юнкеров и подпрапорщиков он овладевал основами военного дела вместе с М.Ю. Лермонтовым, который вывел молодого кня-

зя в некоторых своих ранних стихах. «Очень рассеянный и легкомысленный образ жизни» навлек на Бярятинского неудовольствие императора. По приказанию Николая I он был отправлен на Кавказ, считавшийся тогда среди военных «школой характеров». В сентябре 1835 г., во время экспедиции против черкесов-натухайцев, двигаясь во

*Переправа русского отряда через горную реку в 1855 году.
Художник Ф.А. Рубо*

Черкес. 1850-е гг. Франция

главе сотни казаков в авангарде Кабардинского полка, А.И. Барятинский был тяжело ранен ружейным выстрелом в упор. Полученную тогда пулю он носил в теле до конца жизни. Казаки вынесли его с поля боя и спасли от плена, но несколько недель раненый был на грани смерти и около его палатки уже стоял наготове гроб. Оправившись от ранения, Барятинский получил чин поручика, золотую саблю с надписью «За храбрость» и назначение состоять при наследнике престола цесаревиче Александре Николаевиче во время его путешествия в Европу.

Во время заграничных поездок А.И. Барятинский старался пополнить своё образование, много читал, посещал лекции в университетах, встречался с видными политическими деятелями. В 1840 г. он отличился, доставив царю первое известие об обручении наследника, проскакав за 11 дней почти через всю Европу. Богатейший владелец 15 тысяч душ крепостных, Александр Иванович считался завидным женихом, и в высших сферах, с одобрения императора, строились планы женитьбы его на М.В. Столыпиной. Тяготясь светской жизнью и стремясь уклониться от нежеланного брака, полковник Барятинский испросил себе командировку на Кавказ. В 1845 г., командуя 3-м батальоном Кабардинского полка, он участвует в тяжёлой и неудачной Даргинской экспедиции против горцев Шамиля. За проявленную отвагу он получает орден Св. Георгия 4-й степени, но новая тяжёлая рана вынуждает его вновь

*Подъём осадной артиллерии на Турче–Даг в Дагестане. Воспоминания об осаде крепости Чоха в 1849 г. Художник В.Ф. Тимм
Русский офицер в походе. Кавказ. 1830–1840–е гг. Художник Н.Н. Каразин*

отправиться в заграничный отпуск для излечения. В феврале 1847 г. А.И. Барятинский назначается флигель-адъютантом и получает командование прославленным Кабардинским полком. В истории полка это составило целую эпоху.

«Богатый, щедрый, сильный своими связями и поддержкой в высших сферах, телом и душой военный человек, увлекавшийся поэтической стороной кавказской боевой жизни, князь Барятинский сумел в короткое время привить полку особенную притягательную силу, — писал ветеран Кавказской войны А.Л. Зиссерман. — Всё молодое, стремившееся на Кавказ за отличиями, за славой, жаждавшее сильных ощущений, просилось и поступало в Кабардинский полк, известность которого распространилась по всем кружкам России. Князь Барятинский принял полк относительно молодым человеком. Ему было 33 года, но он имел столько врождённых способностей, что они заменили и недостаток солидного образования, и недостаток опытности. Смелость действий не только в бою, но и вообще в службе и жизни, необычайный такт, умение узнавать людей и пользоваться ими, умение влиять на толпу, заставить её бояться себя, не прибегая ни к крикам, ни к распеканьям, ни к надоедливой регламентации каждого шага, обдуманность каждого слова, которое он собирается произносить в роли начальника, — всё это выдвигало его из ряда людей обыкновенных... Занимательный собеседник, анекдотист, поклонник прекрасного пола и хоро-

*Штурм аула Гуниб в 1859 г.
Художник Т. Горшельт. Курский областной краеведческий музей.
Фотография В.В. Викторова*

*Медаль «За покорение Чечни и Дагестана».
Серебро. Учреждена в 1860 г.
Предназначалась для награждения лиц,
имевших отношение к завершающему этапу
войны в Чечне и Дагестане*

шего вина — в избранном обществе — он был грозен в делах службы, когда был недоволен. Старые, боевые штаб-офицеры трепетали перед его наморщенными бровями, перед его саркастической резко-холодной речью, указывавшей на упущение или отдававшей приказание. Редко можно было встретить человека, который умел бы так очаровать своим ласковым обращением и вместе с тем заставить признавать себя старшим, внушающим уважение и повиновение... Само собою разумеется, что большинство офицеров любило своего командира, а о солдатах и говорить нечего: щедрый и храбрый — всегда их кумир».

Забываясь о быте солдат и офицеров, Барятинский сумел также значительно повысить боеспособность полка. За свой счёт перевооружил он полковую команду охотников. Дело в том, что горцы, вооружённые дальнобойными винтовками, мастерски устраивали засады, расстреливая проходящие войска на марше. Поэтому для прикрытия колонн высылались команды охотников. Они вели бой среди скал и зарослей, будучи вооружены нарезными штуцерами. Однако для перезарядки штуцера требовалось около трёх минут, и на это время солдат оказывался фактически безоружен и беззащитен перед шашками и кинжалами горцев. Тогда Барятинский закупил за свой счёт в Бельгии льежские штуцера, каждый из которых имел два ствола (нарезной для пули и гладкий для картечи), между которыми крепился откидной штык. Теперь охотники Кабардинского полка могли с успехом противостоять в зарослях сразу нескольким противникам.

Портрет фельдмаршала князя А.И. Барятинского. 1860–1870-е гг. Художник Е.И. Ботман

Шамиль на Гунибе отдаётся в плен главнокомандующему Кавказской армией князю Барятинскому 25 августа 1859 г. Художник Т. Горшельт

На придорожном камне сидит князь А.И. Барятинский, по правую руку которого стоит его начальник штаба Д.А. Милютин. Позади, в тёмной папахе — бывший шамилевский наиб Кибит-Магома, перешедший на сторону русских. Личный значок Барятинского держит над ним его ординарец из осетин урядник Казы-бей. При сдаче присутствуют видные военачальники русской армии на Кавказе: генерал барон Л.П. Николаи, опирающийся на трость генерал-лейтенант граф Н.И. Евдокимов, начальник инженерной службы генерал Э.Ф. Кесслер, генерал барон А.Е. Врангель, по левую руку от главнокомандующего — генерал князь

И.Д. Тархан-Моуравов и князь Д.И. Мирский. К главнокомандующему в сопровождении переводчика П.В. Фицхелаурова приближается Шамиль. Перед ним — полковник И.Д. Лазарев, проводивший с имамом переговоры о сдаче, а позади, с засученными рукавами, правая рука имама, мюрид Юнус. Левее толпятся солдаты, казаки и ополченцы из кавказских народностей, среди которых выделяется с заброшенным за спину щитом хевсур Георгий Гватуа (позднее полковник). Его младший брат Захар показан правее подле группы русских офицеров. В правой части картины Т. Горшельт изобразил самого себя, стоящим среди офицеров, обернувшись направо

Ротонда на месте сдачи имама Шамиля главнокомандующему русских войск на Кавказе князю А.И. Барятинскому. 1893 г. Республика Дагестан (Россия). Возведена над валуном, на котором сидел А.И. Барятинский. Изначально была увенчана изображением двуглавого орла

Вскоре Барятинский был произведён в чин генерал-майора, а осенью 1848 г. его отозвали в Петербург, где уже всё было готово к его одобренному царём браку. Однако Александр Иванович доехал лишь до Тулы, сказался больным и, заручившись врачебным свидетельством, весело провёл тут свой отпуск. После окончания его срока он стремительно возвратился на Кавказ, и фельдъегерь с приказом о продлении отпуска застал Барятинского уже в разгар приготовлений к очередной экспедиции в горы. Вслед за этим маневром А.И. Барятинский отказывается от своего неделимого наследства в пользу брата Владимира, сразу перестаёт считаться «выгодным женихом» и спокойно женится на собственной избраннице, княжне Е.Д. Орбелиани. Всё это навлекло на него новую немилость, и в начале 1850 г. царь отчислил Барятинского от командования Кабардинским полком. «Прощание кн. Барятинского с полком носило характер гомерического кутежа, — вспоминает А.Л. Зиссерман. — Шампанское из турьих рогов, тосты, сопровождаемые залпами из тысяч ружей боевыми патронами и выстрелами со всех батарей, шум песенников, толумбасов, музыка, крики ура, одним словом, оргия грандиозных размеров».

Находясь не у дел, Александр Иванович не терял даром времени, посвятив досуг обдумыванию проблем Кавказа и поиску путей, которые могли бы привести к окончательному его усмирению. Бездействие боевого генерала длилось недолго. Уже в мае 1850 г. он возвращается на Кавказ, вскоре получает командование Кавказской гренадерской бригадой, а затем становится начальником левого фланга Кавказской линии и начальником главного штаба Кавказской армии. Под его началом войска ведут активные боевые действия, нанося поражения отрядам Шамиля. Для действия Барятинского в ту пору были характерны минимальные потери со стороны русских и неустанные попытки привлечения на свою сторону как можно большего числа враждебных горцев. Барятинский располагал среди них обширной сетью своих лазутчиков и осведомителей, охотно прибегал к подкупу. Генерал М.Я. Ольшевский вспоминал, что «во время двухлетнего управления Барятинским левым флангом не было такого случая, где бы неприятель хотя мало-мальски торжествовал, а напротив нёс поражения на каждом шагу. Если Шамиль и начал терять обаяние во мнении чеченцев, то именно с этого времени». Благодаря своим лазутчикам и умелому управлению войсками Барятинский провёл ряд эффективных зимних экспедиций, насквозь прошёл всю Чечню, наголову разгромил наиба Талгика при Чуртугаевской переправе на Сунже. Немало было им сделано для административного устройства заморенных уже чеченцев.

Крымская война приостановила активные действия на Северном Кавказе. Барятинский отправляется на борьбу с новым врагом, и 24 июня 1854 г.

участвует в победоносном сражении с турками у Кюрюк-Дара. Однако вслед за этим, не ужившись с новым командующим, генералом Н.Н. Муравьёвым, Александр Иванович уезжает в Петербург. Новый император, Александр II, встретил его тут довольно холодно, однако Барятинский, «отличавшийся большой ловкостью и знанием придворных ходов», быстро вернул себе расположение царя. В июле 1856 г. он получает назначение на пост командира Кавказского корпуса и наместника Кавказа. Теперь он получает возможность на деле осуществить давно задуманные планы покорения и замирения горцев. Вступление в должность было ознаменовано кратким, но многозначительным приказом по войскам: «Воины Кавказа! Смотря на вас и дивясь вам, я вырос и возмужал. От вас и ради вас я осчастливлен назначением быть вождём вашим и трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь. Да поможет нам Бог во всех предприятиях во славу Государя».

План Барятинского в общих чертах сводился к следующему: оставить на время в покое Западный Кавказ и сосредоточить все силы против Шамиля; вести решительное наступление на горцев со стороны Чечни, сжимая одновременно линию блокады вокруг имамата; систематически ослаблять горцев набегами со стороны Лезгинской линии. К осуществлению планов были привлечены талантливые исполнители. Начальником штаба Барятинского был будущий военный министр-реформатор Д.А. Милютин, ближайшим соратником стал Н.И. Евдокимов, будущий покоритель Западного Кавказа.

Намеченная программа осуществлялась решительно и неуклонно. Уже зимой 1856–1857 гг. началось систематическое давление с трёх сторон на территории, занятые Шамилём. Через нехоженные дебри прокладывались дороги, работу войск Дагестанского, Чеченского и Лезгинского отрядов прикрывали команды охотников и милиция из числа мирных горцев. Непрístupные ранее аулы брались с удивительно незначительными потерями. Взятие Ведено, столицы Шамиля, стоило жизни лишь 36 человек, погибших за время четырёхмесячной боевой операции. Теряя поддержку даже среди своих самых верных сторонников, Шамиль в августе 1859 г. укрылся в укрепленном ауле Гуниб и был осаждён там войсками Барятинского. После короткого боя 25 августа были захвачены ключевые позиции горцев. Иمامу был предъявлен ультиматум. Бесконечная Кавказская война близилась к финалу. Начальник штаба Барятинского и будущий военный министр Д.А. Милютин вспоминает:

«Было около 5 часов пополудни. Подъехавшие к князю Барятинскому барон Врангель и генерал Кесслер доложили о положении дела: бой приостановлен; всё тихо; 14 батальонов грозно стоят вокруг аула, ружья у ноги; ждут ответа Шамиля. Но имам медлит, колеблется... Князь Барятинский начина-

Крест «За службу на Кавказе». Серебро. Учреждён в 1864 г. Предназначался для награждения всех чинов российской армии, принимавших активное участие в войне с горцами с 1859 по 1864 г. Различался по металлу: золотой — для военачальников самых высоких рангов, серебряный — для офицеров, бронзовый — для нижних чинов, добровольцев и др.

Портрет генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского. 1870–е гг. Художник С.Ф. Александровский

ет терять терпение; притом день уже на склоне. По желанию главнокомандующего, отправляюсь и я ко входу в аул, чтобы положить конец крайне невыгодной для нас проволочке переговоров. Необходимо было так или иначе порешить дело до заката солнца. Когда я подъехал к площадке перед селением... в ауле была замечена большая суета... и вслед за тем увидели мы выдвигавшуюся из аула толпу чалмоносцев. Между ними выдавался сам Шамиль на коне. Появление его из-за крайних саклей аула вызвало невольный возглас «ура» по всему фронту стоявших поблизости войск... Князь Барятинский принял пленного имама, сидя на камне, окружённый всеми нашими генералами, многочисленной свитой, ординарцами, конвойными казаками и даже милиционерами. Всякому хотелось быть свидетелем достопамятного исторического события. Шамиль, сойдя с коня, подошёл к наместнику почтительно, но с достоинством. На бледном его лице выражались и крайнее смущение, и страх, и горе. Стоявшие позади его мюриды были совсем растеряны, удручены... Князь Барятинский, приняв строгий вид, обратился к пленнику с укором в том, что он упорствовал в отказе на благосклонных условиях, которые прежде предлагали ему, и предпочёл подвергнуть судьбу свою и семьи решению оружия; теперь ни о каких подобных условиях и речи быть не может; решение его участи будет вполне зависеть от милосердия царя; одно только остаётся в силе — обещание безопасности для жизни его и семьи».

Пленение Шамиля стало вершиной жизни и карьеры А.И. Барятинского. Весь Кавказ и всю Россию облетел его лаконичный приказ, которым он отметил достигнутый успех: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию». Победа принесла князю чин генерал-фельдмаршала, орден Св. Георгия 2-й степени и орден Св. Андрея Первозванного. Это расценивалось и как «награда всему Кавказу». Однако после этого блистательного взлёта карьера Барятинского пошла на убыль. По болезни он был вынужден оставить Кавказ и пост наместника в 1862 г. Внешне к нему относились с почтением, жаловали наградами, однако к серьёзным государственным делам более не допускали. Предлагаемые им проекты отвергались с порога, хотя многие содержавшиеся там идеи позднее находили себе применение. Мучимый застарелой подагрой, полководец до конца жизни оставался не у дел, хотя не переставал проявлять глубокий интерес к политическим и военным событиям в мире.

Последние годы фельдмаршал проводит то в Швейцарии, то в Италии, то в своих курских имениях. Здесь, в конце 1868 г., его посетил некогда упорный противник, а ныне друг, имам Шамиль.

А.И. Барятинский скончался 25 февраля 1879 г. в Женеве и был похоронен в своём родовом имении — в с. Ивановское Львовского уезда Курской губернии.

ШАМИЛЬ В КУРСКЕ

В 1859 г. взятием аула Гуниб завершилась многолетняя тяжёлая война на Восточном Кавказе. Сопротивление горцев Восточного Кавказа было сломлено. Их предводитель, имам Шамиль, сдался в плен. Ожидая со стороны победителей жестокой расправы, ссылки в Сибирь или даже казни, он неожиданно для себя встретил среди «неверных» совершенно иное обращение. С главой горцев и членами его семьи обходились, как с почётными пленниками, а вместо сибирских снегов их ожидала поездка в Петербург ко двору императора. Путь в столицу лежал через многочисленные города России, среди которых находился и Курск.

В Курск Шамиль и его свита прибыли утром 19 сентября 1859 г. Подробное описание посещения города имамом оставил корреспондент «Курских губернских ведомостей» И. Бесядовский.

«Тяжелая дорожная карета остановилась у подъезда дома, отведенного пленнику. Толпа бежит навстречу небывалому гостю; он выходит из кареты; белая чалма мелькнула и Шамиль поднявшись по лестнице, ушел в отдаленные комнаты с сопровождающим его генерал-майором Тромпо-

Имам Шамиль. 1859 г. Фотограф Г. Деньер

Шамиль в карете. 1859 г. Художник В.Ф. Тимм

вским, сыном Кази—Махматом и двумя приближенными мюридами. Любопытные устремились за ним и наводнили переднюю залу, с твердым намерением ближе присмотреться к Шамилю... Двери вскоре отворились и зрителям представился знаменитый имам Чечни и Дагестана, старик 63 лет, но бодрый и величественный, росту высокого, сложения стройного, с седою, но подкрашенной вишневым цветом бородой. На задумчивом его лице — беспредельная скорбь, на устах — приветливая улыбка; на нем черная черкеска и полное вооружение, а на голове — с плоским красным верхом белая чалма из тонкой ткани, кусок которой спускается назад. Глаза его засверкали, когда он в числе зрителей увидел одного из служивших на Кавказе офицеров в мундире Кавказской армии.

— Что значит Ваш убор черкесский? — спросил он через переводчика. — Я служил на Кавказе, — отвечал офицер. — Давно ли Вы оттуда? — Уже восемнадцать лет. — Вы мой земляк и мне приятно Вас видеть.

При этих словах он задумался, вздохнул и, перебирая четки, стал шепотом произносить, как можно полагать, молитву; потом, снова уходя в дальние комнаты, сказал: «Теперь мне старику отдохнуть пора. После обеда я рад принять всех, кто пожелает меня видеть».

В три часа пополудня у подъезда Шамиля стояло множество экипажей разного рода. В сенях, на лестнице и в передней толпились любопытные разных полов и возрастов, разных сословий и состояний. Грациозные шляпки и крылатые мускетеры с флюгерами, пушистые мантилии пропитанные букетом *mille fleurs*, перемешались с оборванными пальто, пропитанными букетом питейных домов. Все эти разнородные элементы примирились в ожидании столь необычного явления и образовали одну сплошную непроницаемую массу, которой один конец примыкал к дверям имама, а другой к тротуару, унизанному жандармами и полицией. Тут являлись богатыри, подстрекаемые любопытными спутницами, желавшие вопреки закона непроницаемости раздвинуть эту массу людей и пробраться подальше, но, не достигнув цели, они должны были остановиться и торчать, на подобие страдальцев Дантова ада, без возможности идти ни назад, ни вперед. Замечания, толки, разговоры о Шамиле, варились как в котле, хотя многие из них были неудобоваримы. Наконец, после долгого ожидания, в 5 часов явился Шамиль, в сопровождении сына и, положив руку на грудь, приветствовал гостей. За ним шли два мюрида средних лет, представлявших собой настоящий тип горцев. Трудно им было

Шамиль в театре. 1859 г. Художник В.Ф. Тимм

пробраться через толпу и, в особенности через цепь дам, которые, стеснив сурового имама, как будто хотели этим отомстить теснителю прекрасных русских пленниц — княгинь Чевчевадзе. Полицейские чиновники употребили в этом случае всю силу полицейского своего красноречия — и с успехом.

Сойдя с лестницы, Шамиль сел в карету со своей свитой и отправился к господину начальнику губернии Николаю Петровичу Бибикову, у которого в тот день собрались некоторые из его знакомых, желавшие иметь случай видеть знаменитого Шамиля, названного пророком своей земли и воспеваемого в народных песнях Дагестана. Войдя в гостиную, Шамиль был представлен начальнику

губернии, по приглашению его занял место на диване, рядом с переводчиком.

Молодой Кази-Махмат, из уважения к отцу, а мюриды из почтения к имаму, стояли поодаль. Получив, спустя несколько минут от своего повелителя разрешение сесть, Кази-Махмат с приятным удивлением испытал силу давления пружин наших комфортабельных кресел, несколько раз повторив процесс приседания, окончательно уселся. Подали чай. Дикие горцы пили его, соблюдая этикет, принятый нами, ...не забывая даже подкладывать салфетки под блюбочки. Но когда подали десерт и конфеты, задача стала труднее. В особенности трудно было Кази-Махмату управиться с завернутой в золотую бумажку карамелью: он было ее

Шамиль приносит присягу на верность России. Калуга. 26 августа 1866 г. Фотограф Б. Гольдберг

Имам Шамиль с сыновьями Гази-Мухаммедом (слева) и Мухаммед-Шафи. 1860-е гг.

раскусил с бумагой, но потом усомнился, думал, думал и спрятал ее в карман.

Шамиль, среди блестящего общества дам и мужчин, сохраняет вид спокойный и непринужденный, имеет много врожденного такта, говорит ясно и отчетливо, без жестов и телодвижений и не отвечает вдруг на вопрос — а некоторое время подумавши. Лицо его строгое и выразительное, но не лишено приятности и даже некоторой привлекательности. Переводчик говорит, что он так сосредоточен в самом себе, что даже самые приближенные не могут разгадать его мыслей и предположений.

Во время беседы с начальником губернии Шамиль сказал: «Меня весьма удивляет все встреченное мной в России. Проезжая через Ставрополь я был поражен красотой города и убранством домов. Мне казалось невозможным видеть что либо лучше; но, приехав в Харьков и Курск я совершенно переменяю свое мнение, и, судя по устройству этих городов, могу представить себе, что меня ожидает в Москве и Петербурге». Он с живым участием слушал рассказ о

железных дорогах и действии телеграфа, и вообще, к успехам нашей цивилизации он оказывает любознательность и пылливость, свойственную людям с высшим настроением. В то время, когда имам со всею важностью делал вопросы и отвечал на предложенные ему собеседниками, молодой Кази–Махмат и мюриды бросали огненные взгляды на все их окружавшее и в особенности на ряд дам, блестящих грацией и красотой, при созерцании которых они, казалось, чувствовали преддверие Магометова рая.

Пробыв около полутора часов, Шамиль встал, положив руку на грудь, поклонился, благодарил начальника губернии за радушный и ласковый прием и сказал: «Как военнопленный я не мог и не имел права ожидать такого повсюду ласкового приема». В ответ на это начальник губернии сказал: «Русские зла не помнят и нет сомнения, что и далее Вы встретите к себе внимание».

Затем Шамиль, по европейскому обычаю сделал *shake-hands* [рукопожатие] с хозяином, обратился к дамам и повторив свою признательность сим последним сказал, что если бы он знал о таком благосклонном внимании к нему, то давно сдался бы России. Наконец, поклонившись еще раз, он оставил гостиную и дом.

Еще утром Шамиль изъявил желание посетить театр. Дабы иметь возможность доставить ему это развлечение, начальник губернии поручил содержателю итальянской труппы Бергеру составить спектакль из отдельных актов нескольких опер, а именно: «*Il Trovatore*», «*Il Barbiere di Siviglia*» и «*Columello*». В 7 часов вечера театр был освещен: все ложи и кресла были заняты любопытными зрителями, а в 7 ½ часов, с нетерпением ожидаемый Шамиль явился в театр и занял с своей свитой среднюю ложу. Глаза всех обратились на него. Оркестр заиграл. Воображение, настроенное волшебными звуками, переносилось в область сновидений и невольно рождались вопросы: Не сон ли это? Не странно ли? Шамиль в Курске!.. В театре!..

Смотрит в бинокль, направляя его то на сцену, то на зрителей, то на ту чародейку, которой своею нравная ручка подослала угрюмому Шамилю это опасное и Алкораном не сообразное оптическое орудие... Ведь недавно он слушал громовые выстрелы русской артиллерии и недавно еще звучали в его ушах угрозы победителей — если не сдастся — взорвать на воздух Гуниб и его самого с женами и мюридами: а теперь... что он услышит?.. «*Una voce poco fa!*»...

Спектакль открылся третьим актом оперы «*Il Trovatore*». Лес — темница — траурный хор «*Miserere*» — прощальная ария Трубадура и раздирающие душу вопли отчаяния Элеоноры тронули имама: он несколько раз отирал слезы, а Кази–Махмат и мюриды плакали навзрыд.

Занимательно было видеть эту дикую натуру в столкновении с плодами утонченной цивилизации... Но еще занимательнее было видеть слезы, так легко исторгнутые у того, кто в обращении своем с русскими пленниками далеко не оказывал нежного настроения души.

Затем любопытно было так же видеть натуральный, искренний смех, которому предавались молодые спутники Шамиля, во время оперы «Севильский цирюльник», в которой роль Розины мастерски выполнила девица Гринаски и комической сцены в доме сумасшедших из оперы «Колумелло» (где выказал свой комический талант содержатель труппы Бергер).

В то время, когда молодые черкесы смеялись от всей души, Шамиль спокойно смотрел на сцену и изредка только улыбался, а в антрактах, как бы возвращаясь к горькой действительности, глубоко вздыхал и неприметно качая головой, шевелил губами. Быть может... произносил какие-нибудь изречения Алкорана или твердил молитву. С видом набожности перебирал он четки той самой рукой, мановением которой снято было 5000 голов.

Теперь вслушаемся, что говорят о Шамиле в ложах и портере: — *Voyez ce grand Chamill!* (Вот великий Шамиль!) — *Qu'il est beau! Qu'il est magnifique!* (Как он хорош! Как великолепен!) — *Voilà ie type d'un héros!* (Вот тип героя!) — *D'un brigand!* (Разбойник!) — *D'un martyr!* (Мученик!) — Как он печально-молчалив! — Как он величественно задумчив! — *Quel sublime silence!* (Какое сдержанное молчание!) — *Quelle tristesse concentrée!* (Какая печальная задумчивость!) — Это лишь деревенский мулла! — Это мужик! — Шамиль! Шамиль! и тут тебя шельмуют.

После спектакля Шамиль отозвался, что... его более занимали трагические сцены, где видна сила чувства и энергия страстей. Молодым более понравился комизм, по своей игривости и забавным сценам. Из театра гости наши отправились на квартиру, а на другой день, в 7 часов уехали в Москву».

Вторичное посещение Шамилем Курского края относится к декабрю 1868 г. Летом 1868 г., получив разрешение переехать из Калуги в город с более мягким климатом, Шамиль избрал для жительства Киев. В связи с грядущим переездом и полученным от фельдмаршала князя А.И. Барятинского приглашением, имам писал из Калуги 9 сентября 1868 г.: «я сочту для себя счастьем посетить вас, но боюсь нарушить ваше спокойствие своим многочисленным семейством, посещение которого, при мусульманских условиях, как известно вашему сиятельству, будет сопряжено с большими неудобствами и затруднениями. Я тороплюсь к переезду с семейством в г. Киев до наступления холодов и только ожидаю открытия железной дороги до г. Киева, так как правительство находит удобным

«Башня Шамиля». Вторая половина XIX в.
Усадьба Нижние Деревеньки (г. Льгов).

ехать по железной дороге до самого г. Киева, и окончания ремонтровки дома, избранного для помещения моего семейства в г. Киев; как дорога, так и дом будут окончены не раньше октября месяца». По предписанию министра путей сообщения для переезда Шамиля из Калуги в Киев был приготовлен салонный вагон, а для его имущества и прислуги — отдельные пассажирские вагоны. Шамиль выехал из Калуги 25 ноября 1868 г. По пути он посетил А.И. Барятинского в его расположенном под Рыльском имении Марьино. Здесь имаму и его семье был оказан тёплый приём, вспоминая о котором Шамиль писал А.И. Барятинскому по возвращении в Киев 2 января 1869 г.: «считаю священной обязанностью от души поблагодарить ваше сиятельство за вашу доброту и внимание, которое вы оказывали мне в имении вашем. С восторгом вспоминаю те дни, которые я провёл в вашем доме, и пока я жив, не забуду их. Да вознаградит вас Бог, ваше сиятельство, и да исполнятся все ваши желания и намерения... Прошу ваше сиятельство засвидетельствовать мой искренний привет глубокоуважаемой супруге вашей и поблагодарить её за внимание и расположение к моему семейству».

В память пребывания Шамиля в Марьино здесь были установлены две мемориальные доски — на стене дворца и в комнате, отведённой имаму. В настоящее время доски находятся в фондах Рыльского краеведческого музея. В Марьино также хранились личные вещи Шамиля (в том числе сабля, седло, чепраки, пистолеты), переданные в 1923 г. в музей Дагестанской республики в Махачкале.

Помимо Марьино, Шамиль, вероятно, побывал также в имении Барятинских Нижние Деревеньки под Льговом, где с его именем связана садовая беседка в псевдогоготическом стиле, известная под названием «башня Шамиля».

КУРСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

Оказавшись в XVIII—XIX вв. вдали от границ государства, Курский край стал удобным местом для содержания преступников и ссыльных с окраин империи. Среди них были и польские повстанцы, и кавказские горцы, и даже коронованные особы.

2 июня 1803 г. курский губернатор А.М. Верёвкин был извещён о том, что ему предстоит принять под надзор высланную из пределов Грузии царицу Марию Георгиевну.

Урождённая княжна Цицишвили, принадлежавшая к одному из знатнейших грузинских родов, она была супругой Георгия XII, последнего царя Картли и Кахетии, Именно он в 1800 г. обратился к российскому императору с прошением, заявляя, что «усердно желает с потомством своим, духовенством, вельможами и со всем подвластным ему народом однажды навсегда принять подданство Российской империи, обещаясь свято исполнять все то, что исполняют россияне». После его смерти и окончательного включения Грузии в состав Российской империи многочисленные представители царского семейства стали создавать трудности новой администрации. В конечном итоге было принято решение выслать жену и детей последнего царя вглубь России. Однако Мария Георгиевна решительно воспротивилась этому решению и попыталась бежать, рассчитывая на поддержку верных горцев–хевсуров. Узнав об этом, главнокомандующий русскими войсками в Грузии П.Д. Цицианов приказал генерал–майору И.П. Лазареву взять царицу под стражу и вывезти её из Тифлиса. Но Мария Георгиевна со своими детьми оказала сопротивление. В ходе вспыхнувшей ссоры генерал Лазарев был убит — удар кинжалом нанесла ему сама царица. Это и послужило причиной высылки её в Курскую губернию, о чём говорилось в императорском повелении, полученном губернатором А.М. Верёвкиным:

«Грузинской царице Марии, при отправлении её из Грузии, учинившей убийство из мщения и злобы генерал–майору Лазареву, и дочери её царевне Тамаре, на равное злодеяние покусившейся, назначив пребывание, с семейством их, в Белгородском Рождественском монастыре... При чем не оставите вы белгородскому городничему дать наставления, дабы он не дозволял ни царице, ни царевне, ни семейству её, без особенного моего на то повеления, удаляться из города, употребляя для сего хотя не открытый, но точный присмотр, с соблюдением, впрочем, надлежащей благопристойности. О поведении её вы прикажете себе почасть рапортовать и если бы открылся в нем что либо достойное внимания или отходящее от поряд-

Убийство генерал-майора И.П. Лазарева

*Мариам Георгиевна, царица Карталинская и Кахетинская.
Около 1800 г.*

ка, вы имеете мне доносить. В Санкт-Петербурге, мая 19-го дня 1803 г. Александр. Граф Виктор Кочубей».

Вместе с матерью в Белгород должны были прибыть и её дети: царевичи Михаил, Джебраил, Окропир, Ираклий, Илия (Элизбар) и царевны Тамара и Анна, а также несколько грузинских князей, дворян и дворянок, священник с дьяконом и грузинская прислуга. Царице Марии было назначено содержание 1460 рублей в год, царевичам и царевнам по 730 рублей, князьям по 365 рублей, дворянам по 182 руб. 50 коп., лекарю и священникам «сообразно полковому положению» — по 300 и 120 рублей соответственно. Выделялись также деньги на отопление и освещение.

Грузинская царица со своею свитой приехала в Белгород 21 июня 1803 г. и была встречена городничим с полицейскими чиновниками. Царица долго отказывалась выходить из кареты на монастырском дворе и лишь уговоры духовника, протоиерея Иосифа, убедили её покинуть экипаж.

Губернатора весьма беспокоило то, что в женском монастыре пришлось поселить и мужчин из свиты царицы. Успокаивая его, архиепископ Феокист писал: «жительство монахинь расположено отдельно, в келиях, находящихся в отдалении за церковь, и уже неделя прошла пребыванию царицы в монастыре, но нет ничего от правил благопристойности отходящего и с местом пребывания несообразного, а все происходит спокойно и благочинно».

Другой причиной тревоги А.М. Верёвкина были сведения, будто грузины привезли с собой сабли. Отвечая на губернаторский запрос, белгородский городничий сообщал, что вместе со свитой действительно было привезены четыре сабли, отобранные у дворян, но все они были сразу же сданы ему. Больше у ссыльных никакого оружия не имеется, а жизнь они ведут кроткую, с соблюдением во всём благопристойности.

Мария Георгиевна и её свита вела в монастыре жизнь скромную и уединённую. Согласно рассказам, записанным известным курским краеведом А.А. Танковым со слов его деда, «на городских улицах царицу можно было видеть весьма редко. Желавшие её увидеть, в особенности приезжие, обыкновенно посещали по воскресным и праздничным дням церковь женского монастыря, где иногда бывала и Мария Георгиевна и слушала литургию на особо устроенном месте с членами своей семьи. Князья и дворяне, будучи в церкви, занимали места поодаль от царицы. Если служил архиепископ, то подходили к нему под благословение, при чём царице подавалась большая просфора. Царица молилась усердно и не раз, во время службы, опускалась на колени. Высокого роста, стройная, со строгими, выразительными чертами лица, с крючковатым носом, она производила сильное впечатление своей наружностью. Дочь её Тамара не особенно походила на мать, имела тип восточной красавицы; немало было поклонников её красоты, но девушка держала себя гордо и недоступно. Одевались мать и дочь в национальные грузинские костюмы. На голову надевалось покрывало, в виде фаты, из белой кисеи у матери и из золотистой у дочери. Покрывало ниспадало на спину и почти доходило до пола. На платье, отделанное кунным мехом, набрасывался зелёного или красного цвета кафтан, обшитый золотым позументом и бахромой и опоясанный шелковым кушаком синего или розового цвета. Подол платья был отделан белым атласом, а ноги обуты в синие бархатные башмаки. Находясь вне дома, царица и царица носили на головах большие платки. Мария Георгиевна никогда не расставалась с черепаховой табакеркой, из которой частенько нюхала табак.

Царевичи, князья и дворяне ходили также в национальных костюмах: в круглых шапках из

калмыцкой черной смушки, в кафтанах, подпоясанных цветными поясами и отделанных золотым позументом, в шелковых красных рубашках, нешироких шароварах, белых шелковых чулках и сафьянных сапожках. Протоиерей Иосиф одевался в синюю рясу тонкого аглицкого сукна, гвоздичного цвета подрясник, ситцевый бешмет, подпоясанный цветным шелковым кушаком. На голове он носил круглую шапку из куньего меха, на ногах — козловые сапоги. Дьякон надевал голубую рясу и плисовую шапку».

Ссылным позволялось прогуливаться по городским улицам, но выезжать за пределы Белгорода права они не имели. Загородные прогулки были разрешены ей лишь в последние два года пребывания в монастыре. При этом царица должна была заранее оповещать о своих поездках городничего, который расставлял конвой по пути её движения. Спустя некоторое время царевичей было приказано отправить в Петербург, где они получили воспитание и образование за казённый счёт. Губернатору А.М. Верёвкину пришлось лично поехать в Белгород, чтобы убедить царицу не противиться этому повелению. Мария Георгиевна воспользовалась его визитом, чтобы передать прошение на высочайшее имя, в котором отрицала свою вину в гибели генерала Лазарева.

Оказавшись в Белгороде, царица не рассчитывала задержаться здесь надолго. В письме князю Аслану Орбелиани она писала 10 июля 1803 г.: «Мы здесь в Белгороде находимся и в короткое время надеемся ехать отсель в Петербург». Однако, расставшись с сыновьями, Мария Георгиевна прожила в Рождественском монастыре до 1811 г., когда по просьбе царевича Михаила ей было разрешено переехать в Москву. Скончалась Мария Георгиевна в 1850 г. и была погребена в древней усыпальнице грузинских царей в Мцхете в соборе Светицховели.

Спустя восемь лет после отъезда из Белгорода грузинской царицы в Курск прибыли новые представители кавказской знати, на сей раз мусульмане. В июне 1819 г. курский губернатор А.С. Кожухов получил от генерала А.А. Вельяминова сообщение о ссылке в Курск по приказу командующего Кавказским корпусом генерала А.П. Ермолова майоров Насиб-султана Шамшадильского и Мустафы-аги Казахского в сопровождении переводчика, Моздокской горской казачьей команды есаула Степанова. Было предписано «поместить их в пристойной квартире, обходиться с ними ласково, без всякого стеснения... возложив на полицию строгую обязанность, иметь за поведением их всегда наблюдение, чтобы они не скрылись».

Оба ссыльных принадлежали к числу правителей так называемых татарских дистанций — мусульманских владений по южным окраинам Грузии (Шамшадиль, Казах, Борчалы, Помбак, Шурагель).

Первые выстрелы ноябрьской ночи на мосту короля Собесского. Художник В. Коссак.

Изображено столкновение группы польских курсантов и студентов с прискакавшим на шум разъездом русских кирасир в начале польского восстания 1830–1831 гг.

Граф Марчин Тарновский

Населённые азербайджанцами, они вошли в состав Картли–Кахетинского царства при Ираклии II. Их правители, являвшиеся измельчавшими потомками древних ханских родов, носили титул агаларов. После того как Грузия вошла в состав Российской империи, дистанции оказались под властью командующих кавказскими войсками. Для контроля над агаларами к ним были назначены российские приставы, которые не вмешивались во внутренние дела этих владений. Изменения в положении дистанций были произведены А.П. Ермоловым, стремившимся ограничить власть агаларов и усилить значимость российских приставов. Согласно новому положению, объявленному в апреле 1818 г., сельское население дистанций было выведено из крепостной зависимости от агаларов, которым «смотря по знатности рода, по уважению в народе и заслугам правительству, оставлено в услужении по несколько семей, которые отбывали эту службу по очереди и на это время освобождались уже ото

всех государственных податей и повинностей». Подобная политика вызвала сильное недовольство среди агаларов, которое активно подогревалось со стороны Персии. Стали распространяться слухи о грядущем увеличении податей и распространении на мусульманское население рекрутской повинности. До А.П. Ермолова дошли также известия о намерении шамшадильского султана бежать в Персию вместе со всем кочевым населением своей дистанции. Чтобы пресечь волнения, А.П. Ермолов распорядился арестовать «двух главнейших коноводов смут» — Насиб-султана Шамшадильского и Мустафу-агу Казахского. Согласно этому распоряжению, князь Мадатов вызвал 7 мая 1819 г. их обоих в Елизаветполь и оттуда отправил в Тифлис.

Арест агаларов вызвал ещё большее усиление волнений. Главный пристав дистанций подполковник Вадарский доносил А.П. Ермолову, что «арестование султана Насиб-бека произвело на жителей шамшадильской дистанции тяжёлое впечатление» и в его владениях «царят смятение и плач». Жители прекратили полевые работы и намеревались отбить султана по дороге из Елизаветполя в Тифлис. Планы эти были оставлены лишь по настоянию самого Насиб-султана, опасавшегося репрессий по отношению к своим подданным. Такие же волнения происходили, согласно донесению пристава подполковника Лапинского, и в Казахской дистанции. Известие о высылке агаларов в Россию поставило обе дистанции на грань открытого восстания. Командир 7-го карабинерского полка полковник Ладынский, посланный туда для успокоения населения, доносил Ермолову: «В Шамшадильях возмущение общее и если не отложится отправление Насиб-бека в Россию, то потеря Шамшадилья неизбежна; такой жертвы для одного человека делать не должно». Однако Ермолов не пошёл ни на какие уступки. В письме Ладынскому он заявлял: «Объявите народу, что султан ссылается в Россию только на время, с тем, что впоследствии он может быть возвращён в свой дом. Но малейшее движение народа — и шамшадильцы никогда не увидят его возвращения. Скажите, что безрассудные их угрозы порезать своих детей и уйти за границу не только не принесли султану пользы, но напротив, ускорили его отправление, ибо правительство, презирая ничтожность их угроз, нынешний же день выслало его в Россию». Тем не менее волнения продолжались. В шамшадильские кочевья был направлен отряд подполковника Тихоцкого, прибывший туда 15 июня 1819 г. В своём рапорте Тихоцкий сообщал: «Весь народ в волнении, которое изобразить невозможно. Огромные толпы являются на дороге и несут с собою не оружие, а детей и жён своих на жертву... Народ присягнул... что не поднимет оружия, а истребит хлеб свой и скот, принесёт ко мне в лагерь умерщвленных детей и женщин, и будет

спасаться бегством. Вообще лозунг народа один: «Насиб-султан или смерть!» Тихоцкий вынужден был заверить народ в скором возвращении их агалара. Это вызвало недовольство Ермолова, который не собирался этого делать. Вместо возвращения ссыльных он направил в дистанции прокламацию, призывавшую народ к повиновению. Это объявление было доставлено из Тифлиса с одним из видных ахунов, который сумел успокоить население, «указав на выгоды данного ему общественного устройства».

Между тем ссыльные агалары прибыли из Тифлиса в Курск. Поскольку свободных казённых квартир в городе не оказалось, губернатор нанял для ссыльных трёхкомнатное помещение в доме мещанина Дружинина. Ещё до приезда ссыльных в Курск на их содержание из Тифлиса было переслано 2000 рублей. Крупные суммы переводились с этой целью в Курск и в дальнейшем. Насиб-султан и Мустафа поддерживали регулярную переписку со своими родственниками, а в октябре 1820 г. сыном Насиб-султана для услуг ссыльным в Курск был прислан «служитель Джанат-Али».

Есаул Степанов оставался при ссыльных до конца декабря 1819 г., а затем был возвращён к прежнему месту службы в Георгиевск. Вместе с ним было отослано шесть писем Насиба и Мустафы. В сопроводительном письме от губернатора говорилось, что ссыльные живут «тихо и скромно, и тем обратили на себя внимание публики». Однако самим Насибу и Мустафе жизнь в Курске пришлась не по нраву. Они жаловались на то, что «здесьшний холодный климат поверг нас в болезни». Особенно же их угнетало отсутствие единоверцев. В 1822 г. агалары просили губернатора ходатайствовать о переводе их в Крым или в Астрахань. На это ходатайство А.П. Ермолов отвечал категорическим отказом: «Насибу и Мустафе нельзя дозволить пребывание ни в Астрахани, ни в Крыму, потому что в местах сих, приблизившись к границам России, они могут найти случай к побегу или же иметь неблагоприятные и вредные для российского правительства сношения с единоверцами. Не пожелают ли они местом своего пребывания выбрать Казань, где есть мечети и муллы?» На это предложение ссыльные не согласились, указав на то, что казанские муллы являются суннитами, а не шиитами, как они сами. В Астрахани же имеются мусульмане как «турецкого», так и «персидского» исповедания и в случае смерти ссыльных их смогут похоронить должным образом.

Губернатор А.С. Кожухов продолжал ходатайствовать в пользу агаларов и в ответ получил в 1823 г. письмо от А.П. Ермолова, где говорилось: «С удовольствием вижу засвидетельствование ваше о скромном поведении майоров Насиба и Мустафы и сколь ни желательно мне удовлетворение вашему в пользу их ходатайству, но по

На этапе (Арестанты). Художник Я. Мальчевский. На картине изображены осуждённые участники польского восстания 1863–1864 гг.

соображения моим, я не могу дать теперь согласия моего на перемещение их из Курска на некоторое время. Когда же оное наступит, я вас уведомяю».

Вскоре после этого Мустафа-ага воспользовался предложением А.П. Ермолова и переехал на жительство в Казань, где и скончался. Оставшийся в Курске Насиб-султан просил в 1824 г. позволения переехать в Симбирск или Георгиевск. Ответа на это прошение в курских архивах не сохранилось, и дальнейшая судьба шамшадильского агалара неизвестна.

Помимо кавказцев, ссылали в Курск и жителей другой беспокойной окраины империи — Польши. Среди них встречались как рядовые повстанцы и заговорщики, так и заметные военные и политические деятели. Одним из них был граф Марчин Тарновский, или, как его называли в России, Мартын Иванович.

Происходил он из старинной и знатной семьи, а военную службу начал в 1794 г. во время восстания под предводительством Тадеуша Костюшко. В 16 лет Марчин стал адъютантом генерала Томаша Вавржецкого, участвовал в защите Варшавы от войск Суворова. Уйдя в отставку после разгрома восстания и раздела Польши, он вновь взялся за оружие в 1809 г. после создания Наполеоном Великого герцогства Варшавского. Теперь во главе уланского полка Тарновский сражается против австрийцев, в 1812 г. участвует в походе на Россию, а в 1813 г. находится в рядах французской армии, которая пытается сдержать натиск союзников в Германии. Тарновский был дважды ранен в битве за Дрезден и там же попал в плен. Вернувшись на родину, он вначале служит в армии Царства Польского, но уже в декабре 1815 г. выходит в отставку. Поселившись в своём имении на Волыни, граф становится активным членом тайного Патриотическо-

го общества, возглавляя его местное отделение. Он поддерживает контакты с другими тайными обществами, как польскими, так и российскими. Во время репрессий после восстания декабристов в феврале 1826 г. его берут под стражу и помещают в каземат Петропавловской крепости. Заключение даёт ему тяжело, и Тарновский даже пытается покончить с собой. В 1829 г. его освобождают, но на свободе граф проводит немного времени. В 1830 г., когда в Польше вспыхнуло Ноябрьское восстание, он вновь арестован и сослан в Курск. Здесь он оставался до конца 1831 г., пока восстание не было подавлено. Вернувшись после этого на Волынь в ореоле «мученика за дело свободы», он избирается местным предводителем дворянства и ещё долгие годы, пользуясь всеобщим уважением, живёт в своём поместье, скончавшись там в 1862 г.

События 1830–1831 гг. привели в Курск и доктора Юзефа Антония Бопре из Кременца — сына осевшего в Польше француза, польского патриота, друга известного поэта и драматурга Юлиуша Словацкого. Вернувшись из курской ссылки, Бопре через несколько лет, в 1839 г., вновь был арестован за причастность к тайному обществу Конарского. На сей раз доктора постигла более суровая кара — он был сослан в Тобольск и оттуда направлен на Нерчинские рудники. В родной Кременец Бопре вернулся лишь в 1857 г.

Наибольшее число польских ссыльных оказалось в Курске во время Январского восстания 1863 г. Пленных повстанцев доставляли в Курск, поскольку это был один из городов, где действовал военно-полевой суд, решавший их участь. Кроме того, повстанцев присылали отбывать наказание в Курской арестантской роте, трёхэтажное здание которой стояло за Московскими воротами на месте современного медицинского университета.

12 октября 1863 г. генерал Н.Н. Доломанов официально уведомил губернатора В.И. Дена, что австрийский подданный ремесленник Франц Станиславович Северин признан военно-полевым судом виновным в причастности к мятежу и осуждён на 4 года арестантских рот, отбывать которые будет в Курске.

Франц (Франтишек) Северин, первый из осуждённых в Курске польских повстанцев, родился в Кракове 9 марта 1835 г. Отправившись на заработки в Киев, он вступил там в тайную организацию, а с началом Январского восстания сражался в составе отряда Ольшанского и Баранецкого. Попав в плен в стычке под Улановым, был выслан в Курск. Спустя год его перевели в Орёл, где он работал на строительстве Курско–Орловской железной дороги. Отбыв наказание, возвратился в Краков.

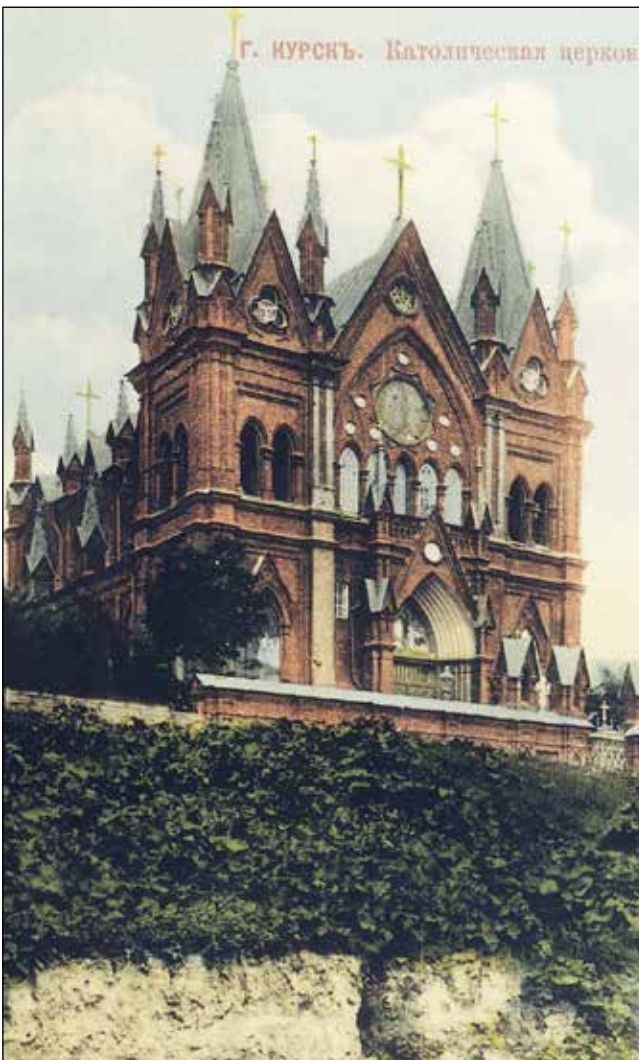
Вместе с ним военно-полевым судом рассматривались дела ещё нескольких пленных мятежников, захваченных в пределах Киевского воен-

ного округа. В основном это были молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет. Среди них было четверо гимназистов (Юлиан Нездельский, Юлиан Кинский, Станислав Нейман и Иван Теодорович), девять студентов и вольнослушателей (Юлий Березовский, Ксаверий Тедеранс, Ромуальд Кочаровский, Роман Пачевский, Владимир (Владислав) Шиманский, Сигизмунд (Эдмунд) Новицкий, Роберт Лемке, Евгений Улатовский), шестеро дворян (Дионисий Хенкель, Аполлон де-Мезер, Константин Веселовский, Феликс Молавский, Николай Воюцкий и Иван Крыжановский), а также однодворец Никодим Янушевский, крестьянин Александр Дробена, приказчик Владимир Медушевский, два бывших чиновника и 16-летний австрийский подданный Роман Фишер.

Большинство из них было приговорено к ссылке на поселение в Сибирь. Старшего из студентов, 24-летнего Владислава Шиманского, отправили на 8 лет на каторжные работы в крепостях Сибири. К 12 годам каторжных работ в рудниках приговорили бывшего чиновника палаты государственных имуществ Николая Крыницкого, 37 лет, и чиновника киевского губернского управления Сигизмунда Липницкого, 34 лет. Аптекарский помощник Эдуард Герберт (Хербст) получи шесть лет каторги. Некоторых, как Крыжановского, сослали под надзор полиции в Симбирскую губернию, а крестьянина Дробену вообще освободили, признав невиновным.

Затем в курские арестантские роты стали присылать и других осуждённых повстанцев. Их предписывалось использовать для различных городских работ, но отдельно от других арестантов, а в случае неповиновения и нарушения воинской дисциплины предавать военно-полевому суду. Циркуляр министерства внутренних дел от 22 марта 1864 г. позволял курским властям оказывать снисхождение повстанцам, «ставшим на путь исправления». Им в порядке поощрения разрешалось «не стричь под гребёнку голов и допускать выход по своим надобностям», а «лиц привилегированных сословий или получивших некоторое образование» дозволялось использовать на лёгких работах и предоставлять для жительства отдельные помещения. В связи с этим в арестантской роте было создано «отделение исправляющихся» из 36 человек.

Кормили заключённых скудно, покупая по дешёвке залежалые продукты в бакалейных лавках, выращивая для них овощи на тюремном огороде. Работали они в портняжной, сапожной, столярной и слесарно-кузнечной мастерских. Также их направляли на общественные городские работы (уборка улиц, вывоз мусора и нечистот, выравнивание крутых спусков). Активно использовали арестантов для земляных работ при строительстве Орловско–Курской железной дороги. Именно для

Вигилия в Сибири. Художник Я. Мальчевский. Вигилия — ночное бдение у католиков перед Пасхой или Рождеством

Католический храм Успения Пресвятой Богородицы, г. Курск. Открытка начала XX в.

этого в 1866 г. в Курск прибыла крупная партия повстанцев из киевских арестантских рот. Состояла она преимущественно из выходцев с Волыни. Помимо них в Курске содержалось несколько венгров, выходцы из Галиции, Познани, Кракова и немец родом из Богемии. Это был Эдуард Шиллер, сын немецкого фабриканта из Праги, который вместе с другими польскими повстанцами был взят в плен 7 января 1864 г. Сначала он попал на сборный пункт в Псков, а затем по этапу был переведён во Владимир, где военно-судебная комиссия приговорила его к тюремному заключению в курской арестантской роте. Тут он пробыл около двух лет. Поскольку все арестанты были католиками, то для отправления религиозных церемоний к ним был прислан «вполне благонадёжный священник» Фома Сидорович из Могилёвской губернии.

Среди арестантов встречались самые разные люди. Шляхтич Юлиан Опальский из Радомской губернии активно участвовал в Январском восстании, будучи одним из «жандармов-вешателей» — исполнителей смертных приговоров, которые руководители восстания выносили тем, кто их не поддерживал и лояльно относился к российским властям. В марте 1864 г. Опальский был выслан вглубь России. Военно-полевой суд во Владимире

приговорил его к лишению прав состояния и трём годам арестантских рот в Курске. Имение его было конфисковано. Отбыв наказание, вернулся в Польшу, где и умер в 1904 г.

Столяр Людвик Вуйчик, 22 лет, участвовал в восстании рядовым в повстанческом отряде Лангевича, сражался в нескольких боях, попал в плен, отбывал наказание в курской арестантской роте, вернулся на родину в 1868 г.

Юзеф Берликовский, 20-летний ткач, в отряде Юзефа Оксиньского был косиньером, то есть сражался с обычной крестьянской косой в руках. Владимирский военно-полевой суд отправил его в курскую арестантскую роту, откуда он вернулся домой в 1866 г.

Войцех Фрич служил рядовым, а затем унтер-офицером в нескольких повстанческих отрядах, был пленён в бою под Бжостувкой и три года провёл на работах по строительству железной дороги под Курском. В бою был ранен палашом по голове, пулей в правое плечо и саблей по правой руке.

Винценты Яйкевич, рабочий из Кракова, был пленён после разгрома отряда Ренбайлы в феврале 1864 г. и по решению Владимирского военно-полевого суда отправлен в курскую арестантскую роту, где провёл три года.

Анджей Камальский, каменщик из Кракова, приобрёл военный опыт, служа унтер-офицером в австрийской армии. У повстанцев он был сержантом в разных отрядах. В бою под Опатовым получил ранение пулей в правый бок, саблей в левую скулу и был взят в плен. До 1867 г. находился на работах по строительству Курско-Орловской железной дороги. Игнацы Ковальский, ещё один молодой краковский каменщик, тоже попал в плен под Опатовым и тоже провёл три года в курской арестантской роте.

Работали на строительстве железной дороги Курск-Орёл также Винценты Михальский и Герман Миллер, а 23-летний мыловар Валенты Пिटрович, рядовой отряда Дунаевского, был ранен

в бою под Коморовым и 4 года провёл в курской арестантской роте. С ними находился и 17-летний Ян Слаховский из Кракова. Он служил в отрядах Чаховского и Хмелиньского, попал в плен, был осуждён на 3 года арестантских рот в Харькове, откуда направлен на земляные работы по строительству Курской железной дороги. В Краков вернулся в январе 1866 г.

В 1865 г. некоторые осужденные были помилованы. Вместо ссылки в Сибирь им было позволено вернуться на родину с воспреещением въезда в Россию. В первую очередь это касалось поляков, бывших подданными Австрии и Пруссии. В 1867 г. 95 осужденных поляков были высланы на родину, а прочих отправили в ссылку в Тобольскую и Енисейскую губернии. Но некоторые из ссыльных остались в Курске, увеличив тем самым численность местной польской общины.

Поляки в Курске селились, как правило, по Лазаретной, Золотой, Нижней и Верхней Гостинным улицам. В частных домах семей Гринецких, Валевских и Гладковских проводились католические богослужения. Уже 15 июля 1864 г. на имя курского губернатора было подано прошение об учреждении католического прихода и назначении священника. В этом, однако, было отказано на основании того, что в городе проживает всего 80 католических семей, а для учреждения прихода необходимо насчитывать не менее 100 дворов. Но уже к 1868 г. количество прихожан-католиков выросло до 3 362 человек и приход был наконец официально зарегистрирован. Это дало возможность ходатайствовать о постройке костёла, который и был возведён в 1896 г. Именно в этом храме позднее венчался и крестил дочь знаменитый художник Казимир Малевич.

Костёл во имя Успения Пресвятой Девы Марии и поныне не только украшает Курск, но и служит напоминанием о событиях, столь своеобразно связавших некогда Польшу с одной из чернозёмных губерний России.

ОТМЕНА КРЕПОСТНИЧЕСТВА

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
 ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,
 ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,
 и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ **НАШИМЪ** вѣрноподаннымъ.

Божіи Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаследія быль признаны на прародительскій Всероссийскій Престолъ, въ составлѣніе сему призванію **МЫ** положили въ сердца **СВОЕМЪ** обѣтъ обвинять **ВАШЕЮ** Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ **НАШИХЪ** вѣрноподанныхъ великаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на погѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, **МЫ** усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣлательно благоустроивъ высшія и среднія сословія, опредѣлило ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ называемымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обличены, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, къ которымъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію законами, нѣкто которыхъ заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего

1

19 февраля 1861 г. император Александр II подписал манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». С 5 по 10 апреля его публично огласили по всей стране. В манифесте объявлялось, что «крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей». Однако, опасаясь подорвать благосостояние поместного дворянства и тем самым оттолкнуть его от себя, правительство сопровождало освобождение крестьян многочисленными оговорками. Это обусловило те трудности, с какими проходила реформа, и стало причиной многочисленных крестьянских волнений. В полной мере коснулось это и Курской губернии.

Высочайший манифест об отмене крепостного права.
19 февраля 1861 г. Первый лист

Чтение манифеста 1861 года Александром II на Смольной площади Санкт-Петербурга. Художник А.Д. Кившенко

Император Александр II. 1870-е гг. Художник А.М. Вегнер

В 1861 г. её население составляло 1 миллион 863 тысячи человек, среди которых 90% были крестьянами. Дворян при этом в губернии проживало менее 1%, но именно в их руки было передано осуществление реформы. В манифесте прямо говорилось: «Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян, при чем дворянам предлежало ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования, не без уменьшения своих выгод». Однако упускать своих выгод помещики не спешили. Обсуждая осуществление реформы в губернии, курские дворяне стремились оставить крестьян если не полностью без земли, то с мизерными наделами не более одной десятины на душу, лишить их покосов, установить максимально высокие размеры повинностей и выкупа.

В итоге в Курской губернии крестьяне действительно получили самые маленькие наделы из всех губерний нечерноземной, черноземной и степ-

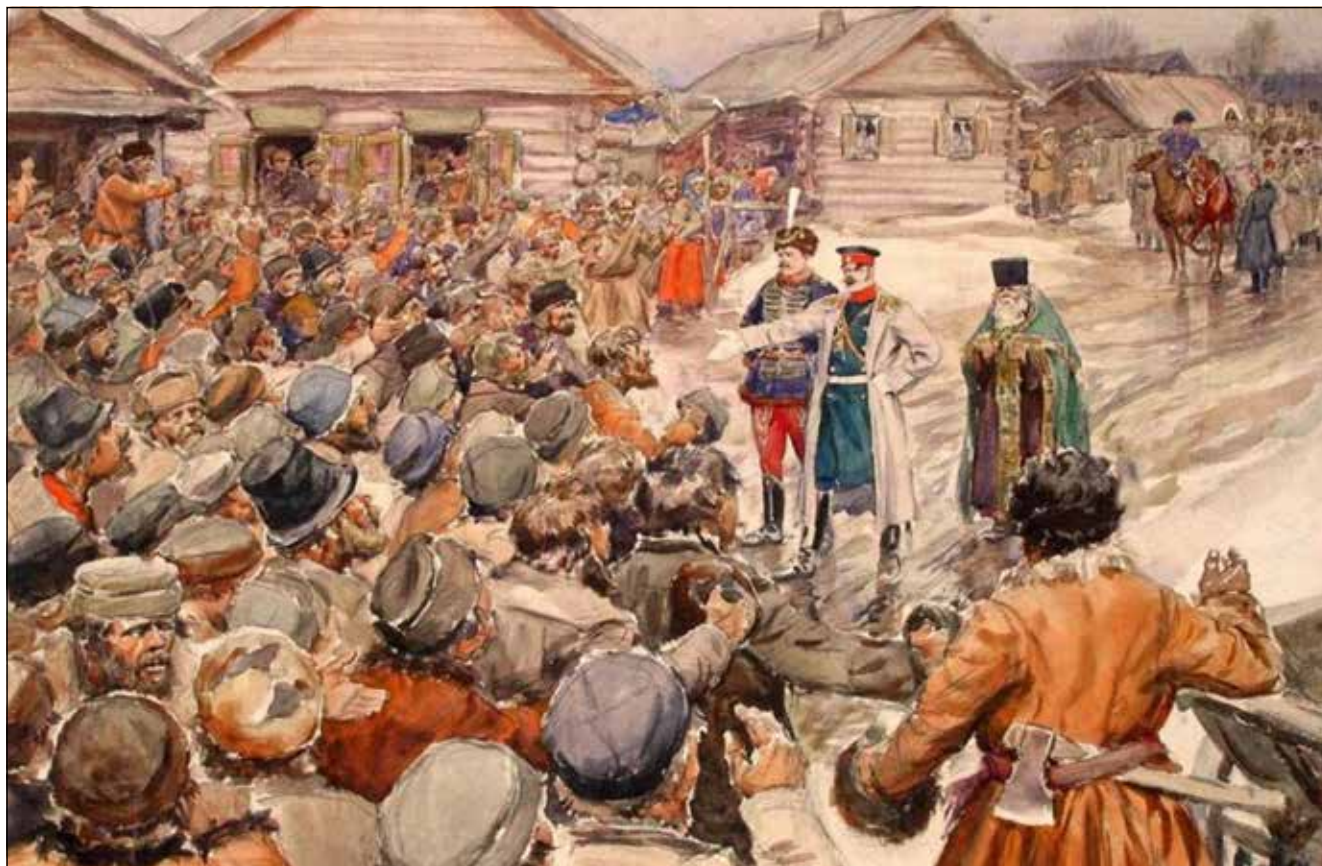
Чтение Положения 19 февраля 1861 года. Художник Г.Г. Мясоедов

ной полос: от 2200 кв. сажен до 2,75 десятин. Из 37 224 душ крепостных крестьян 28 946 получили «дарственные наделы», на которые не отбывались повинности и не платился выкуп. Размеры их составляли всего четверть высшего надела — около 0,7 десятины. Дворовых людей освобождали вовсе без земли. При этом лучшие земли, как правило, оставались за помещиками, а крестьяне получали неудобья и даже земли, где «не только чтобы происходило плодородие хлеба, но даже и травы мало произрастает». Сельские общины теряли покосы, выгоны, пруды, леса.

При этом, согласно манифесту, наделы представлялись крестьянам не в собственность, а только лишь в «постоянное пользование» и за них следовало выплачивать выкуп помещикам. До полной его выплаты крестьяне считались «временно-обязанными» и должны были по-прежнему нести повинности перед своими помещиками. При выкупе полного надела крестьяне платили помещику 20%, а остальные 80% он получал из казны. После этого крестьянам следовало за 49 лет выплатить эту ссуду государству. К 1881 г. 43,7% курских крестьян всё ещё находилась во временнообязанном состоянии. В целом по стране к 1905 г., когда были, наконец, отменены выкупные платежи, крестьяне уже уплатили свыше

полутора миллиардов рублей — в два с половиной раза больше рыночной цены на землю.

Неудивительно, что такое освобождение не могло удовлетворить крестьян. Поначалу они даже считали, что помещики скрывают от них настоящий царский манифест, где провозглашается «подлинная воля». По Курской губернии, как и по всей крепостной России, прокатилась волна крестьянских восстаний. Некоторые из них были вызваны действиями самих помещиков, увидевших в отмене крепостничества гибель привычного им мира. Так, например, в с. Плоское 27 марта, в день оглашения манифеста, помещик явился на двор одного из своих крестьян со сворой борзых собак и принялся травить ими крестьянских овец. Когда сын крестьянина стал просить барина прекратить это, тот начал избивать мальчика с криком: «Побью теперь всех вас, подлецов, до смерти! Мне ничего за вас не будет, вы не мои!» Это вызвало столь бурное возмущение жителей села, что потребовалось даже «вмешательство полицейской власти». В рыльском селе Капыстичи 26 апреля 1861 г. помещик набросился с кулаками на одного из крестьян, направлявшихся в церковь, чтобы отслужить там благодарственный молебен за своё освобождение. По пути они заявили барину,

Крестьянский бунт. Художник И.А. Владимирова

что сегодня работать не будут: «Идём служить молебен и в Положении в такие дни воспрещено работать». Помещик принялся бить первого попавшегося крестьянина, приговаривая: «Вот тебе Положение! Вот тебе Положение!» Остальные принялись защищать своего товарища, и в итоге всё село охватило смятение.

В целом же большая часть волнений, происшедших в 1861 г., была связана с непониманием содержания манифеста и «Положения о крестьянах» или же с неверным истолкованием его статей. Это были отдельные небольшие вспышки, чего нельзя сказать о событиях, разыгравшихся в следующем году.

В 1862 г. в губернии началось реальное осуществление земельной реформы. Начали вступать в силу уставные грамоты, в которых было «исчислено, на основании местного положения, количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер повинностей, причитающихся с них в пользу помещика, как за землю, так и за другие от него выгоды». Это сразу вызвало массовые волнения, которые охватывали целые сёла и волости. То и дело властям приходилось использовать войска для подавления крестьянского недовольства.

Типичными были действия жителей с. Плаксино в июне 1862 г. Крестьяне отказались принять предложенную им уставную грамоту, заявив, что «нам земля отводится там, где мы не желаем». Никакие уговоры не действовали. Волостной старшина, которому велено было «внушить крестьянам и старосте повиновение», вместо этого бросил уставную грамоту на землю и заявил, что не пойдёт против общества. Тогда в село прислали на постой эскадрон Астраханского драгунского полка. Крестьяне должны были снабжать драгун продовольствием и фуражом «впредь до особого распоряжения». Но и это не сломило их упорства. Несладко пришлось и солдатам. Как сообщал их командир, «жители дают нижним чинам только хлеб и квас и то в недостаточном количестве. Земская полиция нашла фуража всего 5 ½ четверти овса и 35 пудов сена». Однако в конце концов крестьяне вынуждены были принять уставную грамоту.

Более бурные события сопровождали введение уставной грамоты в слободе Козмодемьянской Корочанского уезда, принадлежавшей баронессе Сердобиной. На требование принять грамоту крестьяне решительно отвечали: «Два года мы будем работать так, как прежде работали, а там как бог даст». Тогда 7 апреля 1862 г. в слободу прибыли

Крестьянская семья. Южные уезды Курской губернии. 1902 г. Старшие представители семьи родились ещё при крепостном праве, а их дети и внуки — уже после его отмены

исправник, судебный следователь и эскадрон Белорусского гусарского полка. Толпа крестьян вынесла им навстречу икону и хлеб-соль. Приблизившись к солдатам, они опустились перед ними на колени со словами: «Не забывают, вы нам братья». Исправник велел схватить «зачинщиков». Началась свалка, и несколько крестьян было арестовано. Остальные принялись забрасывать гусар камнями и палками. Особенно усердствовали жители деревни Терновой, из толпы которых слышались крики: «Когда же это перевешают панов!» Арестованных высекли розгами, а главного «подстрекателя», Ивана Гузиева, заключили в тюрьму. После того как гусар вывели из слободы, там дотла сгорело гумно помещицы. В наказание за это сюда на целый месяц был отправлен на постой эскадрон гусарского полка.

В июле 1862 г. власти применили войска против крестьян с. Фитиж Льговского уезда. Льговский исправник, прибывший сюда с эскадром драгун, позднее рапортовал:

«В 12 часов дня более 200 человек крестьян стояли на площади. Сюда пришёл эскадрон. В толпе крестьян были слышны речи:

«Стойте плотней, не бойсь, всем головы не покрутят».

Я и посредник начали убеждать крестьян. Напрасно: они стояли на своём — работать трёхдневку, до случайного часа. В это время мировой посредник передал мне о взыскании денег с общества фитижцев за прогульные дни и о наказании пяти человек зачинщиков розгами. Я объявил обществу требование мирового посредника. Толпа закричала:

«Денег мы не отдадим и своих не выдадим!»

...Когда драгуны стали теснее окружать толпу, то она ринулась вперёд для того, чтобы прорвать цепь. Это сделать не удалось и крестьяне все попадали на землю, один на другого, образовав груды тел... Солдатам приказано было растащить упавших на землю, что было сделано, виновные взяты и сейчас же высечены».

Во многих случаях крестьяне отказывались принимать уставные грамоты и выполнять требуемые повинности, ожидая «другой воли и нового царского указа». Но положение постепенно менялось, новый порядок вступал в свои права. Несмотря на все огрехи, сознательные и невольные, Россия, а с ней и Курская губерния, сделала огромный шаг вперёд, изменив весь привычный уклад жизни и ступив на новый путь. Реформа 1861 г. на десятилетия предопределила дальнейший ход развития как губернии, так и всей истории страны.

Курский государственный областной музей археологии

Курский государственный областной музей археологии был создан 29 сентября 1993 г. и стал первым на территории Европейской России самостоятельным региональным археологическим музеем.

Целью его деятельности является изучение, сохранение и пропаганда археологических памятников Курского края.

В конце 1993 г. музею была передана расположенная на пересечении улиц Гайдара и Пионеров усадьба, известная среди курян под именем «Палат бояр Ромодановских». Местные легенды связывают её со знаменитым русским княжеским родом Ромодановских, несколько представителей которого были курскими воеводами в XVIII в. По одной из легенд в «Палатах» одну ночь провел прикованным цепью к стене подвала Степан Тимофеевич Разин, которого после подавления восстания в 1671 г. везли через Курск на казнь в Москву.

Однако архивные изыскания и археологические исследования опровергли эти предания. Оказалось, что расположенные в пределах усадьбы двухэтажное жилое здание и одноэтажный служебный флигель были построены в 1740–х гг. Но это не сделало архитектурный комплекс «Палат» менее уникальным, так как теперь научно доказано, что они являются самыми старыми из дошедших до наших дней светских построек г. Курска.

Первым директором Курского государственного областного музея археологии стал Николай Алексеевич Тихомиров, с 15 ноября 1994 г. коллектив возглавляет Геннадий Юрьевич Стародубцев.

С самых первых дней работы музея сложился творческий коллектив ученых, развернувших активную работу по изучению древнейшей истории Курского края. За прошедшие годы ими были проведены охранные исследования уникальнейших археологических памятников — древнерусского слоя Курска и Рыльска, Гочевского археологического комплекса — летописного древнерусского города Римова, Люшинского — летописного древнерусского города Ольгова, Ратского — столицы Курской тьмы, городища Царский Дворец — пограничной крепости Великого княжества Литовского, городищ Капыстичи и Жидеевка; поселений эпохи бронзы у с. Гуторово и скифского времени около г. Льгова, раннеславянского поселения в окрестностях Замощанской дюны около с. Княжий 2, курганов эпохи бронзы у с. Коробкино и погребения кочевника XI–XII вв. на окраине д. Люшинка, а также курганного могильника колочинской культуры около д. Артюшково и кургана роменской культуры близ д. Шуклинка. На базе музея работает постоянная Гочевская древнерусская археологическая экспедиция, возглавляемая Г.Ю. Стародубцевым.

Обнаруженные во время полевых исследований предметы пополняют музейные фонды, насчитывающие сегодня более 145 000 единиц хранения. С коллекциями постоянно ведется комплексная работа по их научной атрибуции, консервации, реставрации и подготовке к экспонированию.

Многие коллекции музея имеют не только региональное, но общероссийское значение. Наиболее значимыми являются коллекции каменных орудий труда Авдеевской верхнепалеолитической стоянки (23–20 000 лет назад); орудий труда, оружия, украшений и посуды с памятников скифского времени (городища Моисеевское, Марица, Переверзево I, Кузина Гора); находки из Волниковского захоронения эпохи Великого переселения народов (V в.н.э.); Суджанский и Гапоновский клады «антских» украшений VII в.; погребальный инвентарь раннехристианских захоронений Гочевского курганного могильника (конец X в. — 2-я половина XII в.); коллекция предметов и монет с Ратского археологического комплекса — столицы золотоордынской Курской тьмы в XIV в., Дичневский клад — комплекс русских женских украшений 2-й пол. XIV в., монеты, предметы вооружения и воинского снаряжения, посуда с городища Царский Дворец — единственного систематически исследуемого сегодня на Днепровском Левобережье пограничного феодального замка XIV — начала XV вв.

Около 3000 наиболее интересных и значимых находок представлено в 8 залах постоянной экспозиции музея общей площадью 168 м². Они отражают различные периоды истории Курского края от каменного века до эпохи развитого средневековья и Нового времени (XVII–XVIII вв.) и показывают непрерывную линию развития курской истории от появления первых групп охотников каменного века до складывания русского народа и образования Русского государства (великого княжества/царства/империи). В отдельном зале на постоянной выставке «Золото гуннов: возвращённые сокровища» выставлен т.н. Волниковский «клад» — предметы вооружения, конской упряжи и снаряжения первой половины V в. из погребального комплекса эпохи Великого переселения народов.

В апреле 2006 г. у КГОМА появился филиал — Историко-этнографический музей (п. Прямыцыно, Октябрьский район). Его фонды насчитывают 2128 единиц хранения, часть которых выставлена в двух залах постоянной экспозиции (историко-этнографическом и современной истории).

Курский государственный областной музей археологии ведет активную исследовательскую работу, позволившую ему стать одним из ведущих научных центров по изучению далекого прошлого

соловьиного края. Сотрудники музея участвуют в работе российских и международных конференций, симпозиумов и съездов. Сам музей проводит тематические научные конференции, в которых принимают участие археологи и историки из научно-исследовательских и учебных центров России и сопредельных стран.

Музей издаёт собственные сборники научных трудов «Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья» (5 томов), сборники материалов музейных конференций. Создана серия из 36 научно-популярных брошюр, посвящённая различным историческим периодам, историческим личностям, архитектурным памятникам, значимым местам и событиям в истории Курского края. Издано два каталога предметов из музейных фондов — «Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в.н.э. Каталог коллекции» (2012 г.) и «Монеты Курского края. Нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии. Каталог» (2016 г.).

Сотрудники музея являются соавторами регионального учебного пособия «Курский край: история и современность», авторами нескольких томов 20-томной «Истории Курского края» и научно-популярной книги «Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. Очерк военно-политической истории» — первого исследования, в котором в хронологическом порядке изложена военно-политическая история Курского края в период Гражданской войны (С.В. Емельянов, А.В. Зорин, А.Г. Шпилев, 2013).

Совместно с кафедрой ДиНО Курского областного ИПКиПРО музеем было разработано и издано методическое пособие для учителей «Археология для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста». Программа используется институтом в рамках подготовки и повышения квалификации педагогов начальных классов.

Два научно-популярных издания музея были удостоены государственных и общественных премий.

Научно-популярная книга «Очерки истории Курского края от каменного века до Нового времени» (Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин, А.Г. Шпилев, О.А. Щеглова, 2009) в 2012 г. была удостоена премии им. И.Е. Забелина, учреждённой Министерством культуры Российской Федерации, Государственным историческим музеем, Институтом Российской истории Российской академии наук и Благотворительным фондом имени святителя Григория Богослова.

В 2015 г. авторы книги-альбома «Курский край сквозь века» (Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин, А.А. Чубур, А.Г. Шпилев, 2014 г.) стали лауреатами областного конкурса общественного признания «Курская антоновка».

Ещё одним важным направлением деятельности музея является активная просветительская работа. Посетители музея могут принять участие в историко-познавательных и развлекательных играх, посетить выставки, специализированные мастер-классы и тематические лекции. Для каждой социальной группы разработана своя программа, в рамках которой учитываются возраст, интересы и возможности определённой аудитории.

Музей активно участвует в различных региональных программах и областных мероприятиях.

На протяжении ряда лет он является почетным участником проводимой Комитетом по делам молодежи и туризму Курской области региональной туристической выставки «Туризм и отдых», участвует в проведении общегородских акций, таких, как «День знаний», «День города», первым среди курских организаций культуры принял участие в областной выставке «100 лучших товаров России» с интерактивной экскурсией «Путешествие в прошлое». С 2008 г. музей принимает участие в Коренной ярмарке с детской игровой площадкой «Там на неведомых дорожках».

В 2011 г. музей участвовал в работе международного фестиваля ИНТЕРМУЗЕЙ–2011 в г. Москве с выставкой «Гочевские древности. Прикоснись к прошлому».

Несколько лет на территории музея курские клубы исторической реконструкции проводили «Рыцарские турниры» и, на базе Гочевской древнерусской экспедиции, — региональный историко-реконструкторский турнир «Щит Руси».

В 2014 г., к 80-летию Курской области, сотрудниками музея на Театральной площади г. Курска было проведено костюмированное театрализованное представление «Ожившие страницы истории Курского края».

Сообщения о работе музея часто появляются в выпусках новостей федеральных и местных теле- и радиоканалов, на страницах газет и журналов.

Три сотрудника музея (А.В. Зорин, А.Г. Шпилев, О.В. Денисова) за большой вклад в развитие музейного дела награждены премией губернатора Курской области имени Н.Н. Гордеева.

Источники и литература

- Адрианов С.* Забытый герой // Исторический вестник. 1893 г. Т. LIV. № 11. С. 476–493
- Авдеева–Полевая Е.А.* Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. Т. 1. Тифлис, 1866
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. Т. 10. Тифлис, 1885
- Александров А.Н.* Ивановское городище // Сборник Харьковского историко–филологического общества в память проф. Е.К. Редина. Т. XIX. Харьков, 1910
- Альбовский Е.* Битва при Мациовицах и плен Косцюшки // Русская старина. Т. LXXXIII, № 1, 1895
- Антипов М.А.* Государственное подвижное ополчение в период Крымской войны 1853–1856 гг. (на примере Курской и Тамбовской губерний). Дисс. канд. ист. Курск, 2011
- Баскевич И.З.* Курские вечера. Литературно–краеведческие очерки и этюды. Воронеж, 1979
- Барашев М.А.* Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX вв. // Вопросы образования. №1. 2010
- Барятинский Иван Иванович // Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900
- Бессонов В.А.* Военнопленные Крымской войны 1853–1856 гг. в Калужской губернии // Труды регионального конкурса в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга, 2006
- Бестужев–Марлинский А.А.* Письма из Дагестана // Сочинения. В 2–х т. Т. 2. М., 1981
- Бобровский П.О.* История 13–го лейб–гренадерского Эриванского Его Величества полка. Т. 3. СПб., 1893
- Богатырь русского флота Д.А. Лукин // Курские губернские ведомости. № 923, 1894
- Богданович Ипполит Фёдорович // Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908
- Броневский В.Г.* Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице–адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Т. 3. СПб., 1837
- Бугров Ю.А.* Из истории Курской епархии. Курск, 2003
- Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М., 2001
- Бурский И.Д.* История 8–го гусарского Лубенского полка. 1807–1907. Одесса, 1912
- Бесядовский И.* Шамиль в Курске // Курские губернские ведомости. № 43. 1859
- Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. Т. IV. Петроград, 1917
- Вержбицкий Т.И.* Памятник на могиле И.Ф. Богдановича // Исторический вестник. № XLI, 1890
- Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 1–30. СПб., 1841–1862 гг.
- Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. Сборник документов и материалов. М., 1956
- Вигель Ф.Ф.* Воспоминания. Ч. VII. М., 1865
- Винницкий Ф.Н.* Рассказы из бывшего времени. Дело о богатом помещике Курской губернии Фёдоре Ширкове // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 1, 1874
- Висковатов А.В.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832
- Восстание декабристов: Материалы. Т. 8. Л., 1925
- Второв Осип Максимович // Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. М., 1996 http://www.museum.ru/museum/1812/Persons/slovar/sl_m33.html. Дата посещения 1.07.2019 г.
- ГАКО, ф. 185, оп. 1, д. 3, 11
- ГАКО, ф. 567, оп. 1, д. 3, л. 3–3об, 6
- Геннади Г.Н.* Автобиография И.Ф. Богдановича // Отечественные записки. № 4, 1853
- Геничутлинский Х.* Историко–биографические и исторические очерки. Махачкала. 1992
- Гладков Н.Н.* О фамильных документах, относящихся к 1812 году // Труды Курской Губернской Учёной Архивной Комиссии. Вып. 2. Курск, 1915
- Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. I. М., 1837
- Горощенова О.А.* Сибирская писательница Е.А. Авдеева–Полевая // Вопросы истории. № 3. 2015
- Граббе П.Х.* Из памятных записок // Русский архив. Вып. 5. 1873

- Гринёв А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М., 2009
- Грот К.* Из семейного архива курского помещика. Загробный поэтический голос за невинно–осужденного отца // Русский архив. № 1, 1910
- Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003
- Гусаковский А.* Страничка из истории Курской гимназии // Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Курск
- Д–ский Н.* Холера в Курске // Исторический вестник. Т. XXVI. № 7, 1886
- Декабристы. Биографический справочник. М., 1988
- Деменков П.С.* Мои воспоминания (об Александре Павловиче) // Русский архив. № 9, 1911
- Деменков Пармен Семёнович (1791–1881) // Наполеон и Революция <http://impereur.blogspot.com/2018/10/1791–1881.html> Дата посещения 30.06.2019 г.
- Дмитрюков А.И.* Нравы. Обычаи и образ жизни в Судженском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1831 г. Ч. 39, № 10–11
- Дмитрюков А.И.* Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды КГСК. Вып. 1. Курск, 1863
- «Дневная записка пешеходца — Саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова». Из архива Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник. Т. I. Саратов, 1891
- Добротворский Н.* Записки В.Н. Геттуна. 1771–1815 // Исторический вестник. Т. I. № 3, 1880
- Добротворский Н.* Из истории одного при–сеймского села // Киевская старина. Март, 1887
- Добротворский Н.* Курские и орловские кудеяры // Киевская старина. Т. XXIII. № 12, 1888
- Документы Государственного совета Российской империи. Т. I. 1816–1821 гг. М., 2008
- Долгоруков И.М.* Славны бубны за горами или путешествие мое кое–куда 1810 года. М., 1870
- Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 2019
- Ефременко С.Н.* Историко–поэтическое описание рек Курского края (Юго–Западного края Ц.–Ч.О. — бывш. Курская губ.). Курск, 1929
- Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II самодержицы Всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М., 1787
- Записки графа А.Р. Воронцова // Русский архив. Кн. 1. Вып. 2, 1883
- Записки Ново–оскольского дворянина И.О. Острожского–Лохвицкого (1771–1846 г.) // Киевская старина. Т. XIV. Апрель. Киев, 1886
- Запорожская О.П.* XIX век: пореформенный скачок // Курский край: история и современность. Курск, 1995
- Званцев П.М.* Пути и судьбы потомков Николая Полевого // Вклад семьи Полевых в культуру России. Материалы международной научно–практической конференции. 5–6 июня 1997 г. Иркутск, 1997
- Зорин А.В.* К биографии Г.И. Шелихова // Вопросы истории. № 11–12. 1999
- Зорин А.В.* Русская Америка и куряне // Русская Америка. 1799–1867 гг. Материалы Международной конференции «К 200–летию образования Российско–Американской компании 1799–1999». Москва, 6–10 сентября 1999 г. М., 1999
- Зорин А.В.* Курский купец на Аляске // Бартеневские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 24–25 ноября 1999 года. Липецк, 2000
- Зорин А.В.* Рождение и смерть Г.И. Шелихова // Генеалогический вестник. № 2. СПб, 2001
- Зорин А.В.* Из прошлого курской школы // Курские тетради. Вып. 4. Курск, 2002
- Зорин А.В.* Курский крепостной на Аляске // Курские тетради. Вып. 4. Курск, 2002
- Зорин А.В., Карпачев М.Д., Могильников В.А., Филиппова М.А., Шумков А.А.* Курские купцы Голиковы. СПб., 2003
- Зорин А.В.* «Первый фундатор» Российско–американской компании. Штрихи к портрету И.Л. Голикова // Американский ежегодник 2002. М., 2004
- Зув В.Ф.* Путешественные записки от Санкт–Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787
- Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. I–III. М., 1888–1891
- Инсарский В.А.* Из быта наших помещиков. 1840–1850 // Русская старина. Т. IX. 1874
- Исповедь Шервуда–Верного // Исторический вестник. Т. LXIII. № 1, 1896

- Карамзин Н.М. О Богдановиче и его сочинениях // Вестник Европы. № 9, 1803
- Киприянов В. Геоностическое обозрение пространства между гг. Орлом и Курском (продолжение) // Курские губернские ведомости. 4 марта 1850
- Князьков С.А. Допетровская Русь. М., 2005
- Коровин В.В. Генерал Иван Михайлович Ушаков // «Сей знаменитый год показал, что куряне в силе духа не уступают другим сынам России...» (Курский край в Отечественной войне 1812 года). Курский военно-исторический сборник. Вып. 8. Курск, 2012
- Коровин В.В. Курский губернатор Аркадий Иванович Нелидов // «Сей знаменитый год показал, что куряне в силе духа не уступают другим сынам России...» (Курский край в Отечественной войне 1812 года). Курский военно-исторический сборник. Вып. 8. Курск, 2012
- Коровин В.В. Организация рекрутских наборов 1812–1813 гг. в Курской губернии // «Сей знаменитый год показал, что куряне в силе духа не уступают другим сынам России...» (Курский край в Отечественной войне 1812 года). Курский военно-исторический сборник. Вып. 8. Курск, 2012
- Кочеткова Н.Д. Богданович Ипполит Фёдорович // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1 (А–И). Л., 1988
- Краткий исторический очерк деятельности земства Курской губернии за XXXV–летний период. 1866–1901. Курск, 1902
- Кудланов К.Б. Документы Государственного архива Курской области о рыльском предводителе дворянства Петре Алексеевиче Денисьеве // События и люди в документах курских архивов. 80-летию образования Курской области посвящается. Вып. XII. Курск, 2014
- Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / Науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. Электронный ресурс: <http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Лукин%20Дмитрий%20Александрович> (11.01.2017)
- Купчинский И.А. Курск и куряне. Из истории Курска. М, 1906
- Курносов Николай Андреевич // Сборник биографий кавалергардов. 1762–1801. СПб., 1904
- Курская губерния и Отечественная война 1812 года. Памятная книга, посвящённая 200-летию Отечественной войны 1812 года. По материалам Курского областного краеведческого музея. Составители: С.А. Пахомов, В.И. Склярук, И.И. Трубинова. Курск, 2012
- Куряне — выдающиеся деятели науки и техники. Курск, 1950
- Ларионов С. Описание Курского наместничества. М., 1785
- Лебедев А. Лпиновская Троицкая пустынь // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1884
- Лорер Н.И. Рассказы и воспоминания // Русский архив. № 11, 1872
- Лысенко Ф.И. К издателю Военного Журнала // Военный журнал, XII, 1811
- Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830–х годов. М., 1999
- Марков (Шарки) А. Родные гнезда. Сан-Франсиско, 1965
- Марков Е.Л. Барчуки. Картины прошлого. СПб., 1875
- Марков Р.Л. Придорожники курской стороны // Русский вестник. Т. 219. 1892
- Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903
- Материалы для истории русского флота: Часть XVII. СПб., 1904
- Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V, СПб., 1862
- Медведская Л.А. Некоторые странички из истории Курского края второй половины XIX в. (по воспоминаниям профессора И.И. Чистякова) // Учёные записки КГПИ. Т. 47, ч. 2. Курск, 1968
- Медведская Л.А. Участие курян в Отечественной войне 1812 года // Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1975
- Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991
- Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства). Т. I. Ч. 1. СПб., 1857
- Мизгер А.М. О курском самороде // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. IV. Курск, 1874
- Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. Баку, 1950
- Могильников В.А. Дворянские корни Г.И. Шелихова // Генеалогический вестник. № 2. 2001

- Мордвинов А.* Весна в Курской губернии // Всемирная иллюстрация. Т. V, 1871
- Мусин–Пушкин Иван Клавдиевич* // Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. М., 1996 http://www.museum.ru/museum/1812/Persons/slovar/sl_m33.html. Дата посещения 1.07.2019 г.
- Нечкина М.В.* День 14 декабря 1825 года. М., 1975
- Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772
- Озеров Ю.В.* Дом преподобного Серафима Саровского в г. Курске: определение наиболее вероятного местонахождения // События и люди в документах курских архивов. 110–летию архивной службы Курской области посвящается. Курск, 2013
- Озеров Ю.В.* Типология памятников погребальной культуры: на примере г. Курска, начало XIX столетия — 1917 г. // <http://old-kursk.ru/nekropol/o060826.html>. Дата посещения 13.03.2018 г.
- Озеров Ю.В.* Персоналии Курского некрополя (1776–1918) // <http://old-kursk.ru/nekropol/person.html>. Дата посещения 15.03.2018 г.
- Общий морской список. Ч. 4. Царствование Екатерины II. К–С. СПб., 1890
- Олейникова В.П.* Итальянский след семейства Барятинских // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. № 13 (84). Вып. 15. 2010
- Онопrienко И.Г.* Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50–90–е годы XIX века (на примере Центрального Черноземья). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2007
- Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916
- Петров А.Ю.* И.Л. Голиков и Г.И. Шелихов // Книга о Шелехове. Иркутск, 1997
- Петров А.Ю.* Образование Российско–Американской компании. М., 2000
- Петров А.Ю.* Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М., 2012
- Петрушкевич А.В.* Портрет И.Ф. Богдановича // http://old-kursk.ru/foto/petr_av/bogdan.html. Дата 3.02. 2019 г.
- Пленитель Костюшки, Фёдор Ильич Лысенко // Отечественные Записки. 1822 г. Ч. XII
- Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Курский край. № 3 (126). Курск, 2010
- Полевой А.С.* Потомки Евсея Полевого — переводчики и просветители // Вклад семьи Полевых в культуру России. Материалы международной научно–практической конференции. 5–6 июня 1997 г. Иркутск, 1997
- Полевой К.А.* Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // Исторический вестник. 1887. Т. XXVII. № 1, № 2
- Полевой Н.А.* Мечты и жизнь. М., 1988
- Полевой Н.А.* Воспоминания о происшествиях, бывших в Курске в 1812 году // «Сей знаменитый год показал, что куряне в силе духа не уступают другим сынам России...» (Курский край в Отечественной войне 1812 года). Курский военно–исторический сборник. Вып. 8. Курск, 2012
- Положение об учениках Курской губернской гимназии // Курские губернские ведомости. 1839. № 14–16
- Польские повстанцы в Курске // Курские губернские ведомости. 1898 г. № 202, 205
- Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Ставрополь, 1994
- Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... // <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/ljubimov/biograph.htm>
- Пребывание царственных особ в Симбирской губернии // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868
- Прошение на высочайшее имя льговской помещицы Алтуховой о дочери // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1873. Кн. 1
- Прыжов И.Г.* История кабаков в России. М., 1992
- Пузанов Н.А.* О Высочайшем шествии Императрицы Екатерины II чрез Курскую губернию, во время путешествия Ея Величества в южный край Государства // Курские губернские ведомости. № 1–9, 12, 15, 17, 22. 1848
- Путеводитель и деловой справочник по г. Курску. Курск, 1913
- Пыляев М.И.* Замечательные чудаки и оригиналы. М., 1990
- Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978

- Раздорский А.И.* Дорога длиной в 200 лет. Путевые зарисовки Курска и курянок из альбома статского советника Константина Матвеевича Бороздина // *Курск.com* № 4 (24), 2010
- Ремезов Н.* Курский астроном–самоучка Ф.А. Семёнов. СПб., 1889
- Решетов Н.А.* Люди и дела давно минувших дней // *Русский архив*. Вып. 4, 10. 1886
- Решетинский В.Н.* Куряне — участники Отечественной войны // *Труды Курской Губернской Учёной Архивной Комиссии*. Вып. 2. Курск, 1915
- Руководители Санкт–Петербурга. СПб., 2003
- Рукописные книги Курского областного краеведческого музея. Каталог / сост. В.И. Склярчук. Курск, 2016
- Румянцов, граф Петр Александрович // *Русский биографический словарь*. Т. 17. Пг., 1918
- Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. IV. СПб., 1908
- Самсонов В.И.* Курская Коренная ярмарка // *Учёные записки КГПИ*. Вып. 2. Курск, 1949
- Свиштунов Петр Семенович // *Русский биографический словарь*. Т. 18. СПб., 1904
- Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 1. СПб., 1818
- Сегюр Ф.–П.* Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003
- Серафим (Чичагов).* Летопись Серафимо–Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А.С. Мельгуновой. Нижний Новгород, 2005
- Сивков В.К.* Самозванчество в последней трети XVIII в. // *Исторические записки*. Т. 31. М., 1950
- Синянская Н.А.* Из истории музыкальной культуры дворянских усадеб Курской губернии начала XIX в. И.И. Барятинский — князь–композитор (по материалам архива Барятинских в Российской Национальной библиотеке) // *Известия Юго–Западного государственного университета*. № 6 (51). Ч. 1, 2013 // https://www.swsu.ru/izvestiya/journal/51_6_2013-1.pdf. Дата посещения 6.03.2017 г.
- Ситников Л.А.* Григорий Шелихов. Иркутск, 1990
- Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саратовской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1841
- Соллогуб В.А.* Воспоминания графа В.А. Соллогуба. СПб., 1887
- Соловьев С.М.* Сочинения. Книга XII. История России с древнейших времен. Тома 23–24. М. 1993
- Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988
- Софронов А.* Памятники древности вблизи села Староселья Грайворонского уезда // *Курские епархиальные ведомости*. № 3.1.02.1873
- Сочинения Владимира Даля. Новое полное издание. Т. I. СПб., 1861
- Степанов В.Б.* Наместники и губернаторы Курского края 1779–1917 гг. Исторические очерки. Курск, 2005
- Степанов В.* Курские базары и ярмарки. Курск, 2012
- Степанов В.П.* Мещерский Прокопий (Прокофий) Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. Выпуск 2 (К–П). СПб., 1999
- Степашкин В.А.* Уточнение фактов жизнеописания преподобного Серафима Саровского по архивным материалам // *Лысковская епархия* <http://lyskovskaya-eparhya.ru/stepachkin-v-a-serafim-sarovskii-v-chatkah/>
- Степашкин В.* Родословная преподобного Серафима // *Четвёртый удел Пресвятой Богородицы. Официальный сайт Свято–Троицкого Серафимо–Дивеевского монастыря* <http://www.4udel.nne.ru/library/investigations/836>
- Степашкин В.* Новые открытия о жизни преподобного Серафима Саровского. Часть I // *Церковный вестник*. № 13–14 (290–291). Июль. 2004 <http://www.tserkov.info/numbers/history/?ID=1060>
- Стрелецкий.* Нравы слободы Стрелецкой (из воспоминаний) // *Курские губернские ведомости (КГВ)*. № 56, 1903
- Танков А.А.* Из прошлого // *Исторический вестник*. 1886. Т. XXVI. № 12
- Танков А.А.* К истории взяточничества // *Исторический вестник*. 1888 г. Т. XXXIV. № 10
- Танков А.А.* Ширковское дело // *Исторический вестник*. 1890. Т. XLI. № 7
- Танков А.А.* Крестьянские волнения в Курской губернии в 1862 году // *Исторический вестник*. 1890 г. Т. XLI. № 8
- Танков А.А.* Пленники Крымской войны // *Курские губернские ведомости*. 1891 г. № 121

- Танков А.А.* Гофмаршал Высочайшего Двора генерал–лейтенант князь П.В. Мещерский в Курском Знаменском монастыре // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 27
- Танков А.А.* Селиховы дворы (Из недавнего прошлого) // Исторический вестник. 1894 г. Т. LVIII. № 10
- Танков А.А.* Искорки курской старины. Дикие американцы в Курске // Курские губернские ведомости. 1897. № 183
- Танков А.А.* Кавказские старшины в Курске, 1819 г. // Курские губернские ведомости. 1897 г. № 218
- Танков А.А.* Курские старинки. Пожертвования англичанина в пользу защиты Севастополя // Курские губернские ведомости. 1898 г. № 112
- Танков А.А.* Грузинская царица в Белгороде // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3
- Танков А.А.* Генерал–губернатор Курского наместничества генерал–поручик А.А. Беклешов (1791–1796 гг.). Очерк из истории Курского края // Курский сборник. Вып. 1. Курск, 1901
- Танков А.А.* Убийство помещика Оловянного (быль из прошлой жизни) // Исторический вестник. 1902. Т. LXXXVII
- Танков А.А.* «Год священной памяти» (из истории Курского края во время Отечественной войны) // «Сей знаменитый год показал, что куряне в силе духа не уступают другим сынам России...» (Курский край в Отечественной войне 1812 года). Курский военно–исторический сборник. Вып. 8. Курск, 2012
- Тарасова М.С.* Антон Осипович Бруни в усадьбе И.И. Барятинского Марьино // Кучумовские чтения. Сборник материалов научной конференции, посвящённой памяти А.М. Кучумова (1913–1994). СПб. Павловск, 1996
- Тарасова М.С.* «Знаки памяти» во дворце И.И. Барятинского Марьино // Pro memoria. Сборник материалов научной конференции. Курск, 2006
- Усенко О.* Матушкины самозванцы // Родина. 2010. № 2
- Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис, 1901
- Федоров С.И.* Марьино. М., 1989
- Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского–Нелединского–Мелецкого. СПб., 1876
- Чалый М.К.* Воспоминания // Киевская старина. Т. XXIV. № 2, Т. XXV. № 5, 1889
- Черников С.В.* Дворянские имения Центрально–Черноземного региона России в первой половине XVIII века // Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 5. Рязань, 2003
- Чернопятов В.И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. II (XI). М., 1908
- Чернопятов В.И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III (XII). Родословец. Ч. 1. Материалы. М., 1909
- Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889
- Шелихов Г.И.* Российского купца Григория Шелехова странствование из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. СПб., 1791
- Шпилев А.Г.* Курские разбойники в XVIII в. // Сіверщина в історії України. Збрінок наукових праць. Матеріали сьомої науково–практичної конференції (23–24 жовтня 2008 р.). Суми, 2008
- Шпилев А.Г.* Полицейские сообщения о внешнем виде и повседневной одежде жителей Курской губернии в 40–х гг. XIX в. (о расширении источниковедческой базы южнорусской этнографии) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Брянск. Изд–во РИО Брянского государственного ун–та. Брянск, 2009
- Щавелев С.П.* А.И. Дмитриуков — первый курский археолог и этнограф // Архивная находка. Вып. 1. Курск, 1992
- Щепкина А.В.* Михаил Семёнович Щепкин. В семье и на сцене // Русский архив. № 4, 1889
- Щепкин М.С.* Записки актёра Щепкина. М., 1988
- Black D.L., Petrov A.Yu.* Natalia Shelikhova/ Russian Oligarch of Alaska Commerce. — Fairbanks, 2010
- McGrew Roderick E.* Russia and the Cholera: 1823–1832. University of Wisconsin Press, 1965
- Pierce R.* Russia's Hawaiian Adventure, 1815–1817. Berkley & Los–Angeles, 1976
- Pierce R.* Russian America: A Biographical Dictionary.– Kingston–Fairbanks, 1990
- Radzimiński Z.* Pułkownik Marcin hr. Tarnowski. Kościuszkowski i Napoleoński żołnierz. Lwów, 1917
- Rok 1863 na Rusi. Ruś Czerwona i Wschód. Lwów, 1902

Зорин Александр Васильевич — главный хранитель фондов Курского государственного областного музея археологии, кандидат исторических наук. Почётный работник культуры и искусства Курской области. Лауреат премии губернатора Курской области имени Н.Н. Гордеева (2005 г.), премии Министерства культуры РФ имени И.Е. Забелина (2011 г.), премии областного конкурса общественного признания «Человек года» (2015 г.). С 1985 г. принимает участие в полевых археологических исследованиях на территории Курской области. Автор более 140 научных публикаций по истории Русской Америки, истории североамериканских индейцев, древнерусской археологии, русской истории XVII в., прошлого Курского края, а также соавтор ряда коллективных работ.

Шпилев Андрей Геннадьевич — заведующий экспозиционным отделом Курского государственного областного музея археологии. Лауреат премии губернатора Курской области имени Н.Н. Гордеева (2007 г.), премии Министерства культуры РФ имени И.Е. Забелина (2011 г.), премии областного конкурса общественного признания «Человек года» (2015 г.). С 1988 г. принимает участие в исследованиях археологических памятников на территории Курской области. Область научных интересов: комплекс украшений населения Курского края 2-й половины VIII–XIX вв., курский народный костюм, клады и кладоискатели Курского края, курские разбойники XVI–XIX вв. Автор более 80 научных и научно-популярных публикаций, соавтор ряда коллективных работ.